Мастера ужасов

Лауреат премии Августа Дерлета

Адам Нэвилл

Судные дни

Annotation

Находясь на грани банкротства, режиссер Кайл Фриман получает предложение, от которого не может отказаться: за внушительный гонорар снять документальный фильм о давно забытой секте Храм Судных дней, почти все члены которой покончили жизнь самоубийством в 1975 году. Все просто: три локации, десять дней и несколько выживших, готовых рассказать историю Храма на камеру. Но чем дальше заходят съемки, тем более ужасные события начинают твориться вокруг съемочной группы: гибнут люди, странные видения преследуют самого режиссера, а на месте съемок он находит скелеты неведомых существ, проступающие из стен. Довольно скоро Кайл понимает, что некоторые тайны лучше не знать, а Храм Судных дней в своих оккультных поисках, кажется, наткнулся на что-то страшное, потустороннее, и оно теперь не остановится ни перед чем.

Адам Нэвилл

Судные дни

Маме, папе, моему брату Саймону и сестре Мелиссе –
лучшей семье в мире

Adam Nevill

LAST DAYS

Печатается с разрешения издательства MACMILLAN PUBLISHERS INTERNATIONAL LIMITED

и литературного агентства Andrew Nurnberg

Перевод с английского: Ирина Нечаева

В оформлении обложки использована иллюстрация Дмитрия Вишневского

Дизайн обложки: Юлия Межова

Благодарности

Когда я проводил исследования для создания собственного апокалиптического культа, эти книги дали мне не только энциклопедические знания, но и вдохновение: «В поисках тысячелетнего царства» Нормана Кона; «Ворон: нерассказанная история преподобного Джима Джонса и его народа» Тима Рейтермана и Джона Джейкобса; «Чарльз Мэнсон: быстрое падение» Саймона Уэллса; «Под знаменем небес» Джона Кракауэра и «Коба Грозный» Мартина Эмиса. Особой благодарности заслуживают «Любовь, Секс, Страх, Смерть: история Церкви Процесса – взгляд изнутри», написанная Тимоти Уилли (под редакцией Адама Парфри) и «Helter Skelter: Правда о Чарли Мэнсоне» Винсента Буглиози и Курта Джентри, шедевр литературы о преступниках. Именно эти две великолепные работы зажгли во мне первую искру.

В изучении основ партизанских съемок [1] мне сильно помогли «Настольная книга партизанского кинематографа» Криса Джонса, Эндрю Зайннеса и Женевьев Джоллифф, «Цифровой кинематограф» Майка Фиггиса и великолепный сайт *Guide Book for Guerrilla Filmmakers*, www.jamesarnett.com, созданный Джеймсом Арнеттом.

Сайт www.desertmuseumdigitallibrary.org очень помог при описании пустыни Сонора в штате Аризона.

И я снимаю шляпу перед фильмами ужасов, которые принесли популярность идее псевдодокументальных съемок: «Репортажем», «Ведьмой из Блэр: Курсовой с того света» и «Паранормальным явлением».

Огромное спасибо моему агенту Джону Джерролду и редактору Джулии Крисп за консультации и стилистические правки, а еще – моим читателям: Энн Пэрри, Клайву Нэвиллу, Джеймсу Мариотту и Хью Симмонсу. А еще сотрудницам издательства Pan Macmillan – Хлое Хили из пиар-отдела и редактору Кэтрин Ричардс.

Особого места в моем храме благодарности заслуживают писатели, рецензенты и блоггеры, которые нашли добрые слова для такого создателя литературных теней, как я: Эрик Браун из «Гардиан», Элисон Флад из «Сандей таймс», Дэвид Муд, Джонатан Мэйберри, Джозеф Д’Лейси, Марк Чаран Ньютон, Тим Леббон, Стивен Фолк, Марк Моррис, Брайан Шауэрс, Питер Теннант, Black Static, SFX, Тэдди Джеймиесон из «Сандей геральд», «Новости мира», Graeme’s Fantasy Review, Джаред из Pornokitsch, Fantasy Book Review, Spooky Reads, LEC Book Reviews, Black Abyss, Speculative Scotsman, Ginger Nuts of Horror, Read Horror, Iwillread, Hagelrat и Kamvision, и не только.

И наконец, читатели, которые дали мне шанс или оставались со мной, – салют!

Пролог

Иногда я замечала, как она переползает открытое пространство – быстро, словно тень от облаков при сильном ветре.

Шарлотта Перкинс Гилман. Желтые обои

Денвер.

3 марта 2011 года

Женщина слышала, как старые друзья ходят в дальних и не очень дальних комнатах ее дома. Старые друзья, которых она пыталась забыть дольше, чем помнила себя. Пока однажды не поняла: она всю жизнь потратила на ожидание того, что они появятся, что начнут дело, которое им так хочется закончить. Потому что старые друзья ничего не забывают. Они прибыли без приглашения и явились без предупреждения. Они приходят после заката и никогда ее не отпустят.

За последнее время старые друзья стали сильнее и храбрее. Наловчились проникать внутрь. И уходить. Судя по их движениям, сегодняшний визит был последним. Воссоединение завершится.

Закрыв глаза, женщина вздохнула и рукой оперлась о дверь. Посмотрела вверх, почувствовала, как напряглось все тело, готовясь сделать шаг внутрь. И еще один. И еще.

Стоя на лестнице неосвещенного дома, все еще в пальто и туфлях, она смотрела вверх, в темноту, скрывающую верхнюю площадку. Прислушивалась – с сосредоточенностью, на которую способен лишь очень испуганный человек. А еще с решимостью того, кто уже слишком устал.

Единственным светом был слабенький отблеск ближайшего фонаря, а он никогда не проникал дальше открытой входной двери. Где-то проехала машина, и женщине очень захотелось оказаться в ней. Она повернула голову и посмотрела на пустынную улицу. Ее вдруг охватило неудержимое желание ринуться туда, где светло, где люди разговаривают и улыбаются или хотя бы молчат. Ей так захотелось быть с людьми, жить обычной жизнью, что стало больно. Она вся сжалась, только бы снова не сбежать. Сделала шаг к открытой двери. Но не другой. Замерла. Не дрогнула.

Потому что она была проклята, как призрак в доме перед сносом. Призрак, которому больше негде скитаться, ему осталось лишь пустое пространство, лишенное людей. Тень, наблюдающая за всем откуда-то из иного места, наполовину в этом мире, наполовину в другом, прислушивающаяся к ясным чистым голосам, но никогда не подающая своего. Она боролась упорнее остальных. Она осталась, когда другие ушли.

Внезапно нахлынуло сожаление – и вместе с ним его верный спутник, безнадежность. Она достаточно долго жила с последствиями того, что натворила до того, как у нее появились мозги и опыт. Ей уже стало скучно. Неважно, сколько раз она возвращалась в прошлое, вспоминала детали и строила предположения, – все оставалось неизменным, и она оказывалась в той же точке, где стояла сейчас в одиночестве. Она прикинула, что почти готова *на этот раз*. Сглотнула, вытащила из сумочки холодный, тяжелый револьвер тридцать восьмого калибра. Подумать только, когда-то она считала, что ей повезло.

За последние пять месяцев это был уже третий дом. Каждый она снимала под чужим именем, и каждый раз теряла залог из-за тех знаков, которые старые друзья оставляли на стенах. Три дня назад она спустилась из спальни в холодный коридор, когда в доме вдруг отключился свет. Из подвала в холл

просочились запахи тухлой воды и пепла, залитого шедшим всю ночь дождем. Провода в блоке предохранителей были будто обкусаны, а стена за ними заляпана непонятным подсохшим веществом. Она закрасила пятна черной краской – закрыв глаза и рыдая, била кистью по стене.

Они начали слишком часто оставлять что-то за собой. Показывали, что возобновление знакомства неминуемо. Вчера, не успев написать длинное письмо сыну в Торонто – она писала так, как будто это было последнее послание в ее жизни, – она обнаружила на кухонном полу маленький почерневший башмачок. Совсем крохотный, как будто детский. Твердый, как дерево, сшитый, как мокасины, из оленьей кожи, и старый. Такой старый.

Упавший с ноги, о которой она надеялась больше никогда не думать. Когда женщина прихватила башмачок листовкой пиццерии, чтобы выбросить, с него сорвался ком сажи.

А вот и мы, девочка.

Бум-бум-бум-бум. Прямо сейчас, минимум в одной из комнат наверху. Может быть, в ее спальне. Женщина вспомнила вечеринку над номером в мотеле, который она однажды сняла в Лос-Анджелесе, очень давно, когда только начала свое бегство. Тяжелый топот за тонким потолком, внезапные крики и взрывы смеха, которые напоминали, как она далека от жизни, одновременно не давая заснуть. Но здесь, в этом доме, ее последнем пристанище, не проходило вечеринок, на которые ей хотелось бы сходить.

Они точно были в ее комнате. Шаги, приглушенные постельным бельем, перешли в треск, как будто кто-то тряс кровать. Из тумбочки выкинули все содержимое.

Женщина отлепила пересохший язык от нёба, сглотнула. Ударила кулаком по стене, чтобы голова перестала кружиться. А потом повернулась и закрыла входную дверь. Заперлась внутри. С ними.

Еще один незваный гость пытался подняться с кухонного пола. Она слышала его за закрытой дверью в конце коридора. Тот же звук мучил ее в последних двух съемных квартирах, из-за него она сбежала оттуда прямо посреди ночи. От этого шума она всегда вспоминала детеныша антилопы, виденного один раз по телевизору, – искусанный крокодилом, тот все еще пытался вырваться из воды.

Думая, придут ли за ней на четырех ногах или на двух, она подняла пистолет и подошла к лестнице. Правую руку поддерживала левой, как учили на стрелковом полигоне, – только дуло было направлено вверх. Готова.

Женщина попыталась успокоиться. Позволила себе вспомнить сына – в ту ночь, когда несла его через холодную пустыню, прижав к груди. Это было очень давно, но она помнила его сопение, его тепло, маленькую ручку, вцепившуюся в ее черные волосы, как будто это было вчера. Тогда они спадали до пояса и покрывали ребенка, как водопад. Мальчик всегда знал, кто его мать. Они делали все, чтобы он забыл, но сын знал. И она его вытащила.

Она улыбнулась сквозь слезы. Вдохнула.

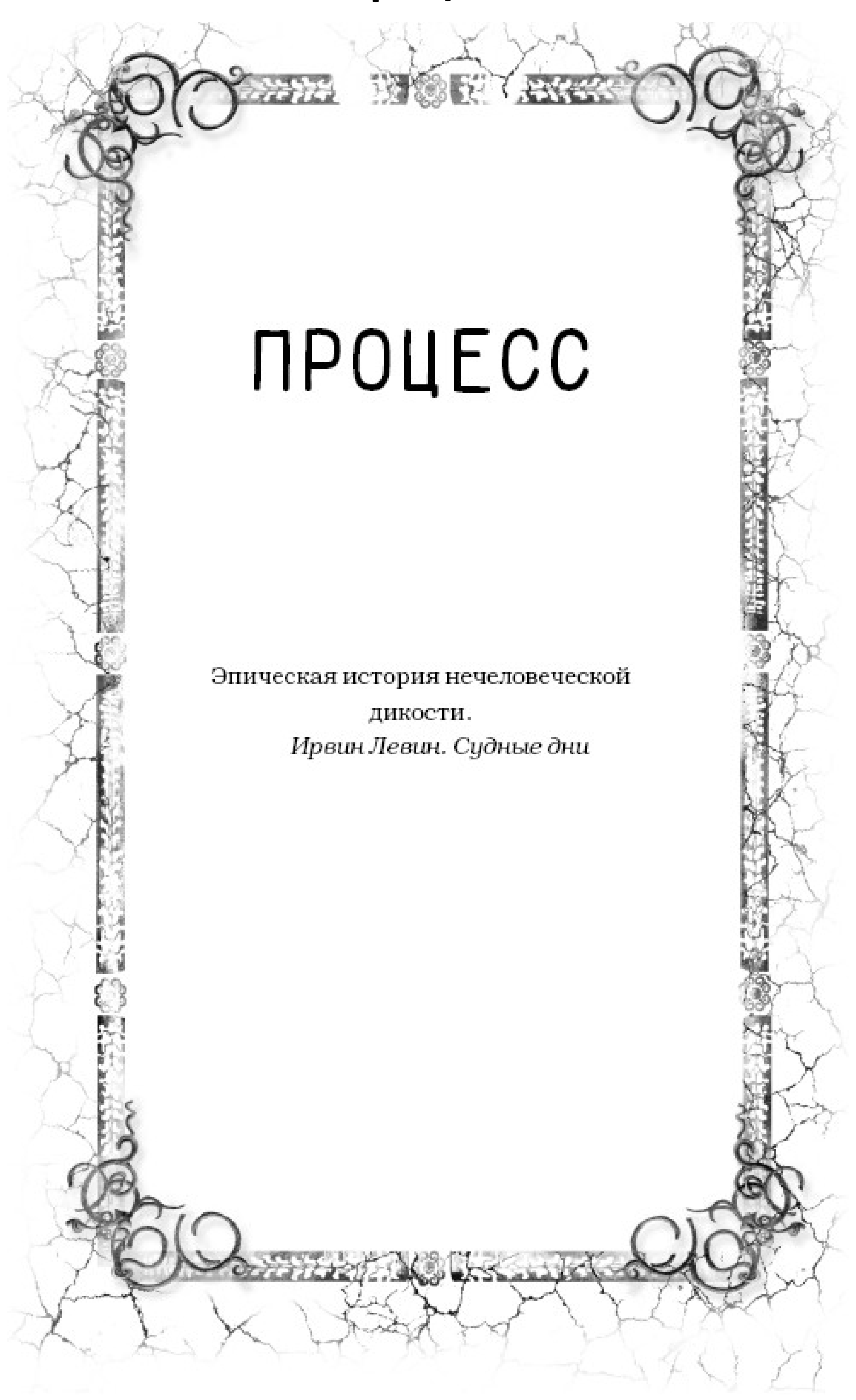
– Выходи, сволочь, – заорала она на то, что медленно, подергиваясь, выползало на верхнюю площадку.

Мрак окутывал ступени; старые друзья принесли его с собой из темного места, где-то между «здесь» и «не здесь».

И под защитным пологом тьмы существо послушалось ее призыва и пошло к ней на четырех ногах, задрав лицо вверх.

Не успело оно преодолеть короткую дистанцию между ними, как женщина сунула холодное дуло пистолета себе в рот. Когда ей показалось, что то уперлось в заднюю стенку черепа, она спустила курок.

Процесс

Один

Блумсбери, Лондон.

30 мая 2011 года

– Вы когда-нибудь слышали о сестре Катерине и Храме Судных дней?

Когда Максимилиан Соломон задал этот вопрос, улыбка ушла из его глаз: то ли он слишком серьезно относился к теме разговора, то ли решил проверить, можно ли поделиться с Кайлом секретной информацией. Так обычно смотрят любители спиритизма и духовных практик, когда решают поговорить о сокровенном с незнакомцами. А еще уфологи и медиумы.

Но, хотя глаза Соломона стали жесткими, еле заметная усмешка так и не исчезла с маленького загорелого лица директора «Ревелэйшн Продакшнз». Кажется, Кайл его забавлял. А может, и вообще все в мире, кроме него самого. Постоянная полуулыбка, то ли радостная, то ли насмешливая. Трудно сказать наверняка, когда имеешь дело с *этими*: успешными хозяевами жизни, руководителями и контролерами, с которыми Кайлу как режиссеру приходилось постоянно общаться.

– Да, – ответил Кайл и стал копаться в памяти в поисках информации о сестре Катерине и Храме Судных дней. Всплывали какие-то фрагменты, напоминающие поляроидные фотографии: выцветшее изображение оборванного бородатого человека в наручниках, идущего от полицейской машины в казенное здание; воздушная съемка какого-то ранчо или фермы… в Калифорнии? Обрывки информации о секте, которые он когда-то слышал по телику. В документальном фильме или новостях?

Он не помнил, откуда это знает, но, раз знает, значит, дело было громкое. Сейчас эти люди казались по-настоящему мрачными и культовыми персонажами.

Американская инди-группа «Сестра Катерина» в восьмидесятых, индастриал-группа «Храм Судных дней» десятилетием позже. Ну и конечно же, Кайл знал сестру Катерину по знаменитому портрету, хотя понятия не имел о ее жизни. Она красовалась на футболках на Камден-Маркете вместе с Джимом Джонсом, Чарльзом Мэнсоном, Майклом Майерсом и Джейсоном Вурхизом. Пухлое, густо накрашенное лицо с блаженным выражением, окруженное фиолетовым капюшоном монашеского одеяния. Ее глаза как будто смотрели в рай. Богородица и «Ревлон». От лидера злобной секты остались лишь черные шутки, мрачная ностальгия и шмотки для бунтующей молодежи. Женщина, которую убили… или она совершила самоубийство вместе со своими последователями в Америке?

Он не помнил, но точно знал, что Храм убивал людей. Или фанатики мочили друг друга? Кинозвезд? Нет, это «Семья» Мэнсона. То же время. Храм – это хипповская секта шестидесятых. Или семидесятых?

– Секта, – сказал он, пытаясь выглядеть безмятежным. Но поздно – успел нахмуриться, пока думал.

Макса, казалось, порадовало его невежество. Оно позволило ему пуститься в объяснения:

– Организация, которая начала действовать здесь, в Лондоне, в 1967 году.

– В Лондоне?

– Да. Здесь. Об этом немногие знают. Но сестра Катерина – англичанка. Ее настоящее имя – Гермиона Тиррилл. Она родилась в Кенте. Выросла в богатой семье. У ее матери даже был титул. Она была баронессой и убедила маленькую Катерину, что та лучше других. В этом же ее убеждали в пансионах, где она училась до четырнадцати лет, пока отец не обанкротился и не сбежал из семьи. Маленькая Кэти и ее мать были ввергнуты в пучину бедности. Из загородного особняка пришлось переехать в муниципальную квартиру в Маргите. Носить подержанную школьную форму. Общаться с людьми. Тяжело было маленькой толстой отличнице смотреть, как бывших подружек представляют ко двору.

Кайл пожал плечами:

– Не знаю…

– Она убежала из дома в пятнадцать и больше никогда не разговаривала с матерью. Какое-то время провела в борстальской колонии для малолетних преступников – за кражи и грабеж, а в двадцать лет оказалась в тюрьме. Она была арестована за проституцию, а потом за содержание борделя. Растрата, подлог. Мелкие преступления. Мы можем думать об этом что угодно. Но что мы точно знаем из немногих сохранившихся записей о ее детстве и юности – она никогда не любила играть на равных. Ей хотелось власти и статуса. Того, что у нее забрали.

Кайл почувствовал в голосе Макса тень горечи… и завистливое уважение.

– Происхождение Храма… завораживает. Он вырос из коктейля сайентологии, апокалиптических идей, связанных с наступлением нового тысячелетия, подражания христианским святым, оккультизма, буддизма, веры в реинкарнацию… и кучи других вещей. – Казалось, Макс не видит Кайла, забыл об их разговоре и вообще о том, что происходит вокруг, так иногда ведут себя старики, вспоминающие прошлое. – Идея была хороша. Простые психотерапевтические техники, перемешанные со средневековыми идеями аскезы и набожности. Жизнь, свободная от эго. Изначальные ценности, закутанные в красивый покров мистицизма.

Тут Соломон спохватился, поняв, как выглядит со стороны, и, наконец, прекратил улыбаться:

– Но прекрасную задумку узурпировали социопатка и преступники. В Лондоне их называли «Последним собором». Они стали Храмом Судных дней во Франции, во время раскола шестьдесят девятого года. На ферме в Нормандии, где чуть не умерли от голода. Оставшиеся уехали в Америку, под тем же руководством. Где и покончили с собой в семьдесят пятом, в Аризоне. Об этом вы, наверное, знаете?

Кайл сглотнул.

– Этого я не знаю, – тон у него был агресивный, – их не знаю.

– Безусловно, – сказал Макс снисходительно.

Кайла вдруг охватило ощущение беспомощности, как в школе, когда ему задавали вопрос, ответа на который он не знал. Нелогично – с чего бы ему вообще что-то знать о секте? Он разве говорил, что знает? Вряд ли это важно. А Макс Соломон прислал ему мейл с предложением о встрече в его офисе в Блумсбери для «обсуждения перспективного сотрудничества» без всяких уточнений. Он почувствовал, что у него горит лицо.

– Не хотелось бы показаться неуважительным, но почему я должен их знать?

– Судя по тому, что мне нравится в вашей работе, Кайл, я бы предположил, что вам это может быть интересно, – Макс улыбнулся.

Он излучал уверенность, спокойствие и вальяжность, как будто его успех был неизбежен, как будто он родился для богатства и процветания, и все должны это знать. Эти знаки Кайл знал слишком хорошо. И инстинктивно не любил таких людей. Денежный мешок, важная шишка в киноиндустрии, напыщенный продюсер. Такие любят общаться с творцами и подчеркивать собственную «креативность» при любом удобном случае – этим они унижают само понятие «творчества». Но их стремление присвоить себе чужую работу – он понял это на собственном горьком опыте – всегда подкреплялось хитростью и умом, которые не стоило недооценивать. Именно из-за них Кайл стал самофинансируемым режиссером с долгами такого размера, что от одной мысли о них перехватывало дыхание.

Чуть раньше его забрали из роскошного холла, настолько ярко освещенного, что он все время ожидания провел с полузакрытыми глазами. Когда он оказался в офисе директора и Макс встал

поприветствовать его – крошечный, легкий и грациозный, – он неприятно напомнил Кайлу маленькую умную мартышку с бегающими глазками. Обезьяну, вставшую на задние лапы и одетую в костюм от Пола Смита.

К тому же кожа у него была загорелая до цвета батата, а на голове колыхались полупрозрачные пересаженные пряди. Кайл никогда не понимал, почему лысеющие мужчины платят такие деньги за операцию, из-за которой волосы только редеют. Он один раз ездил в Канны и дважды – в Лос-Анджелес, разговаривал с агентами и постоянно попадал в совершенно чужой мир, где было полно людей, похожих на Макса Соломона.

Вчера вечером, когда пришло письмо с приглашением, Кайл бросил читать объявления о вакансиях и немедленно нашел сайт «Ревелейшн Продакшнз». Тщеславная надежда, что он снова сможет работать и заработает достаточно, чтобы отмахнуться от перспективы банкротства, тут же угасла. Изучая сайт, с каждой строчкой Кайл разочаровывался все сильнее.

Фирма опубликовала книгу «Послание» и продала «пятьдесят миллионов экземпляров!». Эта информация занимала большую часть страницы. Этот томик частенько попадался Кайлу на глаза. «Послание» изменило жизнь многих звезд шоу-бизнеса, и в одно лето его читала каждая вторая девушка в лондонском метро. Правда, то лето давно прошло, и с тех пор Кайл не видел, чтобы кто-то прилюдно листал эту книгу.

Кроме «Послания», у компании был обширный послужной список из книг, DVD, CD и сопутствующих товаров, которые подавались как уникальные, современные, жизнеутверждающие пособия для саморазвития. Компания характеризовала свою деятельность как «новаторскую», «эпохальную» и «ставшую откровением». Бренд показался Кайлу ужасно калифорнийским, вульгарным и немного устаревшим – очередной «волшебной таблеткой», которая еще больше усилила его отвращение к наукообразию, перемешанному со спиритической чепухой. Но к этому все и шло: он скатился на самое дно киноиндустрии, если не считать порнографии.

Его документальный фильм об американском металкоре, «Шреддеры», сотню раз показывали по кабельному, он стал хитом фестивалей в две тысячи шестом и до сих пор считался культовой классикой в музыкальной среде. «Шабаш» о ведьмах в шотландском университете принес ему обвинение в клевете, но все же был показан на BBC2 и неплохо принят. Документальный фильм о европейском блэк-металле «Царящие в аду» купили на DVD тридцать тысяч человек. Двести тысяч скачали документалку «Кровавое безумие» о трех британских туристах, которые пропали за Полярным кругом. Это был настоящий успех. Не какая-нибудь фигня. Он знал то, о чем говорил. У него была стоящая фильмография. Но распространители первых трех фильмов заявили, что он должен им денег: пятнадцать штук. А еще на нем до сих пор висел десятитысячный долг за производство «Шабаша», тяжелый, как наковальня. В результате после последнего фильма и невыплаченной аренды он был должен тридцать тысяч фунтов по разным кредитам и займам. День финансовой расплаты приближался. Ожидание не давало веселиться даже по мелочам. Он уже физически не мог расслабиться, а это оказалось еще хуже, чем потеря пусть призрачной, но радости. Кайл заметил, что кое-какие гарантии «Ревелейшн Продакшнз» все же давала. Счастье: они обещали его прямо. Так что, может, и стоит сделать им фильм о тантрическом сексе.

– Почему вы думаете, что меня должны интересовать секты?

– Я видел ваши работы. В них чувствуется свежесть и незашоренность. Когда речь идет о чем-то узкоспециальном, осмеиваемом, забытом. О необъяснимом. Вы не эксплуатируете идеи, Кайл, и мне это нравится. Не гонитесь за сенсациями. Вы непредвзяты, друг мой. Поэтому мне интересно, сможем ли мы работать вместе. Меня интересует ваш подход. Ваше видение.

Кайл постарался ничем не выдать, что польщен.

– Я снимаю фильмы по одному принципу. Я хочу показать субкультуру и понять ее. Или честно рассказать историю. Отразить именно то, что мои герои испытали на себе. Я снимаю только то, что мне интересно. Истории, которые меня завораживают, которые никто еще не рассказывал – или рассказывал плохо. То, чего избегают или по крайней мере не понимают в обычном кино. Мне кажется, что я знаю способ этого достичь, и не буду от него отказываться. Если по ходу дела я смогу обойти Голливуд и существующую бизнес-модель – отлично. Художественный компромисс, кража идей, «белые воротнички»… Хватит. С меня хватит. – В его голосе было едва скрытое предупреждение. Ему говорили, что не слишком умно и даже непрофессионально демонстрировать свою озлобленность в разговорах с продюсерами, но сегодня он предпочел проигнорировать эти советы.

Макс высоко поднял выщипанные брови, но вот нижняя часть лица не шевельнулась. Значит, он еще и подтяжку делал. Полуулыбка, в которую Кайл уже почти поверил, была, оказывается, издевательством.

Кайл постарался подавить растущее раздражение. Получалось плохо: все равно что закрывать банку красной краски слишком маленькой крышкой.

– Наступает мое время, таких режиссеров, как я.

Вышло слишком драматично, Кайл сразу почувствовал себя идиотом, но тем не менее всегда искренне радовался тому, как киноиндустрию трясло от цифровых технологий, лишивших продюсеров былой монополии. Напоминать им о новых временах – это самое меньшее, что он мог сделать.

– Со временем я сам собираюсь заняться распространением собственных фильмов. Для специфической аудитории. В них никогда не будет идиотского цензурированного дерьма, вставленного ничего не понимающими чиновниками с их приходами-расходами, итоговыми графами и карьерами. Я финансирую, снимаю и монтирую фильмы сам. Следующий мой шаг – разобраться с дистрибуцией. Вот что я об этом думаю.

– Понимаю, – Макс посмотрел на свои тонкие, как у женщины, пальцы, несколько секунд поизучал ногти, при этом то ли хмурясь, то ли стараясь не улыбаться. Сложно понять мимику человека, чей подбородок когда-то, скорее всего, был частью лба. – Ваше «Кровавое безумие» поразило меня недвусмысленной очевидностью, если можно так выразиться, паранормального аспекта этой трагической истории. Из этого фильма я понял, что нечто очень древнее, бросающее вызов законам природы, ответственно за исчезновение множества людей… на краю света. Вы в это верите?

Начинается.

– Макс, все хотят знать правду. Я просто пытался понять, что случилось. Я никогда не смогу узнать, что конкретно там произошло. И думаю, никто не узнает. Но я полностью прочувствовал место, где родилась эта история. Люди сами предлагали версии, я ничего им не подсказывал. Не пытался управлять ходом интервью или подгонять какие-то теории под факты. Мой разум и мой объектив были распахнуты. Любой, кто смотрит фильм, интерпретирует его. В наши дни все хотят высказаться. Весь мир – как будто присяжные, которые никак не могут договориться. Я даю аудитории известные факты и свидетельства, которые вполне могут оказаться ложными. И честно говоря, я не имел ни малейшего понятия о том, что это будет за фильм, когда делал его.

– Ясно. Интересно.

Что ему ясно? Пока Кайл говорил, Макс хмурился, как будто не слушал, а обдумывал свои дальнейшие реплики. Это бесило еще сильнее, если это в принципе было возможно.

– Я не люблю споров, мистер Соломон. Зрители обычно тоже не любят. Моя задача – выбрать

историю настолько интересную, чтобы публика оказалась в некоторой степени сама вовлечена в нее. Это максимум того, что я могу сделать как режиссер. Я не снимаю звезд, не рассказываю про известные события, поэтому я и оказался вне *системы*. – Это слово он почти выплюнул и затем сделал глубокий вдох. – Поэтому я ищу сюжеты для заброшенных зрителей, которых не любит мейнстрим. И нас таких ужасно много. Я все время общаюсь с такими людьми в Интернете. Это моя аудитория.

– Вы достаточно зарабатываете своим индивидуальным подходом?

Пауза вышла дольше, чем Кайл планировал:

– Пока нет. С музыкальными фильмами и «Шабашем» вышла некрасивая история, поэтому «Кровавое безумие» я не продаю, а распространяю бесплатно в Сети. Пара инди-студий поместила на моем сайте свою рекламу, что покрывает часть расходов. Все остальное я брал в долг. Но дело совершенно не в деньгах.

Может быть, нужно просто встать и уйти? Он не может даже сделать вид, что этот человек ему нравится. А он лишь один из десятка режиссеров, среди которых Макс подыскивает человека для работы над «желтой» темой. По крайней мере его пригласили не на ланч, за который пришлось бы заплатить, а в настоящий офис кинокомпании. Кайл чувствовал, что они с Максом совсем разные; а если после всего, через что он прошел, не доверять своим инстинктам, то как вообще двигаться дальше? *Пора откланяться*.

Но тут Макс сказал:

– Я верю, что у меня есть для вас сюжет. Очень необычная история. Карты на стол, Кайл. Я хочу, чтобы вы сняли для меня фильм.

Тот с трудом удержал радостный вскрик, и вокруг них сгустилась тишина.

– Фильм о…

Полуулыбка окончательно покинула гладкое лицо Макса.

– Давайте я введу вас в курс дела, а потом вы сами скажете, нравится ли вам предложение. – Соломон откинулся на спинку кожаного кресла, в котором казался совсем карликом. – 10 июля 1975 года департамент полиции Феникса вытащил пятнадцать человек из заброшенной шахты в пустыне Сонора, в Аризоне. Через несколько часов после ночи Вознесения сестры Катерины. Храм Судных дней владел шахтой с семьдесят второго года.

Девять человек были мертвы, включая саму сестру Катерину. Шестерых нашли живыми. Пятеро из них оказались детьми. Шестым был печально известный Мануэль Гомез, он же брат Белиал. Любовник Катерины и ее палач. Единственный взрослый, который пережил эту ночь. Вы ведь о нем слышали? Убит неизвестными в тюрьме города Флоренс, прежде чем он смог предстать перед судом.

Пятерых членов секты, которые несколько недель перед ночью Вознесения жили в шахте, никто так и не нашел. Полагают, что их тоже убили и похоронили в пустыне. Именно уголовный аспект больше всего привлекал биографов, фанатов и исследователей секты. Полиция сочла, что убийства стали результатом драки, наркотического опьянения или были самоубийством. В газетах писали, что это сатанинский ритуал с человеческими жертвоприношениями, в котором погибла и лидер секты. Которую, кстати, обезглавили. И именно эта версия событий сохранилась в коллективном бессознательном – том, что вы назвали бы мейнстримом. Что еще нужно режиссеру-документалисту? Идеальная мрачная история, в которой есть все. Но… – Макс через стол толкнул к Кайлу кучку DVD, прозрачный «файл» и старую книжку в бумажной обложке, такую потасканную, что название уже не читалось, – четыре документальных фильма и три художественных об этой секте ужасны. Отвратительны. Действительно никуда не годятся. Из множества книг стоит прочитать только одну, «Судные дни» Ирвина Левина. Ее все тогда посчитали вымыслом, она

уже давно не переиздавалась. Но полицейские из Юмы и Феникса сочли, что Левин в своем тексте был очень внимателен к деталям ночи Вознесения, когда случились все убийства.

Кайл откашлялся:

– Это случилось очень давно. Если не появилось никаких новых свидетельств, зачем снимать еще один фильм? Вы имеете в виду, что просто нужно наконец сделать это хорошо? Зачем? Какая-то годовщина или ностальгические воспоминания?

Макс прервал его, подняв маленькую руку;

– Нет. Эту историю никто никогда не рассказывал. Забудьте про убийц. Забудьте про полицейское расследование. Про газеты. Эту дорожку истоптали все кому не лень. Но известно и кое-что еще о Храме Судных дней. Сохранился фольклор и альтернативные истории фортеанского толка [2]. Они нам доступны. Видите ли, очень многие верят, что мистические и оккультные изыскания секты принесли плоды. Что сестра Катерина сумела достичь чего-то… экстраординарного. И что ее добровольная смерть – она совершенно точно была убита по своему же собственному приказу, как и ее самые верные последователи, – стала частью этой тайны, необъяснимого феномена, сопровождавшего их с самого начала, с Лондона. Те, кто относится к подобному непредвзято, могли бы сказать, что именно из-за него секта не ушла в забвение. Такую историю любой обычный режиссер постарался бы опровергнуть. Если бы вообще обратил на нее внимание.

Выжили и другие, Кайл. Погибли не все члены культа. Люди, которые бежали за много лет до того, как все закончилось. И другие, которые ушли всего за несколько месяцев. Люди, которые, по мнению многих, никогда не смогут забыть о том, что испытали на службе у сестры Катерины. А сейчас некоторые из этих выживших подали голос впервые после полицейского расследования в семьдесят пятом. И, как вы, наверное, понимаете, это значит, им есть что рассказать. Значит, они должны о чем-то рассказать. Но боялись все это время. И они дают нам возможность создать нечто исключительное.

Воздействие сестры Катерины на последователей было невероятным. Оно, ни много ни мало, ломало им жизнь. Оно было ужасным. Ее жестокость не знала границ. Как и ее фантазия в том, что касалось необъяснимого. Сестра Катерина каким-то образом завораживала людей.

Макс пригубил «Эвиан» из бокала:

– Понадобилась немалая сила убеждения, чтобы собрать тех членов секты, кто дожил до наших дней, – он улыбнулся и поднял руки: – Можно сказать, больше никого не осталось. Я нашел даже знаменитых Марту Лейк и Бриджит Кловер, – он казался разочарованным от того, что Кайлу эти имена ничего не сказали. – Две главные свидетельницы процесса, дошедшие до суда. В семьдесят пятом они стали знаменитыми. Две молодые женщины, которые убежали из шахты в Аризоне вместе с детьми за три месяца до ночи Вознесения. Увы, но бедная Бриджит ушла из жизни в этом году. Но Марта, милая, милая Марта ждет нас, чтобы рассказать нам свою часть невероятной истории.

Кайл посмотрел на стены комнаты, освещенной как кабинет врача или фотостудия. В рамках висели обложки книг о диетах по гликемическому индексу и старые рекламные постеры кассет с инструкциями по духовным пробуждениям.

– Тема как-то в стороне от ваших интересов, не думаете? Не слишком здоровая и позитивная.

Макс просиял:

– Вот здесь, как я полагаю, вам особенно понравится наше предложение. «Ревелейшн Продакшнз» работает над новым проектом. «Мистерии». Новый способ продажи контента в Сети и на DVD. Мы принимаем цифровую революцию, Кайл. В нашем портфолио должно быть что-то авангардистское. Новый

бренд станет базой для создания передовых контркультурных фильмов об альтернативной истории и неразгаданных тайнах. История Храма станет нашим флагманом. Понимаете, эта секта очень популярна в сети. Но мы предложим совершенно уникальный взгляд на нее. К тому же с цифровыми технологиями наши расходы вряд ли будут слишком высоки, как вы уже упоминали. А после того, как мы отобьем производство, прибыль поделим с создателями фильма.

Макс улыбнулся и поднял руки:

– Кайл. Я не могу объяснить, насколько это здорово – снова закатать рукава и кинуться в работу, – он улыбнулся стене, – думаете, я основал эту компанию, чтобы почивать на лаврах? ТЕСКО продает веганскую еду, а «Бутс» – ароматические масла, – Соломон тряхнул головой, – но я альтернативно подходил к вопросам физического и духовного здоровья, когда это еще было ново и оригинально. Революция образа жизни, Кайл. Я это видел. Шестидесятые. И я снова хочу заняться творчеством.

Кайл прикусил губу, чтобы не крикнуть:

– Вы хотите, чтобы я снял первый фильм?

– Точно. – Макс постучал наманикюренным ногтем по файлику на столе. Теперь казалось, что его предложение очень срочное, и он больше не может это скрывать: – Я хочу, чтобы вы начали прямо сейчас. У нас мало времени. Следы, которые я так тщательно искал, могут остыть. Все, что тебе нужно знать об интервьюируемых, здесь. Имена, биографии, их связь с Храмом. А еще фотографии и информация о местах, которые придется посетить.

Кайл сидел тихо, не в силах поверить в происходящее; голова шла кругом от волнения, страха и необходимости быть осторожным. То, что сейчас случилось… не могло случиться. Ему предложили то, что никогда не предлагают.

Никогда.

Неподвижное лицо Макса слегка расслабилось:

– Я буду исполнительным продюсером. Все креативные моменты – на вас. И на площадке я торчать не буду, решайте все сами. Мне кажется, вам это понравится. Если вам что-то понадобится по ходу съемок, просто позвоните, и я постараюсь все устроить. О лицензировании и распространении я тоже уже позаботился. Моя компания будет инвестором. Мы выйдем прямо на рынок. Деньги уже выделены и ждут. Вас.

Кайл взял папку:

– Нужно это как следует изучить.

– Съемки начнутся в субботу.

Кайл истерично засмеялся:

– Что? – *Макс, вообще, знает что-то о кинематографе?* – В субботу?

– График готов. Все разрешения на съемки получены. Жилье и билеты забронируют сегодня. Поскольку я ваш работодатель, моя страховка покроет ваше здоровье и оборудование.

– Сценарий? Я ничего об этом не знаю… почти ничего. Мистер Соломон, мне нужен сценарий. Мне нужно подумать, как рассказать эту историю.

– У вас есть пять дней, чтобы познакомиться с ней. – Макс постучал по книге Левина. – По графику съемок вы будете двигаться в хронологическом порядке, в соответствии с историей секты: Лондон, Франция, Аризона. Вот вам и логлайн [3]. Сюжет движется от основания секты до самоубийства. Шесть

мест, три страны, одиннадцать дней. Ни дня больше. Никаких дублей или пересъемок. Я хочу потратить ровно столько пленки, сколько займет фильм. Кадры из хроники в файле. – Макс улыбнулся: – Вы что-то сказали?

Накатило ощущение дезориентации. Двигалось то ли кресло под Кайлом, то ли вся комната. Слишком много вопросов, предчувствий, подозрений – он не мог ни удержать их в себе, ни сформулировать словами.

– Места съемок. Я должен их хотя бы увидеть. Подумать о звуке, освещении.

– Людей там не будет, это довольно отдаленные места. Заброшенные. Вы же – специалист по таким. Придется также нанести пару визитов в частные дома. Могут быть странности, о которых я не знаю, но ничего сложного для человека с вашим опытом и талантом. Экстремальные партизанские съемки. Ваш *raison d'être* [4], мой дорогой.

– Монтажный лист для каждой локации, – теперь Кайл думал вслух. – Это очень важно. Нельзя спланировать все, мистер Соломон, иначе придется наспех исправлять ошибки, которые нельзя было предвидеть. Мои фильмы очень простые. Одна-две камеры. Но все-таки мне нужно продумать каждый кадр.

Говоря все это, он думал о долгах. Нужно спросить о гонораре. Он вообще предусмотрен?

Макс упоминал деньги?

– Фотографий хватит, отрезал Соломон. – Задержек больше быть не должно. Именно поэтому я предлагаю работу вам. Мы очень далеко зашли. По этому графику может работать только… режиссер с вашими способностями. Какие-то проблемы?

– Но… люди, у которых нужно брать интервью. Я о них ничего не знаю. Нужно хотя бы с ними поговорить.

– Нет времени! Первый день съемки – суббота. Боюсь, что в последнюю минуту моя команда меня подвела. По личным причинам они не смогли начать работу.

– Команда? Кто…

– В любом случае, я знаком со всеми, кто согласился сниматься. Так что вам придется довериться моему выбору. Думаю, никто из них вас не разочарует. Я бы не стал с вами даже разговаривать, если бы не был уверен в вашей способности к импровизации. Способности держаться в рамках графика и бюджета. Я знаю, что вы делаете фильмы буквально из воздуха, пользуясь знакомствами, на отложенных платежах. А мы уже проделали большую работу. И я включил список вопросов, которые бы хотел задать героям нашего фильма.

– Вот здесь между нами могут возникнуть некоторые проблемы относительно цели…

Макс встал, показывая, что встреча окончена. Нетерпеливо ответил:

– Это не жесткая инструкция. Так, указания. Единственное, чего я хочу, – исследовать паранормальные аспекты *организации*. Это и есть цель фильма. И мне кажется, что моя цель должна стать и вашей. Мне неважно, как вы будете строить кадр. Выбирайте любую композицию. Я хочу видеть ваш стиль. И каждый день получать уже отснятый материал. Как это можно устроить?

– В последних двух фильмах я использовал параллельный монтаж, вышло неплохо. Черновой монтаж лучших кадров делал просто в Final Cut Pro, а финальным занимался мой монтажер Маус.

– Отлично.

– Мастер-файлы я отправляю к нему на жесткий диск. Сжатие обычно занимает больше времени, чем длится ролик, но, думаю, задержка будет не больше дня-двух.

– Лучше день. А ваша команда?

– Мой партнер Дэн. Без него никак. И он работает с камерами.

– Значит, вас трое. Дэн и этот, Маус?

– Я так снял последние два фильма.

Пока Макс обходил стол, протягивая руку, Кайл думал, впечатлил ли исполнительного продюсера своим минимализмом или тот просто обрадовался сокращению расходов.

– И они должны подписать соглашение о конфиденциальности. Боюсь, что проект нужно держать в тайне до самого конца. Это сложная история.

– Не вижу препятствий. Фестивали? Кинопрокат? Хорошо бы хоть попытаться.

– Да, конечно. Мы планируем распространение на DVD, в Интернете и телеэфир. Но отказываться от других возможностей тоже не будем.

Кайл встал, слегка пошатываясь. Голова кружилась, все тело как будто надули гелием.

– Вы оставляете все творческие решения за мной?

– Конечно.

– Я хотел бы посмотреть договор.

– Вот он. Вы, кажется, сомневаетесь.

– У меня печальный опыт, мистер Соломон. Все инвесторы думают только об одном: прибыль любой ценой.

– Ну да, я, понятно, надеюсь, что наше сотрудничество принесет прибыль. Думаю, аванс довольно щедрый?

– Аванс? – Нависшая тень разорения словно бы побледнела. Долг, казалось, изменял гравитацию вокруг Кайла и делал мир настолько тяжелее, как будто он находился на другой планете. Одна мысль о том, что ему удастся от него избавиться, принесла невиданное блаженство.

– Да. Одна треть сейчас, одна – по завершении съемок, остаток – после окончательного монтажа шедевра. С командой поделитесь сами. Надеюсь, сумма соразмерна вашей репутации. Думаю, сто тысяч фунтов плюс расходы по чекам.

Сто тысяч. Кайл сглотнул, чувствуя, что сейчас упадет в обморок.

– Берите договор, почитайте. Покажите агенту, если он у вас есть. Поскольку у вас есть свое оборудование и люди, наша компания будет лишь издателем-контрактором вашей картины.

– Можно взглянуть на ваш прогноз движения ликвидности?

– Конечно. Еще что-нибудь?

Пауза вышла чуть дольше, чем Кайл рассчитывал. Он не мог понять, дьявол ли Соломон или его спаситель.

Макс улыбнулся, сверкнув идеальными зубами:

– Значит, договорились?

Кайл кашлянул, прочищая пересохшее горло, и взял договор:

– Я сначала посмотрю договор.

– Ответ нужен сегодня, – Макс взглянул на свои «Патек Филипп», – скажем, к пяти часам.

Два

Вест-Хэмпстед, Лондон.

30 мая 2011 года

– Дэн, ты веришь в чудеса? – Плечом прижав трубку к уху, Кайл почти бежал от метро к своей квартирке на Финчли-роуд. Он задыхался и был слегка пьян.

– Нет.

– Я тоже не верил. А теперь я расскажу тебе, что они существуют. Я встречался с «Ревелейшн Продакшнз».

– С кем?

– Ну те чуваки, которые выпустили «Послание». – Тишина. – Ну, ту самую книгу.

– И?..

– Еще они снимают видео и всякое такое. А сейчас запускают новую серию. «Мистерии». И попросили меня снять первый фильм.

– Круто. Наверное.

– Это значит, что у нас снова есть работа.

– Что за фильм?

– Приезжай, расскажу.

– Я сейчас типа занят.

– Чем – трахаешься? Остальное вполне можно отложить. Ты должен это услышать.

– Душа, разум и тело. Тофу, кристаллы и прочая хрень. Звучит не очень, Кайл. Я понимаю, что сейчас нам нелегко…

– Сто штук аванса.

Тишина.

– Гонишь.

– Я же говорю, приезжай. Полюбуешься на бюджет. Все документы подписаны. Страховка готова. Он даже раскошелился на страхование персональной ответственности. Телеформат. Это, сука, невероятно. Ты в теме?

– Так. Помедленнее.

– Чувак, нам не придется окучивать дистрибьюторов и посылать фильм на фестивали. Все уже сделано. Нас уже купили! Он собирается продавать всю эту фигню в интернете. Все, о чем мы мечтали, и еще немного. Нам даже бегать не понадобится!!

– То есть этот мужик просто позвонил тебе и предложил сделку? В чем подвох?

– Похоже, ни в чем. Я просмотрел контракт в пабе. Конечно, я его еще кое-кому покажу, но, по-моему, кто-то вытянул счастливый билет. В последнюю минуту. Не знаю как. Мне кажется, этому Максу и правда

нужен фильм. Такое бывает. Он ждет ответа сегодня. Я не могу работать без тебя. И не хочу.

Он услышал, как Дэн встал. Полилась вода в унитазе.

– Теперь вытри задницу и вымой руки.

– Расскажи подробнее.

– Я быстренько пробежался по графику. Там есть старая шахта. В Аризоне, чувак! В Аризоне! Можешь в это поверить? Пара домов в Штатах, один в Сиэтле. Всегда хотел там побывать. Ферма во Франции. Никого не придется уговаривать. Снимаем только при дневном свете. Интервью, общие планы, средние планы всяких заброшенных мест. Ни улиц, ни кучи людей. Никаких уродов! Ноутбук вместо монитора. Две камеры. Все очень просто. Единственная проблема – график очень жесткий, никаких дублей. Мы не можем облажаться.

Конечно, спешка и неподготовленность контрпродуктивны. Тут Кайл уже полностью поступился принципами. Раньше он по несколько дней изучал место съемки, прежде чем достать камеру. А тут даже такой возможности не будет. Неужели Макс реально предлагал такой график: всего четыре дня на изучение первого места, поиск точек съемки и составление монтажного листа? Четыре дня до того, как придется проехать через три страны за… он не помнил, но недолго. Это возможно?

– Погоди. Про что это вообще? Фильм?

– Это очень яркий сюжет, – вдобавок к своим скудным знаниям он успел пролистать в пабе «Судные дни». Для начала проделал ровно то, что каждый человек делает с книжками такого рода: открыл вклейки. Он увидел семьдесят черно-белых американских лиц – длинные волосы, веснушки, идеальные зубы. Аэросъемку пустыни, ветхие деревянные дома и снимки с места преступления – пришлось повертеть книжку, чтобы понять, где тут руки, а где ноги.

А еще его охватила дрожь возбуждения. Долгое незнакомое чувство, от которого кружилась голова.

– Храм Судных дней, – сказал он Дэну, – хиппи-убийцы. Я все прочитаю, как только доберусь до дома. А пока зайди на «Амазон» и купи «Судные дни» Ирвина Левина, третье издание. Это документальная книга. Макс договорился об эксклюзивных интервью с выжившими участниками. Вся подготовительная работа сделана. Можешь в это поверить?

– Но я уже видел какой-то фильм об этом.

– Да, их было семь. Но они все об убийстве и полицейском расследовании. Никто еще не рассматривал эту историю с паранормальной точки зрения. Вот тут-то мы и выступим. Прямо как в «Кровавом безумии». Три страны, шесть сцен, одиннадцать дней. Свет, камера… мотор!

– Одиннадцать дней! Маловато, Кайл.

– Да, но не невозможно. График впечатляет. Очень профессионально сделано. Если бы это был наш следующий фильм, у нас бы в два раза больше времени ушло. Правда, потом понадобится месяц, чтобы отоспаться, но мы можем себе это позволить. Я уже говорил про сто тысяч?

Отказываясь снимать крестины и корпоративы вместе с Дэном, Кайл зарабатывал себе на еду в видеотеке в Сохо, всяким левым фрилансом и редкой агентской работой. А последний раз и вовсе паковал мобильные телефоны на складе в Уэмбли, набитом веселыми баптистами из Ганы, нелегальными иммигрантами и молодыми азиатами с дорогими смартфонами, по которым они беспрерывно говорили о своих диджейских и звукозаписывающих «проектах». В наши дни у всех есть какие-то долбаные «проекты». Одна неделя ночных смен на складе разбитых мечтаний принесла отчаяние, материальное, как сыпь. Но сейчас все надежды на карьеру в партизанском кинематографе возродились.

Между Кайлом и Дэном повисла тишина. Один тяжело дышал, а второй слушал его пыхтение.

– Ты надо мной шутишь, Кайл. Не надо так.

– Я не такой жестокий. Боже, мне нужна эта работа. Ангелы-хранители, спасибо вам. – Кроме долгов за фильм, он три месяца не платил за квартиру, пять месяцев – взносы по кредитной карте, в мировом суде на него лежало дело за неуплату муниципального налога, а еще Кайлу грозились отключить газ и электричество, потому что за них он тоже не платил уже восемнадцать месяцев. Каждый раз, включая утром свет, он сильно удивлялся. *Сто тысяч!*

Кайл никогда не тратил на съемки больше десятки. Последний фильм обошелся им с Дэном в шесть тысяч, а жили они в палатке у съемочной площадки. Если бы у них получилось сделать еще один фильм, то там бюджет вышел бы меньше двух штук. Но не сейчас. Сто штук на троих. Теперь-то он всем покажет. Вернется с шумом.

У Дэна слегка дрожал голос – видимо, его тоже поразила цифра:

– Работаем тем же составом, что и над «Шабашем» и «Кровавым безумием»?

– Конечно. Я – водитель, директор картины, личный помощник, режиссер, постановщик, при необходимости второй оператор, а заодно делаю кейтеринг. Ты заместитель режиссера, главный оператор, осветитель, гример и первым выбираешь, где спать. За звук отвечаем вместе. Маус будет техническим директором. Сейчас я ему позвоню.

Кайл никогда не видел Мауса за пределами кресла. Маус, даже когда говорил, если вообще открывал рот, не убирал руку с мыши и постоянно ею щелкал. Ходили слухи, что он десять лет не выходил из своей квартиры в Стритеме и что у него всего две рубашки. Судя по бороде, как у генерала конфедератов, и зеленоватому цвету лица, слухи не лгали. Солнечный свет мог его убить. Он никогда не бывал на премьерах фильмов, которые монтировал. Большую часть времени, посвященную работе, Кайл разговаривал только с половиной головы Мауса. Наверное, в целом он провел в его норе не меньше года, но с трудом представлял себе лицо Мауса в фас.

Когда-нибудь он умрет в своем кресле. Но сначала, конечно, доделает этот фильм.

Они почти никогда не говорили о своих проблемах с психикой, потому что это было неудобно. Дэну было свойственно компульсивное переедание, и он болезненно любил камеры и осветительные приборы; Кайл постоянно планировал и считал пенни вплоть до невроза, Маус измерял всю жизнь кусками по двадцать четыре кадра. Примерно поэтому они все оказались одиноки в свои тридцать с небольшим, и ни у кого из них не было детей. Жизнь выталкивала их на обочину. У Мауса никогда не было девушки; у Дэна – одна, в киношколе, но он отказывался о ней рассказывать. Кайл пробовал аж пять раз, но отношения разваливались с треском, не пройдя шестимесячной отметки. Но сильнее романтических неудач и долгов Кайла терзала мысль, что он больше никогда не сможет снимать фильмы. Будущее казалось ему ледяным, пустым и ужасающим. Но этот космос, где невозможно дышать, исчез, как только Макс сделал свое предложение. Без работы над очередным фильмом Кайла просто не существовало.

– Дэн, ты со мной?

– Подожди. Я думаю, как это снять.

– У нас куча экранного времени.

– Этого-то я и боюсь.

– Но мы сами решаем все. Ты знаешь, как я отношусь к быстрому монтажу. На хер это дерьмо. Почему все должно быть так быстро? Обрывки звука, которые забываешь за секунду, потому что сцена поменялась

уже девять раз. Можно снимать медленно. Дать достойный материал. Не одно-два предложения. Это тебе не экшен. Мы полностью свободны, считай, это наш собственный проект, за который платит кто-то другой. Можем снимать интервью двумя камерами и монтировать куски, снятые с разных точек. Плюс немножко крупных планов и переключений, чтобы Маус не заскучал.

– То есть никакой рекогносцировки, никакого составления графиков, никаких собраний, никакого дерьма, никаких ссор. Все прямо на блюдечке. Подарок. Наследство. Выигрыш в лотерею. Я ни фига не обрадуюсь, если это окажется шуткой.

– Это правда.

– Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Я всегда чувствую подвох, чувак. И вот сейчас все четко.

Дэн помолчал:

– Когда начинаем?

– В субботу.

– Субботу?

– В эту субботу.

– В эту субботу!

Три

Из информационной справки Максимилиана Соломона:

Первая штаб-квартира Последнего Собора сдается и сейчас стоит без хозяев. Я получил разрешение на съемку.

Я бы сказал, что для нашего проекта очень важны как съемки в помещении, так и общие планы. Один из первых членов «Последнего Собора» встретится с вами по указанному адресу и даст интервью о жизни в самом эпицентре этой истории тогда, когда все началось, в 1967 году. Ее зовут Сьюзан Уайт или сестра Исида (см. раздел биографий). На съемку отведены 11 и 12 июня.

Кларендон-роуд, Холланд-парк, Лондон.

11 июня 2011 года. Полдень

– Здесь. Только дверь была красная, а не черная, ее перекрасили. – Сьюзан Уайт, не перестававшая говорить с той секунды, как ее маленькая нога коснулась тротуара, махнула тонкой ручкой в сторону элегантного трехэтажного особняка в георгианском стиле. Ее такси дернулось в сторону от тротуара, отблескивая черным корпусом в тусклом дневном свете.

Кайл снова посмотрел на сгорбленное тельце, увенчанное лохматой копной белых волос. Сьюзан Уайт. Она производила совершенно абсурдное впечатление. Клоун. Это слово всплыло в голове, и он чуть не рассмеялся. Старался не смотреть Дэну в глаза – тот тоже с трудом удерживался от смеха, повернулся к нему обширной спиной и сделал вид, что настраивает камеру. Каждый понимал, что если они обменяются хоть взглядом, то сразу расхохочутся.

Под глазами Сьюзан Уайт были размазаны романтические зеленые тени, а поверх почти отсутствующих губ она намалевала алый рот. Сквозь непокорные седые волосы сильно просвечивал

бледный скальп. Она явно подготовилась к исповеди на камеру. Ее наряд представлял собой такой причудливый компромисс между высокой модой и блошиным рынком, что понять разницу мог бы только натренированный глаз. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь густую листву, пятнал ее аметистовое платье неровными тенями. Бирюзовая шаль на тощих плечах завершала ансамбль.

Какое-то время – достаточное, чтобы пауза стала неловкой, – Сьюзан Уайт не отводила слезящихся глаз от высокого плоского фасада.

Кайл заговорил, чтобы не смеяться:

– Здравствуйте, Сьюзан. Или называть вас сестрой Исидой?

Она повернулась всем хрупким тельцем и уставилась на него с упреком. На худой шее висел ремешок со стразами, постукивавшими в такт с деревянными браслетами на костлявых запястьях.

– Не смейте так меня звать!

Кайл вздрогнул. Старуха бросила на дом еще один осторожный взгляд, как будто это объясняло ее реакцию на прозвище, данное в секте:

– Не здесь. Пожалуйста. Сьюзан подойдет.

– Очень приятно, Сьюзан, – Кайл взял ее холодную руку. Под почти прозрачной кожей виднелись черные вены, плоть одрябла, но на ощупь ладонь казалась гладкой, словно лайковая перчатка. Он посмотрел в ярко-синие глаза.

– Это Дэн. Мой коллега, – Кайл кивнул в сторону Дэна, который повернулся к ним при звуках своего имени. Лицо у него покраснело, а в глазах стояли слезы от едва сдерживаемого смеха.

– Вы чувствуете? – спросила она, снова посмотрев на дом.

Ну вот. Перестарались. Он надеялся, что она не заметит его разочарования. Пасмурная улица западного Лондона, тихая и элегантная в любое время года, плохо сочеталась с тем, что говорила Сьюзан. Ее попытки воссоздать атмосферу прошлого и разговоры о границах непознанного его уже утомили. И вера в способности Макса подбирать героев тоже пошатнулась. Наличие в фильме такого персонажа подорвет доверие к любым мистическим притязаниям выживших членов секты. Один только вид женщины воплощал в себе все самое смехотворное из духа шестидесятых.

Кайл кивнул Дэну. Знак, что пора переходить от общих планов улицы и здания к первому крупному плану сестры Исиды.

– Чувствую что? – Вопрос вышел отрывистее, чем он хотел.

Серебряные серьги затанцевали у морщинистых щек, когда она затрясла головой:

– Я… не чувствовала этого с шестьдесят девятого года. Невероятно. – Она закрыла глаза и повернула голову, как будто прислушивалась к далекой музыке. В солнечном свете ее лицо показалось еще более изможденным, если такое в принципе было возможно. Резкие линии, прорезавшие шею, стали глубже, когда она открыла рот: – Я впервые вернулась сюда.

Кайл закатил глаза. Дэн улыбнулся и занялся экспонометром поближе к дому, где Кайл хотел сделать установочный кадр со Сьюзан на фоне входной двери.

– Вы живете в Брайтоне?

– Да.

– Никогда не хотелось вспомнить старые времена?

– Я бы этого не вынесла. – Уайт закрыла глаза, чтобы не смотреть на дом, и пошла вперед, как по тонкому льду.

Быстро, но осторожно Кайл опустил микрофон-удочку и микшер и догнал ее. Она сжала его руку.

– Не уверена, что сумею.

Дэн смотрел на него в ожидании указаний. Но Кайл сомневался, допустимо ли снимать ее страх и уязвимость, не объяснив ей все как следует или не установив хотя бы подобие доверия: может быть, это некорректно. Но ему очень хотелось. Отличный кадр: сорок два года спустя после бегства Последнего Собора выживший участник умирает от ужаса при виде пустого дома.

Свет был хороший, а вот звук хорошо бы наладить, если они собираются сделать из этого что-то путное. Поймав взгляд Кайла, Дэн водрузил камеру обратно на штатив.

– Извините, – прошептала она. Казалось, пудра сейчас начнет отваливаться с нее белыми бляшками.

– Хотите воды? – Он посмотрел на Дэна и одними губами произнес: «Быстро».

– Да, пожалуйста, – Сьюзан села на первую из семи ступенек, которые вели к каменному крыльцу. Она будто утонула в своем платье – груда складок вокруг маленьких ног выглядела жутковато. Спину у нее изогнуло серпом.

Кайл открыл бутылку воды. Она поднесла ее к сухому рту, шумно глотнула и отдала ему обратно. Горлышко испачкала красной помадой, и он понял, что сам пить уже не будет.

– Спасибо, вы очень добры, – Кайлу стало стыдно за такие мысли о напуганной старухе. – Как вам объяснить… вы не поймете. Как глупо с моей стороны.

– Просто расслабьтесь. Освойтесь немного. А потом…

Она вцепилась ему в ладонь. В глазах у нее плескался ужас. Кажется, ей было действительно не по себе.

– То, что случилось… началось здесь. Это было ужасно. Нас так мало… – Ее трясло под пышными одеждами.

– С вами все в порядке? Вызвать врача? – При мысли о скорой помощи у Кайла по спине забегали мурашки, а вот мысли о «злом» доме его нисколько не тронули.

Он попытался вспомнить, как делается искусственное дыхание. На ум пришло только, что нужно откинуть ей голову назад и прижаться губами ко рту. Теперь затрясло его.

– Думаю, все будет хорошо. Я обещала Максу и не хочу его подвести. Он купил мне билеты на поезд и еще всякое.

Кайл посмотрел на Дэна. Тот поднял невероятно густые брови.

– Если вам сложно, мы можем поговорить с кем-нибудь еще.

– Нет. Нет. – Сьюзан покачала головой. – Какой смысл расстраиваться сейчас! – и добавила уже тише: – Поздновато уже.

Рядом с Дэном остановилась женщина в узких джинсах и на высоких каблуках.

– Все хорошо, – расслышал Кайл слова напарника. – Наверное, сердце прихватило.

Женщина кивнула, и ее гладкий лоб прорезала морщина. Пошла дальше, цокая каблуками.

– Сьюзан, – Кайл взял ее за руку, – с вами все хорошо?

– Я чувствую себя такой дурой, – прошептала она.

– Не надо. Мы очень благодарны вам за то, что вы приехали. Вы уверены, что справитесь?

– Мир должен об этом узнать, – кивнула она, – Макс прав. – Она сжала губы и попыталась встать. Кайл поспешил ей помочь. – В этом доме навеки осталась часть меня. Надо посмотреть, не удастся ли ее вернуть. Войти внутрь.

– Там сейчас квартиры. Но в нашем распоряжении весь дом, до самой крыши.

Внутри здания к Сьюзан Уайт мистическим образом вернулись силы.

По комнатам первого этажа она скакала, как нелетающая тропическая птица, пытающаяся выбраться из клетки.

После недавнего ремонта все три роскошные квартиры, на которые поделили дом, стояли пустые. Серый свет сочился через большие раздвижные окна, согревая помещения, золотя ламинат на полу и освещая голые стены трех необставленных комнат и кухни на первом этаже. От белых стен, плинтусов и бордюров под высоким потолком пахло свежей краской. Нигде ни пятнышка. Из декоративных плафонов свисали голые лампочки.

– Здесь печатали журнал «Благая весть». Он продавался по всему Лондону! Здесь был офис, куда мы приносили пожертвования. В шесть часов каждый день.

Когда изначальное возбуждение спало, Кайлу пришлось ее притормозить и поделить ее рассказ по комнатам. Они снимали каждое помещение, а Сьюзан рассказывала, для чего оно использовалось. Между кадрами он вставит документальные съемки лондонского периода. Двигаясь по зданию, они писали звук, снимали все двумя камерами. Как обычно, Кайл уже делал в уме монтаж.

К сожалению, декорации к рассказам Сьюзан были почти одинаковые. Если бы квартиры были обставлены, они бы сделали что-нибудь умное со светом. Из одной комнаты открывался отличный вид на улицу, из другой – на мрачно-зеленый садик; вторая маленькая спальня; мрачные каменные ступени перед входом. Верхние два этажа распланировали так же, а, судя по заметкам Макса, был еще и подвал. На третьем этаже когда-то располагались апартаменты сестры Катерины, которые он оставил напоследок.

В заднюю комнату лучи солнца практически не проникали. Кайл спросил Дэна, что делать с освещением.

– Попробуем белую бумагу, – предложил тот. – Что-нибудь мягкое на стену. Может, фоновую подсветку. Периферийную.

Они уже давно научились приспосабливать свет под каждую отдельную среду на локации, к разным условиям съемок днем и ночью. Большинство коллег Кайла сейчас поставили бы выравнивающий свет, а испуганное лицо Сьюзан выделили бы из-за белых стен.

– Направленный свет сбоку. Придаст глубины, покажет характер, – усмехнулся Дэн.

– Отлично. Можно даже мягкие лампы взять, – и добавил шепотом: – Будет у нас свой Лон Чейни.

Дэн отошел, предоставив Кайлу смотреть в видоискатель второй камеры (Panasonic HVX200), а потом подал голос откуда-то из задней части здания.

Сьюзан тихо стояла посреди голой комнаты, отделенной холлом от кухни. Прижав к щекам руки с накрашенными когтями, она смотрела в потолок.

Ну вот. Правда, оценив ее позу и взгляд, он перестал думать, что она переигрывает.

– Здесь. Здесь началось отречение.

Дэн подошел к ней, чтобы оценить свет.

– Сьюзан, тогда, может, начнем сейчас? – предложил Кайл. – С отречения. – Он опустился на колени и принялся распутывать провода.

Сьюзан вытащила из сумочки платок, высморкалась и вытерла нос.

– Здесь я лишилась части себя. И до сих пор думаю, правильно ли поступила.

– Что такое отречение?

Сьюзан воздела обе руки к потолку, не слыша Кайла.

Он так и не понял, выделывается она на камеру или настолько эксцентрична сама по себе, что не думает, каким клоуном выйдет на экране.

– *Она* возвышалась над всем. Слушала. Оценивала нас. Собирала информацию. Которую могла использовать. Потом. Против нас. Я никогда ее не прощу. Я знала, что это плохо для нее кончится.

– Почему? – Кайл посмотрел вверх.

Сьюзан рассмеялась, не обращая внимания на него и Дэна. Высморкалась и промокнула платком уголки выцветших глаз.

– Мы отдали ей все. Отдали все, чтобы попасть сюда. Отказались от семьи, от работы. Многие разводились. Бросали детей. Бедных маленьких детишек.

– А что происходило в этой комнате?

– Собрания. Иногда они длились всю ночь. Начинались вечером и оканчивались утром, когда уже не было никаких сил. Они продолжались бесконечно. Она знала наши грехи. Мы приходили, чтобы избавиться от прошлого. От скорбей… ответственности, разочарований… от всего, кроме нее. Даже от воспоминаний. Ей нужно было все. Все. Все мы. Все, что делало нас людьми. Делало нас особенными. Все, что стояло между нами и ею.

Поймите, тогда мы были другими. Подавленными. Замученными тоской и скукой. Мы чувствовали себя в ловушке. Боялись конца света. Мы были молоды и хотели приключений.

Жизни! Мы так много хотели сказать. И доказать, – задыхаясь от волнения, Сьюзан повернулась к Кайлу.

Он прекратил торопливо крепить XLR-кабели ко второй камере и рекордеру. Глаза у нее горели, а из-под густого макияжа проступал румянец.

– Представьте, что вы нашли наставника. Учителя, который поможет вам убежать от себя.

– Это была сестра Катерина?

Она приложила ладонь ко лбу.

– Кого-то, кто сможет разжать кулак здесь.

Дэн бросился к камере. Сьюзан постучала себя по костлявой груди:

– И здесь. Разве вы не примете его? Я была машинисткой. Черт! Жила дома с мамой и папой. А хотелось мне музыки и любви. Я хотела что-то делать, кем-то стать, жить. Здесь все было совсем не так. Здесь можно было разговаривать. Говорить что угодно. Я очень стеснялась, но она меня освободила. Она могла быть доброй. Поначалу она становилась твоим лучшим другом, матерью и духовником. Здесь я плакала. Плакала и кричала, когда все выходило наружу. Вы не представляете, как мне было хорошо. Нам. Быть здесь, всем вместе, делиться своим опытом. Юные, глупые, постоянно влюбленные. Жить без

секретов и раскрывать главные тайны бытия. Мы считали себя свободными. – Сьюзан остановилась и тяжело вздохнула. И добавила: – Она заполучила нас всех, прежде чем мы это осознали.

– Вы оставались в Последнем Соборе два года. Почему вы так долго не уходили?

На Кайле были наушники, на одном плече висел микшер, а обеими руками он сжимал удочку. Он стоял за второй камерой, пока Дэн первой делал крупные планы. Сьюзан обвивали два радиомикрофона «Sennheiser». Звук со всех трех шел на жесткий диск рекордера, прятавшегося за правой ногой Кайла. Это была уже вторая попытка, потому что первый раз шарф старухи сделал из звука черт знает что. Они спешили и не заметили, как он создает помехи. Дэн поставил обе камеры так, чтобы одновременно снимать Сьюзан с разных точек. По опыту они знали, что кадров нужно как можно больше: если интервью затянется, Маусу будет из чего выбрать. А оно затягивалось: стоило Сьюзан Уайт войти в дом, в ней как будто прорвало плотину.

– Что вы, нельзя было уйти от Катерины. Нет! Нет. Нельзя. – Она стояла у окна на первом этаже и смотрела в сад. – Мы были не такие. Мы боролись с системой. Мы были очень довольны тем, чего достигли, тем, частью чего стали.

– Но вы же отдавали ей все деньги, чтобы попасть сюда.

– Мы ни в чем не нуждались! Я продала все, что у меня было. Немножко бабушкиных драгоценностей. Мои маленькие сбережения. Я все отдала ей. Собору. Впрочем, это одно и то же. Катерина и была Собором. Несколько девочек отдали большие наследства, ну вы понимаете. Например, сестра Урания и сестра Ханна. Трасты. Чтобы попасть сюда, нужно было пожертвовать всем мирским. В противном случае тебя не брали в семью.

– Похоже, она произвела на вас большое впечатление.

– Это было… действие. Будущее! Революция! Мы должны были стать странствующими миссионерами. Жить своим умом. Она часто говорила, что мы должны «очиститься» бедностью. Начать сначала. Пер078ерородиться. – Сьюзан покачала головой. – Но мне кажется, что мы жили только из доброты и милосердия незнакомых нам людей.

– Для чего использовался этот этаж Храма?

Сьюзан обвела комнату взглядом:

– Мы здесь спали. И в тех двух задних комнатах. Кухня тогда была «тихой», мы готовились к собраниям или сидели и размышляли о том, что поняли прошлой ночью. Сидели и думали, какими мы были жадными, эгоистичными, завистливыми и инфантильными. Здесь спали примерно пятнадцать человек. На полу, в спальных мешках. Везде были люди. В какой-то момент в этом доме жили больше пятидесяти человек. Никакого уединения. Это было запрещено. В этой комнате я спала два года.

– Но вы все равно не ушли.

Сьюзан откинула голову назад и разразилась смехом.

– Дорогой мой, мы были знамениты. Люди нас обожали! Летом мы ходили босиком или в сандалиях. Зимой в тесных кожаных ботинках. Черных капюшонах и длинных платьях. Нас считали ведьмами, милый. А мальчики! Острые бородки, длинные волосы. Горящие глаза. Пентаграммы, вышитые красным шелком. Или печать Соломона, или анкх, или кельтский узел. Неважно, во что мы верили, но мы были прекрасны. И опасны. Я имею в виду то, что о нас писали в газетах. Оргии! Поклонение дьяволу! Черные мессы! Нагота!

– Это было… преувеличение?

– Все до последнего слова. Первый год мы должны были хранить целибат. И только потом, после повышения в ранге, можно было погулять с юношей. Но только с тем, которого *она* для тебя выбрала, а вовсе не с тем, кто тебе самой нравится. Конечно, если ты не была фавориткой.

Сьюзан сузила глаза и наградила камеру знающим взглядом, который Кайл спешно вывел на ноутбук, служивший монитором.

– Но мужчинам мы очень нравились. Катерина разрешала нам красить глаза и пользоваться духами, когда мы выходили собирать пожертвования и продавать «Благую весть». Велела флиртовать, чтобы мы собирали больше денег. Учила смотреть в глаза и сладко улыбаться, как будто мы невинные маленькие монашки или наивные сельские девушки. «Пусть они мечтают о другой жизни, – говорила она, – о нашей. И о вас». Но мы умели держаться замкнуто. Этому она нас тоже учила. Были мы девственницами или шлюхами? Мужчины не знали. Поклонялись ли тайно Сатане? Искушали ли? Думаю, у Катерины были странные отношения с сексом. С мужчинами и их желаниями. Но она легко разрешала нам пользоваться этим, чтобы получить деньги. Это точно.

– Я здесь никогда не была, – недоверчиво сказала Сьюзан, оказавшись в бывших апартаментах сестры Катерины. Ее изумило, сколько здесь было света и пространства. – Никто, кроме Семерых, не мог сюда входить. На верху лестницы стояла дверь с огромным латунным молотком, отделявшая ее от нас.

Верхний этаж отремонтировали так же, как и нижние: деревянные двери, белые стены, запах свежей краски. Как все это выглядело в дни славы Собора, Кайл мог только воображать. Никаких фотографий не сохранилось.

– Кто такие Семеро?

– Одна из причин, по которой я ушла, дорогой. Избранные ею. В первый год многих людей включали в числе Семерых, а потом понижали обратно. Но ее фаворитами большую часть последнего лондонского года были Серапис, Бел, Оркус, Аид и Азазель. И сестры Геенна и Беллона. Они следили за нами. Постоянно были злыми и мрачными. Никогда не улыбались, но могли вдруг обернуться и посмотреть прямо тебе в душу. А мы ужасно боялись рассердить Катерину, которой они все рассказывали. Мы постоянно думали, что на следующем собрании нас станут порицать за слабость. За то, что мы подводим Собор.

Кайл почувствовал, что материал получается отличный. Сьюзан говорила очень естественно и всего несколькими словами давала кучу информации, да еще и освещение выглядело на мониторе фантастически. Дэн умудрился заполнить каждый кадр, несмотря на пустоту вокруг. Стало ясно, что Кайл зря опасался Сьюзан и пустой локации. К тому же, когда он выравнивал уровень звука в каждой комнате, то неожиданно выловил в окружающем шуме интересный бонус.

После съемок «Шабаша» в Шотландии, когда он неожиданно записал необъяснимые подземные звуки в туннеле под разрушенным епископским дворцом, он стал фиксировать всевозможные шумы на улице и в помещении, что очень украсило «Кровавое безумие». Часто эти звуки становились куда лучшим фоном, чем музыка. Шорох шведского леса, похожий на шуршание океанских волн, стал единственным саундтреком для последнего фильма. Ничто другое не могло подчеркнуть огромность и древность северной чащи. Но в наушниках, не успев записать рассказ Сьюзан об отречении, он услышал странный шум, словно где-то гомонила далекая толпа – это в западном Лондоне-то. Потом Кайл решил, что это ветер. Как будто тот дул на верхнем этаже. Прямо в доме.

Микрофон, похоже, уловил гул воздушных потоков в вентиляции, потому что окна были плотно закрыты: Дэн и Кайл все лично проверили, чтобы уменьшить шум машин с улицы. Но дом сам по себе издавал зловещие звуки, которые вряд ли можно было найти в библиотеке образцов.

– Сьюзан, расскажите нам, как менялось поведение Катерины?

Сьюзан снова нервничала. То ли из-за того, что разоткровенничалась о Семерых, то ли просто потому, что попала в пентхаус.

– Сьюзан?

Она взглянула на него, и ему пришлось повторить вопрос.

– Да. Катерина. На второй год она редко вела собрания. Она как-то отошла от всего. – Уайт стояла у стены, чувствуя себя неловко, как нашкодивший котенок. – Это было примерно в шестьдесят девятом. Где-то с Рождества предыдущего года мы все реже слышали о ней. Последний раз я видела ее в апреле шестьдесят девятого.

– Она полностью отстранилась от дел?

– Да. Но осталась здесь. Когда мы уходили на день, она обучала Семерых. По ночам они вели собрания без нее.

– Значит, тридцать человек спали в одной комнате, а себе она оставила целый этаж?

Сьюзан закатила глаза:

– Себе и собакам. Ее обожаемые «варги» жили как короли. Мы это узнали от тех, кто приходил их кормить. А еще она стала носить пурпурное платье. Королевский пурпур с горностаевой оторочкой. А Семеро носили красное. Ну чтобы отличаться от других. Одежда лидеров. Духовных наставников. Мне это не нравилось. Мы должны были быть все вместе, а они выделялись.

– Из-за установления этой иерархии вы и ушли?

– Не только. Она выбирала фаворитов и среди новых адептов. Обычно девушек. Тех, кто больше приносил денег и лучше лизал задницу. Тех, кто потворствовал ей и ничем не угрожал. Умных. Похожих на нее. Манипуляторов. Тех, кто мог выбирать себе парней. Девушки всегда были хорошенькие. Она использовала их, чтобы привлекать мужчин, и они занимались персональными медитациями с клиентами. Богатыми клиентами. Боже мой, мы все принимали целибат, а она торговала девочками. Они сделали бы что угодно для нее и для Собора. Вы знали, что в прошлой жизни она содержала бордель?

Кайл кивнул, глядя в монитор.

– А мы вот не знали. Это всплыло позднее, после американских событий. Но она снимала комнаты на Уимпол-стрит для своих фаворитов. Пара симпатичных мальчиков там тоже была. Они получали очень дорогие подарки за свои услуги. У них была своя комната на первом этаже, в передней части дома. Чтобы мотивировать остальных, заставить нас ревновать и бороться за ее внимание. И мы, наверное, себя выдали. То, как себя чувствовали. Кислые лица. Болтовня. Сплетни. А у Семерых были информаторы среди нас.

– Как по-вашему, что она здесь делала?

Личико Сьюзан съежилось от злости:

– Нам говорили, что Катерина пребывает в постоянной медитации. Но при этом присутствует среди нас. Что она все и всегда о нас знает. Что мы думаем и чувствуем. Семеро говорили, что она нас защищает. И оценивает, чтобы выбрать достойных вознесения. Конечно, мы ведь исповедовались перед ней в первые дни, и она знала все наши тайны. Она прекрасно знала, как на нас воздействовать. И Семеро, наученные ею, обвиняли нас в инакомыслии. Выгоняли кого-то. Нам всегда казалось, что они правы. Мы не могли отрицать того, в чем нас винили, и мы исповедовались снова и снова.

– Почему?

– Мы отчаянно мечтали, чтобы нас приняли. Боялись быть отвергнутыми. Боялись, что она выгонит нас, если мы не покаемся. В ее отсутствии все стало лишь таинственнее. Она была самой тайной. О, она была очень умна. И ленива. Забрать такое могущество, не пошевелив и пальцем! Она мыслила стратегически.

– Как она поступала с людьми, которые лишались ее милости?

– На второй год моего пребывания здесь ввели ужасные наказания за неповиновение. Ужасные.

– Вы не могли бы рассказать подробнее? Это были физические наказания?

– В некотором роде. Для начала вас исключали, и это было хуже всего. Над вами издевались все члены Собора, которым было велено говорить самые страшные вещи. Прямо в этой комнате, где мы отказывались от прошлой жизни. В этом месте искренности и единения. Это казалось кощунством.

– А физическое насилие?

Сьюзан нахмурилась.

– Да, но все было не так, как писали в газетах. Ты наказывал себя сам. Веревками. Ну порол себя. Я никогда не видела, чтобы здесь кто-то кого-то ударил. Здесь такого не было. Но именно здесь они придумали то, что делали потом во Франции и Америке. Физическое унижение. Физически унизить человека перед всеми. Сделать его примером. Здесь я всего четыре раза видела, как они заставляли людей бичевать себя. Как это называется? Флагелляция?

– И все это время она была здесь? Вела роскошную жизнь?

– Я стала чувствовать себя рабыней, – кивнула Сьюзан. – Весь день бродила по улицам, продавая этот жалкий журнальчик. Ужасная безнадега. Иногда не удавалось продать ни одного, а ведь лучших продавцов награждали. Я не могла это вынести. В конце концов просто стала просить милостыню. Меня тошнило, когда я сюда возвращалась. Они наказывали меня – и других, кто не выполнил задачу, – выгоняя на улицу до самого утра, пока мы не приносили нужную сумму. Мы все превратились в нищих рабов. Некоторые девушки даже, ну, торговали собой. На улице.

– Это и стало катализатором? Последней соломинкой? Вы тяжело работали, не получая за это денег, а она богатела?

– Я… мне нужно присесть. У вас нет больше воды?

Кайл шагнул в кадр и помог Сьюзан сесть на пол, на котором она обмякла кучей. На улице садилось солнце, по краснеющему небу бежали оранжевые и розовые облака. Он протянул ей испачканную помадой бутылку и посмотрел на сжавшуюся фигурку на полу. Это место снова уничтожало Сьюзан Уайт.

Неудивительно, что она боялась даже посмотреть на здание.

Когда они возобновили съемку, старуха смотрела куда-то перед собой, как будто забыв, что камеры стоят в этой же комнате. Непонятно было, с кем она говорит. Дэн трижды попросил ее смотреть в объектив.

– Я думаю, что решила уйти, когда продавала «Благую весть» на улице, – второй год пошел. Я помню день, когда я, простуженная, замерзла и промокла. Кажется, у меня был грипп, и я бродила где-то за Британским музеем. Упала в обморок. Потом пришла в себя, совершенно больная. Села на скамейку. В тот день я ходила с сестрой Герой, но не смогла ее найти. Поэтому одна сидела на скамейке, промокшая до костей. Никакого уважения к себе или достоинства у меня не осталось. Я сломалась. Сидела под дождем, жалела себя, а потом увидела брошенный «Ивнинг Стандард». Кто-то оставил его на скамейке, и я хотела взять его и прикрыть голову от дождя и тут увидела заголовок. Я почувствовала, что это знак. Тогда что

угодно могло быть знаком. Понимаете, как-то так мы и воспринимали мир. Там было написано что-то вроде «Главных спиритологов Лондона». Я нашла статью. Там была она. Катерина. В разделе светской хроники. На каком-то приеме, одетая, как кинозвезда. Вся в драгоценностях, с прической. Окруженная богатыми людьми. А я умирала под дождем. Тогда я пошла в газетный киоск и купила двадцать экземпляров. Потратила все деньги, которые заработала за день. Принесла газеты сюда и раздала всем. Чтобы показать, на что мы работаем. Каждый день, в дождь и холод. Я спросила их, неужели ради этого мы все бросили.

– С этого началась революция?

Сьюзан устало покачала головой:

– Нет. Не совсем. Это просто подтвердило то, что некоторые из нас – кому уже хватило – думали о Катерине. В это время люди все равно начали уходить. Толпами. Она получала письма с угрозами от родителей сестры Урании. Могущественная, богатая семья. Катерина каждый месяц получала деньги из ее трастового фонда. Я слышала, что юристы сестры Ханны тоже постоянно пишут Катерине. Все пошло наперекосяк. Совсем не так. Мы стали привлекать слишком много внимания. Особенно после того, что Чарльз Мэнсон сделал в Калифорнии. [5] Но большинство просто проглотили ту статью. Они слишком любили Катерину. Были слишком преданны. Ничто не могло этого изменить. Даже я дала Собору еще один шанс, хотя все внутри меня было против.

– Что с вами сделали за эти газеты? Вас наказали?

– Нет. Наоборот, Катерина прислала мне подарок. Жемчужные серьги. Нам запрещали носить украшения. Я ничего не понимала. Как это? Но… но зимой случилось еще кое-что. Мы называли это священным ужасом, и вот он-то и стал последней каплей.

У Кайла сжался желудок. Этого и хотел Макс.

– Расскажите, как это началось? Как выглядело?

Сьюзан кивнула. Видно было, что она устала и нервничает. Честно говоря, раньше он никогда не видел такого измученного человека.

– Дело было не только в том, что собрания при Семерых стали другими. Изменилась сама атмосфера. Все изменилось. Все наши идеи. Как будто мы повернули на другой курс.

– Как так?

– О самопознании речь больше не шла. Мы не изучали себя. Больше не было никакого равенства или честности. Теперь главной целью стало *избрание*. Мы всегда считали себя особенными. Не такими, как все, ну вы понимаете. Но теперь нас учили, что мы выше любого, не принятого в Собор. Среди нас поощрялось презрение к миру за этими стенами. Впервые появилось слово «сырой» как обозначение тех, кто не входил в нашу маленькую семью. Я помню, как нам говорили, что любые поступки на пользу Собора оправданны. Служа сестре Катерине, мы оставались невинными. Здесь мы должны были освободиться от совести и жалости и верить только в себя. Посвятить всю жизнь интересам Собора. Новым девизом стало «Власть через богатство». Нас учили использовать людей и поощряли тренировки друг на друге. Для контроля над мужчинами все чаще использовался секс. Нам приходилось спать с кем угодно по приказу Семерых. Я не помню, чтобы учитывалось наше мнение, но в этом был весь смысл. Нас сводили с людьми, которые нам не нравились. Если кто-то влюблялся по-настоящему, а это, конечно, бывало, Семеро разрывали пару, подкладывая девушку под другого. Мы могли любить только Катерину. Мне казалось, что в нас поощряют худшие наши черты. При этом новом режиме лучше всего жилось самым хитрым… – Сьюзан замолчала и уставилась в пол. Кажется, ей стало стыдно.

Кайл обменялся взглядами с Дэном, тот вопросительно приподнял бровь. Кайл покачал головой, прошептав: «Продолжай».

– Ее никто не видел. Ни разу не слышал за целый год. Но, кажется, чем дальше она была от вас, тем хуже себя вела.

Сьюзан понуро на него посмотрела:

– Да. Она стала деспотом, судя по приказам, которые передавала через Семерых. Нам всем раздали медальоны, наполненные *маной*. Пряди ее волос. Нам приходилось носить их на шее. Как талисманы. Нам говорили, что они очень могущественны. Любой подарок от нее назывался священной реликвией. Они всегда были дорогими, а нам казались совершенно невероятными, потому что у нас не было ничего, кроме одежды. Мы жили как нищие, а она покупала своим любимцам драгоценности. Никто не хотел признавать, что нас провели, что нас всех обдурила хитроумная сутенерша. Которая изучала сайентологические техники манипуляции сознанием в женской тюрьме. Которую отправили на нары за содержание борделя!

Сьюзан закрыла глаза и тяжело, устало вздохнула. Кайл дал ей посидеть минуту в тишине. Очень удачная, реалистичная съемка.

– Сьюзан, говорили, что она считала себя святой. Кто-то из вас в это верил?

– Я нет. Я ушла в том числе и поэтому. Не помню, когда это началось, но про нее стали говорить всякое. Однажды брат Ефан сказал, что она «живая святая», я рассмеялась, и мы ужасно поссорились. Понимаете, Собор вообще никогда не имел никакого отношения к Господу. Мы не хотели быть похожими на обычную религию, а тут появились верховные жрецы и чертова живая святая, которая нами управляла. Это мучило многих. Но я отдала Собору столько, что где-то в глубине души отказывалась бросить его. Так думали и другие. А на собраниях Семеро говорили нам, что Катерина настолько продвинулась по пути перерождения, что стала превращаться в святой дух. Ее поиск божественного в себе увенчался успехом. Так что все ее деяния теперь благословенны, ей все дозволено. Все, чего бы ни требовала ее природа, было благим. Нам говорили, что она поднялась над смертными, и, последовав за ней, мы станем избранными. *Блаженными*. Потому что мы невинны. Под ее началом мы отказывались от себя, чтобы вернуться к невинности. Стать как ангелы. И наша чистота позволяла нам использовать кого угодно для достижения своих целей. Она вроде прошла то, что называла «семью духовными ступенями», и потому смогла достичь «совершенной божественности». Однажды Семеро сказали нам, что она не может быть здесь, потому что воплощается. Возносится. И ее святость привлекла эти… *Сущности*. Которые наделяли ее даром пророчества. Нам говорили, что она входит с сущностями в прямой контакт. Атмосфера здесь изменилась.

– Священный ужас?

Сьюзан кивнула.

– Что изменилось? Это было физическое ощущение?

– Да. Было. Рано утром, когда собрания достигали кульминации, люди были вымотаны и ослаблены плачем, криком, исповедью, насилием. И в это время нам говорили, что среди нас присутствуют сущности.

Кайл понял, что настало время задать один из Максовых вопросов:

– Вы видели что-то… материальное? Или просто чувствовали, что все меняется?

– Мне кажется, воздух становился другим. Может, более холодным. Спертым. Как будто бы в комнату кто-то входил и вставал у нас за спинами. Вы, конечно, думаете, что это все мне привиделось. По лицу видно. Я вас не виню, я тоже так думала. Бог знает что мы могли тогда вообразить. Мы умирали от усталости, голода и страха. Но я помню странные запахи. Мерзкие. Вроде стоячей воды. Нестираной

одежды. И так пахло среди нас. Внизу, – Сьюзан ткнула в пол, – на собраниях, а потом в комнатах, где мы спали. Там было еще хуже. Нам говорили, что сущности приходят, чтобы сообщить свои желания избранным. И что мы должны анализировать свои сны и видения, а потом рассказывать их на собраниях.

– Какие бывали видения?

– Некоторые рассказывали, что внезапно начинали чувствовать чужие души. Кто-то вдруг видел себя чужими глазами или оказывался в другом месте. Кто-то утверждал, что слышит голоса. Кто-то говорил, что путешествует.

– Путешествует?

– Выходит из тела во сне. И все вели себя так, как будто это какой-то мистический, священный опыт. Но я не могла поверить, что в этом есть хоть что-то божественное. Скорее наоборот. Мне все это казалось заразой.

– Вы когда-нибудь испытывали что-нибудь подобное?

– Нет. Я ничего не слышала, не выходила из тела, не видела чужими глазами. И я в это не верила. Другие врали, чтобы порадовать Семерых и поддержать иллюзию Катерины, будто она превращается в бога и ее ведут духи. Люди верили во все, что она говорила, – или делали вид, что верили, – лишь бы она любила их сильнее. Вот так обстояло дело в самом конце, – Сьюзан сделала паузу, – но есть одна вещь, которую я до сих пор не могу объяснить. Я участвовала в коллективном видении.

– Расскажете?

– Нам всем привиделось одно место. Убежище. Новый храм. Так нам сказали. Катерина тоже его видела. Ну так сказали Семеро.

– На что это было похоже?

– Там было темно, – Сьюзан закрыла глаза, – но я помню каменные здания под деревянными крышами, луга с высокой травой. Дождь. И небо было странное. По нему словно волны шли, как от сильной жары, только шли они не вверх, а вниз. Как будто небо не до конца сформировалось. Но дело в том, что все участники собрания видели одно и то же. Мы не могли сговориться. Кто-то закричал, что видит дома. Кто-то другой сказал, что тоже видит, и пересчитал их. А потом мы все наперебой принялись описывать места и детали, которые видели. Кто-то сказал, что там пусто, – там и было пусто. В одно здание, длинное и белое, вели четыре двери. Остальные были сделаны из темного дерева, как амбары. На третьем доме не хватало черепицы на крыше. Я ничего не сказала, но тоже все видела. Все, что люди в этой комнате рассказывали друг другу. Я увидела это до того, как кто-то заговорил.

– И как видение истолковали?

– Как предостережение Катерины. Приближался конец света. А место, которое мы увидели, должно было стать нашим убежищем. Нам сказали, что все прошлое было только подготовкой. Долгие собрания, поиск себя, отказ от собственного «я». Проверки нашей веры и преданности Катерине. Те, кто остался, были избраны. Теперь мы все могли напрямую общаться с сущностями. Пришло время вознесения.

– Вас это не убедило?

– Нет. Но я не могу объяснить видение. Может быть, нам все внушили заранее, не знаю. Но сразу после этого мы стали собираться во Францию.

– И вы решили не ехать с ними?

Сьюзан покачала головой:

– Собор был отравлен злобой и ревностью. Я больше не хотела в этом участвовать. Не видела смысла.

– Кто-то еще ушел перед переездом во Францию?

– Несколько человек. Около десяти, наверное. Но на некоторое время борьба утихла и неравенство уменьшилось. Появление сущностей все улучшило. Дало надежду, что мы на самом деле важны. Что испытания того стоили, и что Собор выживет. Нам показали фотографию фермы, которую Катерина купила на деньги Собора. Наши деньги. То самое место из видения. Абсолютно точно. И мы сочли это чудом. Многие сразу все простили Катерине. Но я не смогла. И Макс тоже. Мы ушли в один день. За неделю до первого переселения.

– Простите? Макс? Наш Макс? Максимилиан Соломон?

Сьюзан вздрогнула:

– Пожалуйста, не говорите ему. Но да. Он был здесь с самого начала.

– Она странная, – сказал Дэн.

Он присел на корточки перед монитором, пока Кайл провожал Сьюзан и ловил ей такси. Дэн остался в передней комнате пентхауса, чтобы подписать последние SDHD-карты на 8 гигабайт. Все коробочки с картами подписывали так же, как видеопленки когда-то: название и дата. Перенося данные на ноутбук, они всегда знали, где какая съемка. В первом фильме Кайл этого не сделал и несколько недель отсматривал все подряд. *Больше никогда*.

А закончив черновой монтаж, он стирал рабочие файлы, чтобы освободить место для следующей съемки. У Мауса в его квартире хватало дисков, чтобы записать все рабочие материалы на полнометражный фильм. Он делал две копии на всякий случай, одну отдавал Дэну, а другую Кайлу. У него самого оставался оригинал. Вероятность того, что все три квартиры сгорят в один и тот же вечер, была невысока. Конечно, все трое жили как на свалке, но за время совместной работы отработали идеальную схему для хранения отснятого материала.

Потому что больше ничего не имело значения, как часто думал Кайл.

– И не говори. Но у нее вообще-то есть на то причины. Прикинь, такое пережить? Отличный материал, – он ничуть не кривил душой, но все же пребывал в замешательстве. Макс не рассказал, что имел отношение к Собору, и это испортило конец интервью. Да еще Сьюзан Уайт немедленно убежала, разочаровав его еще больше.

– Сколько времени? Семь! Я не собираюсь оставаться здесь ночью. Мне пора. Я устала.

Воспоминания в доме на Кларендон-роуд выпили ее до дна. Глядя, как она переходит от эйфории к отчаянию, горю и, наконец, бегству, Кайл тоже совершенно измучился. Несомненно, она пережила нечто совершенно экстраординарное, но последствия этого опыта явно разрушили ее безвозвратно.

– Мне казалось, мы собирались как-то, ну дать ей выпустить пар, – сказал Дэн, – она выглядела как Барбара Картленд пополам с гадалкой, а потом как-то поникла. Но она была хороша. Очень яркая женщина. В буквальном смысле.

Кайл сел и засмеялся, оглядывая роскошные стены будущей спальни какого-нибудь американского финансиста и его безупречно воспитанной жены.

– И как тебе материал?

– Просто невероятный, – Дэн улыбнулся, – осталось смонтировать – и все.

– Ты ей поверил?

– А почему нет? – Дэн пожал плечами. – В шестидесятых везде была такая фигня. Ложные мессии, мошенники-гуру, вытрясающие деньги из паствы. Духовные лидеры разъезжали на лимузинах, обвесившись «ролексами». Сестра Катерина – молодец. Пока ее последователи продавали газетки, наряженные, как в фильме ужасов, она ходила по дорогим клубам.

Кайл улыбнулся. Лег прямо на пол и потянулся, растягивая спину после целого дня работы.

– А сущности? Макс просил меня уделить им особое внимание.

– Херня.

– Успокойся уже, – рассмеялся Кайл.

– Ага. Сейчас.

– Мне понравилось. Было очень странно.

– Все равно херня. Спорим, они курили косяки размером с хорошую сигару? И таблетки вместо конфет жрали?

Не здесь. Это все позже. Ирвин Левин писал, что секта не знала наркотиков до Калифорнии, до второго переселения, когда они назвались Храмом Судных дней. Но Левин совсем не уделил внимания мистической стороне дела, его волновали не сущности, а преступления сестры Катерины и ее последователей.

Дэн выключил монитор:

– Что дальше, шеф?

– Паб. Еда.

– Круто.

– Тут через два квартала есть какой-то «Принц Уэльский», я нагуглил.

– Отлично. Потом вернемся сюда, закончим?

Кайл нахмурился, повернувшись к Дэну:

– Ты уверен? Мы же здесь и завтра можем поработать.

– Сделаем сегодня как можно больше. Завтра у меня крестины, займут целый день. А на следующей неделе мне еще нужно поработать пару дней на агентство, так что завтра вечером буду готовиться. Перед отъездом во Францию кучу всего нужно сделать.

– Я получил билеты на паром.

Дэн кивнул:

– С этим братом Гавриилом все готово?

– Да. У него нет электронной почты. И мобильника.

– Что-то я не удивлен. Ему, наверное, сущности все рассказывают.

– Я позвонил ему по домашнему и сказал, что мы приедем в четверг.

– А ты сказал, что в моей машине не должно быть никаких сущностей?

– Забыл, – Кайл засмеялся.

Когда они возвращались обратно к красному дому на Кларендон-роуд, солнце уже село, и город по-субботнему оживился. Хорошо одетые люди направлялись в рестораны и на вечеринки в Ноттинг-хилл и Холлан-парк, и скучный серый вечер расцвел короткими юбками, взрывами женского смеха, тихим гулом представительских автомобилей и хриплыми гудками такси.

– Пижоны, – сказал Дэн.

– Бездельники, – согласился Кайл.

– Как-то кризис их не задел.

– Чувак, программа «большого общества» [6] дальше Шепардс – Буш не продвинулась.

Кларендон-роуд тонула в тени. Чем дальше они отходили от паба, тем тише делались звуки города: сирены, голоса, внезапная индийская музыка. Дорогие элегантные фасады и старые деревья не терпели шума.

– Как по-твоему, сколько стоит такой домик? – Дэн рыгнул.

– Я в метро видел рекламу агентства: примерно пять миллионов.

– Да уж, им пришлось до фига «Благих вестей» продать.

– Ну она масштабно мыслила.

Они дошли до темного дома, и Кайл принялся искать ключи.

– Третья пинта была лишней.

– От моей съемки тебя стошнит, – рассмеялся Дэн.

Хихикая, они вошли в дом, спотыкаясь в темноте. В окна, лишенные занавесок, просачивался бледный свет. Но только в передние комнаты, не дальше.

Кайл щелкнул выключателем. Электричества не было.

– Блин!

– Ты издеваешься?

Кайл покачал головой и тяжело побрел дальше. Включил свет в одной из комнат. Темнота.

– Наверное, пробки вылетели. Сколько у тебя батареек?

– Три. Хватит, если ты будешь изображать из себя великого художника. Будет много теней. Или…

Кайл вернулся в холл. Массивный силуэт Дэна заслонял почти весь свет, падающий из открытой двери.

– Или?

– Ночная съемка. Уменьшаем выдержку, и я тебе тут прямо «Ведьму из Блэр» сделаю.

Кайл прислонился к стене, положив руки на батарею, как будто грелся.

– В принципе, идея. Сьюзан мы снимали при дневном свете. Тогда мои реплики могут быть и в темноте. Я в любом случае хотел предложить сделать пару ночных кадров, а то вышло немного однообразно.

– Клево. Где начнем?

– В подвале. Используем все тамошнее барахло. Ну, типа, вещи брошены, но могут рассказать свою историю. Сначала поставим пару ламп и сделаем такие зловещие кадры, а потом поснимаем в темноте.

Одна камера на штативе. Может быть, стедикам.

– Ясно. Помоги мне оборудование перетащить.

Они направились наверх за техникой. Чем дальше от двери, тем больше тускнел свет, и наконец путь к вещам пришлось искать на ощупь.

Дэн вставил в обе камеры новые аккумуляторы и проверил подсветку на одной из них. Кайл втайне был ему ужасно благодарен даже за столь скудное освещение. Маленькая круглая луна сияла с камеры, окруженная белесым, более бледным кругом. В его лучах отблескивали дверные ручки и глянцевая краска на панелях стены. За пределами ореола царила темнота.

По пути вниз Дэн вдруг замер. Кайл ткнулся ему в спину, и напарнику пришлось сделать еще два шага вниз.

– Мать твою!

– Ты почему встал?

– Тихо, – Дэн смотрел вниз, – ты закрыл дверь?

– Да, и запер.

– Тогда слушай, – Дэн поднял руку.

Кайл напряг слух. Темный дом как будто тихо жужжал.

– Что такое? – прошептал он.

– Я, по-моему, кого-то слышал внизу.

– Не начинай, – улыбнулся Кайл.

– Я серьезно. Кто-то там ходит.

– В соседнем доме?

– Может. Ладно, ты прав. Я просто боюсь, что за нами мог кто-то зайти.

– Пошли уже.

Спустившись на первый этаж, Кайл открыл дверь подвала.

– Только после вас, – сказал он Дэну.

– Почему?

– Потому что у тебя в руках свет, дебил. Я не хочу отсюда свалиться.

– Да ну тебя.

Осторожно спускаясь вслед за Дэном, Кайл от души жалел, что выпил столько пшеничного «Францисканера». Но тут уже сам остановился на нижней ступеньке.

– Дэн?

– Что?

Кайл принюхался:

– Чувствуешь?

– Что?

– Понюхай, – Кайл прошел в подвал, Дэн, пыхтя под весом камеры, последовал за ним. Втянул носом

воздух и пожал плечами.

Пыльный свет, проникавший через закрытое подвальное окно днем, исчез. Окно, впрочем, все еще светилось отблеском уличных огней. В отсвете с трудом можно было различить силуэты картонных коробок и поломанной мебели, оставшейся от предыдущих владельцев. Прожектор на камере несколько усилил иллюминацию, и Кайл почти перестал нервничать.

– Что-то я этого не помню, – он посмотрел по сторонам, ища источник смрада.

Воняло вроде бы сточными водами: серный запах тухлых яиц, очень резкий и какой-то влажный. Как будто стоячую воду прикрыли чем-то гнилым, вроде мокрого ковра. Он вспомнил о словах Сьюзан Уайт. Усилием воли подавил страх.

– Да, теперь чувствую, – сказал Дэн, – смотри, куда ступаешь.

Кайл всмотрелся в коробки, но было слишком темно, чтобы понять, не вытекло ли из них что-нибудь. Может, кто-то из бывших владельцев забыл здесь пакет с мусором?

– Бинго, – сказал Дэн.

Кайл посмотрел туда, куда указывал прожектор: несколько старых швабр, отбрасывавших тонкие, похожие на насекомых тени на старую штукатурку.

– Что?

– На стене что-то протекло, видишь?

По темной штукатурке растеклась темная лужа размером примерно с дверь, пронизанная бурыми венами влажно поблескивавших водяных струек. Запах усилился.

– Надо бы сказать Максу, пусть позвонит агенту по недвижимости. Трубы лопнули, судя по всему. Раньше этого не было, и запаха я днем не почувствовал.

Дэн отвел камеру:

– Давай начинать.

– Ага. Вот отсюда, с лестницы. Тут заодно и вентиляция есть. Снимай отсюда и до окна, постарайся все захватить. Это жуткое окно используем, когда речь пойдет о детях.

– Понял, – пока Дэн устраивал на нужном месте себя и штатив, выставлял две маленькие лампы и писал мелом на «хлопушке»: *Сцена 6. Лондон, дом, подвал, ночь,* Кайл перечитывал сценарий, вспоминая свои реплики о первых днях существования Собора.

– Готов? – спросил Дэн.

– Поехали, – Кайл прокашлялся и проверил микрофон, не видный в кадре.

Дэн щелкнул хлопушкой и отступил за камеру:

– Неудивительно, что, когда в 1969 году после года вынужденного целомудрия сестра Катерина стала сводить членов Собора между собой и позволила им сексуальные отношения – редкие и часто публичные, – эти союзы стали приносить плоды. Хотя большинство детей родились на ферме в Нормандии и после, в пустыне Сонора, как минимум, четверо появились на свет в штаб-квартире организации, незадолго до переселения во Францию. Детей держали здесь. Матерей к ним почти не пускали. Катерина внушила адептам, что любого ребенка, рожденного среди них, должна усыновить община. Что их нужно воспитывать без вредного влияния родителей. Присмотр за детьми рассматривался как наказание.

– Блин, – сказал Дэн, глядя в потолок.

– Я слышал, – прошептал Кайл.

Звук раздался снова. Кто-то постучал в дверь, над головой послышались тихие шаги и еще какой-то приглушенный шум.

– Здесь явно кто-то есть, – отчаянно прошептал Дэн, – ты, наверное, дверь не закрыл.

– Закрыл и запер, точно помню.

Кайл был уверен, что звук доносится из квартиры на втором этаже, дверь в которую он не закрыл после дневных съемок.

– Твою мать, – снова прошептал Дэн.

– Пошли посмотрим. Может, там ничего и нет.

Напарник не ответил и не двинулся с места, так что Кайл отправился наверх первым. Путь ему освещал свет прожектора на камере, падающий у него между ног.

– Не выключай. На всякий случай.

– Я тебе что, мальчик? – огрызнулся Дэн.

– Эй! – крикнул Кайл, подойдя к лестнице в холле. – Это частное владение!

– Скажи, что уже вызвал полицию, – шепотом предложил Дэн.

Кайл не смог себя заставить, потому что это звучало по-идиотски. Он набрал на телефоне три девятки и положил палец на кнопку звонка.

– Пошли, – шепнул он Дэну.

Они обошли первый этаж. Пусто. Поднялись на второй и постояли в дверях всех четырех пустых комнат. Прожектор на камере освещал пустоту. Ничего.

Единственным уголком, не видным из холла, осталась ванная комната в главной спальне.

– Может быть, какой-нибудь дебил туда пробрался? – напряженно спросил Дэн. Они стояли и смотрели на дверь, пока Кайл, внезапно устав от собственной нерешительности, не распахнул ее.

Фарфор, дерево, хром: пусто.

Они поднялись в пентхаус: пусто. Спустились снова на первый этаж.

– Никого, – сказал Кайл.

– Ну дом старый. Скрипит, двигается.

– Может быть. Тут никого, кроме нас.

Дэн посмотрел на него через видоискатель. Тут они поняли, что мужественно хмурятся друг на друга, и рассмеялись.

Спустя столько лет дружбы Кайлу все еще нравился его тихий смех.

– Мне надо отлить. Подвинься, – сказал Дэн. – И давай поскорее заканчивать.

– Ага, – кивнул Кайл. – Давай переделаем отрывок про детей. Потом снимем апартаменты сестры Катерины в ночном режиме. И когда пойдем отсюда, снимем весь дом. Потом наложим звук и смонтируем с репликами Сьюзан.

Дэн кивнул, застегнул ширинку, взял камеру и пошел к лестнице. Помедлил у нижней ступени:

– Ты все-таки не думаешь, что кто-то залез сюда и спрятался.

– Без вариантов. Шевели уже своей жирной задницей.

– Целый год сестра Катерина проводила бо`льшую часть времени в этих четырех комнатах. Выходила она нечасто, всегда в драгоценностях и одетая в дизайнерскую одежду, которую так любила. Она отправлялась по магазинам на Бонд-стрит или в эксклюзивные клубы Мэйфэра, Найтсбриджа и Челси – сохранилось несколько фотографий. Этот дворец сложно сравнить с остальным домом, где члены секты спали вповалку, а из подвала доносился детский плач, будящий людей, и так лишенных всякого уединения. Такие различия демонстрировали последователям сестры Катерины, насколько она выше их. Она была абсолютным духовным лидером. Это стало совершенно очевидно в двух других местах, где она установила свою власть, но количество адептов при этом сильно сократилось. Как сказал один писатель…

– Блин! Тут точно кто-то есть.

Кайл чуть не подпрыгнул. Посмотрел на Дэна: у того на виске вились седые волосы. Дэн стареет, глупо подумал он.

Звук повторился. Стук в апартаментах наверху. Неуверенные шаги босых ног по деревянному полу. Но на третьем этаже не было никого, кроме них самих. Они даже проверили еще раз, чтобы успокоить Дэна.

– Что это? – У того лицо исказилось от страха. Он быстро снял со штатива свою любимую «Canon XHA».

Кайл отцепил от себя микрофон:

– Откуда я знаю?

Дэн медленно положил камеру на пол. Выпрямился.

– Это не смешно. Совсем. Я… – Где-то хлопнула дверь с такой силой, что он не закончил.

– Ты собираешься отсюда свалить, – договорил Кайл.

Дэн пошел к двери, Кайл за ним. Свет прожектора осветил комнату, на пороге которой они встали, не решаясь пойти дальше.

– Эй! Кто тут? – закричал Кайл. Эхо отдалось по всему зданию.

Тишина. Они взглянули друг на друга. Потом посмотрели вправо, вниз и в темноту, которая царила в остальной квартире. За шумом крови в ушах Кайл услышал тоненький вой. Вой?

Не факт. Наверное, это с улицы. Собака. Да, одна из соседских собак. Визжит, как будто ей на лапу наступили. Но довольно далеко. Над ними. Не может быть.

– Ты слышал? Снаружи?

– Пошли, а? – Дэн быстро моргал. Он повернулся, чтобы взять камеру, а потом замер.

Холодный сквозняк пронесся по холлу откуда-то из задней части здания. Слабый ветер, пахнущий разложением. Этот запах напомнил Кайлу о птице, которую он нашел в детстве: залитая черной липкой кровью и пыльная, она воняла смертью. Он зажал пальцами нос. Дэн закашлялся.

И снова послышался вой и звуки, как будто кто-то полоскал горло за стеной. Через пару секунд заскулила собака. Они стояли тихо и неподвижно, пока топот ног по темному холлу пентхауса не заставил их пошевелиться.

На секунду они застряли в двери. Дэн ткнул локтем в плечо Кайлу. Он меня отталкивает! Всколыхнулась паника, и Кайл вспомнил безгубый рот Сьюзан Уайт, произносящий «сущности».

Он побежал за Дэном по темной лестнице на второй этаж, подошвы конверсов скользили по гладким

ступеням, а шум дыхания заглушал громкий топот напарника.

Кайл с трудом перевел дух. Он увидел глаза Дэна, когда тот полуподбежал-полуприковылял к лестнице на первый этаж, и пожалел об этом: в свете уличного фонаря, залившем бледное небритое лицо, они казались огромными и слепыми от ужаса. Истерика охватила и Кайла, у него задрожали руки и ноги, и он отчаянно захотел толкнуть вниз Дэна, загораживавшего лестничный пролет. Не знал, от кого или от чего бежит, но все его инстинкты вопили, что отсюда надо убираться.

Кайл влетел в квадрат уличного света на полу. Бледное жидкое сияние пробивалось сквозь маленькое окошечко на лестнице. Но за его пределами приходилось ступать негнущимися ногами в полную темноту.

Кайл оглянулся. Увидел дверь в пентхаус. Грязная и черная, она словно вибрировала в полумраке. Насколько он мог видеть, внутри ничего не было. Но, если бы было, он замер бы на лестнице, не в силах двигаться.

Ожидая чего?

Он бежал вниз, слыша впереди шумные вздохи Дэна, потом пересек маленькую площадку и снова побежал вниз.

Мир трясся перед глазами, Кайл страстно жаждал света, ясности, которые могли бы преобразить мир и сделать его видимым и безопасным. Дэн был впереди, подгоняя его.

Наверху хлопнула дверь. Кажется, в пентхаусе. В шуме собственного дыхания, топота и ударов сердца Кайл различал скрежет, как будто собака яростно скребла когтями по деревянному полу. Он побоялся оглянуться снова.

Внезапный поток воздуха обрушился сверху на лестницу.

Долгий свист и что-то похожее на хрюканье.

– Блин. Блин, – пыхтел Дэн, натыкаясь широкими плечами на стены.

Кайл отпихнул его и сбежал по последнему пролету через три ступеньки, а потом метнулся к двери.

Дэн ткнулся ему в спину.

– Открывай! – Он тяжело дышал.

– Не получается! – Связка ключей в руке Кайла ходила ходуном, как маленькие серебряные рыбки в сети. Дрожащими руками он перебирал ключи, пробуя один, другой, третий, а потом уронил всю связку. Кажется, готов был закричать от ярости и страха.

Все звуки вдруг стихли.

Они глотали ночной воздух, упершись руками в колени. Стояли на тротуаре напротив темного тихого дома. Дэн пыхтел так, как будто у него случился инфаркт. «Меньше кебабов надо есть», – подумал Кайл, как будто не умирал только что от внезапного ужаса.

Он ткнул Дэна в толстое плечо, обтянутое мокрой от пота футболкой. Пахло от него так, как будто на лошадиную попону насыпали чипсов. Кайл вытер руку о штаны.

– Ты в это веришь?

Дэн молчал.

– Боже, – Кайл поднял в воздух обе руки, словно бы умоляя ночь ответить.

Напарник разогнулся, как старый дед.

– Ты что-нибудь видел?

Кайл тщательно обдумал ответ. Вспомнил все, что мог, о своем бегстве.

– Нет. А ты слышал этот звук?

– Какой?

Кайл нервно захихикал.

– Вот же дерьмо, – лицо у Дэна было пепельно-серое, а над верхней губой, в седеющей щетине, выступил пот. – Что это?

Кайл пожал плечами:

– Я слышал шаги. И… какие-то звериные звуки.

– Звериные? – Дэн слабо улыбнулся.

– Ну птицы. Звери. Как будто зоопарк где-то рядом. Ты слышал?

Дэн удивленно приподнял мокрую бровь:

– Я слышал голос.

– Не было такого.

– Ну вой. Как будто кто-то пытался петь. Наверное. Без слов. Или это была собака. Или флейта.

– Флейта? Как свистулька?

– Может. Не знаю. – Он помолчал и вдруг хлопнул себя по лбу: – Блин!

– Что?! – Голос Кайла стал выше на октаву.

– Камеры. Там же камеры остались.

Кайл засмеялся – больше от облегчения.

– Без священника я туда не вернусь, не надейся.

– Крестины. Мне надо быть там завтра в девять. Я обещал Джареду.

Кайл смотрел на дом несколько секунд, которые, казалось, растянулись на несколько часов, а потом покачал головой:

– Фигня какая-то, мне серьезно кажется, что это мой первый… самый первый опыт… столкновения с… чем-то.

– Это могла быть крыса или голубь, – Дэн попытался улыбнуться. – Собака. Сквозняк. Мы выпили. У старых зданий странная акустика. И мы ничего не видели. Просто испугались.

– Ну тогда иди и забери камеру.

Четыре

Вест-Хэмпстед, Лондон.

12 июня 2011 года. 13.00

К воскресенью вся эта история уже подзабылась. На рассвете они совершили отчаянный марш-бросок и выбрались из здания вместе со всем оборудованием.

В доме на Кларендон-роуд пряталось животное. Собака. Лиса. Птица. Голуби. Они были везде. Их движений и звуков, которые они издавали, хватило, чтобы напугать Кайла и Дэна до смерти. Или, как предположил Дэн, кто-то просто вошел за ними в дом.

«Но почему он не тронул камеру? Или того хуже?»

Кайл исключил версию телевизора или радио, потому что дом стоял на отшибе, и окна были закрыты. Но не стоило забывать, что в темноте воображаемое кажется реальным. Это естественно. И неудивительно – после рассказов Сьюзан Уайт о видениях и сущностях. Пара стаканов – и любого скрипа половицы хватит, чтобы сойти с ума. Поэтому, чем меньше людей об этом знают, тем лучше. Кайл даже смутился от того, насколько безопаснее себя почувствовал, проведя весь следующий день дома, в захламленной студии. Сидел в спортивных штанах, работал над сценарием, окурки вываливались из уродливой пепельницы.

В этом маленьком грязном святилище он постепенно расслабился, уцепился за плесневелые якоря собственной жизни: древний кожаный диван, от которого болела спина, полки с сотнями дисков, стереосистема, соковыжималка – чей-то подарок, ее еще было совершенно невозможно вычистить, – куча книг, раскиданных по всему дому, афиши черно-белых фильмов, постер «Агирре, гнев Божий», оправленный в раму, стол из ИКЕА, который остался от прежних жильцов, а сейчас был завален папками, книгами и дисками.

Не бог весть что: потертое убежище с постоянно пустым холодильником, слабым запахом кошачьей мочи у входной двери, двумя раздвижными окнами, которые толком не закрывались, и неработающими обогревателями. Он не мог даже снять показатели с электрических и газовых счетчиков – те стояли в квартире двумя этажами ниже, где никто не жил.

После простора и элегантности особняка в Холланд-парке квартира показалась ему еще грязнее. Так бывает после ночи в дорогом отеле. Но это был дом, безопасный и реальный. И хотя после пережитого прошлым вечером Кайл мучился до самой ночи, а потом видел сны, которые не смог вспомнить утром, свет нового дня рассеял страх.

Кайл взял четвертую флешку с надписью: «Лондон, 11 июня, Кларендон-роуд, интервью в пентхаусе, Сьюзан Уайт, или сестра Исида». На предыдущих флешках уже была куча отличных кадров. Кульминация каждого куска интервью наступала ближе к концу, когда волнение Сьюзан становилось очевидным. *Мило*. У долго репетировавшей актрисы не получилось бы лучше. Сьюзан была *реалистична*. И все в целом выглядело хорошо. Естественный свет угасал, и белоснежная пустота, в которой Сьюзан казалась маленькой и дряхлой, превратилась в янтарные сумерки, полные теней, и вокруг мисс Уайт будто бы сжались стены. Удивительно, как быстро нашелся правильный тон и ритм. А зловещие звуки стали прекрасным саундтреком, который он и не планировал делать.

Кайл безо всякого аппетита съел сэндвич. От восторга слегка кружилась голова. Из этого что-то да выйдет.

Что-то крутое. Он ужасно хотел обсудить материал с Дэном. И от мысли о ночной съемке так занервничал, что с трудом дышал, вставляя пятую флешку в компьютер. Он приберег ее под конец. Решающий удар.

На микрофон в камере никогда ничего серьезного не пишут, но он работал, пока они спускались вниз и снимали в подвале, когда Дэн испугался и использовал камеру как фонарик.

А вот они с Дэном в темном пентхаусе. Широкоугольник на плече Дэна.

На экране ноутбука в узком белом луче виднелись стены и пол. Свет потихоньку ослабевал и наконец терялся в сумерках. Казалось, что съемка идет под водой, на затонувшем корабле. Днем блеск свежей

краски и отполированного пола напоминал, что это обычные квартиры, но ночью утешал слабо.

Маленький круг высветил кожаную спину Кайла, блеснул синим отливом на его волосах – Кайл прошел вперед. Мир в глазке камеры подпрыгивал и дрожал, слабые лучики света попадали в темный лестничный пролет, но не могли проникнуть далеко.

И вдруг изображение резко дернулось вперед и вверх, уставившись на полоток. На аудиодорожке Дэн крикнул:

– Мать твою!

– Ты почему встал?

– Тихо. Ты закрыл дверь?

– Да, и запер.

– Тогда слушай.

Кайл нажал на паузу. Отмотал назад, на тот момент, когда Дэн поскользнулся на ступеньке. Подсел ближе к колонкам и увеличил громкость. Слышно что-нибудь? «Вроде, да». Слабый лязг, очень отдаленный. Какие-то стуки или удары. Он три раза переслушал этот кусок. Звук был – далекий и слабый, но был.

Он снова нажал «пуск».

Внимательно вслушиваясь, Кайл различил их собственные шаги на лестнице и в подвале, дыхание, шорох одежды, но ничего больше. Они заговорили о запахе, камера пометалась вправо-влево, не фокусируясь, пока Дэн не увидел стену за пучком швабр. «Вот и оно». Свет фонаря ударил в стену, увеличил желто-бурую лужу. Камера отъехала назад, в кадр попали расплывчатые отметины. Выглядели они как высохшие потеки грязной воды.

Кайл остановил воспроизведение, перемотал назад, чтобы рассмотреть пятно внимательнее. Стена словно выцвела, из нее выступали какие-то прожилки, и они поблескивали, как стеклянные бороздки, как будто в штукатурку вплавили песок. На прорванную трубу это не походило.

Он перемотал фильм вперед, по кадру за раз. Полоски расплывались, но в какой-то момент Кайл разглядел их ясно и шумно вздохнул. Отмотал назад, на тот момент, когда Дэн увидел пятно. Пересмотрел еще раз. И увидел *это* на двух кадрах: позвоночник и ребра.

Перемотал. Изучил снова. Поставил на паузу. В центре пятна действительно виднелось что-то вроде стеклянного кривого позвоночника, полускрытого сверкающими полосами. Как окаменелость какая-то. Более светлое пятно вокруг напоминало чахлую плоть, намотанную на кости, которые как будто просвечивали под грязной, почти прозрачной кожей. Над тем, что походило на скрюченные плечи, болтались какие-то длинные спутанные колтуны, растущие из чего-то, подозрительно похожего на маленький череп. Головы, утопленной в стене.

Кайл пометил время. Потом посмотрел отснятый материал еще раз – озадаченный и напуганный. Оглядел квартиру, как будто ожидал кого-нибудь увидеть. Зажег сигарету. Посмотрел на самого себя, рассказывающего о детях Собора, и услышал напряженный шепот Дэна: «*Блин*».

Слабо, но слышно. Глухой удар, как будто кто-то толкнул дверь наверху. Голос оператора за камерой звучал придушенно. «*Здесь точно кто-то есть. Ты, наверное, дверь не закрыл*».

Кайл всматривался в ролик так, что у него глаза заболели. Его экранный двойник ушел из подвала и осмотрел весь дом, сопровождаемый камерой. Потом Дэн опустил ее, чтобы помочиться. Никаких звуков, кроме их собственных голосов и движений, не было. Ему стало немного стыдно за страх, отразившийся на

его лице и в глазах. Вот Маус поржет!

Экран потух – Дэн выключил камеру, когда они поднялись наверх, в бывшие апартаменты сестры Катерины.

Кайл ждал следующей сцены, нервно курил.

И вспомнил, что они не поставили свет, хотели посмотреть, как пройдет ночная съемка. Но вот звук подключили – удочку и два петличных микрофона. Так что во время бегства тот должен был записаться идеально.

Настал момент истины: что из этого они себе придумали?

Кайл на экране говорил о том, как сестра Катерина отдалилась от своих адептов, потом камера затряслась, двинулась, в кадре осталась только половина его лица.

«Блин! Тут точно кто-то есть».

Что-то заскрежетало по полу, и у Кайла зашевелились волосы на голове. Звук приближался. Никакой ошибки: шум слабый, но явный, звук невидимых, неуверенных шагов. На экране появилось мертвенно-бледное лицо Кайла. Видно было, как он пытается сглотнуть.

«*Что это?*» – Дэн снял камеру со штатива и положил на пол. Голые стены дрожали в кадре, а потом камера уткнулась в черный провал двери. За кадром они с Дэном поспешно обменивались репликами: напряженные, высокие голоса были даже слишком хорошо слышны.

«Откуда я знаю?»

«Это не смешно. Совсем. Я…»

В мутном мирке на экране, где в бледном свете фонаря виднелось только несколько половиц, хлопнула дверь. С такой силой, что изображение вздрогнуло.

«Ты собираешься отсюда свалить».

Лежащая на полу камера завибрировала от их шагов. У двери они замерли. Подошвы Кайловых конверсов в слабом свете казались серыми. Черные кроссовки Дэна сильно контрастировали с толстыми бледными ногами. На нем были шорты, и в луче фонаря черные волосы на ногах куда-то исчезли. Кайл и Дэн замерли у двери, умирая от страха. Камера снимала их до пояса.

В своей безопасной квартире Кайл напряженно вслушивался в звуки якобы пустого здания.

Из колонок раздался его собственный напряженный голос:

«Эй! Кто тут?»

Ответа не последовало, но шум прекратился. Он помнил, что смотрел направо: в темный холл, на три двери, за которыми прятались три темные комнаты.

Крик.

Кайл остановил ролик. Отмотал назад. Прослушал еще раз.

Свист. Как будто птица или свистулька. Резко, отрывисто.

«Ты слышал?»

Он спрашивал Дэна, не на улице ли кричат.

«*Пошли, а?*» – напарник был в ужасе.

Микрофоны зафиксировали стон Кайла и кашель Дэна. Запах. Там ужасно воняло. Вонь шла из темных

углов комнаты. И снова послышался свист, как будто перепуганные птицы взлетали с дерева. А потом…

Кайл перемотал запись назад и послушал еще раз.

Звериный. Внезапный. Горловой грохочущий рык. И что-то ему ответило: он тогда подумал, что это собака. Да, это походило на испуганный собачий вой.

Кайл трижды пересмотрел запись.

«Может ли человек издавать такие звуки?»

Кайл нажал «пуск» и отошел от ноутбука. В колонках гремел топот чьих-то шагов – кто-то шел через темный холл к ним с Дэном.

Ноги на экране побежали. Они врезались друг в друга и повозились в дверях, потом рванули к ступенькам и исчезли из кадра. Микрофон записал хаотические звуки бегства по темной лестнице: скользящий звук ладоней по перилам, топот подошв по деревянным ступеням, дыхание, похожее на звук перегревшейся машины. А потом они с Дэном стали лишь отдаляющимся шумом на аудиодорожке, а камера продолжала снимать темный холл за дверями комнаты, из которой они сбежали.

Из колонок снова послышался звук, больше всего похожий на шлепки ладонью по стене. Как будто кто-то, с трудом держащийся на ногах, отправился через холл за Кайлом и Дэном. Через секунду хлопнула дверь, словно ее кто-то закрыл. «Незваных гостей было двое? Да быть не может».

– Боже мой, – сидя на полу собственной квартиры, Кайл старался не моргать, чтобы не пропустить то, чего на самом деле видеть не хотел. Изображение на экране не менялось: камера лежала на полу и продолжала снимать пустоту. Пока дверной проем не пересекла тощая фигура.

Ноги у нее подкашивались, двигалась она неловко, но очень быстро – мелькнула на мгновение и помчалась вниз по лестнице. В погоню. В темноте послышался скрежет лап, как будто собака скребла когтями по полированной поверхности.

Кайл нажал на паузу. Кто-то, судя по всему голый, был там все это время. Но как? Они проверили все помещения на верхнем этаже, прежде чем начать съемку. И закрыли все двери. Он медленно просмотрел ролик еще раз, пока бледное пятно не появилось на экране, в дверном проеме.

Кайл уставился на замершую фигуру, почти скрытую мраком. Промотал два кадра вперед. Она осталась неясной, как будто нарисованной на экране, но все же камера сфокусировалась лучше. Да, теперь появились кое-какие детали. Пара худых ног, морщинистые, иссохшие бедра. Жалкий намек на задницу. Плоть, бледная как рыбье брюхо. Острые колени, жилы вместо мышц, кости вместо лодыжек. Вторая нога, поднятая над полом, казалась размытой. Но она выглядела длинной и заостренной, словно на конечности торчал шип.

Кайл наконец выдохнул. Включил покадровое воспроизведение: тонкий силуэт наклонился, а потом исчез из поля зрения – кажется, опустился на четвереньки. Кайл пересмотрел последние три кадра, где едва виднелось лицо в профиль. В холле было темно, а фигура казалась размытой из-за быстрых движений. Еле-еле виднелась безволосая голова и острые черты лица.

У Кайла свело ногу, но он не мог двинуться. Фигура исчезла с экрана, а удаляющийся скрежет когтей по полу никуда не делся.

Он продолжался несколько невыносимо долгих секунд, пока его не заглушил порыв ветра, такой, что даже камера слегка дрогнула. И откуда-то из глубины дома донесся финальный звук: пронзительный свиной визг.

Пять

Вест-Хэмпстед, Лондон.

12 июня 2011 года. 16.00

Кайл позвонил Дэну. Нарвался на голосовую почту. Попытался рассказать о съемке на Кларендон-роуд, но не влез в лимит. Тут нужно было несколько часов, а не секунд.

Дэн перезвонил через час. Крестины закончились, но он спешно доделывал какой-то сюжет о терроризме для четвертого канала и ехал в Хитроу. Нет времени говорить. Позвони завтра, когда проснусь.

Кайл связался с Маусом, сказал, что отправил первые флешки курьером и что нужно вытащить с них звук в отдельный файл.

Ты сам поймешь почему!

Он кружил по заваленной барахлом квартире – на то, чтобы обойти ее раз десять, ушло немного времени. Курил «Лаки Страйк», пока не загорчило во рту, как будто умерли последние вкусовые сосочки. Его тошнило от усталости и нервотрепки, он толком ничего не ел. Посмотрел в холодильник, но там нашелся только открытый пакет макарон, три чахлых пера зеленого лука и баночка йогурта.

Взял книгу, отложил. Включил фильм с Вуди Алленом, выключил. Помыл посуду, вытер и убрал на место. Положил еды кошке, которая этого даже не заметила. Постоянно смотрел в окно, выходящее на Голдхерст-террас. Открыл бутылку бурбона «Уйалд Тёрки», от него заболел желудок, но после двух стаканов все же стало легче. Люди на улице возвращались по домам.

Показалась красивая девушка, подстриженная как Тринити из «Матрицы», зацокала высокими каблуками по дорожке. Кайл подошел к окну и долго на нее пялился. Но даже она не смогла отвлечь его от пленки.

Это был наркоман? Измученный, худой, потерявший всякое человеческое подобие, с резким голосом, умирающий от ломки? Может, *оно, он, они* пробрались в здание и устроили логово в одном из самых дорогих домов Лондона? В пустом здании? Возможно. Их с Дэном голоса вырвали сквоттеров из предсмертных наркотических грез. Однажды Кайл видел в Кэмдене двух наркоманок, похожих на скелеты. В четыре часа утра они копались в мусоре. Кости, кое-как прикрытые одеждой, в которой они раньше тусовались по ночным клубам. Лица покрыты алыми нарывами.

Или это бывший член секты пробрался в дом, не сумев окончательно порвать с Последним Собором даже через сорок лет?

Кайл включил альбом Volbeat, чтобы не думать об этом больше. Рухнул на диван и уставился в потолок. Снова стал вспоминать мутный ужас на Кларендон-роуд. Страх и смущение. В квартире было тепло, но он дрожал, как от назойливого сквозняка. Словно начинался дурной приход, усиленный паранойей и от того по-настоящему опасный.

На диван пришла кошка, пару минут помесила передними лапами его грудь и живот, но посчитала, что спать здесь будет неудобно. Ушла. Высоко задрав хвост, проследовала в крошечную кухню и, судя по звуку, прыгнула на подоконник, где еще лежал последний солнечный луч.

Кайл посмотрел на восемь никому не нужных писем, которые поднял с пола дома на Кларендон-роуд. Начал гуглить имена бывших владельцев.

– Миссис Филлипс. Рашель Филлипс?

– Слушаю. С кем я говорю?

– Кайл Фриман. Вы работаете в воскресенье? Сурово.

– Я каждый день работаю. Вы кто?

– Мы не знакомы…

– Вы ничего не продаете? Я занята.

– Нет, что вы. Я… я хочу задать пару вопросов о квартире, которую вы снимали на Кларендон-роуд.

– Да-да.

– Насколько я понимаю, вы жили на первом этаже, и…

– Откуда вы взяли номер?

– Ну… нагуглил.

– Вы гуглили меня?

– Да, простите. Это, наверное, невежливо, и я бы не стал вас беспокоить, но я был в том доме в субботу, и… не знаю, как сказать.

– Думаю, вы хотите спросить, почему я так быстро съехала, даже середины арендного срока не дождалась?

– А вы съехали?

– Не снимайте там квартиру. Лучше вообще рядом не ходите.

– Я и не собирался, а теперь уж точно не буду.

– Значит, агент по недвижимости дал вам мое имя, чтобы вы могли найти телефон?

– М… нет.

– Хорошо. А откуда тогда вы взяли мое имя?

– Почта. Я, конечно, не читал ваши письма, просто увидел несколько конвертов, когда мы вернулись за… и я решил позвонить одному из бывших владельцев. И нашел только ваш номер. В вашей палате. Вы единственный в Интернете адвокат по имени Рашель Филлипс. Я хотел оставить сообщение…

– А вы дотошный молодой человек.

– Это очень важно для меня. Я просто хотел спросить…

– Не замечала ли я чего-нибудь странного, пока жила там?

– Да. Например, необычных запахов.

– Запахи! Все сантехники говорили мне, что с трубами все в порядке. Их было трое. И с канализацией тоже все хорошо. Но запахи беспокоили меня меньше всего, мистер?

– Фриман. Кайл Фриман.

– Мистер Фриман, – она понизила голос, как будто кто-то мог их подслушать. – Вы верите в привидений?

– Меня часто об этом спрашивают. Наверное, лучше признаться. Понимаете, мэм, я снимаю фильмы. В том числе документальные. О всяких необъяснимых событиях.

– Извините. Я думала, вы хотите снять квартиру в том доме. Стоило бы сказать. Я не собираюсь сниматься в каких-то передачах об этом.

– Нет-нет, я не предлагаю. Мы получили разрешение снять в этом доме документальный фильм о его

истории.

– Истории?

– Ну история у него есть. Я не журналист и не буду использовать ваше имя. Я – независимый режиссер, и я даже снимать вас не буду, если вы не хотите.

– Боже, нет, конечно!

– Хорошо. Без проблем. Но у вас есть время со мной поговорить? О доме?

– Не совсем.

– Мы не могли бы встретиться? С удовольствием приглашу вас на ланч. – Пауза. – Мэм?

– Да. Подождите. Просто смотрю в ежедневник. Может быть, мне полезно будет поговорить с кем-то, кроме друзей, которые считают меня сумасшедшей. Вы свободны в понедельник?

– Да.

– В час? Это завтра. Потом я три недели занята.

– Да, конечно, я буду.

– Вам придется ко мне заехать. Я работаю на Стренде.

– Хорошо.

– Отлично. Буду ждать вас в «Стар Инн». Ровно в час. У меня будет двадцать минут. И захватите мои письма.

– Конечно, – сказал он гудку в трубке.

Кайл перевел дух и выпил залпом стакан воды из-под крана. Вернулся к ноутбуку и погуглил название паба, предложенного Рашель Филлипс. Открыл второе окно и посмотрел адрес на картах. Ближайшая станция метро? «Ченсери Лейн».

Может, удастся доехать на такси, а счет скинуть Максу? Может, он уговорит Рашель и запишет ее анонимное свидетельство, а потом наймет актрису, чтобы та проговорила текст за кадром? Конечно, если монолог будет того стоить. Рашель Филлипс, королевский адвокат, вела себя резко и ценила свое время, но мало походила на чокнутую дамочку, которая будет воображать невесть что из-за странных запахов и звуков в съемной квартире. Юристы ведь обязаны быть точными?

Вдруг захотелось снова позвонить Дэну и рассказать ему новости об интервью. Поделиться неожиданным подтверждением того, что на самом деле случилось в здании. Он взял телефон со стола, но вспомнил, что Дэн работает, и положил его обратно. Рухнул на диван. Посмотрел на каштан за окном, сквозь листья которого с трудом пробивалось закатное солнце, лучи которого ромбами падали на пол.

Это будет нечто.

Настал тот драгоценный, щекочущий нервы момент, когда кропотливая работа, поиски, интервью, бесконечные телефонные звонки, переговоры о съемках, перерывы, разочарования, компромиссы и исправления начинают приносить плоды, и один кадр сам собой переходит в другой, рождая нечто уникальное, рассказывая новую историю, которую Кайл не мог себе представить, когда писал сценарий. Лучшие сюжеты рождаются сами, не оставляя от первоначальных планов камня на камне – он знал это по «Шабашу» и «Кровавому безумию». Они просто ждали того, кто найдет правильных людей и задаст правильные вопросы.

– Охренеть, – сообщил он кошке, присевшей на подлокотник. Та моргнула и отвернулась.

От Макса ни слова. Утром он оставил ему бессмысленное сообщение на голосовой почте, днем – еще два, потому что не мог просто сидеть и смотреть отснятый материал с последней флешки. Соломон разве не просил ему позвонить сразу после интервью со Сьюзан Уайт?

Он открыл почту и стал печатать:

Шесть

Линкольн-Инн-Филдс, Лондон

13 июня 2011 года, 13.00

Рашель смотрела на Кайла, пока тот вытаскивал разрывающийся телефон из бокового кармана кожаной куртки.

– Вам обязательно отвечать?

– Нет, это вполне может подождать.

Это был третий звонок Макса с того момента, как он сел с Рашель Филлипс на скамейку на площади Линкольн-Инн-Филдс. Посмотрев в окно выбранного ею же паба, она отказалась туда идти.

– Не волнуйтесь, дело не в том, что я не хочу, чтобы меня видели с вами. Но вот чтобы нас подслушивали – не хочу. Я тут слишком многих знаю. У меня всего двадцать минут. Поесть можно и потом. Вы не возражаете?

Говорила она быстро и коротко, а пока они шли к площади, не отрывала взгляда от своего «Блэкберри». Кайл понял, что интервью будет недолгим.

– Надеюсь, вы не выставите мне счет за беседу? Полагаю, вы берете недешево.

– Я подумаю, – она засмеялась.

Хрустящая белая блузка, нитка жемчуга, дизайнерские очки в черной оправе, черный костюм в тонкую полоску, белые чулки, туфли с ремешком, «взрослый» парфюм. Она была довольно полная, но все равно сексуальная – средних лет блондинка с белоснежной кожей. При движении рук красные ногти отблескивали, как спинки огромных божьих коровок, а на гладком веснушчатом запястье блестела тонкая золотая цепочка.

Кайл вручил ей диски с двумя своими последними фильмами, надеясь, что мрачная обложка ее не отпугнет. Он хотел показать, что настроен серьезно, не сумасшедший, и ему можно доверять, если она все-таки решит появиться перед камерой или хотя бы позволить использовать свои слова.

– Боже мой. «Шабаш». А дальше что? – Потом она посмотрела на него и добавила: – Спасибо, – запихивая диски в сумочку.

– Название не я выбирал. Дистрибьютор.

Телефон Кайла пискнул – Макс оставил очередное сообщение.

– А я-то думала, это я занята.

– Это исполнительный продюсер фильма. Он может и подождать, а ваше время дорого стоит.

– Спасибо, – скромно сказала она, смотря на купола и стены колледжа Сент-Мэри, – сначала появился запах. Точнее, я первым его заметила.

– Как бы вы могли его описать?

– Мерзкий. Сначала немного пахло сточными водами, а потом я уверилась, что под полом застряла

дохлая крыса. Воняло падалью. Абсолютно точно. Я расследовала военные преступления в Боснии в составе миссии ООН, так что знаю, как пахнут трупы, – она трижды моргнула тщательно подведенными глазами, – но этот запах появлялся и исчезал. Обычно по ночам. Его никогда не было, когда днем присылали человека из агентства. Они ничего не нашли. Трубы оказались в идеальном состоянии.

– А подвал они осмотрели?

– Конечно.

– Мы, кажется, обнаружили там протечку.

– Протечку?

– Да, за всеми коробками и мебелью. На стене. Света не было.

– Свет… – Рашель прикусила нижнюю губу, вертя «Блэкберри» в наманикюренных пальцах.

– Да. Мы вернулись около десяти, чтобы доснять пару кадров, и обнаружили, что света нет. Поэтому мы использовали фонарь на камере, и Дэн увидел пятно на стене подвала.

– Это не протечка, – сказала она почти шепотом. Оглянулась, следя, чтобы рядом никого не было.

– Нет?

– Вы заметили *выцветший участок в кладовке*, правильно? – резко спросила она, сузив голубые глаза.

– Да, – он с трудом удержался, чтобы не добавить «ваша честь».

– И что конкретно, по-вашему, вы там увидели?

Кайл пожал плечами, слегка удивленный прямотой ее допроса:

– Пятно, наверное. Или подпалину. На штукатурке. А в записи я разглядел… не знаю. Кости, что ли.

Рашель торжествующе улыбнулась:

– Пятна на штукатурке появились у меня в двух комнатах. Через три месяца после полного ремонта с заменой проводки, сантехники и новой отделкой всех трех квартир. Я точно знаю, потому что агент показывал мне счета и чеки. И там не было воды. Никаких протечек. Никакой сырости. Пятнам неоткуда было появиться.

– Кстати, там все снова вычистили. Дом выглядит идеально.

– Меня это не удивляет. Подумайте лучше о том, что его ремонтировали дважды, когда я там жила, всего за двенадцать месяцев. Другие две квартиры пустуют?

– Да.

– Жильцы оттуда выехали еще раньше меня. По тем же причинам.

– Запахи? Пятна?

– Это только часть проблем. Что касается света – два электрика уверяли меня, что проводка в идеальном состоянии, хотя электричество постоянно вырубалось по всему дому. Я научилась сама менять пробки, от этого свет обычно включался. И лампочек ушло около сотни. Никто так и не смог сказать, что перегружает цепь. А потом проводка под распределительным щитком оказалась испорчена.

– Испорчена?

– Перерезана. Но кем? А когда свет выключался, всегда появлялись запахи и пятна. Понимаете, Кайл… держу пари, что, если вы вернетесь в тот дом сегодня, пятно на стене уже почти исчезнет. И оно совсем не

рядом с трубой, это не протечка. Любой мастер подтвердит вам, что никакой протечки там нет. В этих пятнах что-то видно. И это еще не самое худшее. Я уехала из-за того… я постоянно чувствовала, что в доме кто-то есть. Я там большую часть времени жила одна, а такое ни одной одинокой женщине не понравится.

– Мы слышали что-то странное, – сказал Кайл, когда Рашель повернулась к нему.

– На верхнем этаже жил фондовой менеджер с женой. А квартиру на втором снимал владелец авиакомпании, который останавливался там иногда. Мы все что-то слышали.

– Вы можете описать эти звуки?

– Попробую. Но это очень сложно. Думаю… это странно звучит, но иногда я слышала детские голоса. Плач. И ветер. Дети на ветру. Жилец верхнего этажа жаловался на собак. По утрам он говорил: «Снова собаки выли». Он был из Ирана, но отлично говорил по-английски. Эти звуки издавали животные. Надеюсь. Но не знаю, какие точно. И всегда за пределами квартиры, на лестнице. Семья сверху была уверена, что кто-то пробрался в дом. Они по три раза вызывали полицию по ночам. Я слышала какие-то шаги в холле и на лестнице. Как будто пьяный шел.

Кайл уставился на свои ноги:

– А музыка?

– Музыка? Нет. Но иногда мне слышался какой-то свист.

– Значит, мне не почудилось. Мы сильно испугались. Как вы прожили там столько времени? Мы убежали сразу же. Там как будто дул ветер…

– На лестнице?

Кайл кивнул.

– И что это, по-вашему? Вы ведь эксперт.

– Не сказал бы. Ни о чем подобном я раньше не слышал. Может, полтергейст… – Кайл сглотнул, – а вы что-нибудь видели?

– Боже мой, нет. Но материала для застольных рассказов мне хватит до конца жизни, – Рашель взглянула на Кайла, прищурившись. – Я имею в виду, среди друзей. Не хотелось бы, чтобы вы использовали мое имя в фильме. Я буду следить.

– Нет-нет, что вы. Не смею даже мечтать об этом. Соседский ребенок подтвердил кое-что из того, что вы рассказали. Дэн разговаривал с ним в воскресенье, когда мы вернулись за камерой, и он сказал, что люди все время приезжают и уезжают, и никто не живет в доме долго. А еще дом вечно громят и ремонтируют заново, и он скоро с ума от этого сойдет. Мне бы хотелось использовать некоторые детали из жизни арендаторов этого дома, но я не стану упоминать ваше имя.

– Хорошо. Тогда расскажите мне про дом. Вы сказали, что у него есть история. Конечно, агент по недвижимости ничего такого не упоминал, но, думаю, мне не очень понравится ваш рассказ. Там… водятся привидения?

– Мы снимаем документальный фильм о Храме Судных дней.

Рашель Филлипс выглядела так, как будто ее сейчас хватит удар.

– Об американской секте?

– Она началась с этого дома, Рашель. Тогда они называли себя Последним Собором и жили в этом доме в шестьдесят восьмом и шестьдесят девятом годах.

Семь

Вест-Хэмпстед, Лондон.

13 июня 2011 года. 14:45

– Макс, успокойтесь, ради бога.

«*Я разве велел вам разговаривать с какой-то несчастной юристкой?! С соседями? Вы не могли просто все сделать по плану? Я надеюсь, что не ошибся, доверившись вам*», – голос Соломона в трубке дрожал, и не только от гнева – казалось, он сейчас расплачется.

– Так. Стоп. В вашей инструкции ясно сказано – найти и заснять доказательства паранормальных явлений, возникших из-за Храма Судных дней. Это цитата из вашего текста, Макс. Интервью с бывшим жильцом их первой штаб-квартиры, столкнувшимся с паранормальным, напрямую относится к теме фильма. И эта «несчастная юристка» явно заслуживает доверия гораздо больше, чем сестра Исида, которая, кажется, сбежала из сумасшедшего дома.

«Не говорите так! Эта дама откровенна и честна. Она была там, Кайл. А юристка и соседи – нет. Сьюзан Уайт никогда не стала бы приукрашать свою историю. Любые ее слова можно в банк нести на проверку!»

Тут они вступили на незнакомую почву. После первой встречи Кайл считал Макса доброжелательным, спокойным, но ловким и увертливым человеком. А теперь тот вдруг стал вспыльчивым и эмоциональным, и даже пытался Кайла контролировать. И Кайла это не радовало.

– Макс. Моя работа говорит сама за себя. Я все делаю тщательно. Я следую инструкции. Я не упущу важного, надежного свидетеля с правдоподобным рассказом. Рашель Филлипс – адвокат. Адвокат! Или пусть лучше в фильме будет только кучка престарелых хиппи с байками о сущностях и Семерых? А? Тогда получится дешевка. Подумайте об этом. Хотите на выходе «Подземелья и драконов» получить?

«Пожалуйста, не повышайте голос. Постарайтесь понять…»

– Нет, Макс. Не могу. Не могу понять, почему вы не даете мне проявить инициативу. Это плохой способ начинать деловые отношения. Я не предполагал, что моя попытка найти какие-то доказательства вызовет вопросы. Я говорил вам это при первой встрече, и вы отдали всю творческую часть картины мне. Я не буду подчиняться каким-то планам. Я так не работаю. Своих корыстных целей я не преследую и ваши тоже не стану. Особенно с учетом того, что вы тоже состояли в секте.

Макс долго молчал, тяжело дыша.

«*Нет. Нет, Кайл, вы правы. Прошу прощения. На меня сейчас сильно давят*». В его голосе появилось раскаяние, как будто он сам теперь не мог понять, чем вызван недавний взрыв. Кажется, он удивил их обоих.

Кайл сохранял осторожность. Он инстинктивно не переносил давления со стороны киношных начальников. Видит бог, их в его жизни было достаточно.

– Почему вы не сказали, что тоже были членом Последнего Собора? Это огромное упущение. Вы были там с самого начала, но промолчали. В чем дело?

«Сьюзан не должна была об этом говорить. Я ее просил».

– Почему? Вы вместе ушли из секты! Вы могли бы рассказать все то же самое, что и она. Может, взять интервью у вас?

«Нет!»

Кайл дернулся, как будто трубка ударила его током.

«Извините. Сейчас тяжелое время для нас».

– Нас? Кого это «нас»?

Макс тяжело вздохнул:

«Еще один из нас ушел этой ночью».

– Не понимаю. Вы, вообще, о чем?

«Мы больше не можем терять время. На этой неделе нужно обязательно поговорить с Гавриилом. А пленка из Лондона нужна мне прямо сейчас! Загрузите файлы на фтп. Адрес у вас есть?»

– Да. Но… «один из нас ушел» – что вы имели в виду?

«Мы стары. Нас осталось немного, многие нездоровы. Недавно нас покинул мой любимый старый друг».

– В смысле умер? Кто?

«Неважно. Он не собирался участвовать в фильме. Никогда бы на это не согласился. Но я очень расстроен».

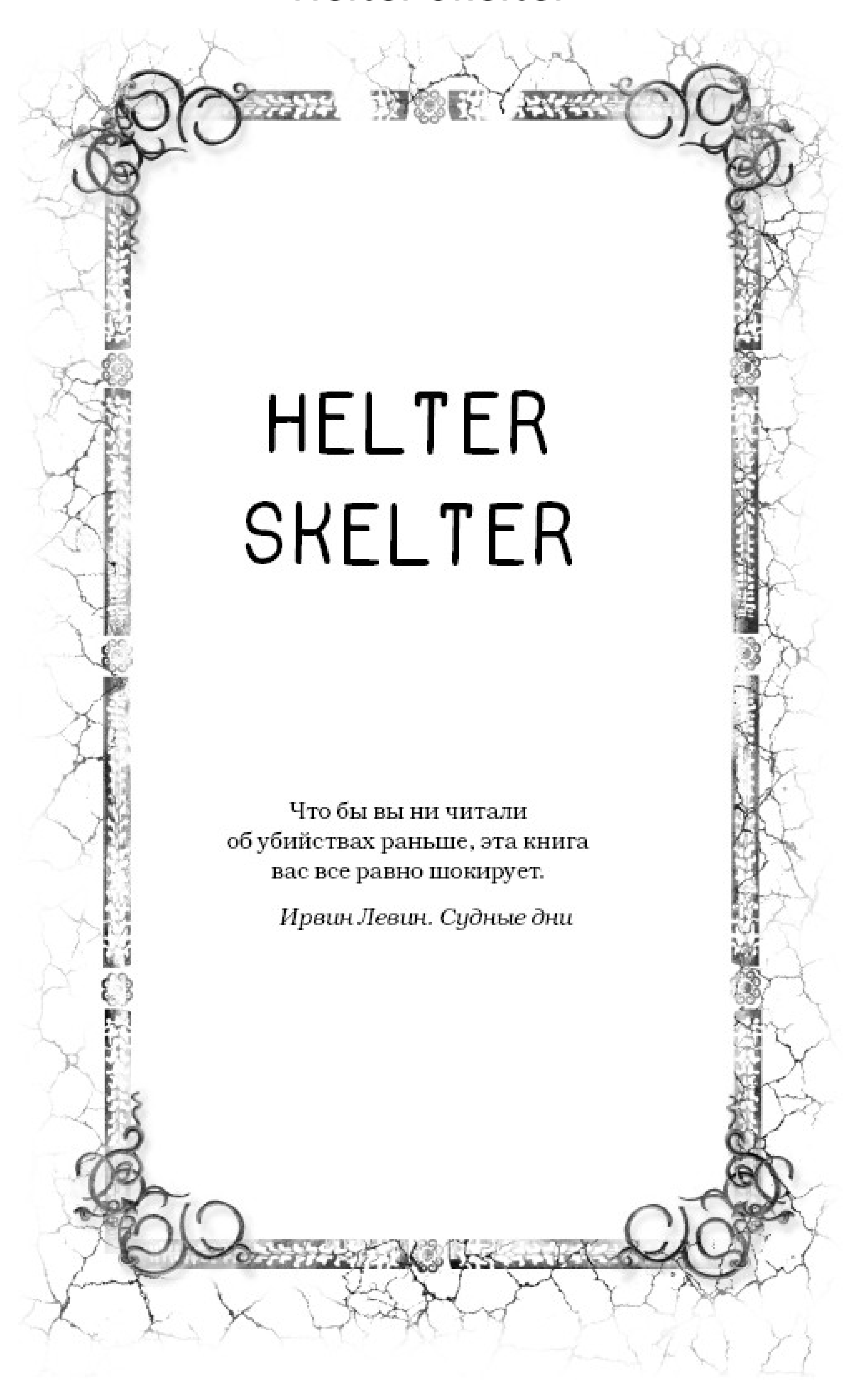
– Мне очень жаль, Макс.

«*Я узнал вчера. Это ужасно. Мы столько пережили вместе,* – Макс закашлялся, – *позвоните мне из Франции. Поговорим подробнее. А после вашего возвращения встретимся*».

– Подождите.

Но Макс уже повесил трубку.

Helter Skelter

Восемь

Неподалеку от Мортена, Нижняя Нормандия,

Франция.

15 июня 2011 года

Телефон Кайла опять звякнул – пришла смс.

От Макса: «*Снимайте все здание. Мне нужен брат Гавриил во всех комнатах*».

Это было девятое сообщение от Макса с того момента, как они приехали во Францию с братом Гавриилом, похожим на маленькую куклу, умастившуюся на заднем сиденье.

– Да хватит уже! – Его подозрения о лицемерности Макса, появившиеся, когда тот вдруг попытался по мелочи контролировать съемку, еще больше усилились теперь, когда на них сгрузили старого идиота-сектанта. Раздражение переросло в настоящее возмущение, и что-то поделать с этим было сложно.

Паром из Портсмута в Нормандию шел восемь часов. Почти бессонная ночь из-за нескончаемых монологов брата Гавриила, да и спать на стульях, прикрученных к кренящейся палубе, оказалось сложновато. А поездка из Гавра в Мортен вогнала Кайла в ужас – с точки зрения любого английского водителя, здесь все ездили по неправильной стороне дороги.

– Что случилось? – спросил Дэн, не столько интересуясь содержанием сообщения, сколько пытаясь перебить очередное нравоучение, доносящееся с заднего сиденья.

Кайл ткнул телефон в подставку.

– Макс! Опять. Блин! Мы знаем, что делаем. А он все повторяет и повторяет.

В зеркале заднего вида он поймал взгляд маленьких веселых глазок брата Гавриила, прячущихся за очками, заляпанными перхотью и следами от пальцев. «Как он вообще в них видит?» Казалось, старому сектанту очень нравится, что Кайл злится на Макса.

– Да уж, – Дэн выглянул в окно.

Вряд ли его вдруг потянуло к сельским видам – скорее пугало вонючее дыхание брата Гавриила, высунувшего головенку между передними креслами. Пейзаж за окном, казалось, был нарисован всего тремя цветами: зеленым, белым и грязно-серым. Монотонные поля перемежались маленькими фермами. Если бы Кайл не ехал по неправильной стороне дороги, мягкий солнечный свет мог бы его немного успокоить.

Он прикусил губу, чтобы не рассмеяться истерически. Не верилось, что на Земле существует еще один человек, кроме брата Гавриила, который бы так хотел рассказать о том, что никто не желал слушать. Старик был настолько тощим, что рядом с огромным Дэном выглядел куклой с головкой, увенчанной гривой сальных серых кудрей, доходивших до плеч. Лицо у него было минимум на два дюйма у́же черепаховой оправы, а уши напоминали курагу.

Они забрали его из Вуд-Грин, где бывший сектант жил на пособие по нетрудоспособности в муниципальной квартире на первом этаже. Воняло там так, что Кайл с Дэном едва не сбежали. Сразу стало ясно, что брату Гавриилу редко выпадает шанс поговорить с людьми, если только те не заперты с ним в одном помещении.

Стоило им позвонить в дверь, как он открыл ротик, окруженный несвежей седой бородой, да так и не закрыл. Пиджак был велик ему размера на три, хотя, кажется, изначально шился на мальчика. На потертой черной ткани виднелась белая шерсть, но ни кошки, ни собаки в полутемной захламленной квартире с одной спальней они не разглядели. Гавриил упомянул, что с ним живет девяностолетняя мать, за которой он присматривает. При мысли об этом Кайлу стало нехорошо.

– С вашей мамой все будет хорошо, Гавриил? – спросил Дэн у маленького человечка, склонившегося над старым фибровым чемоданом с латунными уголками. – Вы вернетесь через два дня. Может, не нужно брать столько вещей? – В чемодане было полно одежды.

Между потертыми лацканами Гавриила куртки виднелся зеленый спортивный костюм, а под ним – еще две рубашки, заляпанные у ворота. Кайл подумал, что, если все это снять, под одеждой останется только детский скелетик. На секунду он даже пожалел, что Гавриил уезжает из дома, и теперь они с Дэном за него отвечают.

По дороге в Портсмут их осчастливили долгими подробными лекциями об истории поместья, где жил Гавриил, его важности для изучающих географию паранормального, о бункерах инопланетян в Гемпшире, о возможном местонахождении Атлантиды неподалеку от южного побережья Англии, о движении психической энергии по силовым линиям и их влиянии на радио, которое Кайл включил, чтобы заглушить бесконечный словопомол. Лекции продолжались и продолжались, каждое предложение произносилось с характерной иронической интонацией человека знающего, пока Дэн тайком не воткнул в уши крохотные наушники, а Кайл не попросил говорить «немного потише», чтобы «он мог сосредоточиться на незнакомой дороге».

В автомобильной очереди на паром Кайл получил от Дэна смс: *«Этот чувак похож на египетскую мумию в парике Харпо Маркса. Еще один клоун. Давай выкинем его за борт»*.

Кайл ответил: *«Я беру за ноги, ты за руки»*. Мысль о целом дне наедине со стариком и обратной дороге вводила в ступор. Единственное, что Гавриил не упомянул ни разу, – Последний Собор.

Ближайшей точкой около их цели навигатор счел городок Мортен. Адреса у фермы не было. Картографы думали, что там ничего нет, кроме чистого поля. После Мортена Кайл ориентировался по атласу и ксерокопиям карты, взятым из инструкций Макса, но, кажется, промахнулся. Отъехал слишком далеко на юг от города.

«*Ее не видно с дороги*, – писал Макс, – *в двух милях от деревни внизу холма будет большой белый дуб. Напротив него ворота. На ферму вы не проедете. Нужно перелезть ворота или пройти через изгородь. Или там стена? Спросите у Гавриила. Прямо к северу от ворот будет рощица. Найдите дуб, и он укажет путь*».

Оставался вопрос, считалось ли недавнее скопление убогих домишек деревней. Они теснились вдоль дороги настолько узкой, что там еле могла проехать одна машина. Думая о вероятной встрече с трактором, Кайл искусал губы до крови. «Поселок» выглядел пустынным или вообще заброшенным, все окна были закрыты. Из скольких домов состоит деревня? Кайл не знал.

Он вообще ничего не знал. Не говорил по-французски. Никогда раньше не водил машину в Европе. По спине у него лил пот. На спинке сиденья прокатной машины наверняка образовалось мокрое пятно, напоминающее кляксу Роршаха. Пробираясь по узкой дороге, он то и дело задевал кусты и ветки деревьев, пытаясь следить за дорогой, слушать навигатор и смотреть в карту, а не внимать очередной речи брата Гавриила о тамплиерах во французском правительстве.

Когда дорога сделалась достаточно широкой для маневра, Кайл неловко развернулся.

– Вы что-нибудь узнаете? – спросил он через плечо.

– Что вы постоянно меня спрашиваете? Я не помню.

– Вы тут жили!

Гавриил впервые промолчал.

– Может, хоть раз скажете что-нибудь полезное? Плюньте вы на заговор Евросоюза. От него сейчас никакого толку.

Дэн улыбнулся и толкнул Кайла в плечо:

– Остынь.

Вокруг росло столько деревьев, что Кайл засомневался в том, что сможет узнать среди них дуб. В детстве у родителей в саду точно рос один. Он вспомнил, как съехал по огромному стволу жарким летним днем, в одних плавках, цепляясь тонкими руками и ногами за жесткую кору, как медведь. Первые несколько секунд после падения мама думала, что он оторвал себе член. Он вспомнил, как она купала его «краник» в ванночке с антисептиком, пока Кайл одной рукой прижимал вату к порезанному лицу, а второй – мокрую фланель к кровоточащему соску.

Все оставшееся лето лоб и нос покрывала паутина царапин.

Он треснул кулаком по рулю и резко надавил на тормоз. Всех троих бросило вперед.

– Что?! – спросил Дэн.

– Может быть, стоило посмотреть на карту до того, как мы уехали из кафе? – вмешался Гавриил.

«Первая передача»: он останавливался после каждого большого дерева, оглядываясь и пытаясь понять, не дуб ли это, пока дорога не пошла под уклон. *Холм?*

– Узнаете что-нибудь, Гавриил?

– Не уверен.

– Если это не здесь, то я вообще не знаю где. Эта чертова ферма, вообще, существует?

– Существует, конечно. Камни, которые использовались при постройке…

– Не сейчас, Гавриил, – сказал Дэн, – у вас будет куча времени поговорить перед камерой, хорошо?

Кайл сдвинулся на дюйм вперед к следующему дереву. «Может, эта фигня – дуб?» Да, точно: широкий короткий ствол, так и манивший на него забраться, и огромная крона, отбрасывавшая густую тень на машину. Он вырубил навигатор. Опустил правое окно и посмотрел через Дэна. Напротив дуба в траве виднелся еле заметный съезд, но не было никаких ворот. Густая изгородь разрослась.

Кайл отстегнул ремень и выбрался из машины. Ноги затекли.

Встал на цыпочки и посмотрел через изгородь. Примерно через сто метров виднелась кучка деревьев. «Роща?» Посмотрев под ноги, Кайл понял, что нашел мостик через канаву, бегущую вдоль узкой каменистой дороги, земляную насыпь, поросшую травой по колено, из-за которой он уже промочил джинсы. Пройдя по ней, Кайл отвел несколько густых веток с изгороди и увидел ворота в двух футах от себя.

– Нашел!

До заката оставалось часа четыре. «*Лучше закончить до ночи. Не стоит вызывать подозрений*». – велела последняя смс от Макса, а потом сигнал исчез.

«*Почему? У кого?*» – набрал он в ответ. Соломон, как обычно, не ответил.

Кайл перевалился через изгородь и помог пробраться Дэну, тащившему камеру и сумку с оборудованием. Гавриил прошел следом, осторожно ступая маленькими ножками.

Они шли по лугу: целый океан травы и крапивы, мокрый, доходящий Кайлу до пояса. Где-то внизу

вилась дорожка, по которой последователи секты ходили в деревню и обратно продавать яйца и поделки, отправлять рукописи Катерины и статьи издателю в Дорсете, который делал из них сюрреалистичную «Благую весть». Макс вложил в папку экземпляр книги и два номера журнала. Книгу читать было невозможно: громоздкая, написанная под Ветхий Завет проповедь самовосхваления, белиберда о вере Катерины в свою божественную сущность и роль Спасителя для собственного стада, а также жалобные тирады о преследованиях и исходе из гибнущего мира. Мира, откуда она ушла в поисках богоподобного бессмертия, которого достигнет с помощью веры и уединения. Журнал перепевал примерно те же мотивы, обещая всем спасение от ужасов семьи, общества и правительства, но только путем преданности Катерине и ее прозрениям. На благую весть это походило мало – скорее на манию и чрезмерно раздутое эго.

Землю никто не трогал много лет, наверное с марта семьдесят второго года, когда Собор, едва пережив вторую мучительную зиму, ушел отсюда. По словам Макса, участок так и не продали, и он все еще принадлежал Храму Судных дней. От этого его смс о «подозрениях» делалась еще загадочнее. Соломон не нашел никакой информации о завещании организации, но ее активами управляла подставная компания в Нассау. Если заброшенная ферма принадлежала секте, которая перестала существовать сорок лет назад, стоит ли так уж заботиться о нарушении частной собственности?

«*Не сходите с дорожки*, – написал Макс, когда они уже пересекли Ла-Манш, – *Катерина говорила, что поставила там капканы, чтобы напугать чужаков и наказать отступников. Насколько я знаю, это капканы на барсуков и диких псов. Пружинные, могут ногу размолоть. Зубья у них стальные и дойдут до кости. Я всегда думал, что это ложь, и их должны были (должны?) убрать, ведь прошло сорок лет. Но все-таки не сходите с дорожки. Пожалуйста*».

Спутники Кайла восприняли новость не слишком радостно. Брат Гавриил не смог ее подтвердить или опровергнуть – он покинул секту в конце первого года.

– Какая, к хренам, дорожка? – Кайл обозревал акры заросшей земли, огороженные далеким проволочным забором. На всем лугу выделялась только рощица, а за ней, кажется, продолжался бесконечный выпас. – Чертовы хиппи.

Ниже собственного ремня он ничего не видел и постоянно представлял ржавые зубья на земле. Распахнутые, настороженные. Надежно скрытые густой травой. Ждавшие четыре десятка лет, чтобы наконец сомкнуться. У него аж ягодицы свело.

Их крики никто не услышит. До деревни две мили, и там, скорее всего, никого нет. Ни Дэн, ни Гавриил не умеют водить. Он представил, как скользкими от горячей крови пальцами тщетно пытается разжать ржавую сталь на ощупь, и с трудом прогнал эту мысль из головы. Это слухи, просто слухи. Откуда вообще Максу знать?

Он-то сбежал из секты задолго до того, как тут все пошло прахом.

– Да ты издеваешься, – сообщил Дэн, оглядывая луг.

– После вас, Гавриил, – сказал Кайл.

– Поработаете сапером.

Шутка Дэна не показалась старику смешной. Он еле стоял на ногах и старался держаться поближе к изгороди, как будто готовясь бежать обратно к машине. Худое лицо посерело, а крошечные темные глазки быстро моргали.

– С вами все в порядке? – спросил Дэн. Посмотрел на Кайла: – Наверное, дурные воспоминания.

Земля, на которой они стояли, оказалась единственной вещью, способной заткнуть Гавриила. Кайла это не успокоило.

– Давайте снимем, как мы идем через луг. Может получиться неплохо. Покажем, насколько это отдаленное и заброшенное место.

– Не знаю, – Гавриил почти шептал.

– По логике, заросшая тропинка должна идти прямо к деревьям. Ферма где-то за ними. Правильно, Гейб? – спросил Дэн.

Гавриил кивнул.

– Идите вперед. Будем снимать, – в голосе Дэна слышался садистский восторг. Плата за долгие часы беспрестанной болтовни, которая даже для бонусов к DVD не сгодилась бы.

Кайл не выдержал и тоже поддразнил Гавриила:

– Расскажите нам, что вы чувствуете, – вы первый член секты, который вернулся сюда спустя сорок лет.

– Мне нужно поговорить с Максом, – заявил старик.

– Сигнала нет, – Дэн возился со штативом.

– Мы зашли слишком далеко, чтобы поворачивать назад. Нам нужно просто дойти до фермы, снять развалины, задать вам пару вопросов перед камерой и вернуться к воротам по своим следам. Горячий ужин, отель, холодное пиво. Все за наш счет. Расслабьтесь.

Гавриил выглядел как-то неуверенно.

Кайл заговорил мягче. Под открытым небом стресс от дороги стал отпускать:

– Сейчас не время менять решение. Я понимаю, что вы пережили здесь многое…

– Не понимаете.

– Хорошо. Я думаю, что это было нелегко, но повторное посещение этого места может стать полезным для вас. Так случилось со Сьюзан Уайт. Ну, сестрой Исидой. Мы привезли ее на Кларендон-роуд. А вы согласились приехать сюда.

– Да, конечно. Но сейчас я здесь, и…

– Что?

Гавриил умоляюще смотрел на Кайла маленькими водянистыми глазками:

– Я чувствую *их*. Они как будто так и не ушли отсюда.

Кайл попытался раздвинуть руками траву, чтобы видеть, куда ступать, но это было равносильно попыткам развести ладонями грязную воду. Первые десять шагов он шел осторожно, на цыпочках, и дважды споткнулся. Потом вернулся к изгороди и выломал из нее ветку, которой стал прощупывать землю перед собой.

Он тащил сумку со светильниками и звуковым оборудованием, стараясь держать ее повыше. Когда они подошли к роще, Кайл весь вспотел, плечи горели, а шея затекла и болела. «Как-то не быстро». Двадцать пять минут на то, чтобы пересечь поле. Солнце еще не село, но светило уже несильно. А последний дневной свет нужен – повторять все завтра Кайл совсем не хотел.

Гавриил отказался идти первым, так что начальный план со стариком, идущим к могиле своих мечтаний и надежд, не получился. Вместо этого бывший сектант жался поближе к Дэну и нервно оглядывался. Страх казался ненаигранным, но Кайл все равно с трудом сдерживал злость.

В качестве альтернативы Дэн снял пустой луг со стороны изгороди, Кайла, прощупывающего дорогу, и записал кое-какие реплики. По крайней мере, легенда о капканах отлично подчеркнет то, с какой маниакальностью Катерина контролировала секту во Франции.

– Последний Собор принесло сюда волной веры после первого пророчества сестры Катерины, которое, по-видимому, видели все сектанты. К этому моменту они все стали вегетарианцами. Никто из них не умел возделывать землю и не знал ничего о сельском хозяйстве, так что в первый год они едва не умерли от голода. В основном они красовались в форме и толковали о постройке «рая». С нами здесь брат Гавриил, который бежал из секты в конце первого жуткого года…

Дэн повернул камеру и снял маленькую фигурку, не отрывавшую взгляда от земли.

Под деревьями Кайл вытащил из рюкзака три бутылки воды и раздал спутникам. Свою тут же опустошил на две трети. Зажег сигарету. Принялся медленно бродить между деревьями – земля под ними поросла крапивой и ежевикой. Сухие коричневые ветки напоминали ржавый металл.

Пройдя через рощицу, Кайл увидел ферму.

Маленькие деревца частично скрывали серые каменные стены и шиферную крышу. Четыре кривоватых здания, заросших травой, доходившей до открытых окон первого этажа. В большом белом фермерском доме, где жили члены секты, давно не осталось ни окон, ни дверей.

Ирвин Левин утверждал, что два домика рядом с главным зданием служили мастерской и храмом. Напротив стояло еще одно строение с односкатной пристройкой-амбаром, но Кайл не помнил, что это. Сестра Катерина жила одна в деревенском домике на другом участке где-то неподалеку – у нее единственной были водопровод и электричество. Его он не увидел, но тот явно находился где-то рядом.

Красно-коричневое здание, назначения которого Кайл не помнил, единственное было выстроено из дерева. Несколько досок упало в траву. Двускатная крыша просела. Двери не осталось, из пустого проема смотрела темнота. Как и из дверей трех каменных зданий.

– Давай-ка снимем все это тем новеньким двухсотым объективом, – решил Дэн. Он терпеть не мог зум, предпочитая менять объективы.

– Ну если хочешь… по мне, тридцати пяти миллиметров достаточно.

– Эй, это мой шедевр! Отвали.

Они настроили цветовой баланс обеих камер, и Кайл отвинтил микрофон Sennheiser, предназначенный для съемок на открытом воздухе. Фонарик они взять не додумались, но разные лампы все-таки прихватили, хотя те работали на аккумуляторах.

– Гавриил. Вот это деревянное здание с пристройкой…

– Сарай.

– Для чего его использовали?

– Для детей.

– Вы держали там детей?

Старик промолчал. Кайл не стал задавать вопросов.

Они зашли на территорию фермы и встали в бывшем дворе перед главным зданием. Старый плуг и сломанная тележка виднелись среди высокой травы, напоминая кости мамонта.

Кайл осознал, как здесь тихо, пока подбирал наилучшие ракурсы. Наконец-то он видел это место не на черно-белых фотографиях из книги Левина. Безмолвие его выматывало, он как будто чувствовал на себе

чужой взгляд. Тишина, общее ощущение развала и тления и пугающее спокойствие.

Прохладный воздух казался густым, его не оживлял даже самый слабый ветерок. Ни одно насекомое не пролетело мимо и не прожужжало, хотя на лугу их было полно. Но ферма совсем не походила на мирную. Скорее, тут ощущалась атмосфера какого-то дурного предчувствия.

Гавриил сел на траву и уставился на здания. Он походил на ребенка с головой старика.

Раздавая указания Дэну, которого иногда требовалось поправлять, Кайл снимал все вокруг жестко закрепленной камерой. Потом поставил вторую у сарая: они всегда использовали две. Когда-нибудь будут снимать четырьмя. «Ага, мечтай».

Начали с установочных планов. Начальный кадр каждой сцены всегда определял ее общее направление. Сейчас надо снять разрушение, запустение и ветхость. Этому месту пришлось хуже, чем дому в Лондоне. Ферма вдруг показалась Кайлу оскверненной, как будто здесь когда-то появлялся или даже жил кто-то нечистый. Он отбросил эти мысли, показалось, что Гавриил думает о чем-то похожем.

– Все снял? – спросил он у Дэна через час.

Тот кивнул из-за камеры:

– Общие планы отличные, пару перебивок я сделал, сейчас еще крупных планов добавлю.

Технических проблем вроде бы не предвиделось. Для некоторых помещений понадобится свет. Дальше будет интервью, общие планы, средние и крупные.

– В одном Максу не откажешь – он умеет выбирать хреновые места для съемок.

Дэн осклабился в ответ.

Кайл вынул из рюкзака «Судные дни», сценарий и раскрыл книгу на вклейке. Посмотрел на план фермы и попытался представить, как она выглядит с воздуха, но тут его отвлек один из шестнадцати снимков, словно созданный для раздела «Классика сенсационных фотографий». Фотограф снимал ферму снизу, как будто лежа на земле. На черно-белом снимке виднелись оконные стекла и светлые деревянные двери на фоне каменных стен. Рядом с домом стояли двенадцать сектантов. Двенадцать из тех двадцати трех, что остались в секте к этому времени.

Мужчины были длинноволосые и бородатые. Большинство улыбались. Фотографию сделали в 1970 году, но она больше походила на тысяча восемьсот семидесятый. Странное сочетание доминиканских монахов, ветхозаветных пророков и хиппи. На всех были плащи с капюшонами, сделавшие их знаменитыми на улицах Лондона, а позже Лос-Анджелеса и Юмы.

– Гавриил, – окликнул Кайл.

Тот, легко ступая, подошел и посмотрел на фото. Дэн выглянул из-за камеры и прислушался: обычно ему этого хватало, чтобы сделать отличный кадр.

– Встаньте перед домом, как на этом фото. Ничего не говорите.

Гавриил кивнул.

– Мы покажем этот кадр, а потом сразу вас в цвете. Сделаем такой плавный переход, понимаете? Типа тогда и сейчас.

– Сколько это займет времени?

– Боюсь, это от вас зависит.

Гавриил смотрел на здания так, что Кайл подозревал, что его придется затаскивать туда силой, хотя он

немного взбодрился, как и Сьюзан Уайт. Когда старик потащился к дому, Дэн прошептал:

– Пошло дело.

Кайл снова посмотрел на фото. Судя по подписи, Семерых на нем не было. Других фотографий фермы Макс не нашел. Ирвин Левин купил ее у блаженной Сэнди Уоллес (она же – сестра Юнона), умершей от заражения крови. Она бежала незадолго до раскола.

Из-под плащей виднелись ноги в сандалиях, символ аскезы. Ирвин Левин писал, что во Франции красивых девушек заставляли постоянно покрывать голову и лицо. Сестра Катерина не терпела конкуренток. Но пять женщин на фотографии были отлично видны: молодые, симпатичные, загорелые, с длинными прямыми волосами, падающими на хрупкие плечи. На поводках они держали собак. Любимые «варги» сестры Катерины – хаски, которых она привезла с собой из Англии и которые здесь ели лучше людей.

Кайл посмотрел на подпись под планом – деревянное здание было названо псарней/школой.

– Гавриил, собак держали в сарае вместе с детьми?

– Да. Детей, родившихся на ферме, воспитывала община. Младенцы спали в колыбельках, а дети постарше на матрасах.

– В этой ужасной развалюхе. С собаками. Е-мое, – сказал Дэн про себя.

Кайл вошел в кадр и закрепил на одежде Гавриила микрофон. Он не понимал художников-постановщиков, которые *делают* сцену интересной. По его опыту, нужно было просто посмотреть повнимательнее, и натура сама оказывалась идеально подходящей. Он снимал то, что видел. Именно грязь и мрачность делали эти места такими интересными. Нередко в них заключалась важная часть истории, которую он рассказывал. Полусгоревший коттедж в Шотландии, засветившийся в «Шабаше», или исписанный граффити многоквартирный дом в Осло, который он снимал для «Кровавого безумия», словно некоторые места, где происходило что-то ужасное, настигало возмездие в виде запустения и полной разрухи. А уж с этой фермой не могли сравниться никакие постановочные декорации.

Кайл заглянул в выбитое окно. Предпоследнее убежище Собора в этом мире. Солнечный свет проникал сквозь пустые рамы и два больших дверных проема, и внутри царил неверный желтоватый свет.

Битое стекло захрустело под ногами Дэна, когда он устанавливал камеру для съемки интерьеров. Окна выбили изнутри.

Ирвин Левин утверждал, что случилась ужасная буря, которая разрушила крышу, вышибла стекла и погубила весь урожай. Но ведь он никогда здесь не был на самом деле.

Кайл вошел внутрь. Поморщился от резкого запаха звериной мочи и черной плесени, покрывавшей каменные стены. К этому добавлялась вонь мокрого дерева и, кажется, падали.

– Дэн!

Тот вошел в дом следом за ним.

– Стремно тут.

– Сними это все для перебивок. Заодно посмотри, как тут в темноте.

– Ага.

– Должно выйти клево, друг мой.

– Реплики будут?

– Пока нет. Просто сними это все, как в «Техасской резне бензопилой». И микрофоны надо поставить. Хочу слышать голос этого места.

– Так точно.

– Молодец, чувак. Если бы с утра не поленился побриться, я бы тебя поцеловал.

Дэн фыркнул:

– Гавриил сюда не войдет. Придется брать у него интервью снаружи.

Кайл закатил глаза:

– А почему тогда мы не взяли его прямо в Вуд-Грин?

Дэн, давясь от смеха, снимал помещение. Первый этаж состоял из одной длинной комнаты с гигантским очагом в дальнем конце. Неровный цементный пол покрывал слой гнилых листьев высотой по щиколотку. Тут и там виднелись разбросанные дрова, кирпичи, комки земли и куски мокрой штукатурки. Собор ел прямо здесь, в три очереди. По потолку шли три длинные балки, между ними виднелись доски пола второго этажа.

– Дэн, сними очаг крупным паном.

Напарник обнаружил там две мятые кастрюли, остатки метлы и пачку полусгнивших книг.

– Надо же, – сказал Кайл, глядя на тусклый металл среди черных листьев, – Гавриил!

Старик, бледный и дрожащий, подошел к очагу, где когда-то ел жидкую кашу, которая больше подошла бы для скота. Сейчас его снимали для истории, но легче ему не становилось. А ведь именно славы он и хотел, когда принимал предложение Макса, а на пароме признался, что вдобавок получил изрядную сумму за участие в фильме.

– Пока он соберется, аккумулятор сядет, – усмехнулся Дэн.

– Трибуна, – шепнул Кайл Дэну. – Наконец-то кафедра, с которой можно толкнуть проповедь. Но такую бы ты не выбрал, а, Гавриил? – Кайл кивнул и щелкнул хлопушкой: – Мотор!

Старик откашлялся. Допил воду из бутылки, хотя вряд ли испытывал жажду. Открыл маленький рот:

– Здесь не было электричества. Мы пользовались керосиновыми лампами. Даже воду мы покупали в деревне. Мы носили ее ведрами… это было мучительно, – вся его ирония, красноречие и всезнайство куда-то делись.

Он говорил нервно, то и дело запинаясь. Лицо у него блестело от пота.

«Если он так себя чувствует, это и будем снимать». Чем тяжелее история, тем лучше выйдет фильм. Насыщенность, которой Кайл хотел от всего интервью, здесь появилась уже в первой фразе. От Гавриила он такого не ждал – боялся, что тот покажется слишком самоуверенным в кадре. Кайл внезапно почувствовал симпатию к старику.

– Однажды у нас остались только яйца. Еда для собак. А, и зерно, которое мы покупали для куриц.

– Вы ели собачью еду и корм для куриц?

Гавриил кивнул:

– Мы пытались сделать хлеб из этого зерна. Прямо здесь. Ни разу не получилось. Сестра Катерина запрещала приносить еду из внешнего мира.

– А что ела она сама?

– Я никогда не видел, чтобы она вообще ела. Она сюда не приходила, – Гавриил оглянулся, как будто ожидал, что откроется дверь. Потом собрался.

– Наверное, она-то питалась как следует, – предположил Кайл, – ела вкусную еду в своем уютном, залитом светом домике.

– Да, так говорили, – кивнул Гавриил, – в конце концов мы сумели вырастить немного овощей и фруктов, но еды все равно выдавали по чуть-чуть.

– А что вы выращивали? И как?

– Мы возделывали землю руками. Камнями и деревяшками. Здесь были плуг и тачка, но они были уже сломаны, когда мы приехали, толку никакого.

Кайл улыбнулся. «Отлично. Просто прекрасно. Бородатые и блаженные, они пришли сюда в поисках спасения». Он записал эту строчку, чтобы не забыть.

– Гавриил, Левин пишет об адептах, сбежавших отсюда до раскола, что они, цитирую, «отощали до костей и были одеты в лохмотья». Это так?

– Мы все голодали. У меня была цинга. Врач в Англии чуть с ума не сошел, раньше он никогда не видел цинги.

– Брат Гавриил, во время своего пребывания здесь вы знали, что состояние Последнего Собора приближается к двум миллионам фунтов?

– Нет. Не знал.

В мастерской до сих пор стояли три верстака. Старые стойла, в которых держали скот или, может, лошадей, сохранились с тех времен, когда тут была настоящая ферма. На грязном полу валялись кучи гнилых листьев вперемешку со штукатуркой и камнями. Окна кто-то выбил изнутри.

Гавриил отказался входить. Он торопливо наговорил немного текста на камеру, стоя снаружи, рассказал, что в мастерской они не только пытались делать «простые украшения и мебель», но и отвлекали родителей, разлученных с детьми, «бессмысленными задачами».

Маленькими лампами они осветили голые черные балки и подгнившие доски высокого потолка. Свет как будто тонул в плесени.

В псарне, она же школа, оказалось посветлее – в стенах остались дыры, а несколько кусков шифера с крыши давно свалились в траву. Дэн снял все помещение двумя камерами, сначала в естественном свете, а потом с маленькими лампами, расставленными по полу.

Левин утверждал, что некоторых избранных детей учили Семеро и сама Катерина. Еще он писал, что сама Катерина не могла иметь детей, и фертильность других женщин ее бесила. Гавриил сказал, что это «довольно похоже на правду», но пояснять отказался.

Переступать порог он тоже не стал, так что сцену отсняли в дверях псарни. Кайл попросил Дэна сделать крупный план и средний, чтобы Гавриил был в кадре вместе с сараем. Вышло отлично: сгорбленный старик в дверях, освещенный слабым светом. Кайл снова заметил, что Гавриил нервно оглядывается через плечо, внутрь здания. Кайл смотрел на него сквозь видоискатель второй камеры и на мгновение подумал, что из черного дверного проема действительно мог бы кто-то появиться. Но и это ему понравилось. Немного незапланированного саспенса.

Кайл зачитывал вопросы из сценария, который написал вчера, после того как перечитал книгу Левина второй раз за неделю.

– Гавриил, говорят, что минимум три ребенка и шестеро взрослых заболели и умерли здесь. Ну так утверждает источник Ирвина Левина, женщина, которая отказалась назвать свое имя и которая умерла от передоза, когда эта книга была еще кучей магнитофонных лент. Вы знаете, кто это был?

– Я… не уверен. Но всегда подозревал, что с Левином говорила сестра Афина. Она прожила здесь большую часть второго года. А он давал деньги тем, у кого ничего не осталось.

– Левин говорит, что «молитвы не могли излечить их». Доказательств смерти нет, их никогда не расследовали, и вообще этот факт ожесточенно оспаривали при рассмотрении дела о клевете в семьдесят четвертом году. Но что вы думаете об этих обвинениях? Левин утверждает, что Собор бежал в Америку, чтобы избежать разбирательства с семьями погибших.

Гавриил нетерпеливо вздохнул:

– Не забывайте, что официально никаких детей здесь не рождалось. Ни у кого из них не было свидетельства о рождении. У нас даже акушерки не было, но за первый год появились на свет трое. Зачали их явно в Лондоне, но матери сомневались насчет отцов. Когда я ушел, еще двое были беременны.

Гавриил ткнул пальцем в черный проход позади себя:

– Пока я жил здесь, там родились трое детей. Никто из них не умер при мне. И ни один из взрослых тоже.

– Гавриил, из пятерых детей, отданных в детский дом в Аризоне в июле семьдесят пятого, на ферме родились только двое. Остальные трое – в Штатах. Что же случилось с остальными тремя детьми, родившимися во Франции?

Гавриил сглотнул:

– Не знаю. Откуда мне знать? Во второй год меня здесь уже не было. Люди постоянно приходили и уходили. Но в 1970 году здесь никого не убили. Время было тяжелое. Люди болели. Мы голодали. Но никто не умер.

– Вы знаете, что родителей тех детей, которых нашли в руднике, так и не обнаружили? Считается, что несколько людей «просто пропали» в пустыне. Исходя из вашего опыта, такое возможно?

– После своего ухода я не имел никаких контактов с Храмом Судных дней! Сколько раз повторять? В семидесятом году мы были Последним Собором, – Гавриил судорожно оглянулся на рощицу и тихо добавил: – Я ничего не знаю… об этом.

– Но, если кто-то умер здесь уже после вашего ухода или потом, в пустыне, как по-вашему, сестра Катерина уведомила бы власти об их смерти?

– Сомневаюсь.

– Сомневаетесь?

– Не знаю! Какой смысл спрашивать меня о том, чего я не знаю! Давайте прекратим это все.

Дэн проводил Гавриила обратно в поле за пределами фермы и попытался его успокоить. Тот убежал сразу после интервью перед школой и отказывался говорить с Кайлом, который настаивал на внесении кое-каких изменений, но без толку. Когда старик сел в траву на полпути к рощице и расплакался, Кайл отступил.

Дэн остался с Гавриилом. На плече у него болталась камера.

– Сними это, – шепнул Кайл Дэну. О разрешении на съемку он решил подумать потом.

В последнее здание, храм, Кайл вошел один. Именно здесь, если верить Левину, эго сестры Катерины, ее паранойя, ее зависть отравили души последователей и привели к первому расколу, когда пятеро членов ее гвардии, Семерки, взбунтовались. Последние дни Собора в Нормандии Левин описывал как «время гнева, зависти и раскола. Ужасный водоворот жестокости и самолюбия одной женщины породил Храм Судных дней: жутчайшую из двух инкарнаций секты».

Стены храма, где сестра Катерина принимала исповеди, иногда – целыми ночами, были выкрашены в черный. Лишь кое-где просвечивал покрытый зеленоватой плесенью камень. Краска покрывала и высокий деревянный потолок. Сенсорная депривация тут была обеспечена. Плюс темнота: несмотря на слабый свет, проникавший в четыре выбитых окна, Кайл с трудом различал свои ноги на грязном полу. Битое стекло, валявшееся под окном снаружи, тоже было покрашено в черный: когда-то в храме вообще стоял кромешный мрак.

Дальше от входа жуткий запах разложения стал сильнее. Что-то пришло сюда умирать и, наверное, еще друзей с собой прихватило. Маленькие смерти, старые перья, гнилое мясо. Пол он почти не видел и источника запаха различить не мог.

– Ну и вонь, – Дэн появился в дверях с камерой наперевес.

– А я и не заметил. Давай начинать. Снимай тут все, я найду микрофон и расскажу что-нибудь.

– Темновато тут.

– Поснимай сначала так, пожалуйста.

Дэн придирчиво посмотрел на камеру.

– Ну светочувствительность у нее отличная, но не для такого же света. Попробуем нейтральный фильтр.

– Хорошо. Приведи Гавриила.

– Без вариантов. Он сказал, что пойдет в машину, и уже прошел полпути.

– Ты офигел? – Именно в эту сцену он включил вопросы Макса о сущностях.

– Я – нет. А вот он реально испугался. Мне аж самому страшно стало.

– Блин. Ну что за бардак, – Кайл закрыл глаза на минуту, – давай так. Бери свои фильтры, снимай дверь, а потом мои реплики. Завтра у нас не будет времени возвращаться и переснимать. Ты присмотришь за Братом-Пустое-Место, а потом вернешься и поможешь мне поставить свет.

Дэн водрузил камеру на штатив, включил съемку, а потом утопал за Гавриилом.

Кайл присел на корточки, зажав между коленями ноутбук и магнитофон. Откашлялся, щелкнул хлопушкой и начал, невольно понизив голос:

– Здесь располагалось сердце секты, как дом в Холланд-парке был породившей ее утробой. Этот храм служил духовным центром до тех пор, пока сестра Катерина не решила, что звезда в Америке получает больше денег и славы, чем автор запутанной теологической теории в Нормандии. За собой она оставляла тела. Множество тел.

Адепты Последнего Собора либо влачили ужасное существование сельскохозяйственных рабочих под нормандским дождем, либо проводили время здесь, в храме.

Как только они приехали во Францию, сестра Катерина снова ввела в их круг *сущности*. Здесь их также называли святыми духами. Здесь она впервые объявила: «Что есть я, тем желала я быть, а кем желала я быть, тем и стала». Именно здесь полностью сформировалось ее кредо, которое Ирвин Левин

называл «злокачественным нарциссизмом». Оно отлично служило ей вплоть до кровавой кончины в тысяча девятьсот семьдесят пятом году.

Вообразите их – худых, бледных, бородатых, столпившихся вокруг свиноподобной сестры Катерины, восседавшей на троне, что по рассказам стоял на маленьком помосте. Она вела их от одной смехотворной исповеди к другой, как товарищ Мао. Прямо здесь. Слезливые признания в любой слабости, пороке, стыдном секрете выкрикивали отчаянными голосами. У тех, кто голодает, голоса меняются, делаются нечеловеческими.

Утомительные постоянные сеансы самоанализа были призваны лишить адептов индивидуальности, самой личности, ввести в транс, а потом в своего рода религиозную экзальтацию, пробить прямой путь для общения с сущностями. Со святыми духами.

Или же здесь их ждало только безумие? Эйфория, сопровождавшая истощение? А может, сущности были полной ерундой, уловкой, инструментом порабощения? Ирвин Левин полагает, что так.

Про себя кляня Гавриила, который был совершенно необходим для рассказа о сущностях, Кайл сделал паузу и проверил оба микрофона.

– Говорят, что здесь, в храме, сестра Катерина многому научилась. Использовала воздержание и сексуальное унижение для контроля над людьми. Супружеские измены – в секте было три женатых пары – поощрялись в целях «независимости». Здесь разлучали друзей, разрушали связывающие людей узы, процветал эротический мистицизм. Правда, только в установленных сестрой Катериной строгих границах. Ее последователи не могли сами решать, с кем спать и рожать детей.

В такой атмосфере, пропитанной насилием, родились пятеро детей. В темном грязном сарае. В месте, предназначенном для скота, но использовавшемся как храм. Впрочем, жили они не лучше скота. Достоверно неизвестно, почему сестра Катерина разрешала рожать детей. Бывшая проститутка и хозяйка борделя, сама она никогда не заводила любовников. Насколько известно, она хранила целибат и презирала беременных женщин. Так почему же женщина, которая вполне могла запретить секс среди последователей, наоборот, проводила странные эротические ритуалы и поощряла деторождение?

Кайл закончил монолог и отключил микрофон. Пошел в храм, посмотреть, где ставить свет. Земля хлюпала и уходила из-под ног. Ступая осторожнее, он обошел сарай и сделал пару фотографий: черная крыша, дырявые стены.

Вспышка освещала сводчатый потолок, порождая неверные тени. Они как будто двигались в смрадном влажном воздухе, ища темноту и ненавидя свет вспышки. Он посмотрел, что получилось на экранчике фотоаппарата. И пошел к двери, подальше от источника вони и неприятных мыслей, которые здесь возникали сами собой. При свете Дэн снимет все гораздо лучше, с братом Гавриилом или без него.

Перед дверью он остановился. Внимательно посмотрел на кусок стены в четырех футах от двери, в которую вошел и через которую собирался выйти. Здесь запах был сильнее всего. Черная краска откололась или ее скололи, и под ней виднелся край какой-то странной отметины на светлом камне. Кайл вспомнил о подвале на Кларендон-роуд и о словах Рашель Филлипс. Вытащил телефон и посветил на стену:

– Ни хрена себе!

Это оказалось не пятно, а очертания человеческой фигуры. Кайл чиркнул «Зиппо». Оранжево-голубой огонек пометался и успокоился, и Кайл присмотрелся повнимательнее.

Могут ли пятна старой краски, плесень или грибок принять такую форму? Силуэт был ростом около пяти футов, но горбился, прикрывая голову, – отчего Кайл не смог разглядеть лицо в тех же подробностях, что костлявые ноги и тонкие пальцы, поднятые перед глазами, словно человек хотел закрыться от чего-то

отвратительного или болезненного.

Нет, это совершенно точно не пятно. Была видна каждая кость на ногах. Грудная клетка. Впалый живот цвета черного чая – и черные штрихи костей.

Кайл сделал несколько фотографий. Крупный план разинутого рта и длинных зубов. Лошадиных зубов почти без десен.

Он дотронулся до рельефа. Холодный, чуть выступающий из стены. Слившийся с ней, как окаменелость. Кайл убрал руку и попытался убедить себя, что это природное образование. «Пожалуйста». Что-то вроде Туринской Плащаницы, но в камне. Да нет, не может быть. Это нарисовали люди, а потом оно осыпалось и стало выглядеть вот так. «Правда ведь?»

– Дэн! – позвал он. – Дэн!

Ответа не было.

Кайл поежился. Посмотрел на другие стены. От двери было ничего не видно – слишком темно. Почему он не додумался взять фонарь? Солнце уже садилось, и он боялся этого сильнее, чем мог признать.

Посмотрел на часы: до темноты остался примерно час. А им еще нужно снять домик сестры Катерины и вернуться в машину. Если Макс увидит фото фигуры на стене, он начнет уговаривать, чтобы они вернулись и закончили работу.

То, что началось так многообещающе, теперь становилось все неприятнее.

– Блин.

Кайл пошел вдоль стены к узкому столбу света, пробивавшемуся из второго окна. Зажигалкой вел на уровне груди, в паре дюймов от каменной кладки. В паре мест краска отвалилась, но ничего странного он не нашел.

Пока не дошел до противоположной части храма. У подножия стены он увидел что-то похожее на ступни, не прикрытые одеждой или хотя бы плотью. Они торчали примерно в ярде над полом, как будто их обладатель левитировал. Кайл немедленно захлопнул «Зиппо», но быстро понял, что темнота под этими ногами хуже, чем их вид, и снова на ощупь щелкнул зажигалкой. В колеблющемся свете от пламени он в подробностях разглядел не только ноги, но и весь силуэт.

Фигура вскинула руки над шишковатой головой. Задрала подбородок и закатила глаза в каком-то жутком экстазе. Это оказалась очень худая обнаженная женщина. Ниже ключиц болтались сморщенные черные мешочки грудей. С черепа свисали то ли пряди неопрятных волос, то ли остатки какого-то головного убора.

Оно *шествовало*. Другого слова не подберешь. Шествовало, как будто размашисто шло сквозь камень, сверху вниз. Этот образ сразу навел Кайла на мысль, которая ему ужасно не понравилась, но все выглядело так, словно фигура в некоем диком трансе прошла сквозь стену, оставив после себя то ли что-то вроде фотографического негатива, то ли след от своих физических останков, каким-то образом вплавившийся в твердый камень. Наверное, изображение как-то вытравили на стене. Нарисовали? Вырезали? Рашель Филлипс говорила, что они выцветают и пропадают. «Это не пропало».

Кроме того, здесь сильно пахло падалью, как будто Кайл стоял над довольно свежим трупом. И еще чем-то вроде стоячей воды. Мертвечина и сточные воды. И… и… ему захотелось чихнуть. Пыльные перья у лица. Старые грязные подушки. Да, старые перья и наволочки в желтых пятнах. Может, старая одежда. Влажная, нестираная, гниющая ткань. Тот же запах, что и на Кларендон-роуд.

Разум уцепился за объяснение: члены секты выкопали выгребную яму, и ее содержимое просочилось

под пол храма. А эти рельефы на стенах они нарисовали, когда сошли с ума.

Кайл снял вторую фигуру с трех сторон крупным планом. В свете вспышки она выглядела еще гнуснее. Когда он снимал ужасное лицо во весь экран, снаружи раздался страшный грохот.

Как будто кто-то с силой хлопнул тяжелой дверью. *Какой дверью?* Тут не осталось ни одной двери.

Старая пустая ферма. Наверное, рухнуло какое-то бревно. Шифер с крыши.

«Здесь небезопасно. Это место проклято».

– Эй! – крикнул он, съежившись в тени, посмотрел в сторону далекой двери: прямоугольник серого света на черном. Выпрямился Кайл, когда понял, что стоит на коленях, словно пал ниц в страхе перед тварью в стене, перед ее когтистыми ступнями, прямо на алтаре храма, там, где в любой нормальной церкви висело бы распятие.

Нужно идти. Бежать!

– Дэн! Дэн! – Все остальные тут, просто снаружи, нечего бояться. Но вдруг он вспомнил, как они в ужасе бежали из дома на Кларендон-роуд. Тогда тоже громко хлопнула дверь.

Кайл снова щелкнул зажигалкой. Попытался тихо пройти по листьям, веткам, неведомым предметам, крошившимся под ногами. Из-за резких судорожных движений пламя погасло.

Он слышал только собственное дыхание и шум крови в ушах. Старался не отрывать взгляда от двери. В храме было слишком темно: свет из двух окон и дверного проема не проникал далеко.

Прямо перед собой он услышал чьи-то быстрые шажки:

– Дэн?

Выставил вперед руки, чтобы оттолкнуть то, что бежало в темноте. *На него*. Если его сейчас что-то коснется, то сердце просто остановится: это Кайл понимал всем своим существом.

Ничего. Только он сам – и тишина. Жуткое безмолвие. Ожидание. Темнота. Все это было только порождением его идиотской растерянности и полной темноты.

«Это просто крыса или лиса».

Снова щелкнула зажигалка. Тени заметались по грязному полу, шарахнулись к стенам. Черным стенам. Он заметил рваный край одной из них, метнувшейся к потолку, подальше от пламени. Она исчезла в почерневших балках под крышей, напротив той двери, через которую он вошел. А там, где дерево переходило в камень, на самом краю бледного светлого пятна Кайл заметил еще одно странное пятно слоящейся кладки.

Он подошел поближе, подняв фотоаппарат выше. Охваченный бездумным любопытством, задержался в этом жутком месте, чтобы снять широкоугольным объективом стену, где вроде бы различил небрежный силуэт третьей фигуры. Должно быть, раньше он ее не заметил, потому что делал снимки на уровне глаз.

Кайл посмотрел в видоискатель цифровика: слишком темно.

Нужен свет посерьезнее вспышки.

Кайл вышел из сарая и принес штатив и камеру с нейтральным фильтром. Прикрепил к воротнику микрофон и отмотал кабель с микшера, чтобы записать свое собственное дыхание, напряженное от страха.

Проверил уровень звука на рекордере. Дрожащими руками выставил в дверном проеме маленькую лампу. Дэн, когда вернется, подсветит эти… гравировки, или как их еще назвать.

Лампа бросала на дальнюю стену слабый свет, едва видный на почерневшем камне. Жутковатое светлое пятно, дотягивающееся до потолка храма. Он подошел поближе и посмотрел на третью фигуру:

– Господь всемогущий!

Она тоже состояла из каких-то пятен или подпалин. Но отличалась от двух других, потому что была частично одета. Тощее тело обвивали черные лохмотья. Руки и ноги больше походили на голые кости, а резкое лицо искажало отвращение. Подобие нижней челюсти отвисло. Как и у других, у нее были огромные бледные глаза, в которых читалась странная радость. На голове болталось что-то вроде капюшона. А в длинной руке оно зажало палку или скипетр.

– Не представляю, что это, – сказал он в микрофон. – Но оно находится внутри храма Последнего Собора. На стене. Похоже на человека. И у двери есть такое же. А третье – в дальнем конце. – Кайл осторожно шел по мягкому полу. Нужны кадры с нейтральным фильтром: он немного поснимал обе фигуры, но в основном внимательно посматривал вокруг, ему уже казалось, что в этом полуосвещенном сарае есть кто-то еще.

И снова: быстрый шорох листьев в другом конце храма, куда почти не доставал свет.

– Мать твою! – Не успел он повернуться на звук, как его что-то задело.

Кайл потерял равновесие. Дернулся вправо, упал на колено. Правая рука попала во что-то холодное и мокрое. Колено, прикоснувшееся к полу, тоже моментально промокло. Он яростно дернул рукой – и ничего не нащупал. Встал, ничего не понимая в этой темноте и смраде. «Хватит. Успокойся». Рядом с ним ничего не было. И у трех других стен, еле освещенных светодиодами, тоже. Но что-то тонкое и хрупкое коснулось его шеи – так бывает, когда в осеннем лесу задеваешь лишенную листьев ветку.

Задержав дыхание, шепотом уговаривая себя не трогаться с места, он развернул камеру на штативе и снял облезающие стены, черное дерево и странные пятна. Ничего не двигалось. Он сглотнул:

– Это необъяснимо, но здесь постоянно ощущается чье-то присутствие. Мне это не нравится.

Волоча за собой тяжелую камеру со штативом, Кайл прошел через храм и выбежал наружу, оглядываясь через плечо, как будто боясь снова услышать шаги у порога.

– Слуховая и зрительная галлюцинация. Больше ничего.

«Конечно». Он же видел в тусклом свете, что там ничего нет. Сквозь дверной проем снял слабый свет на дальней стене, но не увидел никакого движения. Запись он посмотрит и послушает позже. Ему не хотелось смотреть на жуткие фигуры здесь, рядом с заброшенным храмом.

Переведя дыхание, Кайл быстро упаковал вторую камеру и штатив. Обвел взглядом двор, представил, что на него кто-то смотрит из окон и сквозь дыры в стенах. «Маленькие лица». Он встряхнулся – собственные мысли бесили. Крикнул:

– Дэн!

Нет ответа. Тогда кто шумел? «И дотронулся до тебя в храме?» Громче:

– Дэн!

Нет ответа.

Небо покраснело – пока он не зашел в храм, оно еще было серовато-синим. А еще перед глазами плавало какое-то пятно. Кайл посмотрел на солнце под низкими облаками, пытаясь проморгаться.

«И что делать?»

Нужно еще найти домик сестры Катерины. Все придется делать самому. По крайней мере пока Дэн не

соизволит появиться и сделать, мать его, свою работу. А это значит, что у всей съемки будет нарушена композиция, и свет он как следует не выставит, и с двух камер снимать не сможет. Да еще и со звуком придется возиться самому, с одним-то микрофоном.

Но пропустить такой шанс, а уж тем более похоронить его Кайл не мог. Вернуться на следующий день не получится – ферма слишком далеко от отеля, а еще надо успеть на паром. Через два дня они должны лететь в Штаты, и на подготовку еле-еле хватит времени.

– Боже мой…

Кайл сгреб оборудование. Придется все сделать самому.

Закинул на плечо камеру с фильтром для съемки в темноте, а остальное оставил у храма. Большими шагами преодолел заросший двор, оглядываясь в поисках Дэна и Гавриила. Остановился у рощицы. Никого. Ему очень не нравилась идея разделиться. Наверное, они вернулись в машину. Почему? О чем Дэн, вообще, думал? Кайл не хотел идти назад через поле в темноте. Как он найдет ворота? Да и мысль о капканах теперь казалась намного более правдоподобной.

– Блин!

Потом он опять задумался о том, почему же вокруг так тихо. Ни ветерка. Ни единой птицы на мили вокруг. Тогда почему с крыши вдруг отвалился кусок шифера или доска? Кайл облизал губы. Под весом оборудования он тяжело дышал. Чуть уняв страх, прошел мимо бывшей мастерской в сторону луга за фермой. Зайдя за нее, Кайл сразу увидел дымовую трубу – скорее всего, это и был домик сестры Катерины, примерно в полумиле, почти полностью скрытый ивовыми деревьями.

Кайл сосредоточился. Вернулся нервный энтузиазм. Общий план со штатива, средний план, постараться ухватить странную атмосферу, царившую вокруг, – теперь он был уверен, что она ему не чудилась. Но времени на изыски с камерой не осталось, на оттягивание неизбежного – тоже. «Сейчас или никогда».

Проклиная Макса, Дэна и Гавриила, Кайл побрел по высокой траве к брошенному домику сестры Катерины.

Через сорок лет после того, как сестра Катерина собрала манатки, ее жилище превратилось в пятнадцать квадратных метров неровных камней, с которых почти опала штукатурка. Один конец домика зарос плющом, лезущим к дымоходу. Черепица почти осыпалась, но линия крыши осталась ровной. Трава, побелевшая на кончиках, доходила до подоконника.

Она росла нетронутой, и входная дверь стояла на месте.

Кайл поставил камеру на штатив и снял крупный план: дверь, три маленьких окна, два – на первом этаже. Проверил микрофон. Глубоко вдохнул и оглядел темнеющий луг. Вокруг никого не было. Он подергал дверь, надеясь, что та закрыта. Нет. Кайл повернул ручку.

В зернистом свете ранних сумерек на потолке виднелись три толстые балки, которые пересекала сетка перекрытий потоньше – из того же черного дерева. Грязная штукатурка заполняла пространство между ними и покрывала стены. На цементном полу, перед большим почерневшим очагом, Кайл неожиданно увидел древнюю ванну на когтистых лапах. В этой разрухе такой признак уюта выглядел отталкивающе. Рассохшаяся лестница из черного дерева делала один оборот, а потом исчезала под потолком.

Кайл осторожно вошел внутрь и поставил камеру, чтобы зачитать свои комментарии.

Если это не экстремальный партизанский кинематограф, то что тогда? Камера почти села. В сумке был

запасной аккумулятор, но Кайл предпочел бы справиться побыстрее – хотя в причинах такого желания он бы не признался и сам себе.

– Это домик сестры Катерины, так называемый *fermette*. Она отделилась от остальных адептов Последнего Собора еще в Лондоне и здесь тоже предпочитала жить отдельно. Тут было электричество и примитивный водопровод, но все же такого уровня ей было явно недостаточно – больше она так низко не падала. В аризонской пустыне она купила себе роскошный дворец в стиле ар-деко, в нескольких милях от заброшенной медной шахты, где жили члены Храма Судных дней. Возможно, этот особняк стал реакцией на *лишения*, которые ей пришлось перенести во Франции.

Фотографий того, как выглядел интерьер дома во времена сестры Катерины, не сохранилось, так что мы вынуждены полагаться на слухи, принесенные отступниками. Воспользуемся интервью, взятыми Ирвином Левином, и попытаемся представить, что здесь было раньше. Холодными нормандскими зимами сестра Катерина приобрела вкус к старинной мебели, толстым коврам и бархатным шторам. Она не терпела ни холода, ни жары.

Роскошная мебель давно пропала. Вы видите голый цементный пол, на котором остались какие-то пятна от масла или воды.

Кайл заснял единственное свидетельство пребывания Катерины и на ходу придумал текст:

– Удивительно, что мы нашли здесь это. Спустя сорок лет ванна сестры Катерины все еще стоит в доме. Интересно, почему ее никто не унес?

На грязноватой штукатурке не было никаких ужасных фигур, и Кайл вздохнул с облегчением. Но здесь царила та же неприятная тишина.

– Это странно, но здесь такая же атмосфера, как в храме. Предвкушение. Ожидание. Как будто вот-вот придет кто-то… или что-то. Как будто некое событие замерло в пространстве, где я стою. Когда мы только пришли сюда, брат Гавриил сказал, что чувствует что-то подобное. Поэтому он отказался сниматься дальше. Его очень расстроило возвращение. Оператор Дэн остался с ним. Так что я продолжаю работу в одиночку.

Кайл нашел нужную страницу в сценарии и понизил голос, чтобы зачитать следующие строки. У него самого побежали мурашки по коже:

– Это очень важное место в истории секты. В этом здании – а может быть, и в этой комнате – сестра Катерина написала «Книгу сотни глав»: богословский труд, продиктованный ей сущностями и святыми духами. Это тоненькая, почти нечитабельная книга, но все адепты обязаны были знать ее наизусть. И именно здесь сестра Катерина раздавала инструкции братьям креста, Семерым. Пятеро из них попытались отнять у нее власть над этой фермой. Из-за этого произошел раскол, а в 1972 году случилась неудачная попытка переворота. Именно в этом здании родился Храм Судных дней: та секта, которая уничтожила себя в Аризоне. И, возможно, что важнее всего, именно здесь самые верные последователи культа окончательно признали сестру Катерину живым божеством.

Она и те двое, кто остался от Семерых, сестра Геенна и сестра Беллона, стали ядром новой организации, американского Храма, появившегося в 1972 году, когда сестра Катерина сказала оставшимся: «Возьми крест свой и следуй за мною». В пустыне Сонора эти слова обретут печальную славу.

Кайлу нужно было вернуться за звуковым оборудованием, но вместо этого он снял камеру со штатива и, осторожно проверяя каждую ступеньку, прежде чем на нее встать, пошел наверх. Старая лестница скрипела и трещала, но все же оказалась достаточно крепка, чтобы выдержать тяжесть его тела. Он снял подъем на второй этаж. Без стедикама на второй камере – то есть без Дэна – выйдет, конечно, ужасно, но

хоть что-то получится, а потом Кайл принесет все остальное оборудование и доснимет второй этаж.

Второй этаж, как и первый, состоял из одной большой комнаты. Свет еле сочился сквозь единственное мутное окно, но Кайл все же разглядел, что крыша протекла, и краска со штукатуркой совсем испортились от воды. А потом он разглядел такое, что застыл, не веря своим глазам, – тут по-прежнему стояла кровать сестры Катерины.

Почему местные не разобрали и не утащили такую махину? Бросили ванну? Пурпурный балдахин, подгнивший и заплесневевший, ниспадал над кроватью, позволяя предположить, какой роскошной та когда-то была.

Нужно найти Дэна. «Где его носит, черт возьми?» Кайл хотел снять дом в остатках дневного света, а потом при искусственном освещении. Как оператор он в подметки Дэну не годился, а портить такую натуру грешно.

Кайл спустился вниз за штативом и звуковым оборудованием. Быстро проверил настройку и как можно лучше закрепил микрофонную удочку между двумя подгнившими половицами.

– Эта величественная кровать, до сих пор стоящая в ее будуаре, больше пристала бы императрице. Императрице, которой она себя считала, пока не стала богиней.

Кайл снял почерневший камин.

– Здесь, наверное, было очень уютно. Холодными ночами камин согревал ей ноги, пока дети дрожали от холода в сарае для скота, где жили вместе с собаками.

Когда он обходил ложе, чтобы снять другую половину комнаты, то ботинком запутался в сгнившей бахроме когда-то роскошного ковра и только тогда заметил под маленьким окном нечто, глубоко вделанное в каменную раму. Ответ на то, почему местные жители так и не вынесли кровать. Ни один нормальный человек не стал бы заходить в одну комнату с *этим*, выжженным на стене.

Кайл инстинктивно отшатнулся, налетел на мягкий матрас, все еще прикрытый полуистлевшим бельем, и рухнул на влажные покрывала. Задница тут же промокла от какой-то дряни.

Он встал и отряхнул джинсы. Рассмотрел кровать внимательнее и увидел остатки длинной темной подушки с выцветшими кисточками по бокам, чья середина была примята, как будто с нее только что подняли голову. А потом покрывало зашевелилось там, где он только что лежал, и у него перехватило дыхание, и крик застыл на губах.

Он сгреб влажное одеяло, когда-то, наверное, бархатное или атласное, а теперь больше похожее на какую-то неопределенную массу, и сорвал его с кровати.

Книга Левина, противоречивая надгробная речь Сьюзан Уайт, нервные свидетельства Гавриила… все это не могло подготовить его к тому, что скрывалось под гнилым гагачьим пухом. Старое покрывало распалось в кулаке на грязные клочья. Кайл заглянул в получившуюся дыру и увидел черно-желтые тела, влажно извивающиеся в хлюпающей жидкости.

– Господи.

Кайл направил внутрь камеру:

– Это невероятно. Поверить не могу. Это… змеи. Кажется… и жуткий запах…

Но не успел он закончить свою реплику, как свет померк, как будто у него резко село зрение или на единственное окно накинули плотную занавеску. В панике он посмотрел туда, откуда раньше падали солнечные лучи, но разглядел лишь худую фигуру, выжженную под подоконником.

Гнилой смрад внезапным порывом наполнил комнату. И в разуме Кайла вдруг предстала картина, такая ясная, такая четкая: стая мертвых птиц, пыльные крылья прижаты к иссохшим тельцам, лежат подле вод зловонного озера, позеленевшего от мусора. А на берегу какое-то непонятное существо в жалких лохмотьях поднимает голову и смотрит прямо на него.

Кайл пискнул, как потерявшийся, перепуганный ребенок. Съежился на полу, бросив камеру. Принялся тереть глаза, чтобы избавиться от образа существа и грязной воды: костлявая прямая фигура, выжженная на стене, впечатление только усиливала.

Сжавшись в комок, он отполз от окна. Нужно убежать от этой галлюцинации, от тех существ в постели, от всего… Кайл даже через плечо взглянуть боялся. Он закрыл глаза: видение исчезло. У него кружилась голова, тошнило от вони…

Внизу хлопнула дверь. Та, через которую он вошел.

– Господи, Дэн, это ты?

Нет ответа. Он подумал о тощей фигуре, бегущей по темному дому на Кларендон-роуд.

– Дэн! – И тише, умоляющим тоном: – Дэн?

Кайл весь превратился в дрожащий комок, немигающими глазами смотрящий через вонючую кровать в открытый проем, ведущий на лестницу. Лестница вела на первый этаж. Сейчас там было темно, дверь захлопнулась. За кем-то, кто вошел внутрь.

Снизу доносился звук, мало отличающийся от того, который напугал Кайла в апартаментах сестры Катерины в Лондоне: неуклюжие шаги. Топот и шарканье, сдвинутые камешки: как будто кто-то неловко пробирался в темноте. Искал что-то. Или кого-то.

Когда Кайл выбрался из домика сестры Катерины, губы на его бескровном лице сжались в тоненькую нитку. Он почти не чувствовал ног и кое-как держал камеру дрожащими руками.

Парализованный ужасом, он выждал двадцать минут после того, как шаги внизу затихли. Но во внезапной тишине постоянно думал о маленькой тощей фигурке, которая стоит под лестницей и ждет, пока он спустится.

С замирающим сердцем Кайл наконец вышел из спальни и начал спускаться, решив, что еще одна секунда в этой жуткой комнате, у смердящей кровати, в которой шуршали ее маленькие извивающиеся обитатели, гораздо хуже, чем столкновение с *гостем* внизу.

Но он оказался один. Необъяснимо, но в доме никого, кроме Кайла, не было. Хотя кто-то же вошел внутрь. Кайл явственно слышал шаги. Или нет?

Микрофон их, скорее всего, тоже зафиксировал, вместе с хныканьем Кайла. Он посмотрит после. Может быть, дверь захлопнуло порывом ветра, от которого сейчас не осталось и намека.

Раздвигая высокую траву, Кайл пошел к ферме. Ни Дэна, ни Гавриила не было. Он позвал их, но негромко. Не получив ответа, нашел оставшуюся технику перед входом в храм – но внутрь заглянуть не решился. Оттащил все к краю двора и, бормоча торопливым шепотом, потащил через луг первую партию оборудования.

Только сгрузив среди папоротников и сучьев рощицы вторую партию, он увидел кого-то вдалеке. Высокий человек, наклонивший голову, ясно виднелся на фоне темнеющего неба. Он появился с той стороны, где они припарковались.

Кайл испугался так, что не мог даже дышать. Застыл на месте, запертый между страшной фермой и

неизвестным человеком. Почувствовал, что сейчас закричит. А потом понял, что видит Дэна. Но что-то было не так. Напарник почти не двигался с места и внимательно смотрел себе под ноги.

– Дэн! Дэн!

Человек вдалеке поднял голову. Остановился. А потом крикнул Кайлу такое, что у него кровь застыла в жилах:

– Не двигайся! Стой там! Капканы!

Казалось, он плачет или пытается не разреветься.

– Гавриил попал в капкан!

Девять

Кан, Нормандия.

16 июня 2011. 02.00

Когда Кайл вышел из душа, обмотавшись полотенцем, ром в бутылке «Сейлорс Джерри» уже убавился наполовину. Дэн, тоже завернутый в полотенце, сидел на полу, скрестив ноги, с кофейной чашкой. Он просматривал кадры, сделанные Кайлом в амбаре. Кайл слышал собственный тонкий голос из колонок: «*Не представляю, что это. Но оно находится внутри храма Собора. На стене. Похоже на человека*».

В углу номера валялся пластиковый пакет из супермаркета, набитый окровавленной одеждой. Это был единственный более-менее чистый участок пола, будто там лежал не пакет, а привидение, к которому ничто не решалось приблизиться, Весь остальной пол скрывало разбросанное оборудование и всякий мусор из рюкзаков.

Кайл сел на край кровати:

– Господи.

– Кадр дрожит, чувак. И темно.

– Да неужели?

– Ну кое-что можно использовать.

Кайл знал, что Дэн отсматривает съемку, просто чтобы занять мозг техническими проблемами, чтобы не думать о чуть ли не самом худшем дне в их жизни. Вернувшись в Кан, они так и не смогли поговорить друг с другом, не стали обсуждать события предыдущих пяти часов.

– Прости, – сказал Кайл, – я тебя не слышал. Там, на ферме. Если бы услышал, то прибежал бы. Ты, наверное, вечность с ним провел.

– Больше часа. Пытался вытащить его ногу и сам орал. Он мог истечь кровью.

Когда Кайл встретил Дэна на лугу, то сразу заметил руки, мокрые до локтя. Как будто оператор отжимал сок из винограда.

Дэн оторвался от камеры и протер глаза:

– Он никак не снимался. С ноги. Меня до сих пор тошнит, никак не могу перестать об этом думать.

Кайл кивнул. События этого вечера не отпускали и его – непослушная память то и дело проигрывала фрагменты, из-за которых его трясло, а желудок подкатывал к горлу. Ром, половина пиццы, горячий душ, уют гостиничного номера не могли избавить от шока больше чем на несколько минут.

Кайл уставился на свои босые ноги. Снова вспомнил, как неловко шел через поле к Дэну, как прощупывал землю, как ужас перед спрятанными в траве капканами рвал внутренности. Белое лицо друга в безмолвных сумерках, слезы на его глазах – раньше он никогда не видел, чтобы Дэн плакал, потемневшие руки, тонкая золотая полоса света на горизонте, козлиное блеяние где-то вдалеке.

И маленький скорчившийся Гавриил в густой траве, насквозь мокрые черные брюки на тощих ногах, ужасный оскал стальных челюстей, белое лицо, слюна на губах, тонкий визг умирающего животного. Его очки они так и не нашли. Вытащили старика вместе с капканом и железной цепью и осторожно перетащили через ворота сломанное кукольное тельце. В этот момент его вырвало прямо на руку Кайлу. Гавриил потерял сознание, а они решили, что он умер. Побросали сумки, которые Кайл еле дотащил через луг, в багажник. Дэна тоже вырвало в окно, они заблудились, Гавриил очнулся, стонал на каждой кочке. Капкан и переломанную кость прикрыли курткой Дэна. Они не знали, где найти больницу, врача или скорую, что делать и куда бежать, колотили в двери серых домиков в деревне, не смогли договориться с единственным человеком, который открыл им дверь. Дэн тихо сидел на дороге, а лысый мужик по-французски переговаривался с Гавриилом – тот дрожал на заднем сиденье, а лицо у него посерело. Потом они таскали инструменты и сдирали ржавые железные кандалы с маленькой ножки: в старой кроссовке хлюпала черная кровь.

– Скорая?

– Нет.

– Почему?

– Нет.

Безнадежные вопросы о дороге, крики Гавриила, поездка в больницу на ржавом «ситроене» – за рулем лысый француз, который не говорит по-английски, целая вечность езды под темным небом и еще одна вечность под совершенно черным. Это когда-нибудь, вообще, кончится? Куда он их везет?

А потом больница, желтые и зеленые огни, и Дэн начинает бессвязно успокаивать Гавриила:

– Больница. Держитесь. Почти доехали. Все будет хорошо. Мы уже здесь.

Кайл вздохнул и обнял себя за плечи. Налил рома и выпил одним глотком, как воду. Дыхание перехватило, вкус Рождества и Кариб наполнил теплом все тело.

– Дэн, доедай пиццу.

– Смотреть на нее не хочу, – Дэн закрыл глаза и застонал, – я не знал, что делать. Тащить ли его в машину. Ключи были у тебя. И… я подумал, что там везде капканы. Я не мог двинуться. Просто продолжал тебя звать.

– Я вообще ничего не слышал. Почему? Должен был услышать.

В больнице врач и француз из деревни долго разговаривали на повышенных тонах. Кайл с Дэном не знали ни слова по-французски. Зато у них был целый мини-вэн, полный оборудования и залитый кровью.

Кайл помнил свое облегчение при словах о том, что Гавриил останется жив: бесстрастные слова чернокожей медсестры на ломаном английском.

– Но нога. Резать. Вот… – Врач выразительно провел ребром ладони по собственному колену: – Ампутация.

Что же случилось с маленькой ногой в белой кроссовке, думал Кайл, чувствовал, как от ужаса его охватывает холодное оцепенение. А потом они с Дэном ждали в больнице еще три часа, все в крови, умирая от голода и страха. Выбравшись на парковку, Кайл, вымотанный и злой, позвонил Максу. Тот очень

долго не реагировал на крики Кайла о «чертовых капканах, через которые нам пришлось пробираться по вашей милости!»

Наконец он сказал тихо и устало:

– *Тропинка. Я велел вам идти по тропинке.*

– Там нет никакой тропинки, идиот!

– *Я там никогда не был. Откуда мне знать?*

– Почему? Почему вы там никогда не были?

– *Он выживет?*

– Да. Но он потерял ногу. Отрезали по колено!

– *О боже, нет!*

– О боже, да.

– *Страховка. Вы все застрахованы.*

– Скажите это Гавриилу. И его девяностолетней мамаше, за которой он присматривает! О чем вы вообще думали? – Тишина: – Макс! Макс!

– *Даже сейчас. Сейчас. Она может…*

– Что? Не слышу!

– *Вы… что-нибудь видели?*

– Что-нибудь? Что вы имеете в виду?

– *Что-нибудь необычное.*

– Ну… да, блин! Ее сучья кровать все еще стоит там! И там куча… жаб. Червяков. Змей. Хрен знает. И… какие-то штуки на стенах. На стенах! В храме и в спальне. Что это? Кто это? И это место… ферма. Она какая-то неправильная.

– Что вы имееете в виду?

Кайл сел на асфальт. Он уже не думал, что о нем скажут окружающие: усталые врачи, проходящие мимо, пациенты, направляющиеся в приемный покой.

– Гавриил сошел с ума. Сказал, что они *еще* здесь. Сразу как мы приехали. Потом отказался идти внутрь. И там как будто действительно что-то было. В храме. Я что-то слышал, пока снимал. И в доме Катерины. Внизу. Кто-то вошел внутрь, но, когда я спустился, уже ничего не было. Я запутался, Макс. Меня это бесит. Что не так с этим местом?

– *Поговорим, когда вы вернетесь.*

– Вернемся?! Что нам делать, Макс? Что будет с Гавриилом?

– Я об этом позабочусь. Возвращайтесь завтра, как планировали. Встретимся, когда вы отдохнете. Для одного дня достаточно. Благодарю. Пришлите мне название больницы и телефон. А сейчас мне пора, дел много.

– Дел! Что может быть важнее этого? Мне нужны ответы!

– *Кайл. Пожалуйста. Вы расстроены.*

– Да неужели? Странно, правда?

– *Я понимаю. Понимаю. Но… сегодня появились неприятные новости. Это важно для фильма.*

– Что?

– *Сестра Исида. Сьюзан Уайт. Она ушла сегодня ночью.*

– Ушла? Куда? О чем вы?

– *Она умерла, Кайл.*

– Я уже ничего не понимаю, чувак.

Кайл отвел взгляд от экрана ноутбука, где делал первый монтаж. Посмотрел на Дэна, наконец доевшего пиццу.

– Фильм, – Дэн заглянул в налитые кровью глаза друга, – что-то с ним не то.

– Не может быть! Макс нам не все рассказывает. Он нас обманывает с самого начала.

– По поводу?

– Без понятия. Он вызверился, когда я поговорил с той юристкой. Сказал, что я ухожу от темы. Но она же жила в доме, где был их первый храм. Как это может быть неважно? А то, что она рассказала о стенах. Как появились пятна, а в них что-то было. И это никакие не протечки и не проводка. Вообще. Мы с ней по детялям не обговорили, но мне кажется, что подвал на Кларендон-роуд очень похож на этот чертов сарай с его стенами, – Кайл ткнул пальцем в экран. – Рашель Филлипс слышала звуки. Те же, что и мы. И эта фигура… в пентхаусе. Это все связано с Собором. Наверняка. Легенды, похоже, не просто легенды. Поверить трудно, что я такое вообще говорю.

– Об этом вроде как и должен быть фильм. Этого хотел Макс. Как по мне, слишком удачное совпадение. А здесь? Эти штуки на стенах… Это точно не пятна. Они нарисованы. Кто будет такое рисовать? Только чокнутые.

– Они не нарисованы.

– В смысле?

Кайл сглотнул:

– Они… прямо внутри камня. Я потрогал одну. Как будто они сгорели… прямо в кладке. Это не краска – больше на копоть похоже. Она воняет. Как будто кто-то умер в стене.

– Здесь не курят? – спросил Дэн вместо ответа. Кайл кивнул. – Да и черт с ним.

Дэн дотянулся до Кайловой пачки «Лаки Страйк», лежащей на тумбочке.

– Будешь?

Кайл согласно кивнул и поймал брошенную сигарету.

Дэн бродил по комнате. Кайл упорно смотрел на его волосатые ноги, чтобы не видеть волосатого живота. Щеки оператора покраснели, и говорил он беспорядочно:

– Какое-то дерьмо. Гавриил чуть не умер. Если бы я не наложил жгут из своей рубашки, он бы истек кровью. Так сказал врач. Или показал. Сьюзан Исида, или как ее там, мертва. Мертва. И еще какой-то старый хиппи, которого Макс в это втравил. Кажется, дело гиблое. Я знаю, что у тебя долги, что сотня тысяч – это куча денег, но нам надо сваливать. Просто сваливать, черт возьми.

Кайл с трудом подавил свое раздражение и недовольство. Дэн предложил отказаться от фильма. И от какого фильма! Естественно, он был расстроен, но предложил он что-то совершенно нереальное.

– Слушай. Сейчас не время принимать важные решения. Сегодня…

– Сегодня худший день моей жизни. Полное дерьмо.

Он никогда не видел Дэна таким. Тихо, осторожно выбирая слова, продолжил:

– Согласен. Но признайся, несмотря на все, через что мы сегодня прошли, это бомба. Мы снимали в двух локациях, и в обеих я заснял что-то странное. Это что, часто случается? Да никогда! Такого вообще ни разу не происходило, насколько я знаю. Ни с кем, кто держал в руках камеру. В фильме ужасов от крутой студии могут быть такие спецэффекты. Но там спецэффектами не пахло!

Дэн закрыл глаза и, кажется, предпочел бы и уши заткнуть.

– Кайл.

– А интервью! Ну да, они странные, но материал-то фантастический. Да мы как будто всю жизнь этого ждали. В «Шабаше» и «Кровавом безумии» не было столько сверхъестественного! Пара хороших интервью. Пара кадров с места убийства. Два отличных фильма. Но это же совсем другой уровень! Это наш шедевр! Наш шанс! Мы это сделаем!

– Ну да. Вот только из двух бывших членов Последнего Собора, которых мы снимали, один умер, а второй лишился ноги! – Дэн явно хотел от Кайла объяснений, но таковых не последовало.

– Дэн. Когда мы снимаем сцену, мы хотим чего-то добиться. У нас есть цель. Мы хотим рассказать историю. Историю, понимаешь? А сейчас мы получаем даже больше, чем просим. Гавриил, может, и выдохся, но сама ферма рассказала нам гораздо больше. У нас каждый раз получается один непрерывный план. Это слишком круто, чтобы все бросить. Что-то в этой истории есть. Что-то они все пережили. Никто из них не ходит вокруг да около, не пытается подать себя в выгодном свете. Они как будто вынуждены говорить правду. Ты часто такое видел? И ты хочешь все бросить? Правда?

Дэн смотрел в пол:

– Блин! Не знаю! Мне нужно уехать подальше от этого места, а потом хорошенько подумать.

– Твое право. Но без тебя я не справлюсь. Времени нет. И заменить тебя некем. Нам нужно быть в Америке через два дня, – Кайл долил ром в кружку Дэна, – у меня нет выбора. Я торчу тридцать штук. Мне нужен этот фильм.

– Я знаю. Знаю, чувак. Просто… Я не могу.

– Переспи с этой мыслью. Пожалуйста. Не бросай меня, Дэн.

– Это еще не все.

– Что еще?

– В больнице, когда ты вышел поговорить с Максом, мне стало интересно, что за француз поехал с нами, чтобы поговорить с врачом. Они целый час трындели. И этот чувак реально завелся. Я спросил у врача, о чем он, вообще, говорит. Предчувствовал, что разговор шел о ферме.

– И?

– Ну по-английски он говорит не то чтобы хорошо, но француз из деревни рассказывал ему, что птицы никогда не возвращаются. Или что-то такое. Птицы не возвращаются. Наверное, на ферму. И еще он сказал, что собаки тоже туда не ходят.

– Офигеть.

– И вот еще, – Дэн подошел к тумбочке и взял свой айфон, – сообщение пришло, наверное, днем.

Просто мне в голову не приходило проверять телефон, пока ты в душ не пошел. Сообщение от Мауса. О записи с Кларендон-роуд, – Дэн поковырялся в телефоне и протянул его Кайлу.

Сообщение гласило: *«Звонил весь день. Вы должны это увидеть. Пока вы там в панике носились, как две школьницы, фоном шла какая-то непонятная хрень. На трех аудиодорожках. Это ненормальные звуки. Наверное, вы там диск включили. И тот мужик, который был с вами в доме, наркоша, который выглядит так, как будто вылез из саркофага в Британском музее. Так вот, не нарик он. Я изображение увеличил, и у него целых кусков не хватает. Нет их. Или они прозрачные. Как вы это сделали? Скажите, что это розыгрыш, и вы там надо мной ржете. М.»*.

Они не ржали. Дэн тихо спросил:

– Что он имеет в виду?

Кайл почувствовал, что бледнеет.

– Понятия не имею.

Десять

Кан, Нормандия.

16 июня 2011 года. 05.00

Здесь не было солнца. Черные тучи затянули небо от горизонта до горизонта, а под ними темнела вода и иссушенная равнина. Здесь ничего не росло. Холодный ветер гонял серую пыль, пепел и головешки, шевелил стоячую воду.

Его появление в такой пустоте сразу заметили. Потрепанные существа на соленом берегу, куда накатывали и отступали, накатывали и отступали маслянистые волны, с трудом поднялись на тощие ноги. Тонкие руки, кое-как прикрытые лохмотьями, вскинулись к небу, а из невидимых ртов вырвался тонкий визг.

В воздухе не было птиц – они, как мусор, лежали у мертвой воды. Тысячи тел вздымались и опадали в ритм прибоя. Черная стая костей и перьев, на которую накинулись оборванцы, загребали трупики костлявыми руками и протягивали их перед собой, будто нищие попрошайки, подносящие драгоценности своему королю.

Кайл очнулся. Почувствовал дорожки от высохших слез на лице.

Он спал несколько часов, но запомнил только кусочек длинного кошмара про огромное мертвое море. И еще толком не проснулся. Не смог.

Ошеломленный странным видением и темнотой вокруг, Кайл не мог понять, где находится. Где-то далеко от него приоткрылась дверь, сквозь щели вокруг нее просочился слабый желтый свет. Через порог лился пульсирующими волнами аромат огня. Осеннего костра из листьев, потрескивавшего очага под холодным дождем, дыма от подгоревшего, но уже остывшего мяса. И еще запах прохлады, что идет от влажных камней.

Кайл попытался пошевелиться, но не вышло.

Он не чувствовал собственных конечностей – лишь онемение, пустоту в суставах. Дышал коротко и судорожно, перед глазами клубился мрак, как будто что-то пережало дыхательное горло. Или просто объема легких не хватало.

В мозгу вспыхнуло какое-то странное ощущение. Как будто он спускался в холодные глубины темного

океана, под лед, под беззвездные небеса, непонятная сила притяжения тащила его вниз и вниз, выдергивая из самого себя.

Борясь с небытием, пытающимся загасить крошечную искру лихорадочно мечущегося сознания, он вдруг ошеломляюще резко ощутил собственные конечности. Они как будто проявлялись из темноты, почти не двигаясь, но по их размеру, весу, незнакомой длине пальцев он чувствовал, что это не его руки. И не его ноги. Слишком длинные и тонкие, громоздкие безжизненные ступни свисают с матраса, как будто он вдруг перерос кровать.

Кайл ощущал свое – чужое лицо. Другие скулы, другой лоб, маленький рот, острые зубы. Длинные кудрявые волосы свисали ниже глаз, до подбородка. От них воняло. Жирные немытые патлы, мокрые от сточной воды, на грязной, в потеках подушке. Он ее не видел, но знал, что вся наволочка покрыта старыми пятнами.

Кайл еще глубже погрузился во тьму, под незнакомое тело, пытающееся удержать его – как схватить дым пальцами. Погрузился туда, где кричали птицы и люди, – далеко, но этот звук надвигался. Всех влекло к нему, парализованному, падающему вниз. Водоворот какофонии расходился от криков зверя в его сердце. Свиной визг, козье блеяние вырывались из дрожащего огромного рта. Черный язык и желтые зубы. Влажные, близкие…

А потом Кайл проснулся и упал. С высоты не более нескольких дюймов. На кровать. Тут же резко вздернулся и сел. Знакомое ощущение собственного тела, его формы и размера, ударило, как током.

«Номер отеля. Кан… Франция…»

Он посмотрел направо и ничего не увидел. Поводил перед собой рукой. Ослеп. Попытался не закричать.

Потом увидел маленький светодиод на стене: зарядка для телефона. И еще одно крошечное красное пятнышко в воздухе, на той стороне комнаты: датчик выключенного телевизора.

Из-за странного хрюканья и визга у него перехватило дыхание.

«Боже, что это за звук.

Храп. Это всего лишь Дэн. Слава богу. Дэн напился и храпит».

Чуть не упав с кровати, он встал на ноги и уставился в темноту. Вытянул руки, пошевелил пальцами и нащупал оштукатуренную стену. «Почему так темно? Храм. Воздух храма в твоих глазах». Он почти закричал. Шторы. Вспомнил, что вечером задернул шторы. Вот почему так темно.

Стало легче. Сон, кошмар исчез, как мутная старая фотография. Просто сон. Фигуры на стене храма, ужасный случай с Гавриилом, полбутылки рома, усталость, незнакомая кровать в темной комнате, храп Дэна, другая страна, другой мир… слишком много всего. Ему приснился кошмар. Но как он мог упасть на кровать прямо из воздуха? Раньше Кайл никогда такого не испытывал.

«Это тоже часть сна. Как будто сходишь с тротуара».

Он потер ладони. Это совершенно точно были его ладони. Его руки. Его ноги – широкие ступни с костлявыми пальцами. Волосы перепутались, но это были его волосы, прямые, а не вьющиеся и не странные, как парик на манекене.

Рот пересох, как будто Кайл не закрывал его несколько часов, и ужасно хотелось пить.

В ванной, когда над головой вспыхнул ласковый ванильный свет, Кайл посмотрел на себя в безупречно чистое зеркало. Это точно был он. Сине-зеленые глаза, которые так нравились всем его девушкам. Тряхнул головой, прогоняя воспоминания об изменении конечностей, смещении костей,

дизморфии плоти. Выпил холодной чистой воды из-под крана. Поднял от раковины мокрое лицо и посмотрел на темную комнату, где стояла кровать, на которой он больше не хотел спать. Но уже повернувшись к двери, краем глаза заметил в зеркале мутное отражение отметины на стене, прямо напротив раковины.

Кайл подошел поближе к грязным полосам над полотенцесущителем. Он дрожал – убеждая себя, что это из-за холодной плитки под ногами, от которой дрожь расходилась по всему телу, а не из-за того, что из стены торчали кости какого-то существа с четырьмя ногами.

Вблизи это оказалось больше похоже на отпечаток руки. Четыре тонких пальца с загнутыми кончиками. Как будто вцепившиеся в стену изнутри.

Внезапно Кайл почувствовал запах старого мяса – так пахнет кровь, скопившаяся под свиной отбивной, слишком долго пролежавшей в холодильнике. Он посмотрел на полотенца, ища предательское пятно. Те оказались чистыми, свежими и сухими. И в желтом свете ванной он вдруг понял, где уже видел такие вещи и чувствовал этот запах.

Одиннадцать

Мэнсфилд-стрит, Мэрилебон, Лондон.

16 июня 2011 года. 16.00

– Доброе утро, дорогой Кайл, – Макс, должно быть, прилип к дверному глазку, потому что, стоило Кайлу прикоснуться к кнопке звонка, он тут же распахнул дверь и предстал перед режиссером во всей красе: алый бархатный халат, строгие брюки, белая рубашка с галстуком и рубиновыми запонками.

Макс провел Кайла в длинный холл. Старомодная роскошь стен, обитых безукоризненно чистым кремовым шелком, пугала: так изображали прихожую рая в голливудских фильмах пятидесятых годов. В воздухе стоял запах роз и полироли: эксклюзивный коктейль, разлитый в другую эпоху. Длинные стеклянные панели, вделанные в потолок, давали интенсивный, почти флуоресцентный свет, в котором тяжелые ботинки Кайла выглядели крайне неуместно на фоне сверкающего бело-голубого мраморного пола. Время от времени попадались темные статуэтки и каменные фигурки на белых подставках. Что-то древнеперсидское. И огромное зеркало в позолоченной раме, отразившее каждую пору и морщинку на его помятом лице.

– Симпатичная квартира.

– Спасибо.

Кайл бежал на Мэнсфилд-стрит от самой станции метро «Риджент-стрит» и остановился, только когда увидел здание, где обитал Макс. Холл, в котором он ждал, когда его впустят внутрь, был раз в шесть больше его собственной квартиры, а коричневый ковер, густотой напоминавший медвежью шкуру, простирался от одной мраморной стены до другой. Швейцар в серебряной ливрее позвонил Максу на домашний телефон, чтобы доложить о госте. Кайлу пришлось записать свое имя в журнал в кожаной обложке размером примерно с альбом для марок, пока его не проводили к стальным дверям лифта, отполированным, как зеркало.

Едва открыв дверь, Макс принялся сообщать новости:

– Гавриила перевезут в Англию через пару дней и поместят в больницу. Операция прошла успешно, но он страдает от инфекции.

Кайл вздрогнул и пообещал себе навестить Гавриила, хотя эта идея его совершенно не радовала.

Кайла донимало слабое чувство вины из-за происшедшего: он слишком увлекся съемкой и злился на старика и поэтому не стал за ним следить. А еще он хотел спросить Гавриила о том, что там говорил врач о птицах и собаках, и от этого чувство вины только усиливалось. Сцена со стариком на больничной койке после встречи с одним из капканов сестры Катерины была бы ненормальной, безвкусной и абсолютно недопустимой, но все же упускать такой материал не стоило. Вот только Кайл все не мог забыть костлявую руку на стене ванной, он не говорил о ней Дэну до самого рассвета, и с первыми лучами солнца она почти исчезла, выцвела. Они засняли, что осталось, и убежали. Дэн хранил тревожное молчание всю обратную дорогу. И это было плохо. Он должен остаться в деле.

Макс позвонил в нормандский отель чуть свет – ему не терпелось увидеть отснятый материал. Его отношение к случившемуся со Сьюзан и Гавриилом неприятно поразило Кайла – не столько своим легкомыслием, сколько тем, что оно стояло явно на втором месте после съемки.

Соломон согласился обсудить ситуацию только после того, как увидит материал с фермы. У Кайла была с собой пленка, которую он собирался отдать Маусу после встречи: тот собирался работать всю ночь.

– Надо было взять с собой солнечные очки, – сказал Кайл и проследовал за Максом, обутым в лоферы из бычьей кожи, дальше в пентхаус. В этой квартире совершенно не было теней. Яркий белый свет заливал каждый угол, и Кайлу казалось, что даже его тело просвечивает насквозь, – впрочем, из-за этого он странным образом расслабился. Лампы и светильники горели во всех роскошных комнатах, мимо которых они шли.

– Простите?

– Свет, Макс.

– Ах да. Ярковато, если вы к такому не привычны. Но свет, мой мальчик, так же важен для жизни, как вода. Он очищает душу. Открывает сердце. Прочищает мозги. Чувствуешь себя счастливым, правда.

– А по мне, тут как в метро. Вы весь день свет жжете?

Макс кивнул и провел его в комнату – то ли кабинет, то ли домашнюю студию: кожаные кресла перед цифровым экраном.

– Я страдал из-за сезонных расстройств. Депрессия, знаете ли. Это продолжалось много лет, пока я не открыл для себя свет полного спектра. Он изменил мою жизнь. Световые коробы стоят в каждой комнате. На заказ делали. Потолочные светильники имитируют лучи рассветного солнца. Четыре тысячи свечей днем, десять тысяч – ночью и зимой. И еще настольные лампы.

Макс кивнул в сторону залитого солнцем окна:

– Отличная погода же.

Макс посмотрел на Кайла с такой серьезностью, что тому стало неудобно: как будто поспорил со случайным чуваком в пабе, фанатично верящим в полную ерунду.

– Я не искушаю судьбу, Кайл. Я хочу, чтобы моя жизнь была залита светом. Вот поэтому мое скромное убежище таково.

– Понятно. – Если бы тут был Дэн, он бы устроил истерику.

– Вы знаете, что у нашей компании есть определенные интересы в области исследования сезонных аффективных расстройств? В основном, за границей. Но и здесь это приобретает популярность. Мир просыпается для нового света. Могу дать вам несколько ламп домой.

– Нет, спасибо. Люблю полумрак.

– Я настаиваю. Вечером вам доставят пару настольных ламп. Торшер. Может быть, световые коробы для ванной и кухни, для этих жутких лондонских вечеров. И Дэну тоже.

– Правда не стоит…

– Чепуха. Пусть это будет подарок за тяжелую работу. Работа должна быть оценена по достоинству, мой друг. Вы уже довольно глубоко проникли в тайну Последнего Собора. Попробуйте лампы прямо сегодня. Вы сразу заметите разницу, – Макс втянул воздух и задрал подбородок, как будто пришел к какому-то решению, отогнав лишние мысли, и ему стало легче.

– Спасибо.

– Пустое. Я могу просить вас об одном одолжении?

– Да.

– Пожалуйста, больше не называйте меня идиотом.

– Это было очень грубо с моей стороны.

– О, я тоже совсем забыл о хороших манерах. Может быть, кофе? Перекусить? Или поужинаете потом?

Кайл так спешил к Максу, что не ел ничего с самого парома. И больше не спал после той ночи. Иногда он зевал прямо посреди слова.

– Я бы съел что-нибудь. Встал очень рано.

Макс подошел к двери и крикнул:

– Айрис!

– Сэр? – донеслось откуда-то издали.

– Кофе на двоих. Пирожные.

После глуховатого «Да, сэр» Макс вернулся к Кайлу.

– Отличная техника, Макс.

– Да. Я часто смотрю тут срочные заказы и монтажные сборки. Работа не ждет.

Письменный стол выглядел так, как будто на его кожаную столешницу когда-то клал карты Африки сам Сесиль Родс [7]. Макс устроился в одном из двух кожаных кресел, едва не утонув в нем. Над ними нависал плазменный экран диагональю минимум дюймов пятьдесят. Кайл сел в соседнее кресло и полез в сумку за шестью флешками с материалом из Нормандии.

Айрис оказалась маленькой круглой ирландкой с седыми волосами на голове и подбородке. Она внесла кофейник и стеклянное блюдо. Пышный фруктовый кекс с бумажной оборкой казался слишком красивым, чтобы резать его серебряным ножом, который принесла женщина вместе с двумя тарелками, тонкими, как морские раковины, маленькими серебряными вилочками и красными льняными салфетками в серебряных кольцах с монограммой.

– Отличный кекс, – сказал Кайл с набитым ртом.

Айрис ушла, слегка шаркая ногами в тапочках, и закрыла за собой звуконепроницаемую дверь.

Макс смотрел на флешки, и его тонкие губы кривились, как будто от отвращения. К кексу он даже не прикоснулся. Кайл жевал уже третий кусок – нервничал он так, что жрал как в последний раз.

– Это все?

– Да. Маус сегодня сделает монтаж.

– Загрузите все на сайт, как только будет готово. А где Дэн?

– На другой работе.

– Хорошо.

– Я увижусь с ним завтра и обсужу американские съемки.

Макс, казалось, не слушал. Он смотрел на флешки, как будто это были пробирки с культурой бубонной чумы.

– Макс? Макс?!

– Да?

– Как умерла Сьюзан Уайт?

Соломон закрыл глаза:

– Инсульт, – снова открыл, – дома. В мансарде, в Брайтоне. Ее дочь не дождалась ее в Борнмуте и не дозвонилась. Это случилось вчера. Она приехала и нашла мать. Та лежала в куче подушек. Все еще живая. Умерла позже, в больнице, не сказав ни слова. Я звонил днем, чтобы обсудить интервью. Трубку взяла ее дочь, она-то мне и сообщила.

– Вы дружили?

– Недолго. Но недавно снова нашли друг друга.

– Грустно. И странно.

Макс посмотрел на Кайла так, как будто опасался, что тот все поймет.

– Эти флешки… – Кайл не знал, как начать и как объяснить, что там записано, – как и со съемками из Холланд-парк… тут что-то не так.

Макс бесшумно повернулся на кресле. Тронул наманикюренной ручкой слегка дрожащее запястье Кайла. Кожа у него была мягкая, как у младенца, и пахла дорогим кремом для рук:

– Это нелегко для нас всех, Кайл. Гавриил, бедный Гавриил… – Соломон снова закрыл глаза и покачал головой, – вечером я еду в Брайтон. Завтра хоронят Сьюзан.

– Это ужасно. Меня это по-настоящему потрясло, Макс. И Дэна.

– У вас чувствительная и нежная душа, Кайл. Я понял это при первой же встрече, – Макс смотрел Кайлу в глаза, пытаясь понимающе наморщить лоб, – вы увлечены своим делом. Вы художник. Убежденный. Я смотрел ваши прошлые фильмы. Поэтому для этих съемок я выбрал вас. Нашу работу нельзя, просто нельзя бросить из-за этих кошмарных ударов судьбы. Несчастных случаев. Мы этого не позволим. Работа выше нас самих, мы лишь интерпретаторы.

– Но…

Макс покачал тщательно причесанной головой:

– Мой дорогой Кайл. Мы раскапываем ужасные и болезненные тайны. Мы тревожим то, что так долго было погребено. Мы расследуем самые жуткие преступления против людей. Заключение, лишение свободы, манипуляция, контроль, жестокость, убийство. Но мы должны оставаться мужественными, как бы это нас ни пугало. Мы должны стойко вынести все, что увидим и услышим. Мы должны быть начеку, Кайл. Всегда. Именно поэтому я настаиваю на лампах. Мы должны постоянно напоминать себе, что мы на стороне света.

– Но… есть кое-что еще. Я… не знаю, как это объяснить, – Макс напряженно смотрел на него, – там, на ферме. Все очень странно. Сама атмосфера. И дом Катерины. То, что я там почувствовал и услышал. Эти штуки на стенах. Существо на Кларендон-роуд. Вы смотрели лондонские съемки?

– Да. – Макс сглотнул. – Собор изучал жуткие вещи, забирался в самые неожиданные области. Книга Левина – не вымысел.

– Нет. Я говорю не о том, как они поступали друг с другом. Я хочу сказать… как будто там что-то еще осталось. – Кайл вздохнул и потер лоб, пытаясь подобрать адекватное объяснение: – На стенах. Эти чертовы стены… сами посмотрите. Во Франции я их тоже снимал. Я не думаю… Это не нарисовано. В смысле, Собор не мог этого сделать, потому что фигуры есть и на новой штукатурке на Кларендон-роуд. Я пытался рассказать вам по телефону и в письме. Но вы мне не отвечали. Посмотрите на файлы из Нормандии, там этого много, – Кайл вложил флешки в маленькую ладонь Макса, – мы были там не одни. Я знаю, это звучит по-идиотски. Но я уверен, что действительно столкнулся с чем-то потусторонним. Четыре раза. Один раз в Лондоне, один в храме, один в домике Катерины. И еще отпечаток ладони на стене нашего номера. Вы знали, Макс? Что эта дрянь будет на пленке?

Кадык Макса ходил вверх и вниз. Губы он сжал в тонкую полоску.

– Эти пятна, Макс. То, что мы слышали. В Холланд-парк. На аудиотреках. Маус тоже слышал. Птицы. Собаки. Наверное. И другие звуки. Ветер. Это было жутко. А пока Дэн пытался освободить Гавриила из капкана, я был не один в домике сестры Катерины. Внизу был кто-то… что-то. И в храме то же самое. Я уверен. Скажите, вы видели его на Кларендон-роуд?

Макс кивнул.

– Мы были не одни в этом доме. И на ферме. Совершенно точно. Как это объяснить?

– Мой дорогой Кайл, – улыбнулся Макс.

– Послушайте меня. Вас там не было. Это как будто… ну… что-то оттуда вылезло. Мне снились всякие сны. Во Франции. А потом на стене в ванной появилась какая-то фигня, Макс. Я обнаружил ее после самого странного сна в моей жизни. Я знаю, вы хотели паранормального, но, мать твою…

Макс закрыл глаза: Кайл предположил что дело в выражениях, которые он выбирает:

– Прошу прощения. Привык ругаться. Но я серьезно, Макс. Первый раз я предположил, что это наркоман, второй и третий разы объяснил усталостью. Но ванная? Я это снял. А еще и Сьюзан, не говоря уж о Гаврииле. Что тут происходит?

Макс открыл глаза и посмотрел на флешки:

– Не знаю. Кто знает, на что была способна эта дура Катерина? Не могу сказать. Но я долго думал, что она… прорвалась к чему-то, с чем не следует контактировать. Именно поэтому этот фильм так важен, пока время еще есть. – Макс стиснул собственное запястье. – Теперь вы понимаеете, что побудило меня снять этот фильм? Я был прав…

– Время? Что вы имеете в виду?

Макс поерзал в кресле:

– Нас осталось немного. Кроме меня, я нашел всего троих в Лондоне и Франции. А из тех, кто был с Катериной в Аризоне уже взрослым, выжило еще меньше. Я нашел двоих. А теперь остался только один. Вы, вообще, представляете, насколько важно теперь взять интервью у Марты Лейк? Хватит мешкать!

– Почему сейчас, Макс? Почему она решила заговорить сейчас? Марта Лейк сохраняла инкогнито тридцать лет. Я смотрел в сети. Гуглил. И недавно усопшая Бриджит Кловер тоже. Вы говорили, что Сьюзан

Уайт никому ничего не рассказывала, пока не пришла с нами на Кларендон-роуд. И Гавриил – который, кстати, и нам почти ничего не рассказал. Я знаю, и Дэн спрашивал врача…

– Кайл, Кайл. Ты представляешь, каким позором покрыли себя члены Храма Судных дней в Америке? А что думали о нас, о Соборе? Никто из нас не хотел говорить. Долго. Это из-за детей. То, что мы сделали… что случилось с детьми. Как их отнимали от родителей. Изолировали. Как с ними обращались по приказу Катерины. Это недопустимо. Это насилие. Некоторые, может, даже… я не могу заставить себя об этом говорить. Кого-то так и не нашли. А мы живем в очень чувствительное время. Только на закате дней человек может решиться заговорить и признаться, что связан со всем этим, пытаясь разобраться со своим прошлым. Найти мир в своей душе. Ну и не стоит забывать, что я щедро им заплатил. Не всем так повезло после побега от Катерины, как мне. А то, что с нами случилось, никому не захочется вспоминать. Не забывайте об этом. С Гавриилом произошел несчастный случай. Смерть Сьюзан – просто совпадение. У нее было очень высокое давление.

– И еще один. Ваш друг, который умер на прошлой неделе.

– Брат Герон долго страдал от рака. Именно поэтому он и не захотел сниматься. Вы в безопасности. Неужели вы в этом сомневаетесь? – Макс улыбнулся половиной рта, как будто присел на край кроватки испуганного ребенка.

Кайл смотрел на Макса, ища хоть какие-нибудь признаки обмана. Ничего не видел.

Когда они еще раз посмотрели съемку из Холланд-парка, из храма и домика сестры Катерины, лицо Макса исказилось. Одна рука дрожала.

Он почти спрыгнул с кресла и включил свет – впрочем, Кайл тоже был этому рад.

– Мне кажется, пора выпить бренди. Что скажете?

– Ну, я обычно пью коктейли в другое время суток, но идея мне нравится. Я прикончил бутылку бурбона в субботу, когда это увидел.

– Это невероятно.

– Это был человек? Там, наверху, вместе с нами? А эти штуки на стенах? В храме? Что это?

Макс потер глаза и посмотрел на потолок. Когда он понял, что Кайл за ним наблюдает, то смутился, как будто кто-то стал свидетелем его физической немощи.

Он повернулся на каблуках и распахнул дверь:

– Айрис! Боже мой, где она? Айрис!

– Сэр?

– Принесите графин.

Он повернулся к Кайлу и поднял руки:

– Я никогда раньше такого не видел.

– Существо с Кларендон-роуд? И еще крик, Макс.

Эхо последнего крика, который он там услышал, все еще звучало у него в голове.

– Отчасти я бы хотел никогда этого не слышать. Но, с другой стороны, это же бесценно! Можете представить, как это будет смотреться в трейлере?

Макс снова сел в кресло.

– Тихо.

Он отказался пересмотреть файлы еще раз. И его реакция на съемку из храма немного озадачила Кайла: в тусклом свете фигуры на стенах различались плохо, но их омерзительность все равно была заметна тем не менее, Макс не стал изучать их внимательнее.

– Сьюзан Уайт рассказала нам о каких-то сущностях. Но это? Что это? Какая между ними связь?

– Я не думал, что вы увидите что-нибудь настолько жуткое. Этот ваш парень…

– Маус?

– Он… он не мог что-то сделать с файлом?

– Боже, конечно, нет. Ему бы времени не хватило. И, между прочим, мы слышали все своими ушами. Я и Дэн. Все то, что вы сейчас тоже услышали.

– Но на Кларендон-роуд вы этого… существа не видели?

– Нет. Слышали шаги, два раза. Внизу, а потом наверху, как будто все это время в доме кто-то был. Но мы никого не видели. Было темно. Мы хотели воспользоваться мраком, для эффектности.

– Кайл, забудьте об эффектности. Нам не нужны украшательства. В будущем, пожалуйста, освещайте площадку как следует, особенно ночью. Иначе такие недоразумения продолжатся. Представляете, какой тут простор для толкований. Нас могут обвинить в том, что мы подделали все сверхъестественные явления.

– Стоп-стоп, Макс. Хватит.

– Вас ничего не коснулось?

– Коснулось? – Кайл нахмурился. – В смысле?

Айрис открыла дверь, и оба подпрыгнули. Она внесла хрустальный графин и два бокала. И отбыла, с подозрением посмотрев на Кайла. Макс кивнул на бренди:

– Угощайтесь, – он посмотрел на часы, – только быстро, мне пора собираться. Костюм еще не готов. На похороны.

– Что? Нам надо поговорить. Вы не можете просто сбежать, – Кайл обеими руками ткнул в экран, – мы не придумали еще ни одного объяснения. Я вчера ночью видел самый худший кошмар в моей жизни! Мне страшно об этом даже говорить, а уж принять тем более, но это и правда было. Ощутимое. Материальное.

– Извините, Кайл, – Макс пошел к двери, – потом поговорим. Все равно, чтобы делать выводы, нужны материалы из Америки.

– Макс. Есть еще кое-что, и тут ждать нельзя. Нужно решать сейчас.

– Кайл, прошу вас.

– Это срочно. Я сомневаюсь в этом контракте.

Макс заколебался и подошел к графину. Кайл налил бренди. Макс заглянул в свой бокал:

– Что такое?

Кайл сделал глоток, сорт оказался с бархатным, дымным привкусом.

– Прежде чем мы продолжим, мне нужно… подтверждение. Я обещал сделать самый честный фильм, ничего не приукрашивая, и наш контракт базировался на взаимном доверии, – он поднял ладонь, заставляя Макса замолчать, – но мне интересно, что вы от меня скрываете. Вы входили в Последний Собор. Вы провели два года в этой чертовой секте. Стояли у ее истоков. Но почему-то забыли рассказать об этом мне. Вы правда думали, что я ничего не узнаю от других? Почему не могли сообщить сразу?

Макс раздраженно вздохнул. Глянул на часы:

– Машина приедет через двадцать минут, Кайл.

– Значит, у нас куча времени. Вы отлично выглядите. Просто накинете пиджак.

Соломон сердито сел обратно в кресло. Откинулся назад, так что маленькие ступни оторвались от пола, и резко выдохнул. Он показался Кайлу даже старше, чем раньше. Явно делал подтяжку лица – лоб, глаза, губы, кучу операций. В лучшие времена он выглядел свежим и элегантным, но теперь казалось, у него парализовало половину лица. Он потер глаза, скрывая напряжение.

«Я очень старался, но ты видел то, что видел».

Крошечные капсулы нарощенных волос, казалось, готовы были отвалиться. Когда Макс отвел руки от лица, его глаза блеснули:

– У меня были причины молчать.

– Это должны быть очень серьезные причины, Макс.

– Да.

– Вы очень старались, скрывая все от нас. Мне не понравилось, как вы накинулись на меня за разговор с жильцом с Кларендон-роуд. И после всего этого, – Кайл ткнул пальцем в экран, – я задаюсь вопросом, во что я, вообще, влез и впутал Дэна.

Макс говорил, не глядя на Кайла:

– Прошу прощения… Большинство моих близких друзей и то не знают о моем прошлом. И мои коллеги. Все, кого я встретил за это время, ничего не знают о Катерине. Я чувствую ответственность, Кайл. Я боюсь, что виноват во всем, что случилось с этой организацией и всеми ее членами… в том числе и в ужасном конце.

Кайл хлопнул себя ладонями по бедрам.

– И почему же?

– Кайл, я стоял у истоков Последнего Собора вместе с ныне покойным братом Героном. Я был настоящим основателем культа. А сестра Катерина узурпировала его в первый же год, быстро и безжалостно.

– Зачем скрывать это от меня? Не понимаю. Вы же знаете, что я думаю о цели нашего фильма, мы это обсуждали.

Макс снова отвлекся. Он смотрел куда-то в пустоту, как будто сквозь роскошную стену своей цитадели света. В задумчивости покачал головой, а потом неприятно улыбнулся:

– Она была очень умна. Еще не чудовище, но близко к тому. Способная. Старше нас. Опытнее. Очень жесткая женщина, но очень обаятельная. Соблазнительная. Она многому научилась за решеткой, – он наконец посмотрел Кайлу в глаза, – мы были ей не ровня. Она уже была Чистой, по версии саентологов, когда мы познакомились на встрече Процесса в Мэйфэре. Процесс – еще одна секта. Гораздо более продвинутая, чем наша, мы многое у них позаимствовали. Они были даже… изящны. И мы хотели того же. Я был юным и глупым. Идеалистом. Таких, как я, называли хиппи. Последователь суфийского мистицизма, буддизма, задумывающийся об ордене францисканцев, экспериментирующий с жизнью в коммуне, анархист, пацифист… Невежа. Не представляющий, кто я и что я. Но мне не хотелось того, что мог предложить Лондон шестидесятых свежеиспеченному экономисту. Я хотел чего-то другого. И мы с друзьями – вы должны это понять – представляли собой идеальный материал для социопата-

манипулятора вроде Катерины.

– Но почему вы не рассказали раньше?

– Сложно в таком признаться, Кайл. Я был идиотом. Я упустил такую реальную и прекрасную возможность. Позволил ей превратиться во что-то жуткое, гадкое. В полную противоположность того, о чем мы мечтали. Убежище от всего мира. Но мы были такими наивными и неопытными. Она забрала у нас все. Настроила нас друг против друга, очень быстро. Привела других. Образовала большинство. – Макс сжал кулаки. – Она забрала все. Все, Кайл. Я ни о чем так не жалею. Да я вообще в жизни ни о чем не жалею, кроме этого. Мне до сих пор стыдно, как легко она у меня все забрала.

– А я тут при чем? У вас все есть. Оборудование, деньги. Вы даже все исследования провели. Вы знаете всех, кто в этом участвовал.

– Да. И я думал о том, чтобы снять фильм самому. Стать режиссером или хотя бы написать сценарий. Но передумал по ряду причин. – Макс встал и подошел к книжному шкафу. Провел пальцем по корешкам первых изданий «Ревелейшн пресс». – Я не мог себе этого позволить. Моя компания, издательство, деловые интересы, благотворительность. Уникальность торгового предложения моей фирмы – это позитивная духовность. Я продаю новые варианты надежды. А Собор стал…

Этот фильм – огромный шаг для меня. Именно поэтому я запустил проект *«Мистерии»* – только для одного фильма. Я не могу позволить себе поставить на него бренд «Ревелейшн». – Макс потер худые щеки. – Представьте себе скандал и потенциальный крах, если «Дейли мейл» обнаружит, что я основал Последний Собор. Они ведь не делают различий между ранним Собором и Храмом Судных дней. Пустынным чудовищем, в которое превратилось мое творение. Я понял, что дела плохи, в Лондоне, в шестьдесят восьмом. Разглядел глубоко запрятанный яд. Но я не имею никакого отношения к этим… событиям в пустыне. Клянусь, Кайл. Я усвоил урок и ушел оттуда. Начал заново. Замел следы. Порвал все контакты с другими адептами. Я искренне верю, что с тех пор сделал немало хорошего. Загладил свои прошлые ошибки. Думаю, именно это и было основным мотиватором моей карьеры.

Если бы я снял фильм сам, это было бы ошибкой. Из него бы сочились моя горечь, гнев и возмущение. Ты прав в своей нелюбви к моим графикам. Мне нужен был независимый объективный взгляд. Кто-то, кто расскажет невероятную историю, о которой забыли на десятилетия. Я представлял себе фильм про «Настоящую суку из пустыни».

Макс умоляюще посмотрел в глаза Кайлу:

– Мне нужен был кто-то, кто не гнушается темы оккультизма. Кто уже собаку съел на таких историях. Кто показывает сверхъестественное как вполне реальное. Кто уже понял, что в естественном порядке вещей существуют разрывы. А я бы стал прекрасным исполнительным продюсером. Управлял бы ресурсами. Сводил людей друг с другом. Стал бы вашим проводником.

И я верю, что истинная суть этой истории скрыта кровью Катерины и ее приспешников, пролившейся в Аризоне. Идея этой истории похоронена. Ее еще ни разу не рассказывали. И это совершенно невероятная история, Кайл, как мы уже поняли. Именно поэтому я посоветовал вам сосредоточиться на паранормальной стороне секты, – Макс вздохнул, выдержал паузу и доверительно произнес: – Я не был готов увидеть истинные результаты деятельности Катерины. Столкнуться с ними. Даже сейчас мне нужен какой-то посредник. Защита. Пойми, я хочу, чтобы ты раскрыл для меня эту тайну. Я боюсь, что у меня просто нет сил.

В дверях появилась Айрис:

– Сэр, ваш автомобиль прибыл.

Кайл забросил флешки Маусу, а домой шел как на автомате, не видя ничего вокруг. Он открыл пинтовую бутылку «Джека Дэниелса», сделал глоток, сунул ее в карман. После встречи с Максом он чувствовал себя польщенным, настроение у него неожиданно приподнялось, и даже силы появились. Но чары испарились. Макс умел говорить. Был искренним и эмоциональным, вот только у Кайла росло подозрение, что им опять манипулируют. Он хотел верить Соломону, так как очень хотел снять этот фильм. Но, может быть, Дэн прав и стоит все бросить?

– Твою мать! – громко сказал он в вагоне метро. Никто не обернулся.

Кайл не мог отказаться от фильма, хотя инстинктивно понимал, что на кону стоит гораздо большее, чем его карьера, деньги или психическое здоровье. Он ненавидел себя за слабость. Чувствовал, что ему грозят опасности, которые даже представить невозможно.

Прошла всего неделя, и теперь он задавался вопросом о том, насколько сильно оказался вовлечен в дело. После краткого, но насыщенного контакта с наследством сестры Катерины Кайл чувствовал лишь страх, неуверенность и подкатывающую к горлу тошноту. Два интервью, две съемки – и мир, который считал само собой разумеющимся, превратился в иллюзию, населенную маньяками и жуткими сущностями. Что-то приближалось к нему. Буквально лезло из стен. Выходило на свет – хотя как раз Кайл должен был сорвать покровы с этой истории.

Всю дорогу до дома он мысленно прощался с работой и одновременно мысленно летел в Аризону. Как будто бы загадал желание: снять по-настоящему оригинальную и революционную документалку в эпоху кризиса, когда вся индустрия кино– и теледокументалистики летела в пропасть, из которой могла уже и не выбраться. И вот фильм всей жизни был в кармане – вместе с чем? Не в первый раз Кайл подумал, что одержимость съемками его убьет. Правда, его измученные родители и друзья говорили скорее о финансовой яме, а не о том, с чем он сталкивался, залезая во всякие неподходящие места.

Но глупо отрицать, что сквозь него как будто снова пропустили ток высокого напряжения. Да, он боялся, сомневался и не понимал, с чем имеет дело, но у него появилась возможность добавить в свой послужной список самый лучший фильм. Вот этот. Главный труд жизни. Всю карьеру он ходил вокруг да около, но никак не мог толком отыскать тот самый, главный материал. А теперь он перед ним. «Судные дни». Даже без ста тысяч он бы снял этот фильм. Слишком уж много тот сулил. Путешествия, бессонница, бесконечное ожидание, недели монтажа и обработки, просмотр финального монтажа… все будущие хлопоты того стоили. И так было всегда. Съемки были для Кайла всем.

Дэн выживет и без этого. Он отличный специалист, у него куча денежных заказов. Но Дэн нужен ему. Это его лучший друг. А лучшие друзья помогают друг другу. «Пусть он ночь поспит в собственной постели, а потом поговорим». Дэн справится. Всегда справлялся.

Двенадцать

Вест-Хэмпстед, Лондон.

16 июня 2011 года. 22.00

Макс действительно прислал с курьером четыре ящика светильников. Они приехали раньше Кайла, и за них расписалась Джейн из квартиры ниже. Представив всю пыль, волосы, царапины и пятна в своей берлоге, которые выявит такое безжалостное освещение, он не стал вынимать их из коробок.

Смешав виски с бренди, заев их фруктовым кексом, Кайл, чтобы успокоиться, взял ноутбук, просмотрел график Макса и сделал несколько пометок в американской части сценария. Макс организовал

два интервью с полицейскими, расследовавшими убийства в семьдесят пятом: патрульным, который первым увидел залитую кровью медную шахту, и детективом из убойного отдела, который расследовал это дело вплоть до смерти брата Белиала в тюрьме Флоренс.

Еще нужно было снять сына владельца ранчо, расположенного рядом с медной шахтой. И в конце им предстояло встретиться с единственной выжившей последовательницей Храма Судных дней, которая уже взрослой провела в секте последний год: с Мартой Лейк. Она отказалась разговаривать с создателями четырех существующих фильмов о секте, в которых были одни предположения о событиях до ночи Вознесения и во время нее. Даже догадки Ирвина Левина казались совершенно дикими, так что Кайл решил не делать выводов, пока не поговорит со всеми сам. Макс не хотел, чтобы они снимали особняк в Сан-Диего, в котором сестра Катерина жила два последних года. В примечаниях указывалось, что фотографий хватит, но Кайл был в этом не уверен. Журнал «Вэрайети» утверждал, что сейчас он принадлежит Чету Ригалу, смертельно больному голливудскому бабнику, от чего теперь дом вдобавок приобрел атмосферу «Голливудского Вавилона» Кеннета Энгера. «Но нельзя же иметь все».

Два фильма о Храме сняли в семидесятых, два – в восьмидесятых. После первой встречи с Максом Кайл посмотрел их все. Ужасные постановки с актерами-любителями. В каждой повторялись отрывки одной и той же новостной хроники: копы и юристы с бачками и длинными волосами, очки-авиаторы под палящим солнцем пустыни, суд в Юме, черно-белые машины, выстроившиеся в ряд, и копы, ведущие тощие фигуры, скрытые покрывалами, в зал суда, журналистки в клешеных светлых брюках и приталенных блузках, микрофоны в тонких руках похожи на огромные металлические леденцы, губернатор Аризоны в очках с черной оправой делает официальное заявление по телевидению, потеющий начальник полиции, коронер, прокурор и все парни из местной мэрии.

В каждом фильме до оскомины часто мелькали фотографии из вклейки «Судных дней» Левина: черно-белые карточки юных членов Храма, снятых в лучшие времена: длинноволосые, с идеальными зубами подростки улыбались со страниц школьных альбомов; а потом снимки из полицейского участка: худые, изможденные, страдальческие, или, наоборот, вызывающе дерзкие лица тех членов секты, которые сбежали до злосчастной ночи, но так и не смогли зажить нормальной жизнью.

В один из фильмов, «Дети зверя», явно вложили кучу денег, потому что там было несколько минут, снятых с вертолета, – шахта и особняк сестры Катерины. Пустыня Сонора с этой высоты походила на необитаемую планету, где участники секты сначала резвились, а потом принялись бегать друг за другом с пушками, когда все пошло прахом.

В «Детях зверя» было очень много сплетен (и в остальных фильмах тоже), услышанных от людей, не связанных с сектой. Три престарелые телевизионные знаменитости из Голливуда семидесятых нудели об обаянии Катерины, о ее чудесной способности говорить ровно то, что они думали и чувствовали, как она блистала на крутых вечеринках в платьях от Шанель и Ива Сен-Лорана, что она знала о них то, чего они никому не рассказывали… бла-бла-бла…. В чем не могли признаться даже себе… бла-бла.

Во всех четырех фильмах неуклюже пытались доказать ее связь с сайентологами и демонстрировали копию постановления об аресте за содержание борделя в Лондоне в начале шестидесятых. На бледной обложке каждого диска обязательно красовался либо портрет Катерины в стиле поп-арт – разжиревшая Элизабет Тейлор с длинными волосами Моны Лизы и ее загадочной улыбкой, – либо тот, где она напоминала лживую мессию с двойным подбородком и красными глазами.

Съемочные группы этих фильмов не бывали ни на французской ферме, ни в особняке в Холланд-парке. Наверное, из-за проблем с бюджетом. Никто не упоминал о паранормальных аспектах Последнего Собора или Храма Судных дней, с которыми Кайл столкнулся в первый же день. Вместо этого во всех шла речь об убийствах, крови, голых и немых детях, об обезглавленной сестре Катерине. А спустя три года

Джим Джонс обскакал Катерину во время печально известной Белой Ночи в Гайане, когда он отравил девятьсот своих последователей фруктовым лимонадом со стрихнином.

Когда Кайл дочитал сценарий, в квартире разило застоявшимся сигаретным дымом, а кошка устроилась спать на его подушке. По телевизору показывали ерунду. Кайл проверил почту. Ни слова от Дэна. Разобрал одежду и стал укладывать рюкзак для поездки в Америку. Завтра надо переписать сценарий и составить график на следующий съемочный день, а во время десятичасового перелета все перепроверить. Приехать пораньше, выбрать нужные точки съемки, продумать композицию. Последние четыре интервью придется снимать на рекордных скоростях.

Лежа на диване, Кайл проглядел вклейку в «Судных днях» Левина – надолго он расстаться с книгой не мог. Посмотрел на круглое, но не лишенное привлекательности лицо сестры Катерины. Потом на мрачного брата Белиала, напоминающего Распутина. На худого бородатого мужчину, который застрелил своих четверых товарищей по Храму, когда те пытались бежать перед ночью Вознесения, а потом убил сестру Катерину и перерезал горло четырем из Семерых, прежде чем полиция обнаружила его в шахте в окружении пяти оборванных детей спустя сорок минут после того, как владелец соседнего ранчо поднял тревогу из-за пожара, НЛО, лающих собак и стрельбы.

«Собаки. Опять собаки».

Кайл перебрался на кровать. Попытался сдвинуть кошку, но та сверкнула глазами и показала когти.

– Блин.

Так он и заснул, приютившись рядом с ней.

И наполовину проснулся в полной темноте, вернувшись из какого-то места, от которого остались лишь смутные воспоминания, последние обрывки сновидения. Там стоял туман от сажи и дыма. Камни намокли под дождем. Люди с искаженными и размытыми лицами с тоской смотрели на бесцветные небеса. Худые и ободранные, они походили скорее на скелеты. В грязи под их ногами, зависшими над землей, валялись солома и мусор. В изрезанной колеями глине скапливались лужи воды с цветными завитками бензина и застойной пеной.

Шорох перьев на мумифицированных крыльях.

Отдаленный лязг металла.

Бледные зимние цвета и тяжелый воздух.

И он сам, здесь… над кроватью в темноте. Сквозь занавески пробивался тоненький лучик серебряного цвета. Кайл был нематериален, парил над матрасом. Суставы на ногах раздулись. Широкий таз, впалый живот, провалы между ребрами: он ощущал каждый дюйм своего истощенного тела. Молил о воде пересохшими губами. Лицо его, сухое, как пергамент, и лишенное губ, походило на смертную маску. Спутанные бесцветные волосы еле прикрывали череп, на котором виднелись ранки и почерневшие сосуды.

Слишком длинные ноги висели в холодном воздухе, и длинные когтистые пальцы худых рук, такие слабые, они не могли сдвинуть его с места, оттуда, где Кайла будто распяли в воздухе. Он покинул свое тело и оказался внутри этого.

Извиваясь, он пытался проснуться с той секунды, когда понял, что заперт в чем-то незнакомом и хрупком, в теле, которое поднималось к невидимому потолку. И лишь сознание самого себя дергалось, искало путь обратно в плоть, что когда-то облекала его родные кости.

Рядом, за ним, в темноте, что-то царапалось и топало, а потом раздался громкий стук. Шум шел из соседней комнаты.

А потом Кайл упал. И проснулся, почувствовав, что летит. Чуть не умер от ужаса, дернулся в спутанных простынях и замер, сжавшись в комок и тяжело дыша.

Медленно ощупал лицо трясущимися пальцами. Знакомые губы, вздернутый нос, немытые волосы. Его затопило облегчение, и он вытянулся на собственной спине, почувствовал собственные руки и ноги. Сжал кулаки.

Сел.

Сначала за стеной кто-то топал, но теперь слышался только скрежет когтей. Кошка царапала коврик у входной двери.

Кайл включил лампу на тумбочке. Поморщился от ударившего в глаза света. Слез с кровати и пересек комнату, служившую одновременно спальней и гостиной. Включил свет в коридоре и пошел вниз.

Кошка соизволила на мгновение повернуть голову – она принюхивалась к чему-то между ковриком и дверью. Сверкнула на него почерневшими глазами и вздыбила шерсть. «Выпусти меня, выпусти!»

На онемевших ногах, двигаясь так, как будто у него защемило нерв в паху, Кайл прополз через коридор мимо кухни и ванной. За приоткрытыми дверями все казалось крошечным, бытовая техника напоминала кукольную.

Где-то в темноте кухни стоял кошачий лоток.

Запасной. Может быть, кошка слишком долго держалась, больше не могла ждать, и теперь ей было и неприятно, и неловко, как всем кошкам в такой ситуации? Лучше ее выпустить.

Окончательно проснувшись, Кайл поежился от холода. Если он выпустит кошку, придется спускаться вниз, к общему садику.

– Я думал, мы через все это уже проходили. До утра не подождешь?

Он щелкнул замком и едва приоткрыл дверь буквально на сантиметр, как кошка тут же проскользнула в крошечную щель, метнувшись на темную лестницу. Кайл, в одних трусах, дрожа от воспоминаний о жутких дисморфических видениях, включил свет и потопал вниз по устланной пыльным ковром лестнице, обдумывая свой кошмар. Он никогда не испытывал ничего столь же реального, столь яркого. Причем дважды. Выход из тела и полет над кроватью, как будто он терял себя или его выдергивали и тащили в какое-то страшное место. Почему? И тут он вспомнил фигуры на стенах во Франции и в Лондоне.

Холодный воздух просачивался на нижнюю площадку. За окном было совершенно темно: облака на черном небе закрывали звезды. Сколько времени? Кошка принялась скрести заднюю дверь. Напряженная, взъерошенная, с горящими глазами. А потом бесшумно исчезла, даже не оглянувшись, во мраке сада.

– Больше на улицу не пойдешь, – сказал он, но кошка не слушала, скача где-то в зарослях.

Нужно взять хлорку, тряпку, полиэтиленовый пакет из-под кухонной раковины и убрать лоток. В это время ночи такая задача казалась нерешаемой, хотя он радовался тому, что проснулся. Что больше не в постели или над ней.

Свет лучше не выключать. Поспать можно и на рассвете. Еще куча времени будет на работу. Правда, со спортзалом опять мимо. «Жаль». Не проблема, по сравнению с бесконечным облегчением от того, что проснулся. Не остался в кошмаре.

Вернувшись в квартиру, он замер под лампой в прихожей. Задрал подбородок и принюхался. Пахло

жженым волосом и разложением. И еще старой водой и мокрыми тряпками, позабытыми в темной холодной комнате. И еще что-то… «Что это? Откуда этот запах?» Мокрая зола. Как будто костер, в котором жгли старые газеты, залили водой. «Здесь? Зачем?»

Кайл проверил ванную. Может, это плесень на стене или несвежее полотенце, которое стоит постирать, подгнивший линолеум, старое дезинфицирующее средство. Он прошел поглубже и принюхался. Резкий запах дешевого дезодоранта-спрея, оставляющего белые пятна под мышками. Немного несет от туалета, крышка сиденья поднята. У Кайла было хорошее обоняние, и он никогда не пробовал кокаин – редкость в кинокругах. Но в ванной все оказалось нормально, включая чистые стены.

Он вспомнил шум в своем сне. Стуки, топот, скрежет. Подумал о номере отеля в Нормандии. Прислонился к стене – голова внезапно закружилась, когда он подумал, что нереальное вполне может стать реальным. Поежился. «Не здесь. Не надо. Пожалуйста».

Кайл побежал в кухню, с трудом дыша. Осмотрелся. Между шкафами, над раковиной и плитой белые стены пожелтели. Плита была заляпана маслом и томатным соусом. Все как обычно. И лоток чистый, и наполнитель в нем сухой. Окна закрыты.

Кайл взглянул на потолок. Паутина, черные точки мертвых насекомых в крошечных желтых кругах – как всегда на съемных квартирах. Старые пятна, на которые он привык не смотреть, – когда приехал сюда два года назад, все уже было так. Маленькая бабочка в углу. Мир за крошечным окном казался совершенно черным.

Но запах шел откуда-то из кухни. Сейчас он стал слабее, как будто недавно открыли окно проветрить. Так могло пахнуть из мусорного ветра, Кайл открыл его: пусто. Влез в шкафчик под раковиной: потянуло лимоном и полиролью. Не здесь. Проверил два шкафа: резкий аромат алюминия и пыльная нота. Пошел к шкафу, где хранил консервы и бакалею, открыл дверцу.

И отскочил назад. Наружу вывалилась банка ананасов, банка фасоли отскочила от микроволновки, за ними посыпались бульонные кубики, засохшая головка чеснока и зеленая сетка с одной луковицей внутри.

За маленькой лавиной накатил густой запах застоявшейся воды, высохшей падали, горелых спичек и мокрой одежды. Он выкинул из шкафа все банки и пакеты, сложив их с другой стороны. Дальняя стенка пошла пятнами.

«О боже, нет. Нет». Он отвернулся. «Не надо». Взглянул снова.

Пнул луковицу и покосился на пятна. Смотрел и смотрел, пытаясь найти в них смысл. Выглядело это так, как будто в стене лопнула фановая труба, и жидкость целый год пропитывала штукатурку и обои. Но когда он кормил кошку вчера днем, то шкаф открывал. Тогда стена была чистой.

Кайл осторожно протянул руку и ткнул пятно пальцем. Бумагу, казалось, опалило быстро потухшее пламя.

Он отступил на шаг и присмотрелся к широкой полосе в середине отметины, этого смрадного клейма, неожиданно появившегося сегодня ночью. Оно походило на рельефы, проступавшие на каменной кладке в Нормандии, на некрашеной штукатурке в подвале на Кларендон-роуд, на гладкой краске ванной комнаты в отеле Кана. Разные поверхности, но одинаковая цветовая гамма: опаленная, глянцевитая, влажная, мутные разводы грязных бинтов, черная жидкость, засохшая на саване, форма…

«Боже мой». Две длинные кривые полосы в центре внезапно показались знакомыми. «Локтевая кость, лучевая». Научные названия, запавшие в голову еще с уроков биологии в школе. С одной стороны что-то вроде ряда камешков оказалось костями запястья, обтянутого кожей. С другой явно виднелись шишки локтя. «…Плечевая кость». У ее головки еще такое забавное название по-латински получается, *caput*

humeri, но Кайлу было не до смеха.

Как будто в его шкаф просунулось через стену чье-то предплечье. Похлопало дверцами; именно этот звук он и слышал во сне, словно в приоткрытое окно залезла чья-то рука, пошарила внутри, пошумела и исчезла, оставив свой отпечаток изнутри штукатурки, как укор для живых.

Тринадцать

Вест-Хэмпстед, Лондон.

17 июня 2011 года. 07.00

Он позвонил Дэну:

– Ты где?

– Дома. Ты сбрендил, на часы смотрел?

– Знаю, семь утра. Приезжай. Пожалуйста.

На другом конце провода слышалось тяжелое дыхание, кашель, движение огромного тела.

– Зачем? Я сплю. Пришел домой в два.

– Ты должен это увидеть. Правда должен!

– Мне уже Маус позвонил насчет пленки из Нормандии. Еще вечером. Он сразу перешел к сцене в храме. И чуть с ума не сошел. Сказал, что ты его обманываешь насчет документалки, а сам снимаешь фильм ужасов.

– Может быть. И мы в нем на главных ролях! Вот только Макс забыл нам об этом сказать.

– Че?

– Шучу. Приезжай быстрее. И «Кэнон» возьми. Оно показалось на стене кухни.

– Это что?

– Рука.

– В сторону отойди.

– Смотри, – Кайл провел пальцем по костям предплечья на стене. Запах почти пропал, но какие-то следы от него еще остались. – Предплечье. Вот это вроде похоже на ладонь. А шишка с этой стороны тогда локоть. Дай увеличение.

Дэн посмотрел на Кайла через видоискатель:

– Ты сам это сделал.

– На фиг пошел.

– Точно?

– Точно. Я тебе говорил, что мне приснился странный сон. Потом я проснулся в другом сне. Как будто я висел в воздухе, и у меня было другое тело, – Кайл поежился и взглядом поискал у Дэна поддержки. – То же самое мне снилось в Кане. Как будто я – кто-то другой. А когда проснулся, то услышал эти звуки, и…

– Кайл. Я в эту фигню не верю.

– Дэн! Я серьезно! Это все правда. Кошка хотела на улицу и скреблась в дверь, она меня и разбудила.

А ее последний раз так напугал соседский фейерверк год назад.

– Отлично. Значит, это кошка. Я даже тебе поверил.

– Забудь про кошку! Во сне я слышал стук. Шаги. Именно они кошку и напугали. Я выпустил ее, а потом вернулся и посмотрел в ванной и на кухне. Тут пахло так же, как во Франции. И на Кларендон-роуд. И пахло отсюда. – Кайл ткнул в пятно на стене. – Хлопали дверцы шкафа. Их открывали изнутри. И здесь оказалось это пятно, которое воняет, как сточная труба. Ну и? Что скажешь, чувак? В отеле была такая же рука.

Дэн пожал плечами, но при этом побледнел под цвет холодильника.

– И почему именно ты? Я не вижу никаких снов. И никаких задниц на стенах у меня нет. А я ведь был на обеих съемках.

– Понятия не имею, – от слов Дэна Кайлу на секунду стало легче, но потом он вспомнил, как Макс спрашивал, не *коснулось* ли его что-то. – Он что-то знает. Старикан.

– Что?

– Макс. Он спрашивал, не чувствовал ли я прикосновений. Понимаешь – прикосновений! С чего бы ему такое спрашивать?

– Но ведь ничего не было?

Кайл посмотрел на Дэна:

– Я… мне кажется, кто-то был в храме. Как будто кто-то за мной бежал. В темноте. И я что-то почувствовал. Что-то на шее…

– Ты ничего мне не говорил.

– Потому что в домике Катерины было еще хуже, а потом Гавриил попал в капкан. Я сказал, что в ее домике кто-то был. Как будто… на меня смотрели. – Кайл посмотрел в стену и провел по лицу ладонью. – Бред какой-то.

– М-да. Я, пожалуй, посижу, обдумаю расклад. У тебя есть что-нибудь пожрать?

– Да ну тебя.

– И почему я не удивлен?

– Давай снимем меня сейчас. Хочу записать то, что было ночью. Типа видеодневник.

Когда они закончили черновой монтаж нормандской съемки, уже стемнело. Копии ночной работы Мауса прибыли в полдень, когда Кайл уже наговорил на камеру не предусмотренный сценарием текст о том, что случилось с Гавриилом на ферме, о смерти Сьюзан Уайт, о неизвестном доселе прошлом исполнительного продюсера, о своих собственных снах и пятнах на стене кухни. Потом он в одиночестве уселся за стол и попытался продумать сценарий аризонских сцен и свои вопросы к копам.

Он не стал опускать шторы и в пугающей тишине смотрел на свое отражение в стекле эркера. Кошка дремала на столе, время от времени опуская хвост то на клавиатуру ноутбука, то ему на руку, как будто желая убедиться, что Кайл никуда не делся из кресла. Она появилась около часа назад, съела целую банку корма и почти все анчоусы с пиццы Дэна, а потом позволила себя погладить. Не только ему требовалась компания с наступлением темноты.

Три фигуры на стенах амбара в записи выглядели совсем не так впечатляюще. И на фотографиях, загруженных в ноутбук, тоже. Они оказались размытыми, более экспрессионистскими, открытыми для толкования, но даже десяток просмотров и плохая резкость не лишили истощенные силуэты мощи и

скрытой угрозы. Посмотрев на них в очередной раз, Кайл понял, что не сможет сконцентрироваться на сценарии.

В шуме, который он сам производил в храме, было почти невозможно расслышать чьи-то другие шаги. Если бы было чуть больше времени, они бы вытащили этот кусок в отдельный файл. Но в доме Катерины дверь внизу точно хлопнула, и кто-то скребся по цементу, пока Кайл прятался наверху за сгнившей постелью, мокрой и шевелящейся от тритонов, сороконожек и ужей.

За спиной догорал летний закат, бросая отсвет на потолок и плечи Кайла.

– Вот это мощно, – заявил Дэн, когда распаковывал коробки с лампами, чтобы отвлечься. Ухмыльнулся и включил настольную лампу, засиявшую тем же ярким белым светом, который Кайл видел в квартире Макса. Кайл повернулся в кресле:

– Представь себе свет раз в сто ярче, и ты получишь хату Макса.

– Тот мне вчера прислал три коробки, пока меня не было. Соседка взяла. Три лампы. Такие же. Крутой чувак.

– Макс сказал, что они очистят твою душу. Помогло?

– Чувствую, что кое-какие грязные пятна с нее правда стираются. Куда поставить остальные две? К кровати?

– Блин, нет. Тут и так будет сложновато заснуть, даже без прожектора в глаза.

Дэн внимательно обозрел плинтус:

– Да у тебя все равно розеток больше нет. Где вискарь?

– В холодильнике. Мне колы добавь. Там должно быть две банки.

– Лед?

– Морозилка сломалась сто лет назад.

Дэн вышел вместе с одной из ламп, по дороге сдирая пластик с провода и вилки. Кайл повернулся обратно к окну. Пора было признать, что у них выходит что-то невероятное. Света ни в храме, ни в коттедже почти не было, кроме небольшой светодиодной панели, что никак не добавляло ясности. Но все же материал поражал. Полуразрушенные здания, снятые Дэном, и тихий, заросший луг создавали атмосферу ожидания, которой Кайл и добивался. Гавриил казался дряхлым, полусумасшедшим, испуганным. Дэн сумел ухватить его страх и передать чувство несколькими крупными планами нервного вспотевшего лица и дрожащих губ. Старик был совершенно разбит и сидел на мели, он даже от участия в фильме отказаться не смог. Тут Кайл его понимал. Может, такую же сделку предложили Сьюзан, которая теперь уже не потратит свой гонорар. И Макс велел им обоим держать в секрете его собственное членство в секте. Сьюзан Уайт ушла в мир иной. Новый сюжетный поворот, напряжение нарастает, история злоключений при создании фильма переплетается с историей секты, и побочная линия о вероломном исполнительном продюсере. Гениально.

Второе интервью с Гавриилом, которое они снимут прямо в больнице после возвращения из Штатов, должно получиться шикарно. Печальное известие о смерти Сьюзан всего через неделю после съемок сделает его еще сильнее. Плюс все звуки с Кларендон-роуд. Врезка с репликами Сьюзан о сущностях. Кайл мысленно уже монтировал кадры, продумывал кульминацию, прикидывал, как вставить историю съемочной группы, внезапно оказавшейся внутри сюжета и столкнувшейся со сверхъестественным. Выходило очень круто.

Даже его и Дэна реакции были совершенно искренни – такой страх не подделаешь.

– Кайл! Иди сюда!

Кайл вскочил и в четыре шага подбежал к кухонной двери. Кошка обогнала его и заскреблась в дверь раньше, чем Кайл заглянул в кухню и увидел ошарашенного и испуганного Дэна.

– Смотри. – Дэн указал на дверцы шкафа, еще открытого с утра.

Кайл сглотнул, чувствуя, что ноги подкашиваются от ужаса.

– Не могу. Что там?

– Оно исчезает.

Кайл заглянул в шкаф и увидел мешанину тонких темных линий, как будто пятно втянулось обратно в штукатурку или его кто-то соскоблил.

– Это ты все стер.

– Неа, это свет. – Дэн приподнял лампу Макса левой рукой. – Я ее включил, чтобы посмотреть, как она выглядит без верхнего света. Ну правда ли так похоже на солнце. И поднял лампу вот тут, над плитой. Потом заметил эту штуку на стене. Я точно видел, как оно съежилось на свету. Стало исчезать.

Они посмотрели друг на друга слезящимися безумными глазами и надолго замолчали.

Дэн присел на край кровати и посмотрел в третий стакан виски.

– Не надо, а?

– Не начинай. Я купил билеты.

– Чувак, все как-то через задницу.

– Задницу? Да это наше будущее! Мы закончим фильм и на всю жизнь вылезем из дерьма. Мы столько об этом мечтали. Сможем делать что хотим и как хотим, с нормальным бюджетом. Подумай об этом. Я просто не смогу отработать еще одну смену на этом складе. Ну пожалуйста…

– Кайл… это уже слишком. А что, если эта дрянь появится в моей квартире? Ты об этом думал? Поверить не могу, что ты собрался туда, где они друг друга поубивали. После всего этого?

– Дэн…

– Это предупреждение! – Дэн ткнул пальцем в сторону коридора. – Ты вообще меня слышишь? Предупреждение! – Он посмотрел на свои ладони и глотнул виски. – А то существо на Кларендон-роуд? Я все время о нем думаю. Это тебе не пятно на стене и не сон.

– Какой-нибудь наркоман. Или бездомный, – быстро сказал Кайл, очень надеясь, что вышло правдоподобно.

– Откуда ты знаешь? Он местами просвечивал. И где он прятался? Ты об этом думал? Мы ведь все осмотрели.

– Антресоли мы не трогали. Он мог быть там.

– Ну может быть. Но мы бы услышали, как он спускается. Может, это голограмма? И Макс над нами издевается?

– Хрен знает. Но, если… если там правда что-то было, мы такой материал не бросим ни при каких обстоятельствах. Давай. Собирайся.

– А Макс что говорит?

– Он хочет посмотреть на американские съемки, а потом подумать. Ему пришлось ехать на похороны Сьюзан.

– Удобно. Думаешь, он врет?

– Сложно сказать.

– Почему он хотел, чтобы мы основной упор сделали именно на паранормальные явления? Может, он думал, что мы что-нибудь найдем? И вот пожалуйста – странностей столько, что голова взрывается.

Кайл видел, как Дэну страшно. Он снова поколебал хрупкую уверенность друга. Не стоило показывать ему эту штуку в шкафу или тогда, в Кане. Правда, обманывать его тоже было плохо, хотя такая мысль приходила Кайлу в голову. Он попытался разрядить обстановку:

– Ну вообще-то это же наша тема. Мы – спецы по странностям. Так что смысл есть. Если подумать.

– Так Макс мог бы сказать. А мы лезем во что-то очень стремное, и…

– Надо делать больше дневников, – перебил его Кайл. – Про то, что творится вне съемок. Про то, как мы случайно оказались внутри истории из-за того, что раскопали реально странный материал. Макс этого не увидит до финальной версии. Так безопаснее.

– Я сегодня перечитывал контракт. Он вообще не хочет упоминания своего имени. Использует псевдоним. Дорожит репутацией? Попахивает разводкой, на мой взгляд. Или подставой.

– Именно поэтому наш исполнительный продюсер тоже примет участие в фильме, но не так, как рассчитывает.

Дэн кивнул, но снова сделал нервный глоток. Кайл натужно улыбнулся:

– Круто же. Будет у нас сюжет внутри сюжета. Второй слой. Про Макса и нас.

– И о том, что мы вытаскиваем на свет божий. Ты об этом подумал?

– И это еще одна причина, по которой этот фильм слишком хорош, чтобы просто взять и слиться. Да одна сцена в Холланд-парке принесет нам кучу просмотров! Мы, может, даже в кинотеатры попадем. В кинотеатры, понимаешь?

Вернуть Дэну энтузиазм у него не получилось.

– Я закрою все долги, если мы все сделаем. А ты сможешь бросить свои свадьбы.

Друг неуверенно кивнул.

– Четыре дня. И все. Четыре жалких дня. В Америке! И все. Тридцать штук твои. Мы с Маусом доделаем фильм. А ты можешь забыть о нем до премьеры. До фестивалей. Канны. Сандэнс. Они бегать за нами будут.

Дэн упорно смотрел куда-то себе под ноги.

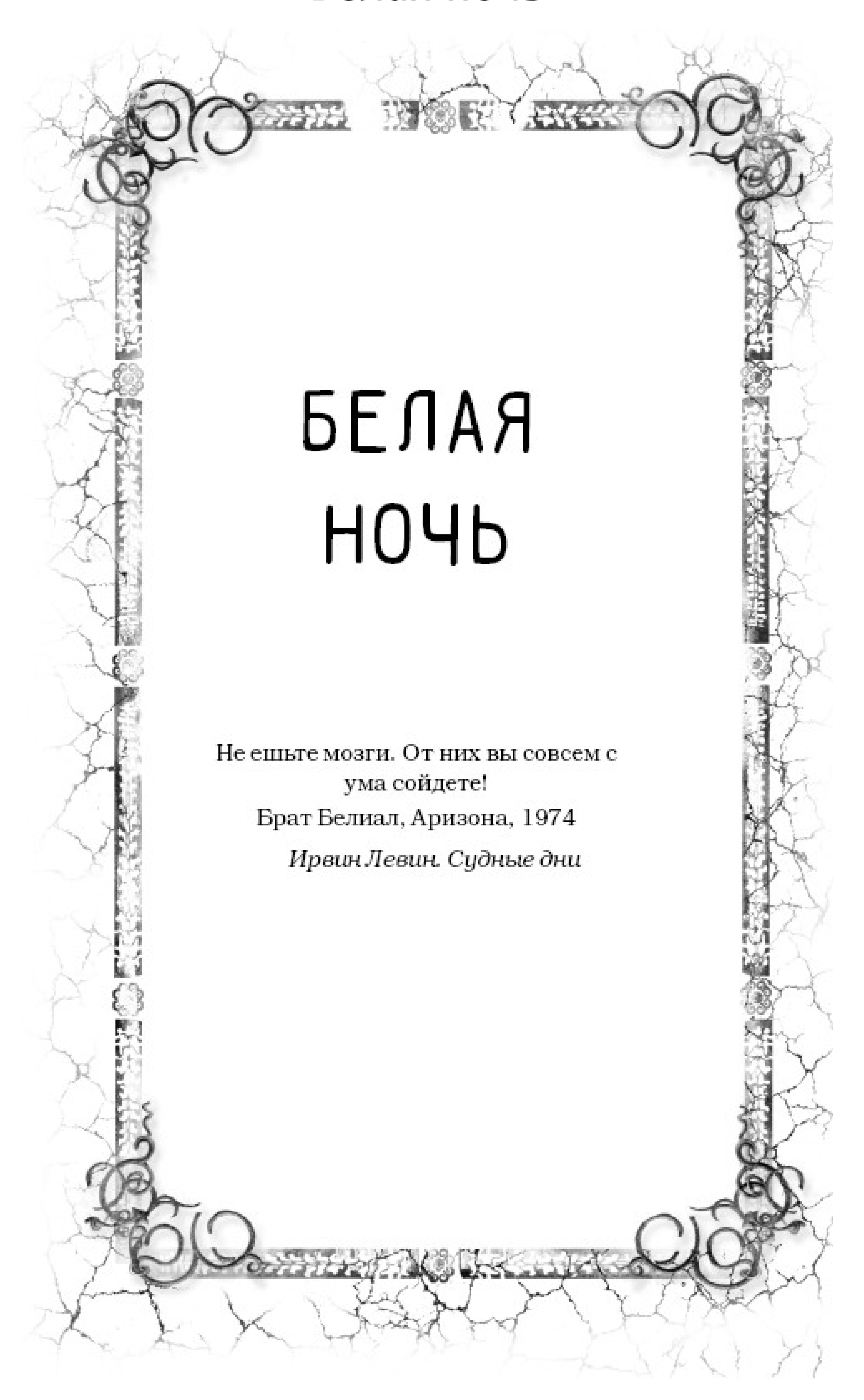
– Слушай… Я… я просто не смогу.

– Ну шикарно, – Кайл кивнул, – потому что без тебя не смогу я.

– Пожалуйста, Кайл. Забей ты на этот фильм.

– Ты – гениальный оператор, Дэн. Я рядом с тобой ничего не стою. И это мое будущее. Прямо сейчас. Если я упущу эту возможность, лучше мне повеситься прямо сейчас.

Белая ночь

Четырнадцать

Медная шахта «Блю Оук», пустыня Сонора, Аризона. 19 июня 2011 года. 14.00

– Мне кажется, что я на другой планете. Здесь все чужое. Растения, цвета, небо, скалы, даже воздух. Сегодня тридцать восемь градусов по Цельсию. Самая жаркая часть дня миновала, но я все еще чувствую, как из меня испаряется вода. А ведь еще только июнь. В разгар лета тут будет сорок три градуса. Возникает вопрос: кто может по собственной воле здесь поселиться? 311 000 квадратных километров, одна из самых больших пустынь Северной Америки. Тут можно разместить всю Великобританию, и у вас еще останется сто тысяч квадратных километров песка.

Сонора занимает огромные территории Мексики, Калифорнии, Аризоны и Нью-Мексико. Здесь один из самых уединенных уголков во всей Америке. Здесь за вами никто не следит. Возможно, именно поэтому сестра Катерина перенесла сюда Храм Судных дней в начале 1973 года.

После пятимесячных скитаний по Калифорнии она объявила, что ей было второе видение о новом убежище для Храма: заброшенной медной шахте в пустыне. Считается, что об этом ей рассказал один из байкеров, у которых секта покупала наркотики в Лос-Анджелесе. В этом районе банды контрабандой вывозили из Мексики наркотики и нелегальных мигрантов. Это пограничная зона.

Дэн оторвался от видоискателя:

– Чувак, извини, но крыша очень сильно отсвечивает. Нужно камеру передвинуть. Примерно на шесть футов правее. Давай быстрее. Свет сейчас дает такой красноватый оттенок на ту стену, и это круто. Шевели задницей!

– Тут?

– Отлично. Продолжай про границу или про что там. А я пока небо сниму.

Кайл вернулся к сценарию, валявшемуся в песке, и продолжил наговаривать текст, пока Дэн брал крупные планы сохранившихся зданий.

– Ага. Так. Это пограничная зона. Место, где перевозят необычные грузы, незадекларированные, где идет неучтенный трафик, а к северу отсюда очень не любят гостей. А еще это место, где за последние сто лет забросили множество городов и предприятий. От них остались одни руины. Как эти, например: «Блю Оук». В тридцати километрах к востоку от Юмы, в стороне от трассы номер 8, в местечке Фортуна Футхиллс стоит заброшенная медная шахта. Последний раз ее использовали по назначению в сорок шестом году. До семьдесят третьего года она пустовала. А потом в ней появились новые люди. Странные люди. Таких странных тут не видели ни до, ни, наверное, после.

Первые адепты Храма Судных дней заняли эти развалины зимой семьдесят третьего года. Из первоначального состава с сестрой Катериной остались лишь четыре человека. Но за следующие несколько лет к ним пришли многие – она искала людей по всему Лос-Анджелесу. В момент расцвета секты, в начале семьдесят четвертого, в этом уединенном уголке мира жили более сорока мужчин, женщин и детей. Именно тогда тут появились и ранее судимые братья Белиал, Молох и Ваал, ставшие ядром новой ячейки Семерых. Их имена, как и имя их предводительницы, теперь покрыты позором. То же, что случилось с другими последователями культа в 1975 году, привлекло внимание всего мира к «Блю Оук»…

– Ты закончил?

– Да. Попрошу лейтенанта Конвея провести нас по месту преступления. Надо бы подсветить этот сарай, который храм. Сэкономим время.

Света здесь было гораздо больше, чем на ферме в Нормандии, и, несмотря на небольшую глубину резкости в домах с целыми стенами, Дэн мог снимать с распахнутой диафрагмой и обойтись без дополнительного света, если только внутри не было движения.

– Хорошо. Штатив?

Кайл дернул плечом:

– Думаю, при второй съемке. Сначала сними камерой на плече. На ходу.

Вообще, они не любили фильмы, снятые с рук, но такой эффект мог придать материалу некоторое разнообразие.

Дэн согласно кивнул и нахмурился, прикидывая технические детали.

– И еще, – тихо сказал Кайл, – я рад, что ты со мной. Честно.

– Только следи, чтобы Конвей на змею не наступил, – сказал Дэн и вернулся к камере.

Кайл сделал из бутылки такой глоток, что пластик смялся в его ладони, и пошел к лейтенанту, который стоял к ним спиной, не проявляя никакого интереса к съемке. Сняв солнечные очки, он равнодушно смотрел на рощицу мертвых деревьев.

Кайлу очень хотелось спросить, как человек с такой светлой кожей всю жизнь провел здесь, где солнце сжигает землю, превращая в пыль. Мармеладного цвета веснушки пятнали лицо и толстые руки, местами наливались чернотой, как будто подгорев. Между ними и многочисленными родинками проступала ярко-розовая кожа. Остатки коротко подстриженных волос, потемневших от пота, торчали из-под бейсболки с логотипом «Аризона Даймондбэкс» и когда-то, наверное, были по-гэльски рыжими. Ресницы так и остались бледно-оранжевыми. Шотландец или ирландец, приспособленный к холодному климату Северного полушария. Казалось, что в любой момент его может хватить инфаркт. Насквозь мокрая рубашка с короткими рукавами топорщилась на круглом животе, а форменный галстук больше походил на удавку.

Когда они впервые увидели старого полицейского – тот выбрался из огромного «линкольна» и вразвалочку пошел к ресторанчику в Юме, – то чуть не расхохотались. Под черными штанами, натянутыми чуть не до подмышек, виднелись белые спортивные носки над начищенными черными туфлями. Но, стоило ему войти в кондиционированную прохладу, смеяться сразу расхотелось. Жесткий изумрудный взгляд быстро заставил Кайла и Дэна относиться к лейтенанту серьезно.

И здесь, в шахте, отставной полицейский так и остался загадочным, таинственным, а его холодные глаза, казалось, застыли в вечном прищуре опухших век. Этот взгляд не позволял Кайлу расслабиться и не выдавал ни единой мысли лейтенанта Конвея. По пути сюда он почти не говорил – так, отпустил пару замечаний о дороге и погоде. Быстро, без всяких эмоций и только в ответ на бесплодные попытки Кайла завести беседу. Сказал, что ему нравится Тони Блэр. «Дело-то всегда в нас, а? Мы с миром разбираемся», – единственная фраза, которая сходила за мнение, из тех, что Конвей произнес за время их знакомства. Кайл чувствовал себя неуверенно рядом с ним, казался себе неопытным юнцом. Дэн лейтенанта просто побаивался.

– Похоже на декорации к вестерну, – сказал Кайл, кивнув в сторону тонких черных деревьев. И тут же пожалел о своих словах.

Бывший коп ничем не показал, что их слышал.

– Такие же, как тогда, – наконец сказал Конвей самому себе или, может, Кайлу.

– Простите?

– Пустынное железное дерево.

– Вот те деревья?

– В пустыне идет сильный дождь. Большинство людей об этом не знают. Даже летом. А эти деревья забирают все. Идет дождь, они цветут. В этом году выпало восемь дюймов осадков. А они стоят, как зимой, – детектив развернулся и ушел, оставив Кайла смотреть на пыльные черные ветки, старые, напоминающие скелеты. Многие из них валялись под ногами, на цементного цвета песке.

– Смотри.

Кайл послушно посмотрел. Конвей указывал пухлой ладонью на какую-то траву, напоминающую засохшие помидорные кусты.

– Чертов коготь. Должен цвести. А это каллиандра. Летом они очень красивые. Ярко-розовые цветы. Но не здесь, – Кайл увидел мертвые кусты и папоротники, но никаких цветов. Покосился на Конвея, который рубанул ладонью воздух. – А где карнегия? Видишь? Вперемешку с креозотовыми кустами. А вот те маленькие желтые деревья – это пустынная акация. В шестидесяти футах. Видишь?

– Ага, – Кайл тяжело вздохнул. Он ненавидел людей, которые сразу начинают играть на камеру, но человек, полностью к съемкам равнодушный, его тоже не радовал.

– Прямо за этой изгородью начинается пустыня. Она полна жизни. Не слушай тех, кто говорит другое.

Кайл посмотрел на остатки изгороди, сложенной из старых шпал, и дальше, где в серой пыли виднелась зелень и какие-то яркие точки. Нахмурился, по-прежнему ничего не понимая. Пот с бровей жег глаза. Промокнув лоб, он снова услышал Конвея:

– А там, где мы стоим, все мертво. Ничего не растет. Как в семьдесят пятом. – Лейтенант облизал тонкие губы. Стащил бейсболку, вытер ладонью пятнистую лысину и надел бейсболку обратно. – Здесь нет ничего. С семьдесят пятого.

Кайл с новым интересом посмотрел на землю. Потом показал на длинное строение в тени мертвых деревьев:

– И вон те деревья тоже.

– Это мескито. Когда-то они были зелеными.

– Сложно поверить, что здесь кто-то жил.

– Два года. За два года они убили это место.

Конвей прошел к Дэну и велел:

– Давай снимать на дороге.

На территории стояло восемь зданий. От чего-то вроде склада с высокой плоской крышей до маленьких хижин. И еще один длинный сарай. Белая глина на стенах засохла и отваливалась, обнажая красный кирпич.

Железо на крышах – там, где сохранились крыши, – выгнулось и покраснело от ржавчины. Кое-где виднелись голые черные балки, изъеденные затейливыми ходами насекомых. Крылечки засыпало серой пылью и мертвой травой. Остатки забора клонились к земле.

– Готов? – спросил Кайл у Дэна.

С Дэна катился пот, массивная грудь тяжело вздымалась под тяжестью камеры:

– В некоторых домах может быть темновато. В первом я свет поставил, а потом придется его перенести.

– Отлично.

Яркий свет заливал внутренность длинного белого дома, у которого они стояли.

– В ту ночь вы сначала пошли в это здание? – спросил Кайл у Конвея.

– Да.

Дэн поудобнее переместил камеру:

– Лучше всего мне идти позади мистера Конвея. Что скажете?

Кайл кивнул и вернулся к старому полицейскому:

– Мистер Конвей. Можем пробовать столько раз, сколько будет надо… – Он хотел продолжить, но его, очевидно, не слушали. Полицейский просто смотрел в дверной проем – так же, как до этого смотрел на мертвые деревья.

– Сержант Мэтт Конвей был первым представителем полиции, который оказался здесь 10 июля 1975 года, – сказал Кайл из-за левого плеча Дэна. Камера изучала профиль старика, глядевшего внутрь здания. – Мистер Конвей, расскажите нам об этой ночи. Все, что помните.

Лейтенант посмотрел на Кайла как на английского полудурка, а потом отвернулся:

– Я помню все. Такие ночи не заканчиваются.

Кайл бросил взгляд на Дэна, который скалился за камерой.

– В десять пятьдесят на станцию в Юме поступил звонок. Мужик с ранчо в пяти милях к западу отсюда услышал выстрелы. Его звали Агилар. Он умер. Здесь живет его сын. Эта земля ему тоже принадлежит. Надеюсь, у вас есть разрешение на съемку?

Кайл кивнул. Дэн подавил смешок.

Конвей повернулся к камере спиной и указал куда-то на дальний конец долины:

– Звук прошел по всей территории и донесся до ранчо. Там все слышно, как будто это совсем близко. В шахте не было телефона. Они его обрезали. Но Агилар сказал, что слышал выстрелы. Близко. По звуку понял, что это винтовка. Он вышел из дома и поднялся на холм. Сказал, что увидел туман. Желтый. И собаки лаяли. Он еще кое-что добавил про собак, и сейчас это звучит чертовски глупо, но тогда, стоя прямо здесь, где вы сейчас, я тоже все слышал.

Конвей сделал несколько шагов в сторону большого белого дома, и Дэн повел камерой за ним. Старый полицейский вздохнул и положил руки на пояс. Оператор вопросительно взглянул на Кайла, и тот жестом велел ему продолжать.

Прошла минута.

– Позвонили мне в машину. Номер 27. Так что мы с Хименесом, моим напарником, выдвинулись сразу после одиннадцати. Стоило съехать с шоссе, и нам больше ни одной машины на глаза не попалось. Здесь никого не было, кроме Агилара на своем ранчо и этих чертовых хиппи. Мы немного поплутали по дорогам и увидели дым. Что-то вроде тумана, только грязно-желтый. Остатки. Как будто он уже уходил. Я решил, что это пожар. Но было тихо, только собаки лаяли. Ни лягушек. Ни кактусовых сычей. Никого. В пустыне шумно ночами. Но не здесь. Только собаки и те поодаль. Как будто они были выше нас и где-то к северу. Вот только к северу отсюда нет никаких холмов. Я так и не знаю, где были эти собаки. Агилар сказал, что хиппи держали несколько собак, которые дико выли. Но после этой ночи он больше ни одной не видел. Клянусь, я был уверен, что они где-то у меня над головой. Как будто в небе. И лай все отдалялся. – Тут Конвей как будто застеснялся того, что говорил: – Ну, пустыня кого угодно может

обмануть. В общем, мы приехали сюда в полной темноте. Ни огонька. По ночам они жгли костры и керосиновые лампы. Агилар рассказывал. Электричества тут нет. Видите, там большой очаг. Но, когда мы приехали, было совершенно темно. Очаг остыл.

Хименес осторожно пошел к этому дому. Он был ближе всего к нам и самый большой. Двери были открыты. Я помню, как он шел через этот туман с фонариком. Как зашел внутрь. И вдруг развернулся и побежал к машине. И когда я увидел его лицо, то понял, что нас ждут проблемы.

Он сказал: «Звони врачам, вызывай подкрепление, у нас тут раненые, а может, и убитые». Я позвонил. Потом взял винтовку, а Хименес дробовик, и мы вернулись в здание. До прибытия подкрепления оставалось не меньше получаса, так что спешить нам было некуда. Мы зашли внутрь медленно. Вот отсюда.

Конвей замолчал и вступил на крыльцо длинного белого здания. Присел под пустым оконным проемом слева. Сделал вид, что у него в руках фонарь.

– Хименес шел с другой стороны, – он показал на окно справа, – я крикнул «Полиция!» и ничего не услышал. Ни звука. Мы не могли обойти здание и посмотреть с другой стороны, потому что нас увидели бы из тех домиков. Сначала нужно было убедиться, что здесь чисто. Осматривать их по одному. Так что я посветил фонариком в окно. Вот так. Внутрь и вниз. – Конвей опустил руку и прикоснулся к ломаной оконной раме. – И я увидел тела. Сразу насчитал пять штук.

Он выпрямился и шагнул в комнату.

Дэн, а потом Кайл медленно последовали за ним. Слой грязи покрывал доски, прогибающиеся под тремя парами ног. Внутри валялись мятые пивные банки, пустые пакеты и стоял густой запах мочи.

Здание делила пополам белая деревянная стена, сквозь открытую дверь в которой виднелась чернота.

– Тут лежали маты. И пять тел на них. На них были эти хламиды, в которых они появлялись в городе. По полу текла кровь. Двое стояли на коленях, как будто молились. Остальные попадали. Кровь уже потемнела и начала густеть, то есть их убили незадолго до того, как мы приехали. Прошло, может, около часа. Я принялся осматривать тело, вел фонариком снизу вверх и увидел перерезанное горло. Голова свалилась вперед, глаза жертвы были закрыты, но разрез шел до самого уха.

Конвей шумно выдохнул:

– Все пятеро, в ряд. У четырех росла борода. Они смотрели в стену. Как будто их так расставил тот, кто убил. И непохоже, чтобы они сопротивлялись. Руки были не связаны.

Он помолчал с закрытыми глазами. Кайл услышал, как Дэн сглотнул, и вдруг почувствовал симпатию к старику, а заодно ощущение вины за то, что он заставляет его вспоминать.

Лейтенант собрался и двинулся к стене.

– Они жили сзади. Во второй комнате. Там были матрасы, старые одеяла, книги. И все. Мы пытались не наступать в кровь – это же было место преступления. Так что на цыпочках обошли тела и двинулись дальше. Во второй комнате было чисто. Никого. Только пять трупов в первой комнате. И еще я почувствовал запах. Как будто до этого у меня отключилось обоняние, и я полагался только на зрение и слух. Но тут спросил: «Ты это чувствуешь?» Хименес кивнул. Он сказал, что это труба лопнула, а я, помню, думаю, здесь же нет канализации. Но точно несло дерьмом, грязной водой и как будто здесь кто-то умер, причем задолго до тех хиппи. И вонь шла не от жертв. Нет, сэр.

Они с радостью вышли наружу. Ирвин Левин не писал в своей книге о запахе разложения. Несколько

секунд после слов Конвея Кайл не чувствовал под собой ног. Он вдруг показался сам себе уязвимым и хрупким. Обычно с ним такое случалось при потере контроля над ситуацией. Но сейчас все его долги или невозможность снять фильм за двадцать фунтов были ни при чем. Его волновала собственная безопасность и психическое здоровье, которое сдавало перед таким совпадением, жуткой синхронией, крывшейся в невинном признании лейтенанта. Кайл посмотрел на Дэна и понял, что не одинок в этих чувствах.

Конвей снова отвернулся от камеры и посмотрел в пустыню. Дэн быстренько заснял его сбоку.

– Мы не знали, что среди убитых была их предводительница. Никто не знал, пока не появились эти, из убойного отдела. Сестра Катерина. Это было ее большое тело в середине, она упала и опрокинула двух других. Я, помню, подумал еще, что, если бы она не упала, так бы все и стояли на коленях. Четверым перерезали глотки, а ей отрубили голову.

С места убийства они в неуютной тишине, которая, казалось, очень подходила Конвею, перешли во второе здание, стоящее под углом сорок пять градусов к первому. Ржавый железный навес рухнул на крыльцо. Поддерживавшие его тонкие деревянные столбики создавали впечатление, что все здание валится набок. Белая штукатурка или краска слетела с внешних стен, обнажив старые кирпичи. Крыша загибалась наверх, словно на банке сардин.

– Здесь мы нашли детей. Мы сразу не зашли и сначала посветили на дверь фонариком. Она была заперта снаружи. Но внутри что-то двигалось. Наверное, собаки. Мы крикнули и услышали в ответ какое-то хныканье и вой. Точно собаки. Я подумал, что убийца запер их из-за шума, который они подняли. Поэтому мы решили вернуться сюда позже, потому что здесь безопасно, а собаки на месте преступления нам не нужны. Но я уже пошел к следующему домику, а Хименес посветил фонарем внутрь.

Конвей медленно подошел к маленькому окну сбоку здания.

– Он посмотрел на меня. Видок у него был похуже, чем когда мы нашли дохлых хиппи. Он сказал, что там внутри дети. Мне пришлось посмотреть самому, и там правда были дети. Пятеро. Четверо сидели на полу. Очень грязные, с длинными волосами, но в нормальной одежде. А один, которому было около двух лет, стоял и смотрел прямо на меня. Двое грязных детишек в ужасе прижались друг к другу, а двое других выглядели просто сумасшедшими. Но маленький блондин походил на ангела. Огромные синие глаза. И он был чистый. И голый. Дрожал весь. И это было странно – другие-то были грязные с ног до головы. Он просто стоял посреди комнаты и смотрел на меня. Я решил, что он в шоке. Я спросил, все ли с ними в порядке, но никто не ответил. По крайней мере здесь было безопасно, так что мы пошли к другим зданиям.

Конвей сделал паузу и опять вытер лысину. На этот раз белоснежным носовым платком.

– Может быть, нам прерваться, – спросил Кайл.

Конвей кивнул.

– В этом доме мы нашли убийцу. Брата Белиала. Хотя тогда мы не знали его имени.

Это было самое маленькое из сохранившихся зданий, какой-то сарайчик для инструментов.

– Дверь была закрыта, но внутри кто-то молился. По крайней мере это звучало как молитва. И он не замолчал, когда мы позвали его. Так что дверь Хименес выбил и посветил внутрь фонарем. Прямо на его лицо. Которое я никогда не забуду.

Он был бородатый, в грязной хламиде. Стоял на коленях. Одежда по цвету практически сливалась с деревом, так что мы видели только его лицо. Совершенно дикое. Волосы дыбом. И глаза. Как будто он смотрел сквозь нас. У наркош такой же взгляд. И он сидел там и говорил сам с собой. Или с богом – не

знаю. Он не реагировал. А руки у него были в крови. И запястья тоже. И мы одновременно подумали, что этот идиот вполне может оказаться убийцей. Так и вышло..

А рядом с ним лежал длинный нож. Заляпанный кровью до такой степени, что мы сразу смекнули, что это и есть орудие убийства. Очень старый. Я подумал было, что это мачете. Такие у мексиканских наркодилеров, так что мы их частенько видали. Но потом я заметил, что он куда длиннее и тоньше. А за ним стоял автомат. Он мог нас обоих убить. Но не стал. Я все время спрашиваю себя почему?

– Как по-вашему, почему он вас не тронул?

– Думаю, с него было достаточно на тот день.

Конвей вышел из домика.

– Мы надели на него наручники, на ноги и на руки, и положили на землю. Прямо здесь. Чтобы его видеть, – он прочертил полосу в пыли ногой, – и тут мы разделились. Чтобы работать побыстрее. И подозреваемый у нас уже был. Я проверил те три здания к западу, а Хименес – остальные три к востоку. Вот там я нашел арсенал, – лейтенант показал на развалившийся домик без крыши, – он был заперт, но я сорвал замок. Оружия там было столько, что можно было целую войну устроить. А в остальных двух лежали книги. Все одинаковые. «Книга сотни глав», в коробках, как будто они хотели ее в магазин отправить. Хименес нашел склады с лекарствами и едой. И наркотики. Двадцать граммов кокаина, около того марихуаны и целую коробку таблеток. Это оказался тенамфетамин, его тогда в Голливуде любили. Здесь такого не было.

Конвей медленно вернулся к грязной черте, которую провел ботинком.

– Я вернулся посмотреть на подозреваемого. Он так и лежал тут, ныл о старых друзьях и еще о чем-то. И тут меня позвал Хименес. Я обернулся и увидел его фонарь.

Конвей двинулся прямо на Кайла с Дэном, глядя вперед и вспоминая ту давнюю ночь:

– Так что я пошел туда, и Хименес крикнул: «Тут четыре трупа! У забора!» В семьдесят пятом изгородь из рабицы была еще цела. Более того, она была в два раза выше, а поверху они пустили колючую проволоку. Чтобы никто наружу не лез, как те четыре дурака, которых мы нашли на земле. Кажется, они пытались выбраться. Изорвали себе руки. У всех пулевые ранения на спине и ногах. Вот только странное дело: главные ворота были открыты, когда мы подъехали. Что же, подозреваемый перестрелял своих братьев и сестер, распахнул ворота, а потом пошел и заперся? Зачем? Чтобы собак выпустить? Мы их так и не нашли. Другой причины я не нашел.

Конвей остановился примерно за двадцать футов до остатков забора. Вытер лицо платком.

– Боже. Тут лежали четыре тела. Выглядели они очень плохо. В них стреляли на бегу, и только один умер на месте. Врач из всех выковырял пули. У одной девчонки в спине их оказалось целых три. Все из автоматов. Того, который мы нашли рядом с убийцей, и еще два мы обнаружили потом, они лежали в главном здании, где зарезанных нашли. А на этих трупах вдобавок были следы укусов. На лице. Шее. Плечах. Наверное, собаки? В них стреляли, чтобы обездвижить, а потом отдали на растерзание псам?

Конвей молча смотрел на забор, в очередной раз переживая события тридцатишестилетней давности.

Лейтенант присел на крыльцо главного здания. Камера вернулась на штатив для второй съемки. Небо пустыни пылало. Солнце садилось за далекие горы и красило небо в пурпурный цвет с розовыми и синими полосами. Горизонт потихоньку темнел. Кактусы за забором превращались в черные силуэты, в задник из мультфильма про койота и бегуна по дорогам или к голливудскому вестерну.

Дэн вставил последний аккумулятор в фонарь.

– Когда мы все осмотрели и засунули подозреваемого в машину, как раз подоспело подкрепление. Три сержанта, два лейтенанта. И журналисты. Они прослушивали полицейскую частоту. А еще тут наслушались разговоров, которые вели офицеры на месте преступления, так что вот вам и источник всех безумных историй в прессе. Домыслы сплошные. Тогда же сделали те знаменитые фотографии: тела, лежащие у проволоки, и брат Белиал в машине, говорящий сам с собой.

Конвей устало понурился:

– К утру тут было шестьдесят человек. Троих стошнило прямо у забора, царил хаос. Улики уничтожали, следы затаптывали. Понаехали копы из Феникса и Юмы. Никто даже место преступления не оцепил. Мы не привыкли к таким крупным делам. Люди разволновались.

Ночью из Феникса прибыли двое. Из отдела по расследованию убийств. И патологоанатом. Все как-то успокоились. Они быстро подтвердили то, что мы с Хименесом сразу поняли: никаких следов борьбы. Те пятеро в главном здании, которое они звали храмом, не сопротивлялись. Столичные копы надели трупам на руки пластиковые пакеты, чтобы сберечь то дерьмо, которое могло остаться под ногтями. Больше нам ничего о причине смерти не сказали вплоть до самого вскрытия в Фениксе.

Четверых у забора расстреляли из трех автоматов, в спину, на бегу. Так что орудовал не только Белиал. Это мы узнали потом, от врачей. Двое из тех, с перерезанными глотками, тоже стреляли в этих дураков. Брат Молох и брат Ваал. Мы нашли их отпечатки на автоматах. Они убили четверых, а потом просто сели и подставили шеи под нож.

У тех, кто лежал у забора, остались раны на руках. При сопротивлении такие получаются. Нам через неделю сказали. Мы думали, что это от колючей проволоки, но ошиблись. Так высоко никто не долез. Наверное, они защищались от того, что их кусало. И это были не собаки. И не пустынные пумы. Следы остались от человеческих зубов. Они истекли кровью. Но детективы так и не нашли ни того, кто их кусал, ни что это было, если не укусы. Они сошлись на версии, что сектанты пустили в ход какое-то костяное оружие. Мне так не кажется.

Конвей сделал очередную паузу и снова посмотрел на мертвые деревья. Кайл кашлянул:

– Вы, наверное, видели много неприятного при исполнении служебных обязанностей, мистер Конвей. Вы довольно поздно стали детективом. Наверное, вам попадались дела, которые не имели смысла. Которые так и не раскрыли. Необъяснимые дела. У вас за плечами сорок лет работы в полиции, опыт, профессиональные инстинкты. Как по-вашему, что здесь произошло?

– Мне часто задавали этот вопрос, и я всегда отвечал одинаково. Вот только меня никто не слушал. Всем нужна какая-нибудь сверхъестественная дребедень, НЛО и прочее колдовство. Что-нибудь впечатляющее. Давай-ка я расскажу тебе немного о полицейской работе, сынок. Мы имеем дело с самыми худшими представителями человечества. День за днем. Вот и все. Здесь просто жили идиоты. Сумасшедшие. У них были наркотики, оружие, Библия и черт знает что еще. Они жили в каком-то своем мире, на который и тебе, и мне, и любому нормальному человеку было бы наплевать. Они не уважали никаких законов, кроме тех, которые выдумала их главная. Они позволили себя убить просто потому, что она так хотела. Сестра Катерина лгала этим бедным хиппи и манипулировала ими. Они накурились, поехали по фазе и перебили друг друга. Сестра Катерина – самый безобразный человек, о котором я когда-либо слышал. Вы понимаете? Безобразный. Я, кажется, больше никого таким словом не называл. Она была настоящей мразью. Заставляла людей жить как дикари. Они срывались друг на друга, сходили с ума, а рядом валялась целая гора стволов. Это все было неизбежно. В Лос-Анджелесе такое уже произошло со стариной Чарли Мэнсоном. Произойдет и еще где-нибудь. Не нужно быть фэбээровцем или психиатром,

чтобы понять, что тут случилось. Они съехали с дороги, и их намотало на колеса.

– А туман, который вы видели с напарником? И собаки? – Кайл кивнул за камерой.

– Сынок, некоторые зацепки так и удается объяснить, – покачал головой Конвей. – Пустыня может сыграть с тобой злую шутку. Акустика. Атмосферные явления. Я тут всю жизнь прожил, а до сих пор всего не знаю.

Конвей замолчал на минуту и закрыл глаза.

– Гораздо сложнее было объяснить следы. Большинство затоптали патрульные, включая и меня с Хименесом. Но какая разница? Здесь столько народу бегало, все равно бы ничего не осталось. Но следы, которые остались в крови, криминалисты засняли. И у забора. Следы были длинные. Костяные.

У Кайла в горле встал комок.

– Следы укусов… вы полагаете, что они не были нанесены оружием?

– И следы когтей на плечах мертвецов. И запах гнилого мяса. И рисунки на стенах. Мы так и не узнали, что это. Криминалисты сфотографировали каждый сантиметр здания, где мы с Хименесом нашли тела. Я тогда на стены внимания не обратил, но потом видел снимки. Сейчас все исчезло. Солнце. Ветер. Почти сорок лет прошло. Все давно стерлось.

У Кайла похолодел лоб, и голос внезапно сделался высоким. У Дэна напряглись плечи.

– Рисунки? Именно рисунки – не символы?

Левин упоминал только об оккультных и сатанинских символах, намалеванных на стенах храма. А единственные фотографии с места преступления появились лишь в третьем издании «Судных дней», и там были только аэросъемка шахты, кровавые пятна на полу храма, тела, сваленные у забора, и худое бородатое лица брата Белиала, виднеющееся из полицейской машины, – весь материал снял какой-то предприимчивый журналист в ночь после убийств.

– Хиппи рисовали какую-то хрень без кожи. Суда не было, так что фотографии должны храниться в полицейском архиве. Мне бы не хотелось снова их увидеть. Очень жуткие они были. Пресса целый год завывала, что это сатанинский ритуал. С человеческими жертвами. Народ до сих пор в это верит. – Конвей подмигнул. – Но я так смекаю, что некоторые говнюки вовремя сумели отсюда смыться. Белиал, Молох и Ваал, конечно, кого-то убили. Но не только они одни. Нет, сэр. Кто-то еще из этих шлепнутых постарался. Пустил в ход зубы, а потом сделал ноги. Тут все сошли с ума задолго до того, как мы появились.

Дэн посмотрел в пустыню, от которой не могли отвести глаз Конвей и Кайл. Все вместе они почувствовали, как вечерняя прохлада иголочками покалывает их обожженные солнцем руки и лица.

Пятнадцать

Гриль-бар «Трасса 66», Юма, Аризона.

19 июня 2011 года. 22.00

После прощания с Конвеем лихорадочные метания Кайла между верой и неверием переросли в панику. Музыка только ускоряла мысли, а ему сейчас надо было, наоборот, притормозить. Его тошнило из-за того, что он слишком много курил весь день, мучило обезвоживание, кружилась голова. Хотелось просто прилечь на стол.

Это было невозможно. Невозможно, чтобы сущности входили в Последний Собор и Храм Судных дней. Но вот же они. На стенах в Нормандии, в Лондоне, в том числе в его собственной квартире, а теперь

еще и в медной шахте в Аризоне. Кайл закрыл глаза и попытался дышать спокойнее. Он отчаянно мечтал об ответах на два вопроса: какого хрена происходит? И не грозит ли опасность теперь ему самому и Дэну?

– Эй, так тебе ничего не достанется.

Кайл поднял глаза от стола:

– Что? – и снова оглядел бар.

Его освещали приглушенные оранжевые лампы, упрятанные в плотные абажуры, отчего все вокруг приобрело оттенок пива на свету. На обитых деревом стенах теснились флаги спортивных команд, фотографии и бейсбольные карточки. Вспыхивал музыкальный автомат. Флуоресцентная лампа висела над бильярдным столом в углу.

Губы и подбородок Дэна лоснились от жирных куриных крылышек, которые он ел из недавно принесенной большой корзины. От глотка разливного «Сэмюэля Адамса» у него заслезились глаза.

– Блин, ну он и холодный. Прям рука к стакану примерзла. – Дэн посмотрел на потолок и улыбнулся. – Джордж Торогуд и «Дестройерс». С колледжа их не слышал. А до этого играли «Джорджиа Сэтеллайтс». Да уж, дома такого не бывает. Так, а это у нас что… а! «Дом, милый дом», это же «Мотли Крю»!

Кайл натянуто улыбнулся. Дэн никогда раньше не бывал в западной части Штатов – только в Нью-Йорке. Друга радовало вокруг все: дорожные знаки, еда, мотель, автомобили, реклама, моллы, фонари, здания, горы. А еще он раньше не видел пустыни. И теперь вел себя как переволновавшийся ребенок.

– Думаю, сегодня ты будешь спать нормально.

– Надеюсь. Сейчас только еще поем. Салат будешь?

Миска «цезаря» с техасскими тостами заняла полстола. Туда, наверное, положили килограмм бекона и два пучка салата с человеческую голову каждый. Кайл толкнул салат к Дэну.

– Если будешь так жрать, купим тебе чехол от танка, чтобы ехать домой.

– Отвали, – Дэн набил рот гренками.

– Вообще, листья тоже едят. Не только вкусные хрустящие углеводы.

Дэн показал ему средний палец:

– Ты какой-то замученный? Это из-за дороги?

– И да и нет, – пожал плечами Кайл.

– Какая-то странная фигня тут произошла.

– Да неужели?

– Ну они все сидели рядом, с перерезанными глотками. В той комнате. У меня мурашки по коже побежали. А других разорвали у забора. Их подстрелили и отдали собакам. – Дэн вытер рот салфеткой размером с полотенце. – А дети? Грязные дети в жутком сарае. Почему они… – Тут Дэн сразу сник, и Кайл догадался, что друг вспоминает ферму в Нормандии. – По крайней мере на этот раз ноги у всех целы.

Они посмотрели друг на друга. А потом вдруг заржали. Хохотали так, что Кайл чуть не заплакал. Подошла официантка и тоже рассмеялась, хотя явно понятия не имела, над чем.

Но у нее были красивые глаза и звонкий смех, и Кайл был рад, что она подошла. Она приняла заказ на еще два пива, автомат заиграл «Цыганскую дорогу» группы «Синдерелла».

Кайл промокнул глаза чистой салфеткой:

– Ох, хоть отпустило слегка.

– Меня тоже, – кивнул Дэн, – но вообще это не смешно, с Гавриилом-то. Просто чтоб ты знал. Понятия не имею, чего я ржал.

Они снова улыбнулись.

– Ты ненормальный. Но я уже говорил, что это будет бомба. Мы снимаем хороший фильм. Даже великий. Я понимаю, что это сложно. Тяжело. Но ты понимаешь, как круто будет? Скажи, что понимаешь, – Кайл не знал, кого пытается переубедить.

– Блин, конечно.

– Вот, а я тебе говорил.

Кратковременное воодушевление Кайла угасло. Дэн сел обратно на стул.

– Но это была только первая съемка. Я слегка очкую, когда думаю о том, что нас может ждать в финале.

Кайл упорно изучал бутылочки с соусом.

– Все будет отлично. Еще одно интервью… и все. Ты дочитал книгу Левина?

– Нет еще. Мне показалось, что чем меньше я об этом знаю, тем безопаснее.

– Прочитай обязательно. Сегодня я узнал то, чего в ней нет. Собаки. Конвей сказал, что лай доносился откуда-то сверху, из воздуха. Левин утверждает, что они убежали в страхе. Так заявила полиция. Но на аудиотреке из Лондона есть собачий визг. И жильцы дома на Кларендон-роуд его слышали. В Нормандии собаки держали в страхе всю ферму. А следы у шахты? Левин очень много о них пишет, потому что считает, что кому-то удалось сбежать. Полиция так и не рассказала, что это были за следы. Левин утверждал, что там кто-то ходил босой. Сумасшедшие босоногие хиппи. Но Конвей говорит, что отпечатки были словно от скелета. Кость сплошная. Моя кухня. Ванная в Кане. Храм в Нормандии. Костяные рельефы. Связь улавливаешь? У нас появился новый сюжет. Это бесценно.

– Ну можно и так на это посмотреть. А теперь замолчи, пожалуйста. Я сплю отдельно, и ламп от Макса там нет.

– У меня есть одна. Только переходника нет.

– Ты думаешь, они как-то защищают?

– Хрен знает, – Кайл пожал плечами, – у Макса вся квартира в них. А в ванной воняет краской, как будто ее только что ремонтировали. Подумай сам. От имитации дневного света та штука в моей кухне исчезла. А он настаивал на том, чтобы мы их использовали.

– А как же я?

– С тобой все в порядке. Тебе кошмары не снятся. И вообще, давай думать, что эти пятна, ну, ненастоящие. Я понимаю, что звучит это тупо. Но пятно на стене и глупый сон ведь не могут тебе навредить?

– Возьми переходник от камеры.

– Ах ты моя радость. Еще три съемки – и ты свободен. Можешь больше не думать об этом. Так что давай не налегай на выпивку. Завтра я хочу начать пораньше, а сегодня еще обработать кое-что.

– За три дня много чего может случиться.

Кайл не отреагировал.

– Когда завтра выходим?

– Около восьми. Ставь будильник на семь. Снова поедем в Фортуна Футхиллс, к сыну фермера. Он специально для нас спустится. Макс велел расспросить о том, что знал его отец о секте. Послезавтра поедем в Феникс к детективу. И ночь в дороге до Сиэтла, к Марте Лейк.

– А дом сестры Катерины? Ты говорил, там живет Чет Ригал. Вышло бы круто, он еще таинственнее, чем Майкл Джексон.

– Времени нет. Фотография особняка и голос за кадром.

– Вот с чего такая гонка, а? Тут целая неделя нужна и отдохнуть между перелетами. Не думаю, что у Макса денег не хватает.

– Он хочет, чтобы мы отсняли все побыстрее. Наверное, сто лет всех на интервью уговаривал.

Дэн погонял по столу кусок картошки:

– Это он так говорит.

Сомнение Дэна насчет истинных намерений продюсера еще больше усилило тошнотворную неуверенность Кайла.

Шестнадцать

Мотель «Восьмой шар», Юма.

20 июня 2011 года. Полночь

Кайл снова уронил голову на ноутбук, раскрытый на маленьком столике под телевизором. Поднял голову, вытер рот. Над головой мерцали новости канала «Фокс».

На экране появилось маленькое круглое личико Эмилио Агилара, а наушники заполнил тихий голос с мексиканским акцентом. Кайл сел прямо и отпил кофе.

С первыми лучами солнца они отправились в Фортуна Футхиллс, где взяли интервью у владельца ранчо. Кайлу надо было обработать еще половину съемки, а до звонка будильника и долгой поездки в Феникс осталось всего семь часов. Но, как только Кайл принялся за дело, он начал постоянно клевать носом. По пути из Лондона он так и не поспал, делал пометки в сценарии и сравнивал их с указаниями Макса и «Судными днями» Левина. От жары двух последних дней он лишился последних сил, а два пива сработали не хуже снотворного. После интервью на ранчо Дэн вообще заснул прямо в кафе. Даже через стену Кайл слышал храп в соседнем номере. Звучало это так, словно Дэна срочно надо было смазать.

Кайл же не торопился ложиться. Только не после того, что рассказал им Конвей и подтвердил Эмилио Агилар. Да и прошлая ночь мешала просто закрыть глаза. Снов он не запомнил, но трижды просыпался с криком, чувствуя, что к нему прикасаются маленькие холодные ручки и пытаются стащить с кровати. После третьего раза, в четыре утра, он пошел в душ.

– Блин. Хватит, – Кайл с силой провел ладонью по лицу, встал и потянулся. Налил себе еще кофе, плеснул туда бурбона. Сел обратно за ноутбук и запустил интервью Агилара с того момента, на котором заснул.

В своих заметках Макс особо подчеркнул важность ранчо Криолло, стоящего по соседству с шахтой. До появления сержанта Конвея и патрульного Хименеса, которые обнаружили тела, ныне покойный фермер Рамирез Агилар был почти что свидетелем событий, произошедших в ночь Вознесения.

Ирвин Левин встретился с ним в семьдесят пятом, но в «Судных днях» его рассказ больше походил на

бред сумасшедшего. Потому фермер и не фигурировал в качестве свидетеля ни в одном официальном расследовании. Появился Рамирез и в одном из документальных фильмов, сделанных в семидесятых, но потом наотрез отказывался говорить о секте до самой смерти.

Ранчо отстояло от заброшенной шахты на две мили. Эмилио Агилар, сын Рамиреза, ждал их, чтобы дать назначенное Максом интервью. Он согласился на встречу, только чтобы защитить отца и объяснить его странные свидетельства о событиях, предшествовавших убийствам. Как и Конвей, он отказался от предложенной Максом платы. Для некоторых дело было не в деньгах.

Звук получился хороший – его настраивал Дэн:

– Мой отец часто рассказывал об этой шахте. При жизни отца тут ничего интереснее Храма Судных дней, кажется, и не было. В первый год он даже поддерживал с ними хорошие отношения. Я не очень хорошо их помню. Мне было, кажется, два, когда они появились, и, получается, пять, когда туда примчалась полиция. Но дома отец часто говорил о людях из Храма. Иногда они приходили и беседовали с ним, иногда работали на ранчо. Денники отбить, лошадей покормить, почистить. Они были молодые. Болтались тут вокруг лошадей, с отцом говорили. Они ему нравились. Девушек он жалел. Говорил, что они просто дети. Беспокоился. Помню, сказал мне и брату, как же нам повезло, что у нас есть дом и семья и нам не приходится убегать и вступать в секты.

А еще к нам заходили всякие люди и спрашивали, куда идти. Они слышали об общине, приезжали на машинах и автобусах. Отец говорил, что они чего-то ищут. Ну чего-то нового. Другие бежали. От плохих родителей. Или типа того. Он рассказывал, что встречал людей из Храма в пустыне. Отец иногда возил городских кататься по пустыне и к горам, лошади тогда у нас еще были, и там ему встречались члены Храма, иногда даже голые. Да и девушки тоже. Они еще водили с собой собак, таких, вроде волков. Немецких овчарок, хаски, каких-то здоровых дворняг.

Отец считал, что люди из секты очень странные. Всегда вежливые, дружелюбные. Но иногда они начинали читать проповеди.

– Он никогда вам не рассказывал, что именно они говорили?

– Отец называл это хиппарским дерьмом. Ну, типа, они оставили мир, который в любом случае погибнет. Что-то вроде того. Ну война, бедность, жестокость, расизм, наступают судные дни. И все признаки грядущего конца света уже были, по их словам. Вьетнам. Бунты. Бомба. Что они пришли сюда обо всем забыть. Избавиться от семьи, личности, обязательств. Освободиться от общества. Говорили, что у них появилась новая семья и новое общество, которое дает человеку все необходимое, если он избавляется от ненужного. Любой человек – бог. Даже мой отец. А он был не слишком-то религиозен и только смеялся над ними. Они искали бога в себе, чтобы самим стать богами. Звали друг друга «брат такой-то», «сестра такая-то». Называли себя детьми. И животными. Говорили, что превращаются в ангелов. Бред какой-то. Вечно были под наркотой. Отец считал, что они пьяные. По глазам видел. Дикие у них были глаза. И разговоры странные. Но на самом деле это были наркотики. Теперь-то я это понимаю. Узнал от полиции и из газет.

Но в детстве я думал, что все это довольно круто. Что рассказывал отец. Даже после убийств. Люди из Храма уходили в холмы, жгли там костры, пели и разговаривали. Там всегда были красивые телочки, по словам отца. Иногда они просто сидели и смотрели в огонь. Медитировали. Правда, так было в самом начале. А вот перед резней все изменилось.

– Как? Ваш отец рассказывал об этом?

– Да, кое-что. Во-первых, молодежь перестала приходить и ухаживать за лошадьми. Потом он поехал в город – и они там больше не продавали свои журналы и книги. Их же раньше видели по всей округе.

Люди из поколения моего отца.

Тогда все подкармливали хиппи. А то люди из Храма ели всякую дрянь. Они копались в мусорных бачках на рынках и около магазинов, иногда вообще увозили их на своем школьном автобусе и на «фольксвагене». Многие жалели девушек. У этих хиппи были дети, и они тоже питались из помойки. Сестра Катерина купалась в деньгах, а ее последователи жрали отбросы.

Но через два года вся секта стала сдуваться. Все изменилось в семьдесят четвертом. А может, даже в семьдесят пятом. Отец плохо умел писать, так что никогда ничего не записывал. Иногда он встречал их в пустыне, но они начали его избегать. А еще они стали покупать оружие. Винтовки. Говорили, что охотятся. Отец нервничал, и его клиентам это тоже не нравилось. С некоторыми сектантами он познакомился в самом начале, даже считал их друзьями, но они стали его избегать. Как будто боялись чего-то. А еще появились новые люди. Он никогда точно не знал, сколько народа живет у старой шахты. Люди постоянно то приходили, то уходили

Однажды к нам пришла девушка и попросила защиты. Сказала, что *они* держали ее в плену прямо в шахте. Она оставила там ребенка и хотела поехать в город и вернуться за ребенком с полицией. Сказала, что ее избрали и она должна была отдать ребенка в Храм как дар. Но вот его отца она совсем не любила. И ей не давали общаться с младенцем. Она рассказала, что девушки не выбирали, от кого рожать. Что их насиловали. В секте творился настоящий ужас. Люди боялись за свою жизнь. Там построили забор, чтобы никого не выпускать наружу. Только нескольким членам секты разрешалось выходить в город, а остальным не доверяли. Они были пленниками. Дети болели, а врача привезти не разрешали.

На шахте был колодец, но не было электричества и телефона. Эту кучку старых хижин они называли раем. Трындец какой-то. Сказала, что в общине есть осведомители, что все под подозрением. Что те братья и сестры, которые пытались возразить, исчезали. Оставшимся говорили, что предатели сбежали и наврали всякого правительству, и теперь ФБР и ЦРУ охотятся за сестрой Катериной. Говорили, что беглецы хотят разрушить рай. Вообще, там царила сплошная паранойя, по словам этой девушки. Она не знала, что случилось с ее друзьями, но опасалась, что их убили и похоронили в пустыне. Она слышала всякие разговоры. Так что, когда смутьяны начали исчезать, она решила бежать. И пришла к нам, потому что это было ближе всего. Она слышала от кого-то, что мой отец – хороший человек.

Но через несколько часов после нее на ранчо пришли другие люди из Храма. Четверо, в красных одеждах. Они приехали на «фольксвагене». Спрашивали отца о девушке. Сестра как-то там. Присцилла, что ли. Она пряталась в доме вместе с мамой. Отец заметил винтовки в машине и занервничал. Он сказал, что никого не видел, что их собаки пугают лошадей, и лучше бы им уйти. Они вели себя вежливо, но отец видел, что ему не верят. Двое обошли дом и заглянули в денники, как будто это было их ранчо. Двое остались разговаривать с отцом, но он знал, что другие все обыскивают прямо у него за спиной.

А потом эта дурная девица выбежала из дома сама, вся в слезах, села в фургон, и они уехали. И больше никогда не приходили к отцу. Он говорил, что это случилось примерно за полгода до убийств.

Позже появились другие беглянки. Две девушки с детьми явились посреди ночи, и отец отвез их в город. Хотел сразу пойти в полицию, но они сказали, будто у них проблемы с законом. Вроде как весь Храм у правительства в каком-то особом списке. Типа их бы посадили в тюрьму.

– Это были Марта Лейк и Бриджит Кловер.

– Да. Но их настоящие имена он узнал позже, из газет. Тогда они были сестры такие-то.

– Сестра Гестия и сестра Эверильда.

– Да, точно. Я не знаю, скольким удалось бежать. В Храме не вели записей. Нужды не было – девушки

рассказывали, что сестра Катерина читает у них в душах. Она все и всегда знала. Бред. Но если отец раньше видел кого-то из Храма по пути в долину или в Юму, то подбирал их и вез в город. Он говорил, что у них ничего нет. Только балахоны и сандалии. Ни денег, ни воды, ни еды. Ничего. Но после тех двух девушек с детьми никто из Храма уже не приходил.

Когда полиция рассказала об убийствах, отец долго плакал. Мама рассказывала. Он очень жалел детей и девушку, которых так и не нашли. Присциллу, которая пряталась у нас в доме. Сказал маме, что вся наша семья тоже в опасности. Что всех нас может убить Храм.

– Он когда-нибудь сообщал о Храме в полицию?

– Да, много раз. Об оружии, о беглецах. По ночам в пустыне слышались выстрелы. В последний год стреляли много, и он звонил в полицию. Его даже просили прекратить звонки. У них были дела поважнее кучки хиппи. И они ничего не сделали, пока не стало слишком поздно. Сюда довольно далеко ехать, и до резни они появились лишь однажды. Сказали отцу, что хиппи сумасшедшие, но безвредные. Можете в это поверить? Безвредные!

– Что ваш отец рассказывал о той ночи?

– Он испугался. Долго уже говорил, что дела там плохи, и что все нехорошо закончится. Он был прав.

– Он рассказал, как все началось?

– Он всегда говорил, что сначала залаяли их собаки. А потом заржали наши лошади. Испугались, как будто бы грозы. Мы тогда держали двух собак, и они забились под кухонный стол и скулили. Мама говорила, что псы стали выть. Выть на потолок.

За несколько месяцев до резни животные стали нервничать. Собаки Храма лаяли и выли на луну часами, пугая наших собак и лошадей. И это за две мили! Однажды отец поехал туда на грузовике посмотреть, что происходит, и увидел забор, как и говорила та, сбежавшая, девушка. Они еще колючую проволоку натянули поверху. Ну чисто тюрьма. А внутри сходили с ума собаки. Отец тогда не увидел никого из Храма. Только собаки лаяли и бегали около забора, как будто хотели выбраться. Но самым странным был туман. Шел дождь, луны не видать, а шахту полностью скрывал грязный туман, растянулся аж на милю, наверное. Желтый и густой. А над крышами хижин воздух дрожал, по его словам, как будто мерцал от жары. Свет нигде не горел. Ни одного костра. Ничего. Виднелись очертания хижин и забор, и лаяли собаки из тумана. Он опускался как будто из дыры в небе.

Полиция сказала, что это не туман, а дым от их очага, да только огонь в Храме не горел. Отец там был и сам все видел. А вот полиция ничего не видела, так откуда им знать, что это был за дым? Но отец так и не подошел к шахте из-за тумана и дрожащего воздуха. Остался на дороге.

И то же самое случилось той ночью. Это был примерно четвертый раз, когда родители услышали собак. И лошади снова сошли с ума. Отец поднялся на холм и сказал, что там снова туман. А потом услышал выстрелы. Лай, крики. Он спустился и позвонил в полицию Юмы. Сказал, чтобы они поторапливались, потому что Храм катится в тартарары. Было около одиннадцати, стреляли, и отец решил, что это пожар. А ведь там были дети. Он сказал все, что мог, лишь бы полиция приехала. Он ведь понятия не имел, что там происходит, но ясно же, что ничего хорошего.

Отец снова поднялся на холм и ждал, пока не появятся огни полицейской машины. Желтый туман к тому времени уже поблек. Примерно через час он снова позвонил и сказал, что больше не стреляют. Только собаки лают и скулят, как будто серьезно напугались. А еще он сказал, что собаки поднялись в небо. И двигаются в сторону от шахты. Прямо так и сказал.

Потом с ним беседовали журналисты и написали, что он видел НЛО. Он никогда такого не говорил. Но

с этого пошли слухи про инопланетян. А полицейские винили отца. Типа он усложняет им работу, травит прессе всякие байки. И то же самое с этими «Судными днями» и фильмом. Все трындели, что отец видел НЛО. Поэтому он больше ни с кем, кроме нас, о Храме не разговаривал. Если бы он был жив, то и с вами говорить бы не стал. Переживал из-за того, что журналисты все переврали и выставили его идиотом. Именно поэтому я согласился с вами встретиться. Я хотел все прояснить. Мой отец был хороший человек.

Кайл переместился на кровать. Лег, оставив ноги на полу. Протер глаза. Нужно поспать. Люстра горела. Свет в ванной тоже. Лампочка Макса сияла на тумбочке, как ядерный реактор. Мелькало изображение на экране телевизора. Он окружил себя светом, как испуганный ребенок. И, пока не вспоминал о кошмарах, чувствовал себя круглым идиотом.

Он совершенно измучился, но не хотел спать. Чуть-чуть подремать? При свете? Тогда завтра все будет нормально. Дэн в соседнем номере. Это же просто сны…

Хижины распались в прах. «Мое». Вдалеке виднелись линии и столбы забора на выбеленной равнине, там, где клубился туман. Птицы дергались в пыли на земле. Одинокие и жалкие, их тонкие крики повисли в воздухе.

Он развернулся и побежал туда, где лаяли собаки. Никаких псов не нашел, но от приглушенных криков детей, отзывавшихся на птичий писк, споткнулся и, пошатываясь, пошел к деревянному сараю, где в маленьких колыбелях лежали младенцы. Но добраться до здания так и не смог. Онемевшие ноги не шли между деревом и ржавчиной, по шахте, ферме, всему сразу и одновременно. По пустоши.

Неожиданно раздался жуткий визг свиньи, и Кайл упал, прижавшись к земле. Животное безумно молотило копытами по деревянному полу маленького домика с четырьмя ало мерцающими окнами. Здание дрожало.

Он заплакал и взмолился, чтобы ему не дали увидеть, что там внутри, но тут же обнаружил, что смотрит через створное окошечко. В доме были черно-белые фотографии Марты Лейк и Бриджит Кловер и других юных бородатых рябых лиц, которые он раньше никогда не видел. Они валялись на большой кровати, прикрытой бархатным пологом цвета гнилого винограда. Там кто-то лежал, но он видел только маленькую головку без волос. У дальней стены стояли другие сектанты, преклонив колени, лицом к стене. Они спрятались от черного дождя, который сек сухую землю, принося с собой пепел и дым далекого пожара. Тот поднимался к грязному небу, на которое Кайл не смел поднять глаза.

Он искал ворота, чтобы убежать. «Я просто снимаю фильм», – улыбнулся, стараясь не плакать, как маленький неряшливый ребенок с грязными ногами, которым и был. Только перед выходом стояла безмолвная фигура в черной сутане, и он не видел лица под капюшоном. Она держала на поводках двух собак, но те на самом деле были людьми с расцарапанными лицами. Люди-псы лаяли и хотели броситься на него.

Горячие капли кровавого дождя бились о кожу. Под ногами валялись мертвые птицы, чьи черные перья шевелил ветер с копотью. Вместо голов у них были черепа. Клювы широко распахнуты. Женщина в капюшоне визжала, как свинья.

Что-то попыталось пробиться через ворота. Он слышал, как когти скребут по дереву. Что-то хотело попасть внутрь, к нему. Он закричал…

…и проснулся, глядя в белый потолок. Сел. Увидел инструкцию по эвакуации, висевшую на двери, посмотрел на мерцающий телевизор, стол и ноутбук, свой рюкзак, звуковое оборудование. Номер в

мотеле. Он лежал на кровати. Кайл потянулся и посмотрел на часы: четыре утра. Стащил пропитавшуюся потом футболку и бросил на пол. Снял носки и джинсы. Поплелся в душ. Надо поспать. Еще два съемочных дня – и все закончится. Все.

Он посмотрел на стены ванной: чисто.

Включив горячую воду, он решил больше никому о снах не рассказывать. Дэну и так хватило.

Семнадцать

Феникс, Аризона.

20 июня 2011 года. 19.00

Хэнк Суини, вышедший на пенсию детектив убойного отдела, положил на полированный стол руки, напоминавшие бревна, покрытые седым мехом. Золотые часы на широком браслете блеснули в зарослях белых волос на тыльной стороне ладони. На интервью он надел старый галстук, куда Дэн прицепил микрофон. На стене за крупной лысой головой висели четыре благодарности в рамке, три медали, две фотографии молодого детектива в форме «воздушной кавалерии» и еще три, на которых он, уже в полицейской форме, получал награды. На других стенах красовались два старинных винчестера, рваный и выцветший полковой флаг и скрещенные кавалерийские сабли.

Просторный кабинет Суини располагался в прохладном светлом доме размером с дворец. Разбрызгиватели трудились над невероятно зеленой лужайкой, стриженной так же идеально, как волосы полицейского в те времена, когда он еще носил форму. Под широкими окнами сияли алые, розовые и пурпурные цветы. На подъездной дорожке из розового камня стояли две машины: «лексус» и черный джип. Кайл оставил свой автомобиль, взятый напрокат, снаружи.

Где-то в глубине гигантского дома бормотал телевизор. На заднем дворе сиял синим кобальтом круглый бассейн. Жена Суини, наряженная в розовый брючный костюм, походила на бабушку из сказки. Она приготовила тарелку сэндвичей, которой целой армии хватило бы на месяц, и подала к ним кадку домашнего лимонада.

– Вы готовы, сэр? – спросил Кайл, стоявший слева от Дэна перед столом детектива.

При слове «сэр» Дэн закатил глаза.

Хэнк Суини откашлялся и посмотрел на камеру с каменным выражением лица. Кайл невольно обрадовался, что никогда не сидел напротив детектива в комнате для допросов.

– Четверо детективов под моим началом занимались убийством на медной шахте. Хотя первые три месяца делом занимались десять человек, в основном, над ним работал я вместе с детективами Эрнандесом, Райли и Салазаром. И мы работали как следует. Я не хочу, чтобы из-за вашего фильма у людей создалось впечатление, будто мы – кучка деревенщин, которая по собственной тупости запорола дело.

Дэн фыркнул и закашлялся, Кайл бросил на него грозный взгляд.

– В прошлом так многие говорили, и если вы станете повторять прежние версии, то совершите прискорбную ошибку.

Суини поднял мощную волосатую руку, чтобы остановить Кайла, попытавшегося вмешаться.

– Я думал, что навсегда завязал с делом Судных дней, и рассказывал всем, кто хотел осветить его, одно и то же. Но у меня должок перед Максом. Мы много узнали от него в семьдесят пятом, когда он прилетел сюда. Это Соломон основал эту чертову секту в Англии, так что его свидетельство было важно.

Кайл обменялся взглядами с Дэном. Потом вдруг разозлился на Макса, который не удосужился упомянуть, что участвовал в полицейском расследовании. Причем участвовал очень аккуратно, потому что о нем не узнал даже грубый и дотошный Ирвин Левин. И это умолчание показалось непростительным.

– Сэр, могу заверить вас, что как режиссер не собираюсь редактировать или направлять ваш рассказ, а хочу, напротив, показать вашу точку зрения.

– Может быть. Но, когда вы монтируете свои интервью и черт знает что еще с ними делаете, ваши киношные ребята и Господа Иисуса Христа могут выставить болваном. Я вам поверю, парни, но только потому, что кое-чем обязан Максу. Потому я хочу, чтобы в вашем фильме вы приняли во внимание кое-какие соображения. – Суини тыкал толстым пальцем в ладонь после каждой фразы. – В первом оперативном отчете о расследовании убийств было шестьдесят шесть страниц. Папка по Мэнсону и бойне в Ла-Бьянке была в два раза меньше, а парни в шестьдесят девятом знали свое дело. Все мои здешние ребята отслужили в армии. Все ветераны. У нас был опыт, и мы понимали, что к чему, – он сделал паузу и потянулся к стакану. – Мы с Райли провели там всю ночь десятого июля. Это мы накрывали тела одеялами, которые нашли в задней комнате, когда коронер разрешил. Мы закопались в это дерьмо по уши с самого начала.

Мы там сидели до трех часов, и только потом прибыли спецы, парни из отдела по выявлению скрытых отпечатков все вокруг засыпали своим порошком. Они возились четыре дня. Из четырех сотен отпечатков только тридцать четыре вышли четкими. Двадцать девять принадлежали мертвецам или живым, найденным в шахте десятого июля семьдесят пятого года.

Мы брали отпечатки у всех, кого экстрадировали из Калифорнии и Нью-Мексико. Пробили результаты из шахты по нашей картотеке, там пятнадцать тысяч человек тогда было. И ничего. Мы прогнали через полиграф пятнадцать человек, убежавших из секты в семьдесят четвертом. Изучили биографии жертв под микроскопом. Проверили самые бредовые версии. Все это есть в отчете.

– Мистер Суини, вы не могли бы рассказать нам о подозреваемых, которых вы допрашивали?

– Будете тут до Рождества торчать? Нет. Поначалу, в семьдесят третьем и семьдесят четвертом, люди постоянно приходили туда и уходили. О секте говорили даже в Сан-Франциско. В первые три месяца мы допросили больше сотни человек. Беглецы, бродяги, куча подростков с проблемами, которые бывали в шахте с семьдесят третьего года. Выгнанные из колледжа студенты, которым хотелось повеселиться, наркотиков и девочку. Хиппи, байкеры, мелкие преступники, отпущенные под залог, куча всякой шушеры, в общем. Допрашивали мы и типов из Голливуда, которые общались с сестрой Катериной в Калифорнии. Музыканты, актеры. Мы вызванивали их из Лос-Анджелеса.

– Какое впечатление у вас сложилось о секте и о жизни в шахте в семьдесят четвертом?

– Тем, кто туда приходил, там обычно не нравилось. Если они еще совсем из ума не выжили. Рассказывали одно и то же. Заправляла там всем сестра Катерина, но не лично. Большинство людей ее вообще никогда не видели – только на фотографиях, которые там везде висели. Она запугивала и подчиняла людей любыми способами и выстроила жесткую иерархию. Помогала ей группа идиотов, которые назывались Семерыми. То же самое было и во Франции, и в Англии, но тогда никто даже не пошевелился. А мы пошевелились. Отработали каждую зацепку. – Суини снова прервался и глотнул лимонада. – Летом семьдесят четвертого оттуда уходили многие. Людям не нравилось терять деньги и имущество. Другим надоели постоянные проповеди. Многих напугали те, кто слишком серьезно восприняли учение секты. Вроде этих Семерых, например. К семьдесят пятому все стало совсем худо. Главными ублюдками были Молох, Ваал, Хемос, Эреб и Белиал. Остальные оказались скорее узниками. Некоторые девушки были уже с детьми, которых не могли бросить.

– А в последние месяцы? Как по-вашему, какая обстановка сложилась в группе перед ночью Вознесения?

– Там оставалось около двадцати человек. Как сказал брат Белиал, они выводили секту «на новый уровень». Сестра Катерина к тому времени несколько утратила контроль. Кто-то говорил, что она тогда вела себя как ребенок. У нее совсем мозги поехали. Да боже мой, она приказала Белиалу убить себя! До смерти боялась полиции, ФБР и ЦРУ. Подала в суд за клевету на журналиста Левина и проиграла. Прятала деньги в Швейцарии, Коста-Рике, ЮАР. На случай если бы ей пришлось бежать. Но ее никто не преследовал. Службам было на нее наплевать. Она плотно сидела на наркотиках. К последнему году ее психоз расцвел пышным цветом. Готовилась настоящая заваруха, о которой мы не знали.

В начале семьдесят пятого люди уходили каждый месяц, пока могли. А потом там построили забор. Соседний фермер возил беглецов на автобусную станцию в Юме. Из тех, кто выбрался оттуда в числе последних, нам удалось допросить двух девушек с детьми, они сбежали за два месяца до десятого июля.

– Марта Лейк и Бриджит Кловер.

– Они самые. Надежда газетчиков. Если бы состоялся суд, то они бы стали чем-то вроде наших звездных свидетелей. Они под защитой полиции вернулись в Аризону, хотя боялись ужасно, и подтвердили, что, когда уходили, в шахте оставалось человек двадцать. Мы нашли пятнадцать. Девять мертвых, шесть живых, из них пять детей и брат Белиал. Что случилось с остальными пятью, о которых вспомнили Лейк и Кловер, мы так и не узнали. Брат Адонис, брат Ариэль, сестра Урания, сестра Ханна и сестра Присцилла. Наверное, они убежали и спрятались или их убили и закопали в пустыне, как утверждала Марта Лейк. Мы допросили по делу еще человек сто, но их показания или сразу пошли в корзину, или о них скоро забыли.

– Почему?

– Потому что эти тупые хиппи несли форменный бред: типа они слышали голоса в голове, рассказывали о злых духах и прочей хрени, которую вечно городят психи, торчки и прочие ничтожества. Одни утверждали, что были одержимы. Другие, что летали, или еще какой-то маразм в таком же духе. Они выходили из собственных тел и смотрели на себя сверху. А некоторые и вовсе заявили, что их души побывали в аду и вернулись.

Если бы рядом была стена, Кайл бы к ней прислонился.

– А у нас было все на руках: убийца, орудие убийства. Белиал более-менее признался. Баллистическая экспертиза подтвердила его показания. Мы довольно быстро поняли, что там случилось, – буквально за неделю. Главными подозреваемыми сразу стали эти Семеро. Четверых из них убили в Храме. Они звали себя Молох, Ваал, Хемос и Эреб. Еще был Белиал. Остальные две в ночь убийства находились в Сан-Франциско, и у них было серьезное алиби. Женщины, сестра Геенна и сестра Беллона. Говорили, что выполняли поручение сестры Катерины.

Кайл нахмурился и принялся тщательно подбирать слова для следующего вопроса, на котором особенно настаивал Макс:

– Всегда существовала версия, что Белиал, Молох и Ваал совершали убийства не в одиночку. Особенно это касается тел, которые нашли у забора.

– Конечно. Но остальные два стрелка погибли. Их убил Белиал. Так что их не спросишь. Мы сняли отпечатки с двух охотничьих винтовок, из которых то ли застрелили, то ли ранили жертв у забора. Они принадлежали брату Молоху и брату Ваалу, которых мы обнаружили в храме. Это было в первом отчете коронера. Никаких доказательств того, что в убийствах участвовал кто-то еще, мы не нашли. Скажем так, в

первом отчете было шестьдесят шесть листов. Во втором – один, и на нем еще осталось порядочно места, если вы понимаете, о чем я.

– Но вы когда-нибудь предполагали, что в этих убийствах мог быть замешан кто-то еще?

– У нас так и не появилось ни одной зацепки, которая привела бы нас к «кусакам», как мы их прозвали. К тому же мы так и не нашли оружие, которое, по нашему предположению, использовали Белиал, Молох и Ваал, после того как застрелили тех, кто пытался перелезть через забор.

– Трупы. Как умерли четверо у забора? Какие улики вы нашли на их телах?

– Вскрытие в Фениксе проводили четыре коронера. И еще два патологоанатома из другого штата. У них ушло три дня, работу они сделали тщательно. Рентгеноскопия обнаружила в ногах двух жертв осколки пуль, что соответствовало нашей версии о том, что Белиал, Молох и Ваал стреляли в жертв, когда те пытались сбежать. Баллистическая экспертиза совпадала с винтовками, которыми пользовались той ночью. Железобетонные доказательства.

А еще вскрытие показало, что все жертвы были под наркотиками. Амфетамины. Через четыре часа после прибытия патрульных криминалист взял пробы крови в шахте и провел реакцию Оухтерлони, чтобы посмотреть, принадлежат они человеку или животному. Там везде бегали собаки. Большая часть пятен уже высохла к моменту появления эксперта, так что определить что-то было сложновато. Но он взял больше сотни образцов, и все принадлежали людям. А те, которые мы смогли исследовать, совпадали с кровью мертвецов.

– А что вы можете сказать о ранах, нанесенных зубами и когтями?

– Я как раз к этому подхожу, – Суини откашлялся.

– Простите. Продолжайте, пожалуйста.

– Мы нашли три очень грязных фрагмента зубов в ранах двух жертв и один ноготь. Они оказались человеческими, а не собачьими или там кошачьими. В газетах писали, что сектанты учили псов нападать на людей. И что тех, кто струсил и побежал к забору, сначала подстрелили, а уж потом животные завершили дело. Честно говоря, зацепка была настолько хлипкой, что мы только обрадовались, когда люди в это поверили, потому что другого варианта у нас не было.

– Полиция сама озвучила эту версию на одной из первых пресс-конференций.

– Потому что первую неделю мы были в ней уверены. Общественность требовала арестов. Новых подозреваемых. Никто не верил, что Белиал мог убить всех. Или что пять человек в храме просто встали на колени и тихо ждали, пока их зарежут. Люди во всем штате, а еще в Лос-Анджелесе и Нью-Мексико боялись, что сумасшедшая секта сатанистов ищет крови. Но судмедэксперт провел новые исследования уже после пресс-конференции и установил, что фрагменты зубов в ранах принадлежали мертвым людям, как будто их вынули у трупа, а не у живого человека. И ногти тоже. Должно быть, беглецов убили каким-то костяным оружием. В результате версия о том, что кто-то еще участвовал в убийстве, а потом убежал, накрылась. Мертвецы не ходят.

Пятеро членов секты, о которых дали показания Лейк и Кловер, тоже попали под подозрение. Брат Адонис, брат Ариэль, сестра Урания, сестра Ханна и сестра Присцилла. Но их даже не было в шахте в ту ночь. Мы пришли к выводу, что они ушли до десятого июля.

Поэтому мы направили фрагменты «мертвых» зубов и ногтей в университет Нью-Мексико. Археологи сказали, что им примерно пятьсот лет. Полное безумие, у нас на работе столько слухов по этому поводу ходило. Мы решили, что это фрагменты какого-то предмета, которым Белиал, Молох и Ваал добили своих жертв. Только мы его так и не нашли. И тогда, в семьдесят пятом, и сейчас я отвечу на ваш вопрос

одинаково. Они подстрелили четверых у забора, а потом добили их каким-то орудием из костей и зубов очень старых, но хорошо сохранившихся человеческих останков. Это была часть ритуала.

– Орудием? А какое орудие подходит под такое описание?

– У Храма Судных дней были и другие вещи, которым место в музее. Мы нашли на месте преступления ряд предметов возрастом около пятисот лет. Фрагменты ткани, которые они привезли из Франции еще в семьдесят втором. Использовали их как реликвии или вроде того. Кусок митры, представляете? И еще обрывок сорочки. Башмак, который сделали в Нидерландах во время религиозных войн. Все это лежало в том помещении, где мы обнаружили обезглавленную сестру Катерину. Как по мне, это лучшее, что с ней случилось в жизни.

– Брат Белиал. Вы допрашивали его несколько раз.

– Он был чокнутый. Тут даже не сомневайтесь. Мы несколько раз, снова и снова, допрашивали его о том, что случилось десятого июля, а он повторял одно и то же. Что зубы, ногти и фрагменты одежды принадлежали то ли «старым», то ли «кровавым друзьям». Когда мы спрашивали, кто это, он отвечал «они с нами» и смотрел на потолок, как будто что-то там видел. Призывал нас «выключить свет и открыть глаза». В общем, порол свою обычную ерунду.

Кайл сглотнул и с трудом задал следующий вопрос:

– Левин включил в свою книгу текст некоторых допросов Белиала, в том числе его показания на детекторе лжи. Большинство считает, что он их подделал.

– Нет.

– Но как же орудие убийства? То, что было сделано из зубов? Кто мог спрятать его, если, кроме Белиала, живых взрослых на месте преступления не было?

– Я всегда считал, что виноваты собаки. Мы же их не нашли, одна, наверное, убежала вместе с орудием убийства в пустыню. Кровь могла привлечь падальщиков, насекомых. Может, оно до сих пор там лежит. Под песком. Поэтому на последней пресс-конференции в сентябре мы заявили, что Белиал – единственный из выживших убийц тех пятерых человек, что мы нашли в храме, и за это отправится под суд. Молох и Ваал, прежде чем принять смерть от его рук, помогли Белиалу смертельно ранить четверых членов секты, пытавшихся бежать, а потом добили их неизвестным оружием. Потом Белиал убил своих сообщников по их просьбе, а заодно Катерину и двух других, брата Хемоса и брата Эреба. Белиал никогда этого не отрицал. Он утверждал, что сестра Катерина избрала его для «пира старых друзей».

При упоминании «друзей» у Кайла задергалась левая нога.

– А собаки? Дети? Рисунки на стенах? Туман? Вам есть что сказать об этом?

– Все это не относится к самим убийствам, а просто является частью общей на хрен сдвинутой, простите меня, картины. Собаки просто убежали от страха и обратно не вернулись. Они были полудикие, и выстрелы их распугали. Патрульные, которые первыми прибыли на место преступления, и фермер с соседнего ранчо подтвердили, что слышали лай вдалеке.

– А рисунки, изображения на стенах?

– Они жрали столько наркотиков, могли что угодно нарисовать.

– А как же дым… в воздухе… изменения в атмосфере…

– Может быть, они что-то бросили в костер, серу например, чтобы получить едкий дым. Это было ритуальное убийство, в конце концов. Но мы никогда не изучали туман. Что бы это нам дало? Это же всего лишь дым, то ли от костра, то ли от сигнальной ракеты.

– А мотив? Для самоубийства? Таких масштабов. Таким способом.

– Не укладывается в голове, правда? Но у нас было несколько вариантов, которые все отлично подходили. Может, это был один из тех мотивов, что мы придумали, или сочетание всех сразу. Кого спросить теперь? Белиал сошел с ума, до самой своей смерти так и не пришел в себя, а из тех детей, которых мы вытащили, заговорил только один, насколько мне известно. Остальные онемели навсегда. «Чистое дитя», как мы его прозвали. Он провел в шахте совсем немного времени. От тех, кто бывал в особняке Катерины в Калифорнии, мы узнали, что она с «чистым» жили, в основном, там, а в шахту пришли за две ночи до убийства. Она его вроде как усыновила. А точнее, украла у матери, Присциллы, которую мы так и не нашли. Других детей тоже отнимали у родителей. Сестра Катерина вообще любила разделять семьи, пары, друзей, всех подряд, с самого основания секты. Макс рассказывал об этом. Никто во всей группе не имел права привязываться ни к кому другому, кроме Катерины. Даже младенец. Так она их контролировала. Разделяла и властвовала. Не можешь любить – будешь бояться. Классика.

Так что мы пришли к выводу, что сестра Катерина и ее веселая компашка поубивали сами себя. Не знаю уж, в результате драки, наркотического психоза или это было самоубийство по сговору. А может, и то, и другое, и третье. Писаки говорили о дьявольском ритуале и человеческом жертвоприношении. То же самое говорили и о Мэнсоне. Но времена тогда были другие. Все уже шло в тартарары, но в стране люди были гораздо невиннее, чем сейчас. Еще один журналист предположил, что это была «гонка за лидерство, которая плохо кончилась», – Суини пожал массивными плечами, – может быть. А вот за что нам стоит благодарить Господа, так это за то, что у них хватило совести сохранить жизнь детям. Всех сирот отправили в детские дома. Только дети вконец спятили. Четверо из них даже говорить не могли.

Остается одна тайна, о которой знаю и я, и все, кто знаком с деталями дела. Бьюсь об заклад, именно о ней вы меня и хотите спросить.

Кайл натужно улыбнулся, но промолчал.

– Отпечатки ног?

Кайл только кивнул. Он знал, что если сейчас заговорит, то голос у него будет хриплым и дрожащим. Суини ему подмигнул:

– Насколько мне известно, это один из двух моментов, объяснения которому мы так и не нашли. Пятнадцать лет спустя я вернулся к этому делу. В Фениксе целая комната отведена под бумаги о бойне в шахте «Блю Оук». Год ушел на то, чтобы все перечитать. Но у меня нет объяснения тем следам. Мы нашли их в двух местах. Вокруг убитых. Три набора отпечатков у забора, один в храме. Большинство стерлось, пока там суетились полицейские. Я подсчитал, там топталось восемьдесят пар ног, бегали по песку да по крови в темноте. Может, к подошвам у кого-то что-то прилипло, поэтому эти следы и выглядели как костяные. Кто скажет?

Кайл кашлянул:

– Вы сказали, что не нашли объяснения двум вещам. А какая вторая?

– По-моему, брызги крови на месте преступления были еще более странными, чем следы. Крови там было полно и у забора, и в храме. Но недостаточно. Мне показалось даже, что их убили где-то еще, а потом притащили в храм, поскольку там было очень мало крови. А вскрытие показало, что в телах жертв крови почти не осталось. Сначала мы думали, что она осталась внутри тел, когда сердца перестали биться, или что утекла под пол. Коронер и судмедэксперт изучили яремные вены. В обезглавленном теле. И предположили, что жертвы потеряли большую ее часть не на месте преступления. Но мы тогда не стали сопоставлять наши выводы с криминалистами и патологоанатомами, да и зачем?

– Так где оказалась кровь?

– Часть ее мы обнаружили на крыше храма примерно через неделю. До этого никому даже в голову не пришло там посмотреть. По виду походило на артериальные брызги. С одного угла даже казалось, что там кого-то зарезали прямо в воздухе. Бред, конечно. Это невозможно. Белиал никогда не говорил нам, как и где убил каждую из жертв. Но он был весь залит кровью. Я сейчас думаю, не пил ли он ее. Может, и пил, когда перерезал им горло. – Суини сделал паузу.

– Почему вы так думаете?

– Они делали это и раньше. Съели одну из своих. Чтобы оставить ее среди братьев и сестер. Лейк и Кловер подтвердили это, хотя сами никогда не принимали участия. Девушка по имени сестра Серафина умерла от естественных причин в конце семьдесят четвертого года, и Семеро съели по куску ее плоти. Приготовили и подали с хлебом. Так что у Белиала был пример для подражания. Он уже пробовал то, что называл «маной своего народа». Когда его убили в государственной тюрьме Флоренса, то на горле и запястьях тоже нашли следы зубов.

– Его убийцу так и не нашли. Левин предположил, что охрана позволила убить его другим заключенным.

– Чушь собачья. Его содержали по пятой категории. Высшая степень безопасности. Если бы состоялся суд, его ждала газовая камера или смертельная инъекция. В тюрьме отрубилось электричество, а потом Белиала обнаружили с перерезанными горлом и запястьями. Но следов самозащиты не было. Как по мне, он распустил язык и рассказал другим психам во Флоренсе, как пил кровь. Кто-то решил, что это хорошая идея, и сделал с ним то же самое. Его пришили в комнате отдыха. Он просто позволил себя убить.

И не забывайте о доказательствах. Дело-то было простое. У нас были орудия убийства – ну кроме одного. Были и виновники преступления: Белиал, Молох и Ваал. Для суда вполне достаточно. Да, в деле было много странностей, и многие верили, что там замешан кто-то еще. Кто-то до сих пор верит. Но это не доказать. Ни свидетелей, ни улик, кроме каких-то странных следов, исчезнувшего оружия из костей, с которым явно убежали собаки, и отсутствия крови.

Восемнадцать

Где-то над Калифорнией, рейс AA102.

21 июня 2011 года. 02.00

Дэн храпел на кресле у окна рядом с Кайлом. Он заснул сразу после взлета, как только Кайл включил ноутбук, чтобы начать монтаж интервью с детективом Суини.

Три съемки за три дня, и прошлой ночью Кайл спал от силы два часа. Они должны были приземлиться в пять утра и собирались поехать в дом Марты Лейк прямо из аэропорта. Рейс до Сиэтла был единственным шансом передохнуть до окончания работы в США. Но Кайл спать не собирался, даже в самолете.

Ему казалось, что он никогда больше не сомкнет глаз без снов, из-за которых можно легко загреметь в психбольницу.

Кайл разместил на откидном столике ноутбук и заметки по Марте Лейк. Покопался в рюкзаке и нашел «Судные дни» Левина. Еще раз обдумал свои вопросы с учетом того, что узнал от Агилара и двух полицейских.

Пролистал книгу Левина и нашел вкладку, где журналист разместил самый знаменитый портрет

Марты Лейк: фото, сделанное полицией Сиэтла после ареста за кражу в магазине в семьдесят первом, за год до того, как она попала в секту. Она оказалась самой хорошенькой из девушек Храма Судных дней, чьи фотографии Кайл видел. Цветущее круглое личико, ясные карие глаза, пухлые губы, идеальная американская улыбка. Длинные каштановые волосы разделены на пробор и заплетены в две косы, россыпь веснушек на курносом носике сексуальной мультяшки.

Еще несколько фотографий Кайл нашел в «Гугле».

Большинство из них было выложено в блогах о сектах, которые вели энтузиасты-любители. На них двадцатитрехлетняя Марта возвращалась в Аризону под защитой полиции, чтобы дать показания против брата Белиала. Ее даже экстрадировали из Канады, но суд так и не состоялся.

На этих фотографиях она шла по аэропорту Феникс Скай-Харбор в сопровождении своего адвоката Марти Трусскони и четырех полицейских, одетая в клетчатый передник поверх блузки с высоким воротником. Обезоруживающее сочетание прямиком из «Маленького домика в прерии». Глаза скрывали солнечные очки, а на голове красовалась широкополая шляпа. Ни дать ни взять Дайан Китон.

Другие фотографии запечатлели ее выходящей из полицейского участка в Фениксе, одетой в высокие кожаные сапоги и строгий костюм. Огромные глаза сияют, уголки губ тронула улыбка. И еще одна: босоножки на высоких каблуках, сиреневое платье и прозрачные чулки – воплощение эротических фантазий среднего американца. Она не так давно выбралась из ада, вытащив на себе ребенка, но Кайлу хотелось верить, что тогда всеобщее внимание ей нравилось.

Марта сорвалась с крючка. Марта сбежала. Главный свидетель, красавица из секты, звезда убийства, героическая мать – в зависимости от того, какую желтую газетенку читали люди, жаждущие крови и сенсаций. Журналисты были одержимы Мартой, их настойчивость казалась почти эротической, а искреннее недоумение, как такая хорошенькая девушка могла попасть *во все это*, – невероятно наивным.

В семьдесят шестом какой-то литнегр под ее именем написал ужасную книгу «Слезы матери, плач ребенка», которую она впоследствии объявила вымыслом. Кайл нашел на eBay старую книжку в бумажной обложке и быстренько ее пролистал. Там шла речь в основном о сексуальных аспектах культа, и ничего не говорилось о кровавом финале «рая» сестры Катерины, поскольку Лейк не было в шахте в семьдесят пятом. Никаких сведений об иерархии и ритуалах секты в книге тоже не было, поскольку с Мартой вряд ли даже консультировались при ее написании. По этому тексту сняли телевизионный фильм «Кровавая Марта», где она значилась продюсером. Возможно, ей даже заплатили за это, но в работе над фильмом Лейк вряд ли участвовала. На DVD он так и не вышел, Кайл проверял.

Но насильственные спаривания, наркотические оргии, неизвестный отец, интимная близость с кучкой сумасшедших сатанистов-убийц, жизнь в заброшенной шахте – все это тянулось за ней, как хвост за кометой. Почти два года она танцевала с дьяволом и ела с его ладони в пустыне Сонора, похожей на поверхность Луны. Ее красота и окружавшая тайна наверняка заставляли сестру Катерину вертеться в муниципальной могиле. Катерина-то вошла в историю как старая грымза, жирная графиня Батори и психованная социопатка. А вот Марта Лейк и ее недавно почившая подруга, черноволосая красотка Бриджит Кловер, вышли из шахты со славой, о них фантазировали, как о моделях с разворота «Плейбоя», они превратились в феминистических антигероинь. Кинокритики до сих пор утверждали, что девушки были предшественницами тех фигуристых «королев крика», которые принесли славу трэш-хоррор-слэшерам. Красота и близость к подлинному злу сделали их знаменитыми.

До тысяча девятьсот восемьдесят первого года, когда дикое существо, в которое превратилась Марта, заметило, что она все реже появляется на обложках журналов и теперь про нее рассказывают лишь безвкусные истории про наркотическую зависимость, недоказанный промискуитет, мошенничество с

кредитными картами и, конечно, не забывают о целой семейной саге с несчастным ребенком, отданном на усыновление. Деньги кончились, красота шла следом, и Марта исчезла на тридцать лет.

Пока Макс не нашел ее за три месяца до интервью.

И Кайл собирался встретиться с Мартой Лейк через несколько часов. «Где ты была всю мою жизнь, Марта?»

Дэн заворочался на сиденье и застонал.

Девятнадцать

Сиэтл.

22 июня 2011 года. 10.00

В женщине, которая открыла дверь Кайлу и Дэну, с трудом можно было узнать Марту Лейк семьдесят пятого года или хотя бы восемьдесят первого.

В дверном проеме, который словно страдал себорейным дерматитом, стояла как будто высохшая от голода женщина в бесформенном кардигане и тренировочных штанах. Морщинистая шея переходила в лицо, на котором были написаны такое разочарование, печаль и безнадежность, что, казалось, эта пятидесятивосьмилетняя старуха уже перенесла на десять лет больше горя, чем могла выдержать. Сложена она была довольно крепко, но теперь кожа на костях висела складками. Изможденная и опустившаяся, Марта, похоже, не улыбалась с 1977 года, когда порхала с одной богатой вечеринки на другую. Пухлые чувственные губы исчезли в морщинах вокруг рта. Гордая, таинственная улыбка, столь часто мелькавшая в новостных роликах 1975 года, превратилась в поджатую мину. Волосы, затянутые в хвост, поседели.

Но вот глаза остались прежними: умными, красивыми и бдительными. Кайл часто смотрел в них, пока искал фотографии в сети, и вдруг занервничал, как будто почувствовал влияние силы, которую до того недооценивал, или как будто неожиданно столкнулся с девушкой, за которой давно следил.

Она заметила его реакцию, и ей, кажется, понравилось. Улыбнулась, даже не пошевелив губами. Из-за ее спины пахло дешевыми сигаретами и неприбранным домом.

– Оказывается, я еще способна вскружить голову, – смеялась она хрипло, как каркала. Зубы у нее были коричневые. – Входите, ребятки, – через их головы она посмотрела на улицу, а потом отступила в сторону, шаркая ногами в грязных тапках.

В съемном доме, выстроенном в народном викторианском стиле – с фронтонами, изношенными балками и облезлым задним крыльцом, – отсутствовали некоторые цвета. Там, куда просачивался слабый свет, ничего не поблескивало, деревянный пол и балясины утратили теплый красноватый оттенок. Все, что было белым, пожелтело или посерело. Краска с обшарпанных дверей и плинтусов облезала клочками. До уровня глаз стены покрывали ветхие бумажные обои тошнотворно зеленого цвета, а выше, до самого потрескавшегося потолка с облезлой лепниной, шла крашеная штукатурка.

Дом был пустым – но казался не свободным, а скорее заброшенным. От тишины и неподвижности Кайл совсем упал духом.

Свет с трудом пробивался сквозь окна, отбрасывая мутные синие полосы на потолок холла, через который Марта провела их в кухню.

– Я здесь в основном время провожу.

За грязными тюлевыми занавесками угадывались наполовину опущенные выцветшие жалюзи. На чисто выметенном, но исцарапанном линолеуме были нарисованы маргаритки, но они никак не оживляли

помещение. Шкафы, когда-то крашенные в желтый, выцвели до кремового. Прозрачные пластиковые дверные ручки покрывали царапины. У бабушки Кайла была похожая кухня: такая же эмалированная раковина, деревянный стол с четырьмя простыми стульями, бело-синяя клетчатая скатерть.

Рядом со старой металлической плитой аккуратно стояли тарелки и стаканы, принадлежавшие Марте, но чистота не делала кухню уютнее. Это был один из тех домов, где Кайл чувствовал себя нежеланным, явившимся без спросу гостем, невольным свидетелем нищеты и старости.

Он приехал сюда совершенно измученным и тут же ощутил такую тоску, что еле мог двигаться. Но при этом это было отличное место для интервью, голливудский арт-директор лучше бы не сделал. Идеальное воплощение заката Марты, демонстрация того, что случилось с выжившими, место, где хранились воспоминания о том, как секта погрузилась в хаос.

В темноватой кухне лицо Марты походило на брусок масла. На столе рядом с ней лежали упаковки с таблетками и стояла бутылка бурбона.

– Хотите? – спросила она, заметив, что Кайл смотрит на бутылку.

Кайл чуть не сказал «Еще рановато», но вместо этого покачал головой:

– Нет, спасибо.

– Тогда кофе? Свежий.

– Дэн?

– Неа, – Дэн начал устанавливать свет, пытаясь показать, что все это его не касается, и он – обычный безмолвный участник съемочной группы.

Кайл налил чашку себе и чашку Марте. Он слишком нервничал, не спросил, где сахар, и только поморщился от горечи.

Из записок Макса Кайл знал, что у Марты трое детей от трех мужчин, и единственный из них, кто остался неизвестным, – отец ее старшего ребенка, зачатый в шахте в 1973 году. Другие отцы, да и дети давно ее покинули. Интересно, в одной из темных комнат хранятся их фотографии?

– Дом очень большой для одного.

Марта улыбнулась знающей улыбкой:

– Тем дольше его заполнять.

Он не совсем понял, что она имела в виду. Дэн возился с экспонометром и выглядел очень неловко. «Последняя съемка, чувак. Последний день».

Марта глубоко затянулась сигаретой.

– Это третий дом, который я снимала за этот год. Мне приходится постоянно переезжать, а то прошлое догоняет.

– Пресса?

Марта желтозубо улыбнулась, затушила сигарету и взяла из пачки другую:

– Вы ведь ничего не знаете?

Она снова глубоко затянулась с таким звуком, будто густой дым просачивался в маленькие дырочки у нее в груди.

Кайл улыбнулся и постарался отшутиться:

– Надеюсь, вы мне в этом поможете. Мы брали интервью у полицейского, который расследовал дело, и у сына бывшего владельца соседнего ранчо.

– Он умер? Мистер Агилар?

– Да.

Марта прищурилась за вуалью сигаретного дыма:

– Как это случилось?

– Ммм… не знаю. Его сын не говорил.

– Упокой Господь его душу. Только благодаря ему я сейчас здесь сижу.

Кайл кивнул.

– Сын очень хорошо о нем отзывался.

– Тогда полиция не лезла к ребятам вроде нас без серьезной причины. Сейчас не так. Некому было нам помочь до самого конца. Кроме мистера Агилара. Он пытался и Присси помочь.

– Сестре Присцилле?

Марта фыркнула:

– Что вы знаете о Присси?

– Немного. Только то, что мистер Агилар ее приютил. А потом она сама вернулась в Храм.

– Дура. Но я не могу ее винить.

Кайл взглянул на Дэна, чтобы оценить степень готовности к съемке.

– Почему?

– Она вернулась к сыну. Не смогла уйти дальше ранчо. Хотя, конечно, ей стоило пойти в полицию.

Она неожиданно хлопнула в ладоши, напугав Кайла с Дэном:

– Ха! Надо было, стоило бы! И так всю жизнь, – она откинула голову назад и разразилась кашляющим смехом.

Дэн занервничал, Кайл пошел за водой.

Марта вытирала глаза рукавом кардигана и дышала с присвистом, как будто сквозь мокрую марлю. Она кивком поблагодарила Кайла, который принес ей воды и погладил по плечу. Когда женщина успокоилась, Дэн сказал из-за камеры:

– Босс, я готов. Дело за тобой.

Разумеется, они снимали сцену в естественном свете. Так хотел Кайл: встревоженная морщинистая старуха курит в грязной кухне и рассказывает о заключении и убийстве своих друзей. О той жизни, из которой она так по-настоящему и не вырвалась. Это ее последний шанс что-то сделать, и она не собирается его упускать. Если не завещание, то исповедь. Вот как она должна была выглядеть в кадре.

– Марта, вы единственный выживший член Храма Судных дней, единственный взрослый человек, видевший… последние дни секты в пустыне Сонора. Весной и осенью 1975 года. Мы никогда этого не узнаем, но дети, пережившие секту, возможно, были слишком малы, когда их спасли, и ничего не помнили. А Бриджит Кловер покончила с собой в этом году, так что вы последняя, кто знает о Храме.

Марта кивнула и задрала подбородок с упрямой гордостью:

– Именно.

Интересно, подумал Кайл, что-то, кроме сигарет и виски, еще способно ее порадовать.

– Может быть, для начала вы расскажете нам, как попали в Храм?

Она рассказала очень многое. Но, как и брат Гавриил и сестра Исида, немало скрыла. К тому же Марта вела себя с той же раздражающей эксцентричностью, которая пышным цветом растет в долгой изоляции. Интересно, задумался Кайл, может, они все были двинутыми на голову еще до секты, или это она сделала их совершенно чужими для нормального мира, где они позже пытались жить? Сьюзан и Гавриил вели себя достаточно спокойно на съемках, но по обоим было видно, что они так и не смогли вернуться в общество. Стали изгоями и неудачниками. К тому же с ними не хотелось долго разговаривать или иметь дело, постоянно казалось, что они заразны. Только Макс преуспел после Катерины, но, впрочем, назвать его нормальным тоже язык не поворачивался.

Рассказ Марты о первых днях в секте придется сильно редактировать и пустить за кадром. Совершенно типичная история: девочка из бедной семьи, жестокий и редко появляющийся отец, пьющая мать. Бросила школу, убежала в Сан-Франциско. Наркотики, жизнь коммуной, эйфория шестидесятых. Ее занесло в Лос-Анджелес с каким-то байкером, приторговывавшим наркотиками, и там, на бульваре Санта-Моника, она встретила загадочных людей из Храма, наряженных в мантии, говорящих о Боге в себе, спасении и рае.

Они стали новой семьей, которую она искала. Они дали ей смысл. Марта верила в предсказанный Армагеддон и верила, что избрана пережить его. Терапевтическая сила самопознания в бедной жизни, где ничего подобного сроду не было, в сочетании с наркотиками, которые в секте ели горстями, как конфеты, сильно изменила Марту. Так она попала в пустыню, а потом уже стало слишком поздно, потому что возвращаться было некуда, даже сама планета в семьдесят пятом году казалась ей древней и ветхой. Худшее, что с ней тогда могло случиться, – это слава.

– Марта, многие из людей, которые пришли в Храм Судных дней с семьдесят четвертого по семьдесят пятый год, никогда не видели сестру Катерину. Но в семьдесят втором, когда секта еще действовала в Лос-Анджелесе, и в первый год жизни в шахте сестра Катерина еще появлялась среди своей паствы, и вы ее встречали.

– Да.

– Я читал ваши интервью Ирвину Левину, но, может, со временем вы вспомнили что-то еще.

Марта ткнула сигаретой в сторону Кайла:

– Вот что я вам скажу. Люди считают, что Левин написал какую-то чушь. Что он все сочинил. Так вот – нет. Большую часть моих слов и Бриджит он передал вообще без изменений. Но это выглядит так дико, что люди просто не верят. А многое из того, что я рассказала, он так и не использовал. Потому что там все еще хуже.

– Вы могли бы привести пример?

Марта лукаво улыбнулась:

– Мы до этого доберемся. Но, как я говорила Максу, нужен контекст. Иначе нет смысла.

– Конечно.

– Вы все, киношники, одинаковые. Ирвин был детективом. Ну, в смысле репортером. Суды. Полиция. Убийства. Наркотики. Тюрьма. Изнасилования. Всякое такое. Все, что кончается судом. Он хотел, чтобы все читали его труд как книгу о Чарли Мэнсоне. Поэтому часть из того, что я рассказала, он не использовал.

Просто не поверил. Подумал, что мы все напридумывали под наркотой. Странно, что сейчас всех интересует именно это.

– Всех?

Марта оскалилась:

– Вы же поэтому хотите скорее перейти к сути? Макс мне рассказал о том, что его действительно интересует. О *тех, других*.

Кайл подавил приступ гнева. Не в первый раз он подумал о том, кто, черт возьми, снимает этот фильм. Откашлялся:

– Значит, эти две вещи нераздельны: патология Катерины и странности в истории Храма?

– Умный мальчик, – при смешке в горле Марты клокотала мокрота, – Макс тебя здорово задел, да? Он вообще такой. Денег больше, чем здравого смысла. Но я ему уже сказала, что одно без другого не бывает. За всем стояла Катерина. Даже если ее не было, она *там присутствовала*, если ты понимаешь, о чем я. Она обо всем знала, потому что мы сами все ей рассказывали, так или иначе. Мы все шпионили для нее. Если она отсутствовала, то Семеро передавали ей любую ерунду, которую кто-нибудь говорил.

Марта приподняла бровь и стала играть с зажигалкой.

– Со временем я прекрасно поняла, что мы все были частью ее замысла с самого начала, еще с Лос-Анджелеса. О да, планы у нее были уже тогда. А может, еще раньше. Меня бы это не удивило. Она увела нас, идиотов, в пещеру и дрессировала, как собак. Зачем? Это сообщали только посвященным. Правда, думаю, она до самого конца держала все козыри при себе. Слава богу, тогда меня там уже не было. Нас всех к чему-то готовили. Я никогда в этом не сомневалась. И именно это так интересует Макса.

Кайл одобрительно кивнул, поскольку Марта явно нуждалась в поддержке. Может, съемка напомнила ей о днях бесконечных фотосессий для журналов и интервью в «60 минутах».

– Другие исследователи темы часто упоминали, что сестра Катерина скопила огромные богатства и использовала своих последователей как рабов…

– Она получила миллионы от сестры Урании, английской леди. Но так она завладевала нами, забирая все. Отделяя нас от прошлого. От нас самих. А потом лишала нас и свободы. Отнимала все ценное. Как будто раздевала догола. Достоинства мы тоже лишались. В конце концов у нас оставались лишь наши дети и наши жизни, – Марта замолчала, вспомнив о чем-то неприятном, что Кайл очень хотел бы услышать.

– Как вы думаете, в идеологии сестры Катерины был какой-то смысл?

– Ни грамма, вообще ни черта! Все это смирение, освобождение душ от груза вины… А, для начала все бы сгодилось. В Лос-Анджелесе все было довольно круто. И в пустыне тоже – недолго. Я никогда не чувствовала себя такой свободной. У меня никогда не было столько друзей. Хороших друзей. – Марта вытащила из пачки «Салем лайтс» еще одну сигарету и глубоко затянулась. – Но Катерина хотела другого. Она просто выжидала.

– Чего?

Марта прикусила нижнюю губу и уставилась в стол. Когда она подняла взгляд на Кайла, он снова увидел, что ее лицо искажено болью. Говорила она теперь тише:

– Мы всегда чего-то хотим. Любви. Секса. Одобрения. Много всякого. И мы все это получили. Но ей нужно было другое. Думаю, она уже не могла остановиться. Она как акула. Ее заводила кровь. Ей постоянно хотелось крови. Она любила раны. Любила причинять боль как только могла. Унижение, вина, изгнание… или просто страх. Но этого ей было мало. Она начала лезть нам в голову. Практики. Подготовка.

Я читала книгу о психах, где было написано, что в Лос-Анджелесе и когда мы только переехали в шахту, она эволюционировала. Когда проводила сессии. Она превращалась во что-то иное. И я верю, что так оно и было. А дело дошло и до тел, – Марта вертела в пальцах пепельницу.

– Тел?

– Изнасилования. Содомия, – она пожала плечами, – а еще нас били, – и надолго замолчала. Смотрела в окно, как будто хотела туда выпрыгнуть. – Ей все это нравилось. Нравилось, когда мы умоляли о прощении. Думаю, наши мольбы ее возбуждали и когда она сама их слушала, и когда о них рассказывали Семеро. Было совершенно неважно то, в чем мы провинились. На исповедях мы часто все придумывали, лишь бы что-то сказать. Ее возбуждало… подчинение. Мы боялись ее и рассказывали обо всем в том старом сарае, который она звала храмом. Я видела это в ее глазах. Зеленых глазах этой поганой мрази!

Марта замолчала, руки у нее дрожали. Она неловко затушила сигарету, зажгла новую. Покосилась на бурбон.

– О, они так радовались, когда кто-то плакал, или кричал, или просто лежал, тихо, уйдя в себя, сломанный и безмолвный. Все могло служить ей оружием. Секс. Солнце, на которое она выставляла людей. Ночной холод, куда она могла их выкинуть. Иерархия в секте. Наши дети. Все шло в ход.

Марта затянулась. Сигарета вспыхнула так, как будто могла спалить всю кухню.

– Мы так боялись. Так она нами и управляла. Страхом. Никто долго не ходил у нее в любимчиках. Но, если Катерина улыбалась, или кто-то из Семерых говорил тебе доброе слово, ты готов был на все, на все, лишь бы остаться среди избранных.

– Почему она изменилась, Марта? Вы можете предположить, почему она стала вести себя подобным образом? Почему начала так с вами обращаться?

Марта понимающе улыбнулась и кивнула:

– Конечно. Это случилось, когда люди стали уходить. Она этого не вынесла. Как будто они чем-то задели лично ее. В семьдесят третьем люди постоянно появлялись и уходили. В семьдесят четвертом они стали только уходить. Когда она и Семеро стали строже. Когда паранойя выросла до небес. Мы постоянно торчали в Юме и продавали эту чертову книгу. Как будто вечеринка закончилась, и никто не хочет заняться уборкой. Но она была умна. К тому времени Катерина прочно зацепила многих.

– Людям тяжело понять, почему вы оставались, когда еще могли уйти. Раз было так плохо.

Марта хмыкнула:

– Когда все бросил, идти некуда, ничего не остается. Цепляешься за то, что есть. И ты боишься ее, но одновременно боишься ее потерять. Чертовски боишься. Постоянно.

– Вы сожалеете о каких-то своих поступках?

– О многих.

– Не могли бы вы рассказать, во что были замешаны?

– Я могу тебе рассказать такое, в чем больше никто не признается, – Марта пожала плечами, – как мы постоянно обвиняли друг друга. Делали вид, что у нас есть тайные мысли. Телепатия, черт побери. Мы постоянно друг на друга стучали. В любое время. Все. Потому нас постоянно и били. Я даже на Присси и Бриджит донесла и видела, как Белиал их высек. Они в ответ тоже на меня накапали, а потом смотрели, как меня наказывают. – Она отодвинула стул с громким скрипом, от которого Дэн вздрогнул за камерой. Встала, повернулась спиной и задрала кардиган вместе с футболкой, как будто хотела раздеться. Впрочем, одежду подняла только до худых лопаток. – Хотите вставить это в фильм?

Кайл сам услышал, как сглотнул. Кивнул Дэну.

– Метка брата Белиала. Сукин сын.

Дэн снял призрачно-белые шрамы, рассекавшие всю спину.

– Я была беременна, когда он это сделал.

Кайла вдруг затошнило, и он почувствовал себя ужасно уязвимым. И испугался, хоть и не понял чего. Как будто его, такого уверенного в себе, неожиданно больно ткнули носом в то, с чем он на самом деле столкнулся.

Марта привела одежду в порядок. Открыла бутылку бурбона и плеснула в стакан. Взяла еще сигарету.

– Мы все принимали участие в наказаниях. И изгоняли людей за какую-то чушь, о которой я даже сейчас не помню. Заставляли других девушек отдавать детей Храму, как заставили меня. Никогда не вмешивались, когда кого-то насиловали. Как тех бедных мальчиков, брата Ариэля и брата Адониса, их изнасиловали Семеро, за гордыню.

Кайл поморщился. Левин писал о сексуальном насилии над мужчинами, которое Белиал и Молох использовали для контроля над двумя молоденькими парнями, которые еще оставались в Храме в семьдесят пятом, братом Ариэлем и братом Адонисом. В самолете он дочитал «Ворона» Тима Райтермана, подробную биографию преподобного Джима Джонса и его Храма народов. В Гайане Джонс тоже спал со своими самыми верными последователями, причиняя им, гетеросексуальным мужчинам, боль и унижение. Таким образом он укрощал тех, кого считал конкурентами. По словам Сьюзан Уайт, или сестры Исиды, Катерина еще в Лондоне практиковала сексуальные манипуляции, сначала требуя целибата, а потом насильно сводя людей. Наверное, еще тогда ее порадовала эффективность таких методов.

– И мы ничего не сказали, когда они ушли с оружием. Когда отправились в погоню за Ариэлем и Адонисом. Потом мы слышали разговоры. Белиал говорил, что Адонис обмочился в конце. Что они его расчленили и закопали.

– Вы сказали «они». Кто?

– Семеро, кто ж еще? Белиал был карателем. Мы все боялись, что, если сбежим или сообщим в ФБР, нас похоронят заживо. Таково было наказание для отступников. Может, мальчиков так и убили. Не уверена. Белиал любил ножи и ружья.

– За что их убили? Вы говорили о гордыне.

Марта пожала плечами:

– Так они сказали. Но это неправда. Мальчики были умные. Оба закончили колледж. Они соблюдали дисциплину, но начали задавать вопросы. Ариэль мог заговорить Белиала, и того это бесило. Ему пришлось нелегко, а когда Адонис за него вступился, тоже получил. Когда они сбежали, их тут же назначили отступниками. Мы как раз строили забор, и я слышала, как Белиал велел Молоху и Ваалу убить их. Так и сказал: «Убейте этих поганых сопляков». Ваал и Молох выследили их с собаками. Вернулись с улыбкой до ушей. Белиал прямо вечеринку закатил.

Марта вытянула жилистую шею, неприятно улыбнулась.

– Я в чистилище. Пока еще не в аду, но скоро там окажусь. За то, что сделала. И это тоже запишите, – она плеснула в стакан еще на два дюйма виски.

Кайл не мог придумать, что сказать. Он покосился на страницы сценария, лежавшие на столе, но не разглядел ни строчки. Необъяснимые явления, призраки – вот что его интересовало. Не убийства. «Убийства, господи боже!»

Марта вздохнула, еле сдержала приступ кашля и протерла глаза.

– Знаете, что они нам постоянно говорили? А? Что мы прощены, что все наши действия священны. Катерина говорила нам, что мы совершенны. Что мы вышли за границы. Мы верили ей. Нам приходилось. Мы не думали о том, что делали, уж слишком это было ужасно. Нам больше ничего не нужно было, кроме ее благословения. Силы, которую давали ей *другие*. Друзья. Старые друзья. Так говорила она – и говорили Семеро. – Марта замолчала, посмотрела на потолок и улыбнулась зловещей улыбкой. – Друзья, в которых мы совершенно не нуждались.

Кайл вспомнил рассказ детектива Суини: Белиал, упоминая старых друзей, всегда смотрел на потолок. По шее забегали мурашки. Он взглянул на Дэна, тот не отрывался от видоискателя, но лицо у него было бледное.

Марта снова посмотрела на стол и налила себе еще виски.

– Знаете что? Нас наказывали, если замечали, как мы жалеем о том, что случилось с другими. Так что мы не жалели! Ха! Если она была такая умная, если видела нас насквозь, то почему не узнала, что мы с Бриджит собираемся бежать? А, сучка?

Кайл не был уверен, к кому относится слово «сучка».

– Вы абсолютно уверены, что сестра Катерина приказывала убивать?

– Конечно. Семеро ничего не делали без ее приказа. А в семьдесят пятом все скатилось в ад. Семеро уводили людей и что-то с ними делали. Мы не знали что, но тут явно были замешаны «друзья». Некоторые возвращались из пустыни уже безумными. Они не могли рассказать, что случилось. Как брат Ариэль и брат Адонис. Перед тем как сбежать, они что-то видели в пустыне. Семеро показали им что-то ужасное. Да, их насиловали, но убежали они после чего-то другого. Несколько девушек, которые ушли с Семерыми, так и не вернулись. Как будто нас всех пробовали, испытывали.

– Для чего? Вы знаете, чего хотела сестра Катерина?

Марта как будто испугалась:

– Не знаю. Она сломала нас, а потом детей. Сделала нас слабыми. Мы были узниками. А в семьдесят пятом люди начали нести какую-то чушь. Сходили с ума. Сложно сказать, из-за чего. Некоторые рассказывали, что выходят из тела во сне и не могут вернуться. Мы не понимали, где реальность, а где наркотики. Но все шло по плану Катерины, о котором мы ничего не знали и не должны были говорить. Я даже не уверена, что Семеро о нем знали. Но, когда народ стали уводить по ночам, я поняла, что конец близок. И я была права.

Кайл глубоко вздохнул:

– Выход из тела. Ночью. Во сне. Вы…

Марта пристально посмотрела на Кайла, как будто начала что-то подозревать. Потом опустила глаза и кивнула:

– Я думала, это от ЛСД… но несколько раз чувствовала, что нахожусь в каком-то другом теле. И еще что-то странное. Словно меня вытаскивают из кожи.

Кайл уткнулся в сценарий. Вцепился в бумаги, чтобы руки не дрожали. Увидел лица пропавших членов Храма, тех, которых искала полиция после свидетельств Марты и Бриджит в семьдесят пятом. Будет уместно и трогательно, если Марта назовет их по именам…

– Вы говорили, что некоторых ваших друзей убили. Кого еще, кроме Адониса и Ариэля? Кто не вернулся?

– Сестра Урания, которая отказывалась слушать дурное о Катерине. Она приехала из Франции, как и сестра Ханна. Они были старше. Красивые девушки. Англичанки. Урания отдала большое наследство Храму, как я уже говорила. Миллионы. До последнего пенни. Я часто думала об этом, когда она копалась в помойке в Юме, чтобы накормить своего ребенка. Но, как и Ханна, она не сбежала. Она принадлежала Катерине до последней капли крови и, наверное, ее и отдала. Когда с Ариэлем и Адонисом было покончено, Белиалу, Молоху и Ваалу стало легче. Убить второго проще. А приказы им отдавала сестра Катерина. Поэтому и засела в своем доме, чтобы остаться чистенькой. Сестра Урания и сестра Ханна не сбежали. Их избрали для какого-то ритуала под названием Вознесение. Часть плана Катерины. Они еще нам сказали, что это было предсказано. И больше ничего.

– Тогда вы в первый раз услышали слово «Вознесение»?

– Наверное.

– Поэтому вы сбежали? Вы и Бриджит? Вы боялись за себя и за детей?

– Я сбежала потому, что она украла ребенка. Катерина. Да-да. В один прекрасный день ребенок Присси исчез из того сарая, который мы звали яслями. Братья Молох и Ваал отнесли его Катерине. Мы слышали, как они уехали рано утром. Присси выбралась наружу, чтобы посмотреть на ребенка, как всегда делала, и увидела, что мальчик исчез. Молох и Ваал вернулись вечером без него. В следующий раз я увидела его на фото в полиции. Маленький мальчик. «Чистое дитя», как его назвали копы. Он был среди тех, кого они нашли после бойни. Мне показывали фотографии, чтобы я опознала детей.

– Как отреагировала на это Присси?

– Она попыталась смириться со своим горем, но не смогла. Мы все время повторяли ей ерунду насчет того, что дети принадлежат Храму, а не родителям. Кстати, Семеро после этого занервничали. Гораздо больше, чем после убийства Ариэля и Адониса или Урании и Ханны. Убийство – это не страшно, а вот красть детей – совсем другое дело. Позорное какое-то. А потом пропала и Присси, не прошло и недели. Нам сказали, что она сбежала. Назвали ее отступницей. Сказали, что ее имя нельзя произносить в раю. В раю, да уж! Они ее убили. Точно. Чтобы Катерина могла взять ее ребенка в свой большой дом в Калифорнии. Она не могла иметь детей, но заставляла нас рожать и ненавидела за это.

– Семеро признались в убийстве сестры Присциллы?

– Нет. Но это точно они. Я знаю, потому что нас послали строить забор без Присси, которая не вставала и не разговаривала с тех пор, как ребенок исчез. Когда мы пришли обедать, ее уже не было. Белиала и Молоха тоже. Она все еще где-то там. Закопана в пустыне. Копы ее никогда не найдут. И других тоже. Они мертвы и лежат в песке. Полиция тел не искала. Какой в этом смысл, если Белиал уже сыграл в ящик? На электрический стул сажать было некого.

– Вы с Бриджит бежали вместе с детьми. А как же другие дети?

– В шахте нашли пятерых. Двух старших, которые приехали из Франции в семьдесят втором. Девочка сестры Урании и сын сестры Ханны. Еще двух мальчиков Реи и Лилии, которых застрелили в ночь Вознесения при попытке побега. Пятым был сын Присси. Когда мы с Бриджит убежали, других там уже не было. Многие женщины приходили и уходили вместе с детьми, но никто не остался. Единственный ребенок, который умер в шахте, родился в семьдесят третьем, не прожил и недели. Там не было врачей. Его мать, сестра Элеос, умерла от передоза в Сан-Франциско в семьдесят седьмом. Она жила с сестрами Геенной и Беллоной, двумя из Семерых, которых Катерина отправила в Сан-Франциско, чтобы основать новую ветвь секты. После всех убийств Элеос вернулась к ним. Почему?

Марта покачала головой, потом посмотрела на Кайла и взмахнула сигаретой:

– Мой ребенок Катерине бы не достался. Зачем ей вообще ребенок? Она даже не любила детей. Запирала их. Запрещала с ними видеться. А теперь мы должны были просто смотреть, как она забирает их себе? Нет. Только не моего сына. И не сына Бриджит. Мы убежали посреди ночи. Заранее перерезали проволоку и убежали на ранчо к мистеру Агилару, который отвез нас в город. Он спас нас. И Белиал это знал. Они в любом случае собирались убить его за то, что он помог Присси при первом побеге. Они очень много болтали об этом, когда вернулись вместе с ней. Белиал разорялся, что «прибьет этого мексикашку».

Неудивительно, что Ирвин Левин сосредоточился на криминальных аспектах истории культа от Лондона до Аризоны. Зачем ему было искать что-то еще?

После признания Марты о детях наступила тишина. Наконец Кайл нарушил молчание. Ему ужасно хотелось узнать о ночи Вознесения.

– Марта, меньше чем через три месяца после вашего побега сестра Катерина назначила ночь Вознесения, и девять человек были убиты, включая ее саму. Судя по полицейскому отчету, четыре жертвы пытались бежать от… какого-то ритуала. Ритуала, который включал в себя добровольную казнь четверых членов Семерки и самой Катерины. Вы догадывались, что грядет массовое самоубийство? Может, вы знаете, что случилось той ночью?

Она покачала головой и вздохнула:

– Что-то точно приближалось. Постоянные убийства. У нас всех был билет в один конец. Все шло к чему-то, но к чему – знала только Катерина. У этой суки были планы, которыми она не делилась. Но я не знаю, что случилось той ночью. В семьдесят пятом там царила паранойя. Катерина проиграла суд против Левина. Нам говорили, что отступники жалуются на нас в полицию, ЦРУ, ФБР, правительство… На нас охотились все. Я верила. Брат Молох говорил, что, если правительство заявится до ночи Вознесения, мы будем драться до последнего, защищая рай. Если бы у нас не хватило сил сражаться, мы должны были убить других, а потом себя. Никто не объяснял, что такое ночь Вознесения, но нам с Бриджит очень не нравилось это слово. Ну или тон.

Я всегда считала, что убийства произошли потому, что Семеро испугались нашего побега. Мы знали об Урании, Ханне, Присси и мальчиках. Катерина к тому моменту окончательно сошла с ума. А когда мы убежали, наркотики, которые она принимала, похоже, довели ее до ручки. Копы сказали, что убийства произошли во время битвы за лидерство. Хрень. Никто не противился Катерине, кроме Ариэля и Адониса, и посмотрите, куда это их привело. Кто-то говорит, что это была жертва дьяволу. Нет. Не дьяволу. Не верьте.

– Говорят, Катерина утверждала, будто она бессмертна. Вечная святая. И что избранные ею тоже станут бессмертными. Но почему тогда она позволила себя убить?

Марта пожала плечами и завернулась в кардиган. Снова начала играть с зажигалкой:

– Недавно я стала задумываться о других, ну, вероятностях. Примерно в это же время со мной связался Макс. Так странно. По его голосу было ясно, что он тоже напуган. Вскоре после его звонка Бриджит сдалась.

– Сдалась?

Марта посмотрела на Кайла водянистыми глазами. Она явно боялась.

– Поймите. Кое-что из того, что мы пережили… видели… было ничуть не лучше убийств. Копы говорили, что это все галлюцинации из-за наркоты. Всю жизнь после побега из Храма я говорила себе, что они правы. Что нам все привиделось. А теперь я знаю, что нет. И Бриджит знала. На самом деле мы так и не ушли оттуда. Нет. Никто не ушел. Что бы Катерина ни привезла из Франции, оно вернулось. Старые друзья. Белиал был прав. Он сказал копам в тюрьме, что они идут. Что они среди нас. Я думаю, никто из Храма так

и не смог освободиться.

– Старые друзья. Кровавые друзья. Я все время слышу эти названия. Они участвовали в ночи Вознесения?

Марта кивнула и уставилась на свои руки.

– Я так думаю.

– Кто они?

– Что они? Вот вопрос, который вам следует задать. – Она зажгла еще сигарету, ее голос дрожал: – Мы призвали то, чем стали сами. Не могу объяснить. Больше года. В конце семьдесят четвертого и в семьдесят пятом. Мы были не благословенны, а наоборот. Прокляты. Как и они. Друзья. Тогда в нас уже не осталось ничего святого или чистого. Не к этому времени. Мы сбились с пути. Кто-то, наверное, еще до шахты. Но она стала поворотным моментом. Мы были готовы. Мы перешли за черту и были сломлены, духовно, понимаете? Готовы. К чему-то. К ним. У нас был только Храм Судных дней, и судные дни наступили. Единственное, что позволило мне сойти с этого поезда, – сын. Мы были молоды и глупы. Я и Бриджит. Но мы были матерями. Как будто мы что-то знали. Где-то в душе. Знали, что пора бежать. Сейчас или никогда.

Марта откинулась на спинку стула, мертвенно-бледная, и всхлипнула. Дэн и Кайл вздрогнули.

– Господи. Господи, – в ее голосе звучала мука, а на глазах показались слезы, – мы были убийцами. Подставляли другую щеку, когда нас насиловали. Убивали. Отнимали детей…

Марта закрыла лицо руками и заплакала.

Кайл и Дэн обменялись взглядами. Бледный Дэн плотно сжал губы. Кайл кивнул и одними губами произнес: «Продолжай снимать». Напарник вернулся к видоискателю.

Марта плакала больше пяти минут. Кайл не хотел влезать в кадр и успокаивать ее. Это будет неправильно, не подойдет моменту, сцене, фильму. «Потерпи, – сказал он себе, – потерпи». Он вставит в этот чертов фильм всю сцену. Заставит зрителей смотреть ее. Горе несчастной женщины, ее страдания, вина, слезы и сожаления. Пусть слушают каждый всхлип, видят каждую слезу, каждое содрогание высохшего тела.

Изумление Сьюзан Уайт, ужас Гавриила, горе Марты: пусть это все сыграет.

Когда рыдания перешли в шмыганье носом, Марта тихо сказала:

– Нам снился огонь. Тела на кольях. Тела, изъеденные птицами и собаками. Пламя и пепел под дождем. Так все начиналось. На собраниях. Вот тогда они и пришли.

Кайлу показалось, что он сунул мокрый палец в розетку.

Что-то всплыло в памяти. Странные, смутные образы. Кошмар о бойне под дождем, дым и пепел. Он видел это во сне, когда приехал из Франции.

– Собрания… – проскрипел он. Дэн удивленно посмотрел на него, но Кайл не отрывал взгляда от Марты, закрывшей лицо руками.

– Мир замирал. Переставал двигаться. Замолкал. А потом приходил запах. И ничего не изменилось. Все по-прежнему…

– Когда… когда это случалось, Марта?

– На собраниях. Мы все видели одно и то же. Мертвые люди, изрубленные, сожженные. Мы начинали видеть их на собраниях. Когда уставали. После исповедей. Мы все их видели.

– Видения?

Марта кивнула и вытерла покрасневшие глаза:

– Если это были наркотики, то почему галлюцинации преследуют меня до сих пор? Теперь-то я принимаю только то, что врач прописал.

Кайл проглотил комок в горле.

– У всех членов секты было одинаковое видение в храме. Вы видели людей, которых… пытали под дождем?

– Не только. Перед нашим побегом Бриджит увидела кое-что еще. За пределами храма. На одном из последних наших собраний. Она испугалась. Мы все боялись. Но ей стало плохо от запаха, и, когда они пришли и стали касаться нас… она выбежала из храма. Ее тошнило. А потом рассказала мне, что небо изменилось. Что вокруг стоял тот же запах, что и в видениях. А над шахтой висел туман, густой, желтый, довольно далеко над нами, но стремительно спускался. И еще голоса где-то над головой. Она видела двух собак, которые бежали прямо навстречу туману, громко лая. И не вернулись… просто исчезли прямо у Бриджит на глазах. И воздух как будто шел волнами. Так бывает в жару, над раскаленным песком. Но эти волны опускались вниз, оттуда, где визжали собаки. И кричали люди. И она не лжет, она правда это видела.

Сын Агилара тоже говорил о тумане. Конвей видел остатки какого-то странного атмосферного явления. А разве сам Кайл не пережил галлюцинацию в доме Катерины, в Нормандии? После того как к нему прикоснулись в амбаре. Боже! А что насчет его снов?

Марта снова вытерла глаза, выругалась себе под нос и потянулась к бутылке. Дэн посмотрел на Кайла, который не мог оторвать взгляда от столешницы, – впрочем, разглядеть ее у него тоже толком не получалось.

– Ты будто тоже привидение увидел.

Кайл посмотрел на Марту и кивнул. Дэн взял еще два стакана с полки у плиты.

– Тоже захотел, здоровяк?

В голове Кайла роем метались мысли, голос Марты как будто заглушал шорох помех.

– Вы… Марта, вы сказали, что ничего не изменилось. Что вы имели в виду?

Дэн вернулся к камере. Марта толкнула стакан с виски по столу в сторону Кайла и горько улыбнулась:

– Думаю, я имею в виду, что никто не может уйти из Храма Судных дней. Если ты туда попал, то это до самой смерти. А может быть, и после нее…

Кайлу хотелось завопить: «Но я-то никогда не был в вашей секте!»

– Там случалось всякое, – она посмотрела на потолок, – во что невозможно поверить, не увидев собственными глазами. Неестественное. То, в чем я винила ЛСД, было реально. Однажды я видела, как Катерина шла по воздуху в ярде над землей. Она просто встала со стула и заорала, что они здесь. «Среди нас! Среди нас!» – вопила она, как сумасшедшая. Как-то она показывала нам, как из нее выходят грехи. Видели когда-нибудь, чтобы человек выкашливал лягушек? Или маленьких змеек?

– Вы видели это лично? – Кайл почти не слышал собственного голоса. – Мы… я тоже видел. В Нормандии. В ее комнате… в кровати. Они были в кровати, – он не знал точно, с кем разговаривает. Возможно, с самим собой.

Марта посмотрела на него то ли с жалостью, то ли со страхом, то ли с отвращением. А может, со всем

разом. Но в ее покрасневших глазах и в том, как она улыбнулась бесцветными губами, он увидел понимание.

– Как я и говорила. Мы все были помечены. Заражены. Называй как хочешь. И оно вернулось.

– Что?

– Сны. И то, что идет за ними. Когда твои ноги и руки перестают тебе принадлежать. Я раньше иногда просыпалась в незнакомом месте. Поэтому переехала. Но не помогло, – она вздохнула, – в шахте… я говорила, что меня как будто выбрасывало из тела. Мне снилось, как я парю над пустыней и смотрю вниз. Я винила во всем наркотики. Их было мнooого… но несколько месяцев назад все началось снова, и я поняла, что Катерине недостаточно было отнять у нас деньги и свободу. Ей нужны были наши тела. Мы сами. Наши души. Она ненавидела нас. Делала все, чтобы от нас избавиться. Поэтому забрала детей. Она не хотела видеть в них наши следы. Хотела опустошить их.

– Марта, а где ваш сын?

– В безопасности. Его забрала опека, а в восемьдесят третьем отдала обратно. Я тогда мало что соображала. Но у меня все-таки хватило разумения спрятать его в безопасном месте. Это так и не кончилось. Ни в семьдесят пятом, ни теперь. Бриджит знала об этом, – на глазах Марты опять показались слезы, – я последняя. Катерина вернулась за остальными. И я не могу больше бежать. Я останусь здесь.

Она посмотрела на Кайла, который уставился, не мигая, в ее пепельно-бледное лицо.

– Вам надо взглянуть еще на кое-что. Макс хотел, чтобы вы сняли это.

Она встала:

– Если хотите увидеть Кровавых друзей, пойдемте со мной, – она взглянула на Дэна, – берите камеру, пока они не исчезли. На дереве их следы долго не держатся, да и на штукатурке тоже. А вот кирпичи хранят тень долго.

Они шли по комнатам, мрачным, как пустые церкви. Шаги глухо отдавались на скрипучем дереве, не покрытом коврами, и они сами, проходя в глубь темного дома, превратились в неясные силуэты. При виде окна Кайл каждый раз хотел остановиться и посмотреть наружу.

Желудок сжимался от отвращения и одновременно от болезненного желания увидеть то, к чему вела их Марта. Пройдя по коридору, еле освещенному голой желтой лампочкой, миновав закрытые двери спален, она подвела их к короткому лестничному пролету. Четыре шага – и она толкнула люк, ведущий на чердак. Оглянулась через плечо:

– Они приходят отсюда.

Кайл с Дэном обменялись взглядами. Дэн нервно скалился, но, увидев лицо Кайла, тут же перестал бодриться. Возможно, тоже вспомнил, как тела странных тварей проступали сквозь стены тех домов, где они с Кайлом побывали, вспомнил трясущуюся съемку и дыхание, которое перехватило от ужаса.

Таща за собой свет, микрофоны, камеру и штатив, Кайл и Дэн протиснулись через узкий люк и пошли следом за Мартой по пыльному темному чердаку с низким потолком. Найдя пустое пространство, Кайл поставил треногу на голые доски.

Из полукруглого окна шел свет, падавший тонкими полосами на грязный пол, но оставлявший в тени скошенную крышу. Вокруг стояли рассохшиеся чайные ящики, окованные ржавым железом, пушистые от пыли стулья, два больших чемодана на колесиках, коробка с елочными украшениями.

– Вам понадобится свет, чтобы их увидеть. Розетка здесь.

Дэн размотал удлинитель. Кайл отрегулировал штатив и установил лампы, нацелив их туда, куда Марта ткнула зажженной сигаретой. Она стояла между гор старых тряпок и серым письменным столом.

Лампы пожужжали и вдруг загорелись белым теплым светом, залившим большую часть чердака. Лишь по углам клубились тени. Посмотрев на крышу, Кайл увидел только широкие доски с потеками воды на них. Он даже хотел спросить, на что они смотрят. Дэн приник к видоискателю в поисках картинки.

Оба все поняли внезапно и одновременно.

– Господи.

– Мать твою.

– Это…

Марта выглядела довольной, хотя и нервничала из-за того, что они увидели. Что-то вроде картины экспрессиониста, который вместо холста рисовал по балкам и поперечинам крыши.

Большая часть видимого шла полосами, доски словно рассекали влажные швы, остальное словно бы впиталось в дерево, превратившись в мешанину пятен и царапин: в грязные неразличимые потеки и как будто незаконченные эскизы темных конечностей и тел.

Казалось, целая толпа существ пыталась вломиться на чердак, но застряла посередине и постепенно высохла, выцвела, оставив после себя лишь жуткие очертания.

Кайл смотрел на самую сохранившуюся фигуру. Прозрачная грудная клетка, профиль, застывший в крике. Полный комплект неестественно длинных зубов. Пустую глазницу и нос, словно состоявший из одних хрящей, которых кое-где не хватало, закрывали длинные пальцы. Костяшки ладони и кости предплечья торчали из крыши. Как будто существо ужаснулось чему-то, что увидело на чердаке, и остановилось. Фигурка была очень мала и казалась детской.

– Смотри, – прошептал Дэн, одновременно зачарованный и шокированный. Кайл посмотрел на объектив и провел от него воображаемую линию, чтобы увидеть, что снимает Дэн под самым коньком крыши. – Видишь?

Кайл увидел, хотя предпочел бы не видеть. Оказаться где-нибудь подальше и не смотреть на фигуру, вцепившуюся себе в горло призрачными руками, перекрещенными на груди. Остатки волос обрамляли костлявое лицо. Существо поймали как будто при сильном ветре. У него был выраженный таз, длинные бедра и шишковатые колени, но ниже ноги словно сплетались воедино.

– Что… когда… – прошептал Кайл.

– Первый раз они появились три недели назад. Я спала. Услышала их через потолок. Они стучали. Бились. Пытались пройти внутрь. Сосед постучал в дверь, и только поэтому я сумела спуститься. Он беспокоился, не пожар ли у меня. Увидел дым. Я хотела ему сказать, что это не тот дым… – Она безнадежно пожала плечами.

– Вы видели их раньше?

– Именно поэтому я так часто переезжаю. В двух последних домах было то же самое.

– Что это?

– Старые друзья, – жестко сказала Марта, – те, кого призвала Катерина.

Сердце Кайла то билось, то замирало, то странно клокотало в груди. Он опустился на колени. Дэн спросил, все ли в порядке, но ответить Кайл не смог. А Марта все вспоминала:

– Они появились два дня назад. Почти прошли. Но я включила лампы, которые прислал Макс, и…

– Лампы? Какие? Макс? – спросил Дэн.

Марта кивнула, не смотря на него:

– Неважно. Они идут. Вчера прогрызли провода, как крысы… тем, что осталось от зубов.

Кайл вцепился в колено друга и встал.

– Сначала я подумала, что это птицы. Когда зашла в пустую комнату в моем старом доме, там пахло будто умерла целая стая. Потом решила, что трубу прорвало. Но нет. Это были они. Они пришли за мной. И за Бриджит.

– Она вам это сказала? Бриджит?

– Да. У нее дома, в Денвере. С тех пор как это началось, мы каждый день разговаривали по телефону. Сначала они пришли за ней. Она сказала… – Марта осеклась и вытерла уголок глаза, – сказала, что они хотят забрать ее в небо, как они поступили с собаками. Это было последнее, что я от нее слышала.

Марта отвернулась от стены и пошла к люку:

– Я больше не могу. И сказать мне больше нечего. Вот только покажу вам еще одну вещь, – она посмотрела на Кайла красными глазами, – иногда они кое-что оставляют за собой.

Башмак стоял на газете посреди кухонного стола. И возможно, он был самым жутким из того, что Марта рассказала и показала.

Кайл отказался к нему притронуться. Дэн тщательно заснял его со всех сторон.

– Я нашла его на чердаке. Это значит, они близко.

Башмак был маленьким, как будто детским. Твердым, как дерево, и черным, как уголь. Он то ли обуглился, то ли окаменел, но изначально был кожаным. Крошечный носок немного загибался вверх. Виднелись маленькие дырочки от шнурков и остатки стежков там, где изношенная подошва встречалась с пяткой.

– Вы раньше видели что-нибудь подобное? – спросил Кайл у Марты, которая стояла у раковины, курила и смотрела в окно.

– Катерина и Семеро называли их «небесными письмами». Говорили, что это «мана». Знак, понимаете? Что пришла пора Вознесения. Они собирали обрывки одежды. Очень старые и словно обгоревшие. Начали с того, что нашли в пустыне. Белиал приносил их к нам, в шахту. Потом куски ткани стали появляться на полу храма после собраний. Поначалу я подумала, что это фокус. Катерина же привезла из Франции кучу такого хлама. Ее священные реликвии. Но мы призвали кого-то. Мы не видели, кто оставляет эти вещи, но чувствовали запах. Как будто прямо рядом с нами в темноте стоял мертвец.

– Что это? Что она тебе сказала? – спросил Кайл, когда Дэн плюхнулся на пассажирское сиденье, пыхтя и отдуваясь.

Поскольку ключи были у Кайла, и он мечтал поскорее уехать из этого дома, то первым побежал к машине и молча загрузил все оборудование в багажник и на заднее сиденье. А Дэн с Мартой о чем-то оживленно разговаривали на крыльце, прежде чем попрощаться.

Дэн повернулся к Кайлу. Судя по небритому лицу, он явно обрадовался тому, что съемки кончились, но напряжение его не отпустило.

– Она сказала, что мы не первые.

Кайл сжал зубы, сморщился, с трудом открыл рот:

– Что?

– Не первые «киношники», которых Макс присылал взять у нее интервью. В прошлом месяце приезжали другие, – Дэн, казалось, сильно чему-то удивился. – Наверное, это даже ему показалось слишком странным. И я его понимаю.

– Кого?

– Малькольма Гонала.

– Гонала! – Кайл вцепился в руль. – Чертов Гонал! Почему Макс мне не сказал! Он представил все как эксклюзивный проект, с которым справлюсь только я, потому что его собственная команда с задачей не справилась. Ну какая тварь! Он же врал мне постоянно! На него Гонал работал!

– Макс велел Марте не говорить тебе. Сказал, что иначе ей не заплатят. Она хочет оставить деньги детям, так что согласилась. Но…

– Что?

– Она заметила… что мы уже вляпались по уши. Ей кажется, что мы тоже видим. По ее словам, она все поняла «почти сразу». И просила меня держаться подальше. Не снимать фильм. Потому что мы с тобой в серьезной опасности, – Дэн смотрел куда-то вдаль. – Я сказал, что уже поздновато.

Кайл закрыл лицо ладонями. С силой провел пальцами по щекам, широко открыл глаза и уставился на солнце, стараясь прогнать из головы тьму дома, оставшегося позади.

– Макс использует нас, – Дэн кивнул.

– Но я не знаю почему.

– И что нам делать?

Кайл уткнулся лбом в руль и пожал плечами:

– Я устал. Я ужасно устал.

– А мне надо выпить.

Двадцать

Мотель «Ригал», Сиэтл.

22 июня 2011 года. 22.00

Стемнело. За окном гудели машины. Еще один повод не спать.

Кайл молча сидел на кровати, подложив подушки под спину. Он все еще не мог прийти в себя, не верил до конца, что получил столь странный материал, стал свидетелем, пусть и опосредованно, столь жуткой трагедии, а потому весь день и начало вечера методично обрабатывал исповедь Марты, а потом вернулся к интервью со Суини и Агиларом, чтобы сверить детали. Занимал руки и мозг, казалось, сейчас лишь работа держит его психику от падения в водоворот ужаса.

Дэн все это время, как одержимый, чистил объективы, проверял камеру и заряжал аккумуляторы.

– На всех стеклах какое-то дерьмо, – ответил он, когда Кайл попросил его успокоиться и пойти погулять по Сиэтлу, пока он работает.

С момента заселения в мотель ничего больше они друг другу не сказали. Рано утром их ждал рейс в

Лондон. Последнее интервью снято, и его надо было бы отметить стейком и пивом. Оба это знали, но никто не предложил. Обоих охватило неприятное предчувствие. Волнение перед тем, что ждало их в будущем. Ничего еще не закончилось. Они как будто узнали достаточно, чтобы влезть в непонятную ситуацию со страшными последствиями, но совершенно не понимали, куда конкретно их занесло.

Вскоре после интервью увлеченность Кайла Храмом Судных дней наконец-то переросла в глубокое отвращение, а раздражение в адрес Макса обернулось подлинной яростью. Съемки кончились, а страх и недоумение будто только того и ждали, чтобы ударить в полную силу. Кайл организовывал переезды, съемки, делал предварительный монтаж, лишь отчасти воспринимал творящееся вокруг сумасшествие, а еще мечтал о блестящих и несбыточных перспективах фильма. Потому эффект от контакта с подлинным распадом и безумием до него дошел не сразу. Он только сейчас это понял. И уже не перемотать назад, не вернуться к спокойствию и комфорту. «Как же типично». Он был слишком поглощен процессом, полностью отдался делу и ни о чем не думал. Причем намеренно, потому что сюжет был отличный. Причем настолько, что, похоже, нанес Кайлу непоправимую травму.

Каждая строчка, которую он прочел для погружения в тему, каждый факт, поднятый ради исследования, – все они сливались воедино с самого начала съемок и наконец обрели форму такого размера и веса, что она легко могла утянуть Кайла на дно. В самолетах, отелях, в собственной квартире он копался в материалах о сектах шестидесятых и семидесятых, пытаясь понять сестру Катерину и ее дружков. И не нашел в них ничего хорошего. За две недели Кайл под завязку забил себе голову манипуляторами-социопатами, нарциссами, убийцами, садистами, жестокими преступниками, нелепыми пророками и смешными мессиями. А еще жил в постоянном нервяке, беспрестанно курил, не спал, пил, питался дешевой едой на вынос. Среди смерти. Кошмаров. Галлюцинаций. Тварей в стенах. Рано или поздно все это должно было выплыть наружу.

Этой ночью Кайл думал, что во сне снова провалится в тревожную, призрачную зыбь, которая преследовала его с самой Нормандии. А что случится, когда он вернется в свою постель? Сможет ли он когда-нибудь спать нормально? Если да, то когда? Снотворное и психотерапевт – может, пришло время для них? Кажется, Храм Судных дней как-то смешался с его собственными нереализованными амбициями, страхом и разочарованием. Он на собственном горьком опыте усвоил, что не знает, когда ударить по тормозам. Был ли вообще хоть какой-то материал, который он бы не стал снимать с той же утомительной манией?

В десять часов он захлопнул ноутбук и осмотрел белые стены, залитые светом лампы, присланной Максом. Это уже стало привычкой.

Дэн оттащил все оборудование в соседний номер, вернулся к Кайлу и плюхнулся перед телевизором. Он жевал картошку и куски курицы из картонной коробки, которую держал на коленях. Кайл к еде не притронулся. Он посмотрел в зеркало на стене и открыл бутылку бурбона. Две мятые банки из-под пива валялись на тумбочке. Красные глаза на бледном лице еще больше подчеркивали синеву под глазами. Она походила на кровоподтеки. Именно так Кайл выглядел с тех пор, как повстречался с Максом. Совпадение? Вряд ли.

Он сделал огромный глоток.

Не смотря на Дэна, сказал, скорее себе самому, чем кому-то еще:

– Знаешь, Шэрон Тейт была на девятом месяце беременности, когда ее шестнадцать раз ударила ножом двадцатилетняя девушка из «Семьи» Чарли Мэнсона. Ее звали Сьюзан Аткинс.

Дэн неуверенно взглянул на друга. Он уже смотрел на него так раньше, когда идею документального фильма об уфологии украла у Кайла компания «Анриал Пикчерз», когда две последние девушки бросили

его ради «придурков, которые стоят выше в пищевой цепочке», и когда ему отказали в трех грантах. Кажется, у него появилась еще одна неприятная привычка – терпеть неудачи на глазах у Дэна.

– Трое из «Семьи» убили гостей в доме Тейт. Застрелили, задушили и закололи троих и еще одного, который как раз выходил на улицу. Вот повезло парню. Он просто заезжал к смотрителю. На стенах они оставили надписи кровью жертв. Написали «Свинья» на входной двери. Мэнсон отправил своих юных последователей убить продюсера, который жил в том доме и отказался издавать его музыку. Но тот чувак уже переехал и сдал дом Роману Полански и Шэрон Тейт.

На следующий вечер убийцы Мэнсона приехали в другой дом в Лос-Анджелесе. Может, они выбирали случайно или уже бывали там раньше – неважно. Они убили чету совершенно незнакомых людей. Написали на стенах «Смерть свиньям» и «Борись». Опять же кровью. А на дверце холодильника написали «Хелтер-Скелтер». Ну, то есть хотели написать, прямо как у «Битлз» в «Белом альбоме», типа запустить расовую войну Мэнсона, как, по их мнению, было предсказано в песне, но уроды даже два слова не смогли написать без ошибок.

– Кайл. Все закончилось, хорошо?

Кайл не ответил.

– «Семья» убивала или хотя бы пыталась убить всех свидетелей или тех, кто вставал на пути Чарли. Один раз они пытались убить девушку при помощи гамбургера, нафаршированного ЛСД. Мэнсон даже приказал убить своего адвоката прямо во время процесса.

– Кайл.

– Младшему из членов «Семьи» было семнадцать, старшему – двадцать шесть. В основном, им было около двадцати. Когда Мэнсон оказался в тюрьме, они занялись вооруженными ограблениями, продолжали убийства, планировали захватить самолет и убить президента. Даже подобрались довольно близко к Джеральду Форду. Главная приспешница Мэнсона, Сквики, стояла от него на расстоянии двух футов в костюме монахини. Только пистолет не выстрелил. Она до сих пор живет неподалеку от тюрьмы Сен-Квентин, рядом с Чарли. Она считает его Иисусом.

– Пожалуйста.

Кайл налил себе еще виски.

– Девятьсот последователей преподобного Джима Джонса в 1978 году отравились или перестреляли друг друга во время «Белой ночи» в Гайане. Массовое самоубийство. Первой умерла женщина с месячным ребенком. Многие выпили виноградный лимонад с ядом добровольно. Они стояли в очереди за бумажным стаканчиком со стрихнином или за инъекцией. Врач приготовил яд в баке. Около шестидесяти людей отказались, их убили. Их застрелила охрана, а некоторым сделали укол стрихнина. Если сопротивлялись дети, им заливали яд в горло шприцем. Убийцы пользовались глотательным рефлексом, чтобы жидкость попала внутрь. Они все скончались в агонии. Корчились. Истекали кровью. Блевали. И все это время Джонс кричал, проповедовал, орал в микрофон…

Дэн вскочил:

– Хорошо! Я понял! Понял, блин! Кайл, мать твою! Заткись! Хватит! – На лице Дэна теперь появилось настоящее отвращение. – Ты слишком глубоко во все это влез! Ну не время сейчас! Я же только ради тебя приехал! И не хочу ничего слушать!

Кайл взбесился. Дэн не читал никаких исследований, так и не открыл «Судные дни» Левина. Скорее всего, он по теме даже строчку в Гугле не набрал, палец о палец не ударил, чтобы узнать о том, что они снимают, что исследуют, во что вляпались и что, возможно, вытащили на свет божий. Дэну это было не

нужно. Он просто болтался вокруг с камерой, жрал всякую дрянь, сосал пиво, храпел, как свинья, и не давал ему спать, пока Кайл планировал, думал, сидел за рулем. Как вообще Дэн мог до сих пор относиться к этому фильму как к работе? Он что, ему одолжение делал? Почему ему настолько все равно?!

– В это?! Ты сказал в «это»?

Дэн отвернулся. Потом снова тревожно посмотрел на Кайла:

– Ты знаешь, о чем я.

– Нет, не знаю.

– Друг, ты от всего этого головой поехал. Честно говоря, ты меня пугаешь. Я знал, что так будет. Чувствовал. Только думал, что с ума сойду я.

– Да надо же! Кто бы мог подумать?

Дэн сел, отхлебнул пива из банки, которая казалась крошечной в его огромной ручище, и снова встал:

– Все должно было быть не так. Мы могли отказаться. И я тебе, блин, говорил. Но ты же никого не слушаешь!

Кайл и сейчас не обращал внимания на слова друга, погрузившись в собственные мысли.

– Ты видел эту хрень на чердаке. Во Франции. В Лондоне. И на моей чертовой кухне! С тобой все в порядке! Это я! Я облажался! Все из-за меня!

Дэн критически осмотрел Кайла, как будто напарник публично валял дурака спьяну, а тот встал и схватился за голову:

– Что я делаю? Что я здесь делаю?

– Чувак, успокойся. Все хорошо. Не начинай. Ты меня в это втянул, помнишь? И держи себя в руках, пока мы не вернемся домой.

Кайл повернулся к Дэну:

– Ты не понимаешь. Теперь все по-другому. Вышло на новый уровень. Не могу я держать себя в руках, боже, – он подошел ближе и посмотрел прямо в большое красное лицо оператора. – Нас обманули. Нам солгали. Мы влезли во что-то очень серьезное. Об этом и говорила Марта.

Он хотел добавить, что люди, которых они пытались понять, убили бы их без всякой жалости. Люди, которые учились жить без совести. Разве могла исчезнуть такая садистская ярость даже после их смерти? Вот что Кайл хотел узнать. Разве могло патологическое желание власти и контроля выцвести, как чернила на полицейском отчете или страницы в больше никому не нужной документальной книге?

– Все равно успокойся, – Дэн выглядел так, словно с трудом сдерживал улыбку, и смутное раздражение Кайла перерастало в гнев, при котором он с трудом мог контролировать свои действия и слова.

– Сука! Черт! – Он, шумно топая, пересек комнату и со всего размаха врезал кулаком по стене. Представил себе, что это маленькая оранжевая головенка Макса с его кукольной прической. Отступил на шаг и прижал руку к груди. Остатки здравого смысла сказали, что он может разбить что-нибудь ценное. Кайл подумал о мобильнике, который однажды швырнул в стену, и о разбитом ноутбуке, упокоившемся в мусорном баке. – Блин.

Его тошнило, и кружилась голова, в глазах плыло. Он пил на пустой желудок. Напился. Сколько он уже не спал? В Америке прикорнул от силы на час или два. В полете глаз не сомкнул. Да и вообще с Нормандии старался не ложиться. Как давно это было? Несколько дней назад? А не лет? Разум сдавал слишком

быстро.

Он опустился на колени, чувствуя, как напряглась каждая жилка в теле, как переутомление, помимо всякой его воли, прорывается наружу. Кайл в отчаянии ударил ладонями по полу и крикнул:

– Сука!

Посмотрел на Дэна.

– С меня хватит, – он не мог остановиться, начал всхлипывать, взревел от собственной беспомощности, но слезы по-прежнему текли по щекам, – я больше не могу…

– Эй, друг, – Дэн опустился на пол, но держался на расстоянии.

– Все эти люди… что с ними не так? Из-за чего это все? Из-за власти? Вот что власть делает с нами? Она издевалась над ними. Насиловала их. Грабила и убивала людей, которые отдали ей все. Перерезала им глотки. Хоронила их живьем! Почему? Они были обречены, как только ее встретили. Они были прокляты.

Кайл перекатился на спину, вытянул ноги и вытер глаза:

– А сейчас, неужели что-то изменилось? Люди все, все сделают ради статуса. Денег. Психопаты, на которых мы работаем. Украденные идеи. Каждый хочет ударить конкурента в спину. Ради чего? Ради какой-то фигни, которую один раз покажут по телику? Да кому она нужна? Кто о ней просил? Зачем вообще вспоминать об этих уродах? О Мэнсоне, Джонсе, этой жирной мрази, сестре Катерине? Им нужно было восхищение! Поклонение! И сейчас все так же! «Большой брат»! Та же фигня! «Минута славы», чтоб ее! Танцы на хреновом льду!

Дэн заулыбался, потом засмеялся и засопел:

– Можно я это сниму? Для дополнительных материалов на DVD?

– И все? Больше мы ни на что не способны? После миллионов лет эволюции мы до сих пор поклоняемся знаменитостям, подкармливаем эго маньяков, пока они отнимают наши деньги, трахают нас в задницу и режут нам глотки! Это мы должны резать! – Кайл немного упокоился, ярость уходила. Закрыл глаза. Голова была как котел. – Я просто хотел сказать, что я все. Меня это достало. Жизнь. Работа. Люди. Их желания. Боже мой, – он на секунду представил, что живет один, выращивает хлеб и носит воду из колодца. А вокруг тишина. – Может, мне пора все бросить. Получу деньги, раздам долги и уйду.

– Ты слишком чувствительный для этой работы. И всегда был.

Кайл не обратил внимания. Он это слышал уже много раз, подозревал, что так и есть, но всячески отрицал.

– Знаешь, в аэропорту я смотрел на людей. – Кайл запрокинул голову, лежа на полу, и уставился в белые плиты пенопластового потолка. – Куча народа думает сейчас, что у них есть зрители. Они играют на публику. Каждый воображает, что он на сцене. «Шоу имени меня». Фейсбук. Твиттер, чтоб его. Мобильные телефоны? Они не для общения, а для вещания. На аудиторию недоумков с айфонами. Стоит телик включить, пяти минут не пройдет, как увидишь очередную тупую дуру с белозубой улыбкой, которая выделывается на камеру.

Этот напор, постоянный напор других людей, отчаянной нужды во внимании, желания превратить собственную жизнь в драму, личностей, которые так хотели, чтобы ритуалы их повседневного общения все увидели, услышали и запомнили. Белый шум эгоизма. Сестра Катерина была лишь заключительным аккордом в эпохе сплошной патологии.

Дэн расхохотался и ткнул Кайла в плечо. Тот с трудом сдержал улыбку и продолжил:

– А у нас тут своего рода квинтэссенция, понимаешь? Тогда все и началось. В шестидесятых. О, все же так понятно. С одной стороны, мошенники, ловко манипулирующие людьми. С другой – наивные идиоты, которые мечтали верить во что-нибудь или в кого-нибудь, стать кем-то. А сейчас что, по-другому? Кто-нибудь хочет быть обыкновенным человеком? Нет. Никто вообще. Все поют, танцуют, привлекают к себе внимание. Зачем? У кого-нибудь, может, есть талант? Или он делает что-то осмысленное? Продуманное, выверенное? В мире осталось что-нибудь постоянное? Да и значит ли оно теперь хоть что-то? Они все могут самоактуализировать мой член. И писать в блог про мою задницу.

Дэн хихикнул:

– Точно. Вот это будет твоя последняя реплика перед титрами. Выпей-ка.

– Нет, – Кайл сел и посмотрел на друга, – с меня хватит. Мне надо поспать. Я не спал… не помню сколько. Я закрываю глаза и вижу дорогу в пустыне, очереди в аэропорту, и навигатор всю ночь говорит мне, куда поворачивать. Боже мой, да я боюсь лечь спать. Как будто все это внутри меня. Как будто я принадлежу им. Помнишь, Марта еще так посмотрела на меня…

Кайл поднялся на ноги и взял с тумбочки сигареты.

– Крыша, Дэн. Ее чертова крыша.

Дэн пожал плечами:

– Я об этом не думаю. Стараюсь, – взгляд у него был жалобный, но серьезный, – я не могу это объяснить. Может быть, кто-то нас разыгрывает. И Макса тоже. Рисует всякую хрень на стенах перед нашим приездом. Прячется в пустых домах и пугает нас. Может, кто-то просто пытается нас устрашить? Использует какие-нибудь краски, которые исчезают в ультрафиолете.

– А моя квартира? И отель в Кане?

– Моя версия все равно больше похожа на правду, чем слова Марты. Я в такое не верю. Не хочу верить, даже думать об этом не хочу. Только так я и добрался до финала. Я сказал себе, что даже если духи… призраки, астрал, не знаю, как назвать… существуют, вреда они не причинят. Понял?

– Даже после того, что ты слышал от копов? От Эмилио? Ты не веришь, что они… ну… вызвали что-то в шахте? И во Франции? Призвали откуда-то? Я чувствую себя идиотом, когда даже говорю об этом, но, черт, должно быть там что-то. Что-то, чему нет рационального объяснения.

Дэн покачал головой:

– Я это вижу и даже думаю, как ты. Я сомневаюсь, признаю. Но недолго. Потом я возвращаюсь в номер отеля или в бар, и тут просыпается мой здравый смысл. Не бывает ничего такого. Инстинкты, конечно, требуют, чтобы я бежал отсюда куда подальше, но есть ведь еще и логика. Она меня спасает. И слава богу, все кончилось.

– А башмак? Эта ужасная хрень, которая лежала на столе? И в пустыне такие были. Небесные письма. Они, наверное, стали появляться на второй год во Франции, когда Гавриил уже сбежал. Она привезла их с собой в Америку. Марта говорит, что у Катерины была целая коллекция.

– Их наверняка подбрасывали. А ты веришь Марте, что он появился сам собой. Она ненормальная. Да они все психи!

– Мои сны. Я что, вру?

– Нет. Но ты в это с головой влез. А я нет.

– Марте снятся такие же сны. Видения. Странные руки и ноги. Чувствуешь, словно находишься в

другом теле. Почему? Я должен был просто снимать, но оно как будто… вторгается в меня. Лезет внутрь. – Кайл снова встал на колени рядом с Дэном и посмотрел на него дикими глазами. – Как такое возможно? У них были видения. В храмах. А теперь у меня видения. Как это получается? И все они умирают. Сьюзан Уайт. Бриджит Кловер. Почему Макс больше никого не нашел? Будь уверен, он искал. Спорим, они все умерли?

Дэн присосался к банке с пивом:

– Я хотел бросить этот фильм. И у тебя был шанс. А потому сейчас не время паниковать, уже слишком поздно. Попробуй взглянуть на все с моей точки зрения. Посмотри на дело рационально, а то с ума сойдешь. Начнешь верить вообще во все..

– Не могу, – скривился Кайл.

После долгой паузы Дэн улыбнулся:

– Это же шедевр.

– Да. Лучшее, что мы сняли. Что мы когда-либо снимем. Но… – Дэн пристально взглянул на него, Кайл выпустил клуб дыма, – должна быть какая-то граница, за которую не стоит заходить. Это ты и пытался мне сказать. Я знаю. Извини. Правда. Прости, что не слушал. И ты всегда прав, а я вечно ошибаюсь, – Кайл положил руку Дэну на плечо.

– Гавриил, – тот уставился в пол, – тебя там не было. Я все думаю о Гаврииле. Как он попал в капкан. Кричал. Он даже двинуться не мог. Как он теперь будет жить, если вообще выживет? И как Марта рыдала на грязной кухне. Лицо Конвея. Как он смотрел на мертвые деревья. Он же еще раз пережил ту ночь для нас. По нашей просьбе. Сьюзан Уайт умерла. Умерла, когда мы снимали фильм.

– Инфаркт, – сказал Кайл. – Ты в это веришь? Бриджит Кловер покончила с собой в этом году. Совсем недавно. Как будто камера едет, и все происходит прямо у нас на глазах, словно у нас прямой репортаж из горячей точки. Это уже не история. Это слишком реально. А должно быть историей. Интервью, интерьеры, закадровый текст, различные версии произошедшего. Как в других фильмах. А у нас не так. Так почему я все еще снимаю его? Ради славы, денег, женщин? Как любой другой придурок, которых в нашем бизнесе полно? Я что, использую бедных стариков ради собственной выгоды? Может, у меня нет мозгов или я просто слишком хочу снять этот фильм и не готов признать, что мы в опасности и пора все бросить?

Дэн пожал плечами:

– Друг, мы рассказываем историю. Которую еще никто не рассказывал, по словам Макса. И если мы этого не сделаем, сделает кто-то другой.

Возможно, Дэн просто пытался подбодрить Кайла. Тот уже не знал, что думать, даже себя толком не понимал. Но его терзало подозрение, что он может превратиться в одного из тех, кого ненавидит. Смотря на горящий конец сигареты, он спросил:

– Но кто?

Дэн приподнял мохнатую бровь:

– Марта дала мне визитку нашего предшественника. – Он двумя пальцами вытащил карточку из кармана. – Старина Малькольм Гонал. Вот его номер. Давай поговорим с ним. Узнаем, что он нарыл.

– Даже он слился.

– Я о нем много лет не слышал. Он прославился «Духом» и еще снял «Голоса из ниоткуда» в девяностых. А потом, по-моему, только футбольными хулиганами занимался.

– Херню он снимал.

– Да. Полную. А все сверхъестественное было подделкой. Обычная телевизионная чушь.

– Он просто воплощает все, что я не люблю.

– Он ничего не делал столько лет. Наверное, капитально сидел на мели. С таким сюжетом он бы организовал себе триумфальное возвращение, – заметил Дэн.

– За деньги, которые предлагает Макс, Гонал бы кого-нибудь убил, – хмыкнул Кайл.

– Маус с ним работал пару лет назад. Какой-то фильм о гангстерах. Сказал, он – редкостный козел.

– Почему тогда Гонал отказался от этого?

– А ты позвони и спроси.

Кайл посмотрел на визитку:

– Я лучше завтра, когда мы вернемся, к нему заезду. Перед этим заброшу к Максу флешки и потребую ответов о том, во что мы вляпались, – он сунул карточку в бумажник.

– В Нью-Кросс нет никаких киностудий, он, наверное, из дома работает.

– Точно. Макс искал среди культовых режиссеров, вышедших в тираж. Типа меня. Не знаю, правда, зачем. Вряд ли он надеется на Сандэнс или Канны.

– Я понял. Но для начала ты не мог бы оказать мне огромную услугу?

– Что такое? – Кайл посмотрел на Дэна.

– Ложись уже спать.

Двадцать один

Мотель «Ригал», Сиэтл.

23 июня 2011 года. 03.00

Он открыл глаза в комнате, которую не узнал, и посмотрел в белый потолок. Он весь вспотел, замерз и дышал как в последний раз.

Кровать была огромной. Комната тоже. Показатели его жизнедеятельности отслеживали несколько устройств, прячущихся внутри палатки из прозрачного воздухонепроницаемого пластика, в которой он умирал.

За ней кто-то скребся в дверь комнаты снаружи. А иногда слышались тяжелые удары, как будто собака билась о дерево головой.

Сухую, морщинистую кожу на голове жгло. Он заворочался и увидел, что его конечности превратились в покрытые пигментными пятнами палки. Они бессильно лежали на чистых белых простынях. Халат из алого шелка окутывал тщедушное тело, оставляя открытой шею. В больших костистых руках и ногах торчали какие-то трубки, засунутые под покрытый коричневыми пятнами пергамент, который когда-то был кожей. Гениталии усохли до коричневатого бугорка. Дышал он тяжело, с присвистом, как ребенок-астматик, все лицо закрывала кислородная маска, плотно обхватывающая череп, где сейчас обитал разум Кайла. Мутные глаза смотрели, не мигая, на мертвые ноги и фигуру за ними.

В изножье кровати стоял он сам. Это были его зеленые глаза, его взлохмаченные черные волосы, его плечи, которые вдруг оказались шире, чем он думал, его татуировки с языками пламени и пинап-девицами на бицепсах, его подтянутый живот – он вечно мало ел и слишком много курил, – его длинные ноги в узких

черных джинсах и его ремень с пряжкой в виде мальтийского креста.

Кайла окутывала мешанина трубок, он слышал щелканье кардиомонитора, хрипы и удушливый клекот под резиновой маской, а напротив видел себя. Но другого себя. Изменившегося. Он стоял прямо, спину держал так, как сам Кайл никогда не мог, когда владел этим телом, телом, в котором родился, которое росло вокруг него; его лицо никогда не было таким злобным, жестоким и одновременно таким радостным, как теперь, когда двойник, ухмыляясь, разглядывал себя самого, лежащего в столь плачевном состоянии на больничной койке.

В панике он заворочался на тонких простынях. Попытался сесть. Увидел, как человек улыбается и уходит, оставив его позади, как кучу бесполезного мусора, искусственно оживленного и не нужного больше этому миру.

Тот, кто скребся в деревянную дверь, стал спешить, как будто мечтая попасть внутрь.

Кайл проснулся в темноте и закричал. Невидяще посмотрел вокруг. Было жарко, пахло потом, сигаретами, виски и куриным жиром, впитавшимся в картон.

Он посмотрел на себя. Ничего не увидел, но почувствовал, что одеяло сбилось в комок, что он лежит на дешевом матрасе с тонкими простынями. И, даже моргнув два раза, Кайл все еще понимал, что от шеи вниз тянется иссохшее тело из сна. Знал, что соски у него почернели, а грудь усохла до обтянутых кожей ребер, чувствовал, как остро торчат кости на тощих бедрах и кожа покрывает их, словно платок – осколки посуды, как похожи его ноги на ноги марионетки, покрытые пятнами карцином и засохших болячек. И это жуткое, постепенное ощущение измененного тела сконцентрировалось на невидимых в темноте ступнях. Те были чужими. И пальцы тоже. Слишком длинные, слишком худые, неправильной формы. Чужие бледные, бессильные ноги.

Он прошептал «Господи». Закричал, что этого не может быть. *Это* не могло вылезти из сна и изменить его. Перенестись неизвестно откуда в его комнату и его постель.

Он приподнялся на локте и потянулся к проводу от прикроватной лампы. Свет не зажегся, хотя он дернул раза три. Он поискал на тумбочке телефон.

От судорожного прикосновения экранчик слабо засветился, и Кайл разглядел свое тело: свою собственную грудь, живот, татуировки на руках, длинные ноги, большой палец на левой, который неправильно сросся после перелома, мизинец без ногтя, белый шрам на правой лодыжке.

Когда он подтянул свои драгоценные ноги ближе к себе, то почувствовал, как призрачные капельницы падают с запястий и предплечий, как его собственные конечности, все тело определяют себя по этим простым неловким движениям.

Но что-то все еще было не так. Голова кружилась, Кайла колотило от столь жуткого пробуждения, но он понял, что слышит какой-то звук. Тихий стук то ли в стену, то ли в дверь. Кайл повернулся к источнику звука – тот исходил от невидимого в темноте выхода из комнаты. В свете телефона он различил существо, стоявшее там, где должна была находиться дверь. Буквально на секунду заметил маленькую фигурку на тонких ногах, прежде чем та вдруг рухнула на четвереньки с глухим ударом.

Кайл перекатился по мятой постели и нащупал кнопку на лампе Макса, стоящей на полу у кровати. Перед тем как заснуть, он зажег каждый светильник в комнате. Теперь, когда Кайл вспомнил об этом, то почувствовал такой ужас, что даже всхлипнул. Симулятор дневного света не работал, и он уронил его на пол.

Что-то дышало под кроватью, хрипло, с бульканьем. За мгновение до того, как телефон погас,

экономя заряд, а сам Кайл наугад метнулся в ванную, он увидел узкую морду незваного гостя над краем одеяла. Его рот больше напоминал широко открытую пасть, словно существо то ли хотело глотнуть воздуха, то ли закричать от радости.

Неясные очертания мебели, видные в свете телефона, исчезли, наступила темнота. Тусклый ночной свет с улицы скрывали плотные шторы, специально созданные для того, чтобы дать отдых уставшим с дороги путешественникам. На мгновение Кайл даже обрадовался слепоте, но только на мгновение. Он стукнулся о стену у двери ванной так, что в голове загудело, и от удара полностью пришел в себя. Нащупал выключатель в ванной. Света не было.

Ему показалось, то существо едва могло стоять. Оно было таким слабым, так мучительно держалось на грязных ногах, что все движения, шарканья, постукивания, которые он слышал в темноте, словно причиняли странному гостю дикую боль. Кайл вспомнил случайно попавшее на камеру существо, ковыляющее, как огромная марионетка на висящих нитях, в темноте дома на Кларендон-роуд, и в ужасе осознал, что какое-то существо явилось из иного мира и воплотилось здесь. А скрежет по дереву стал шумом материализации.

В темноте Кайл слышал, как древние легкие с трудом справляются с воздухом нового мира. Существо не могло стоять вертикально, травмированное своим появлением, и снова встало на четвереньки, принялось шарить вокруг себя. Так ему было легче, словно животному, вырвавшемуся из узкого деревянного стойла, и Кайл испугался, что скоро оно сможет бегать. Да и там, внизу, на ковровых плитках, найти человека в темноте ему будет гораздо легче.

Он в ловушке. Единственный выход из номера ведет на парковку. Кайл подавил желание спрятаться в ванной и запереться изнутри. Деревянные двери казались ненадежной защитой. Он подумал о мертвых птицах, пятнистой плоти, грязных ногтях, оставшихся в коже убитых. Чуть не вскрикнул, но вовремя остановился.

Выставив перед собой руки, Кайл осторожно направился к кровати. Если у него и есть шанс убежать, то нужно быстро перескочить через матрас и выбежать в дверь. И лучше прямо сейчас, пока слабые шорохи и постукивания у подножия кровати не обрели уверенность и четкость, что, как подозревал Кайл, случится довольно скоро. Оно ползало там, в темноте, и Кайл чувствовал, как же сильно хочется существу, чтобы мир перестал кружиться, сфокусировался, как оно жаждет ощутить присутствие человека, такого ясного, теплого и перепуганного. Он представил, как тварь бежит быстро, как краб, и хватает его за лодыжку.

Кайл тихо пробрался к кровати, с которой так поспешно бежал, и остановился, сморщившись от предчувствия того, как неминуемо громко скрипнут под его весом пружины. Он пристально всмотрелся в темноту, но по-прежнему различал только дверь с противоложной стороны.

Тощая нога ударила по тумбочке под телевизором. От глухого стука кости по древесной плите у Кайла перехватило дыхание. Под кроватью, но уже ближе к ванной, слышалось хриплое бульканье. Серая голова на худой шее следила за его движениями. Оно тоже ничего не видело, зато слышало.

Он осторожно потянулся к тумбочке и нашарил томик «Судных дней». Бросил книгу в сторону ванной. С тумбочки тут же слетели ноутбук, папки и книги, рухнули на пол. Оно разозлилось и, хотя оставалось неловким, как еще не обсохший новорожденный жеребенок, набирало силу.

Он пробежал по матрасу, как по батуту. В темноте казалось, что мир движется под босыми ногами. Существо завизжало. Оно быстро двигалось. Только что было у тумбочки, но уже месило воздух у двери в ванную, куда он бросил книгу и где не так давно сидел сам. Жесткие пальцы скребли стену. Нашарили светильник и раздавили лампочку.

Кайл спрыгнул с кровати, приземление болью отдалось в коленях. Он двинулся к стене, в которой где-то была дверь. Осторожно ощупывая стену, он наткнулся на гладкое дерево. Там воняло гнилым мясом. Пальцы коснулись замка.

Существо шипело в темноте у него за спиной. Оно уже было на кровати и двигалось все быстрее. Стукнулось о матрас. Завозилось в простынях, как будто думало, что он все еще там. Жаждало, чтобы Кайл добровольно отдался на расправу, которую представлял настолько ясно, словно она уже случилась.

Он ободрал кожу на трех пальцах о задвижку. Толкнул дверь и вылетел наружу, упав на холодный цемент дорожки, ведущей на парковку.

Это было глупо, но неизбежно, и Кайл бросил последний взгляд на существо внутри. В желтом свете фонарей, падавшем в комнату, оно казалось очень худым и очень мокрым. Оно прижалось к матрасу и спрятало голову. Вытянув руки, месило ногами белье, как будто хотело разодрать его в клочки. За одну секунду Кайл узнал о таинственном орудии убийства, поставившем в тупик детектива Суини больше, чем вся полиция Феникса.

У Кайла от страха задрожали ноги, и он захлопнул дверь.

Дрожа, в трусах и футболке, Кайл провел два часа, оставшиеся до рассвета, съежившись между автоматами с колой и мороженым на парковке мотеля. Ключей от машины у него не было, он прижался спиной к бетонной стене и прикрылся рваными картонными коробками, которые выкинули из офиса.

Он то засыпал, то просыпался, пока красное солнце не поднялось над промерзшей дорогой. Казалось, Кайл сейчас умрет от холода, но даже такая смерть была лучше, чем та, что ждала его в номере. От пальцев, вцепившихся в занавески, скребущих в дверь, трясущуюся от ударов после его поспешного бегства из комнаты. А еще Кайл слышал утробное мычание и визги разгневанного мертвого существа.

От этих звуков Кайла колотило так, что еще чуть-чуть, и он бы задохнулся. Когда все стихло, он решил, что тварь просто затаилась в темноте и ждет.

Разбудить Дэна было невозможно. Рискуя потревожить дежурного или других гостей, Кайл кричал так громко, как только хватило совести, и стучал в дверь соседнего номера. Но Дэн засыпал, как будто впадал в кому, да еще и с наушниками в ушах. И что он мог услышать с таким-то храпом? К счастью, соседние номера оказались свободны.

В шесть часов утра ушел ночной дежурный, который отлично выспался в кресле, – Кайл наблюдал за ним сквозь запертые двери офиса. Его сменил дневной, но Кайл продолжал прятаться под картонками. Он не представлял, как долго незваный гость в номере может оставаться в пространстве по эту сторону… чего? Кайл даже в принципе не понимал. И рисковать жизнью клерка, подставляя его под удар твари, появившейся в мотеле, он не мог. Если бы он разбудил парня и попросил у него запасные ключи, тот пошел бы с ним, а существо вполне могло все еще находиться в номере, например прятаться в душе, и тогда Кайла обвинили бы в убийстве. Так что он мерз и прятался в мусоре. И виноват в этом был Макс.

В семь часов появилась горничная, и, поскольку солнце уже вышло, он рискнул покинуть свою импровизированную палатку. Подошел к маленькой мексиканке и объяснил, что вышел за колой, а дверь захлопнулась.

Она не улыбнулась и ничего не сказала, но с подозрением наблюдала за тем, как он осторожно заходит в номер. Посмотрела на его татуировки, а потом на рваные простыни и подушки, из дыр в которых лезла дешевая пена, и моментально сделала выводы. Глядя через плечо Кайла, она заметила разбитое зеркало и побежала к менеджеру, стуча белыми кроссовками по асфальту.

Хулиганство и преступное нанесение ущерба. А что тут возразить?

Он натянул джинсы и ботинки, нашел рубашку. Торопливо собрал бумаги, начав с черно-белых фотографий. Менеджеру этого видеть не стоит. Побросал ноутбук и папки в рюкзак. Не стал забирать зубную щетку, поскольку не смог зайти в ванную и все время, пока собирался, нервно смотрел на закрытую дверь. Им с Дэном надо уезжать подальше от этого жуткого места.

Когда он открыл багажник прокатной машины, из офиса вышел клерк, явно смущенный рассказом горничной, маячившей за его плечом. Вчера, когда они с Дэном регистрировались, Кайл поболтал с парнем о музыке.

Он наврал что-то про гостя, выпивку и драку. Чуть не засмеялся, когда понял, что на самом деле говорит правду. Но, зайдя в комнату, менеджер замер как вкопанный посреди осколков разбитого стекла. Он в ужасе смотрел на порванное с остервенением белье и изрезанный чем-то острым матрас.

Кайл трещал без умолку. Кайл уговаривал. Кайл льстил. Обещал заплатить выданной Максом кредитной картой. И заткнулся, как только заметил, куда смотрит онемевший парень, и увидел ужасное пятно на двери.

– Господи, – сказал он и отшатнулся от неясного силуэта маленькой тощей фигурки, прошедшей сквозь дверь и оставившей на ней свою тень. Кайл не заметил ее раньше, когда собирал вещи, поскольку отвлекся на учиненный существом разгром. Но теперь он видел след во всей красе. Как будто на дверь повесили Туринскую плащаницу. Дерево источало мерзкий животный запах, пятно было грязным и мокрым. От него шел сладковатый запашок тухлой свинины.

Двадцать два

Лондон.

23 июня 2011 года. 16.00

Малькольм Гонал не брал трубку. Кайл отправил ему сообщения, когда проходил паспортный контроль, стоял у багажной ленты и ждал поезда из Гатвика. Ему показалось, что в аэропорту они провели не меньше недели. Яркие огни, бесконечные объявления, лица нетерпеливой толпы – от всего этого Кайлу хотелось кричать.

Правда, Кайл был не уверен, что в его посланиях можно было найти хоть какой-то смысл. Он лихорадочно, не переводя дух, бормотал про обещания Макса, Храм Судных дней, свою работу над фильмом, причем так быстро, что понять его было непросто. Голос казался странным, глухим от усталости, каким-то хрупким от раздражения и существующим где-то в стороне от разума Кайла, от того, что он действительно хотел сказать или даже прокричать любому, кто пожелал бы слушать. Горячая голова, заплетающийся язык, онемевшая челюсть – сочетание не из приятных. Истощенным лучше отдыхать. Кайлу никто не перезвонил.

– Глухо? – спросил Дэн.

Кайл кивнул. Дэн заговорил с ним в первый раз после спора в Сиэтле. Большую часть перелета он проспал, причем весьма шумно, пока Кайл ерзал на кресле рядом, жевал никотиновую жвачку и мучился.

В воздухе он чувствовал себя почти в безопасности, поскольку не верил, что старые друзья сестры Катерины могут прорваться сюда. Но он знал, что хрупкое ощущение спокойствия исчезнет в ту же секунду, как они коснутся земли. К тому же самолет не защищал от бесконечных воспоминаний о предыдущей ночи, о том кошмаре, в который превратились съемки фильма: о домике в Нормандии, костлявых лицах, скалящихся сквозь стены, иссушенной солнцем Аризоне, огромном детективе, рассказывающем о брызгах

крови, о бесцветном безнадежном доме в Сиэтле, пожелтевших от сигарет пальцах Марты Лейк, тонких ручонках на чердаке, пытающихся вцепиться в этот мир. Ко всему этому примешивалась болезненная уверенность в собственной неминуемой смерти.

Правда, иногда мысли все-таки сбивались с заезженной колеи, и тогда Кайл пытался убедить себя, что все это невозможно, от чего периодически дергался в кресле. Пассажиры отворачивались от него, как от сумасшедшего, когда он начинал бормотать себе под нос. Да он и был сумасшедшим. Ему хотелось вскочить с места и ходить взад-вперед по проходу между креслами, обхватив тяжелую голову побелевшими руками. Что угодно, лишь бы избавиться от страха, гнева, паники и неверия.

– Позвони попозже. Ты… – Дэн не закончил, да в этом и не было нужды. Кайл знал, что друг обязательно предложил бы поехать домой, отоспаться, забыть о фильме на какое-то время, а может, и навсегда, и перестать строить из себя безумца. Но спать Кайл не мог, это было слишком опасно.

– Я к нему съезжу.

– В Нью-Кросс? Погоди, прямо сейчас?

Кайл кивнул. «С тобой-то все в порядке. Ты провалялся всю ночь. И еще восемь часов в самолете. И невозможная тварь в твоем номере не прошла через закрытую дверь и не разорвала к чертям твою постель!»

Кайл позвонил Максу и услышал автоответчик.

– Блин!

– Макса устроит, если я отвезу всю эту хрень Маусу завтра? – спросил Дэн.

– Нет. Вези сейчас. Спроси, не может ли он все обработать сегодня ночью. Мы заплатим. Мне нужно увидеть материалы. Чертов Макс. Как можно скорее. Гавриил, наверное, уже вернулся в Англию. Мне нужно с ним поговорить. Он в курсе того, чего мы не знаем. С меня хватит!

Люди останавливались, смотрели на Кайла и шли дальше. Он стремительно пролистал список контактов в телефоне и нашел домашний номер Гавриила. Автоматический голос предложил ему оставить сообщение. «Нам необходимо встретиться. Срочно. Перезвоните».

Дэн нервничал, поскольку не поверил ему в Сиэтле. Узнав, что Кайл провел несколько часов под картонками, спрятавшись между торговыми автоматами, он смотрел на друга с жалостью и недоверием, пока Кайл стоял на улице босиком и болтал, как шизофреник под наркотой.

По глазам Дэна было видно, что он даже персонал мотеля подозревает в сговоре. Считает, что Кайл сам разгромил номер и нарисовал фигуру на двери. Честно говоря, нервное молчание, с которым он отреагировал на рассказ Кайла, только подтвердило то, что Дэн, кажется, вообразил, что Кайл обманывал его все это время. Сам соорудил следы руки в кухне своей квартиры, нарисовал силуэты в нормандском амбаре, пока Дэн пытался вытащить искалеченную ногу Гавриила из ржавого капкана, да и существо в старом пентхаусе на Кларендон-роуд – его рук дело. Неужели Дэн всерьез полагал, что его старый приятель настолько отчаянно жаждет денег и признания, что готов подделать доказательства паранормальных явлений? Как раньше с большой радостью делал Гонал. Или Кайл просто устал, окончательно впал в паранойю и теперь готов оговорить лучшего друга? Вполне возможно. Дэну повезло, его никто не преследовал. Скептицизм – привилегия тех, кого не затронуло.

В Америке – теперь она словно была в другой жизни, отделенной от его нынешних мучительных мыслей океаном и долгим перелетом, – Дэн уговорил менеджера мотеля не вызывать полицию. Продиктовал реквизиты кредитной карты Макса, расплатился за ремонт двери, порванное постельное белье и матрас, за перегоревший предохранитель, который оказался совершенно мокрым. Но, сев в

машину, Дэн схватил Кайла за плечи и посмотрел ему прямо в глаза.

– А теперь перестань мне врать. Какого черта, а? Я знаю, что дело безумное и тяжелое, но меня не надо тянуть на дно. Я же борюсь. Ты что, на наркоту подсел?

Раздраженные, оба отчаянно старались не показывать, как сильно разочарованы друг в друге, а потому всю дорогу до Лондона молчали.

Кайл вышел на вокзале Виктория, твердя про себя адрес с визитной карточки Малькольма Гонала. Ему казалось, что он идет в соленой воде. У него поднялась температура, дышать было тяжело, и двигался он с трудом. Помимо всех иррациональных явлений, с существованием которых он уже готов был смириться, Кайл сходил с ума от усталости и недосыпа. Ему нужно было поспать, но только в безопасном месте. Где?

Он очнулся, когда понял, что уже пять минут неотрывно глазеет на карту метро, и сразу выяснил, что пересесть с линии «Дистрикт» на линию «Джубили», а потом на Доклендское легкое метро будет нелегко: обе ветки работали с перебоями. Кайл вышел на станции «Лондон бридж» и потащил свой тяжелый рюкзак к выходу из метро. На улице шел дождь, и Кайл, весь дрожа, принялся ловить такси.

Малькольма Гонала, кажется, не было дома. Может, он бежал из страны и спрятался. Да и кто бы его в этом обвинил? Кайл водил пальцем по пластиковым кнопкам на панели домофона.

Гонал жил на четвертом этаже старого викторианского дома, во дворе которого валялись мусорные мешки и росли сорняки. Его фамилия единственная виднелась под грязными плоскими звонками – возможно, только он и обитал в этом жалком домике, затерянном в южном Лондоне.

Окна первого этажа были наглухо занавешены изнутри. Популярный телережиссер девяностых и автор печально известных подделок переживал нелегкие дни. «Жалость-то какая». Почему, интересно, Макс нанял этого бессовестного шарлатана? Да потому, что не собирался выпускать фильм на экраны. Малькольм Гонал был дотошным, наглым, жадным, неразборчивым в средствах и сидел на мели. Он сделал бы что угодно, лишь бы вытащить на свет сенсационные мистические тайны неприятной секты и по-быстренькому сляпать из получившегося материала фильм, который отправился бы прямиком на DVD. Убийства, изнасилования, побои, содомия, надругательство над детьми, похищение людей: да у Гонала стояк случился бы от одного упоминания такой темы! Студия «Аллегра филмз» стала банкротом после иска о клевете со стороны англиканской церкви: Гонал утверждал, что ее священники регулярно проводят черные мессы. После этого его карьере на телевидении пришел конец.

«Восьмидесятые давно кончились, Макс». Кайл был оскорблен: он знал, что получил работу не первым, но оказаться вторым после Гонала! К тому же, раз уж Макс не планировал выпускать фильм на большой экран или на телевидение, Кайл не представлял, зачем ему нужна документалка – для просмотра в своем безопасном мире чистого света в Мэрилебоне?

Отступив на шаг, Кайл обозрел выцветший кирпичный фасад. И увидел, что в самом большом окне верхнего этажа сдвинулась занавеска. Мелькнуло бледное одутловатое лицо и комната, освещенная настолько ярко, что свет должен был бить прямо в космос. Гонал был дома.

Кайл сбежал по ступенькам, встал на дорожке и поднял свой телефон, написав на экране «Нам нужно поговорить!». Занавески не двинулись. Кайл ждал и ждал, но ничего не изменилось. Потом закрыл глаза и тяжело вздохнул.

– Отвали! – каркнул хриплый голос из домофона.

Кайл вернулся к двери, кинул рюкзак на зеленоватый цемент крыльца:

– Мистер Гонал. Мне очень нужно поговорить с вами. Меня зовут Кайл Фриман. Я звоню вам целый день. Звучит глупо, но это вопрос жизни и смерти.

– Не моей. Пошел на хрен.

Дорога из Нью-Кросс до Вест-Хэмпстеда была очень долгой. У Кайла перед глазами встала алая пелена. Хватит! Он снова ткнул в кнопку:

– Может, и твоей. – «*Жирный ублюдок*». – Просто выслушай.

– Эй, ты, мелкая бездарная тварь, я сейчас спущусь, и домой ты поедешь на инвалидной коляске!

– Слышишь, Малькольм, как я ссу на твой коврик?

Крошечную колонку домофона едва не снесло со стены.

– Меня тут все знают! Слышишь! В курсе про Бешеного Стретэма?! Он тебя скоро найдет! Я знаю, где ты живешь! В Вест-Хэмпстеде! На гребаной Голдхерст Террас! Скоро тебе будет нечем ссать!

К сожалению, Кайл действительно слышал про Бешеного Стретэма. Отморозок из Ист-Энда, убивший и искалечивший несколько человек, имел привычку откусывать жертвам носы. Однажды его даже задержали на подпольном боксерском бое с ноздрей во рту. Он так хотел посмотреть следующий бой, что не стал полоскать рот. И при всем этом его ни разу не посадили. Как это вообще? В книжном магазине аэропорта Кайл видел портрет этого шрамированного громилы на обложках минимум двух документальных книг о преступниках, они стояли между томиками о футбольных хулиганах.

Скорее всего, Гонал блефует. Но Бешеный Стретэм как раз из тех психов, с которыми Малькольм мог водить компанию. Насколько Кайл помнил, Гонал даже вывел его как местного героя на жутком DVD, который продавался вместе с воскресным таблоидом.

Его затошнило. Думать нужно было быстро, но мысли ворочались с трудом.

– Эй, я тебя больше не слышу! – проорал Гонал из колонки. – Утерся!

Он все кричал и кричал. Ему нравился звук собственного визгливого голоса, кокни-акцент и угрозы – орал он с уверенностью человека, который обладает доступом к насилию настолько иррациональному и дикому, что только полный идиот к нему бы не прислушался.

Но Кайл, глядя на свое мутное отражение в панели домофона, увидел, как по его лицу расползается злобная улыбка.

– Чувак, да будь ты хоть третьим близнецом Крэй, мне все равно наплевать. Сейчас есть вещи похуже, чем лишиться носа. Сдается мне, ты знаешь, о чем я. У сестры Катерины гораздо больше старых друзей, чем ты думаешь. И им не нравятся те, кто сует нос в их дела. Так что кончай грозить человеку, который знает, что с тобой творится. Как там твои стены?

На другом конце домофона молчали. Кайл улыбался. Через несколько секунд щелкнул замок.

Кайл вошел в темный дом.

Малькольм Гонал был пьян. Малькольм Гонал сходил с ума от страха. И это заметил бы кто угодно.

А еще он теперь явно превратился в затворника. Черные мешки и тонкие зеленые пакеты из ближайшего магазина, заполненные мусором, были навалены по всему холлу и не давали двери открыться.

– Уборщица забастовку устроила? – осведомился Кайл.

Гонал походил на лысого крота, которого доктор Моро увеличил инъекциями стероидов до размеров человека. Кожа на лишенной волос голове напоминала свежую замазку, за исключением пятна супа на подбородке. Пухлую плоть покрывала экзема. Крошечные водянистые глазки неопределенного цвета смотрели на мир через большие квадратные очки, когда-то бывшие очень модными. Но те дни, когда Малькольм Гонал, щеголяя в костюме от Армани, вел передачи о футбольных хулиганах на кабельном канале, давно канули в прошлое. Сейчас на нем был килт, рубашка с рюшами, какую надевают под смокинг, и халат, украденный из отеля, а на ногах – носки с вышитыми мультяшками.

Он так резко сунулся к Кайлу, что тот отступил.

– Не смей ржать. Не смей, сука. У меня больше не осталось чистых шмоток.

Чистыми они, впрочем, не были. Халат оказался таким грязным, что распоследний бродяга не рискнул бы напялить такие зловонные обноски. Гонал добрался до самого дна своего гардероба. Остальная одежда кучей лежала на полу грязной кухни, которую Кайл миновал по пути к запертой двери. Свет просачивался со всех сторон дешевой некрашеной доски, которой как будто временно заставили дверной проем после шумной вечеринки.

– Эта сучья наркоманка снизу ответила на звонок? – спросил кротообразный человечек через плечо, пока они быстро шли по полутемной квартире.

– Нет.

– Даже она, – он посмотрел на гостя дикими глазами.

Кайл не понял, что Гонал имеет в виду, а объяснить тот не потрудился. Сгорбленный карлик пробежал через неосвещенный холл и нырнул за дверь.

Ступая между пивными банками, серебристыми лотками из-под готовой еды, картонками из-под жареной курицы, пропитавшимися жиром, и пустыми коробками из-под пиццы, Кайл, заслонив рукой глаза от яркого света, последовал за негостеприимным хозяином.

– Ты что, в сарае родился? Дверь закрой!

Кайл повиновался и застыл на липком полу, смотря на стены, полностью покрытые газетами. Даже полочка была заклеена страницами из «Авто трейдера». На месте их удерживал малярный скотч. Около дюжины Максовых светильников с имитацией дневного света было подключено к автомобильному аккумулятору.

– Они сожрали проводку две недели назад.

Крошечные глазки Гонала поблескивали из-под заляпанных пальцами стекол.

– Они были тут вчера, сволочи!

Кайл вздрогнул. На журнальном столике валялись открытые пачки кофеиновых пилюль, а еще всякие лекарства. Диазепам, ксанакс, валиум. Из пепельницы торчали окурки «Бенсона и Хеджеса» и косяков.

Увидев квартиру, Кайл как-то сразу растерялся и даже не смог себе объяснить толком, зачем пришел. Впрочем, состояние комнаты уже дало ему ответы на все вопросы. Здесь шел последний бой. А еще тут все пропахло потом, мокрыми газетами, выдохшимся пивом, сигаретным дымом и гниющими куриными крылышками, Кайлу на мгновение даже захотелось, чтобы Бешеный Стретэм вышел из-за телевизора и откусил ему нос. А потом в его воспаленном разуме вдруг возникла картина того, как он сам держит столь же отчаянную и бесполезную оборону в собственной квартире.

– Ты бы подался на премию Тернера, Малькольм. Точно победишь.

– Если ты пришел ржать, вали отсюда!

– Я только что был в Сиэтле и готов поспорить, что видел там примерно то же самое, что тут у тебя под газеткой, – Кайл кивнул на стену за большим кожаным диваном.

– Марта! Ты к Марте ездил!

– Вчера. А сегодня вернулся.

Гонал осклабился:

– Вот чего ты приперся. Бедная бабка. – Он, казалось, искренне огорчился, что было для него странно.

Кайл задумался: может, он просто недооценил человека, который в жизни казался еще омерзительнее, чем на экране, и все его поведение было всего лишь показухой?

Кайл двумя пальцами поднял визитную карточку:

– Она дала мне твою визитку. Я не знал даже, что Макс и тебя нанял. Она рассказала.

– Да, началось все нормально, а потом покатилось. Он злой. Реально злой. Этот ублюдок все начал. Ты знал? Тогда еще, в шестидесятых?

У Кайла не было сил спорить с интерпретацией Гонала.

– Когда это началось? Эти… визиты?

– За день до того, как я все бросил. Типа месяц назад, что ли. С этим ниче не поделаешь. Только лампы Макса. И дневной свет. Они его не любят. – Гонал посмотрел на потолок и закричал, – Суки!

– Это я и сам знаю, Малькольм.

Тот схватил Кайла за рукав своими пухлыми пальцами:

– Они преследуют меня по ночам. Даже на улице. От них не скрыться!

На улице? Такого с Кайлом еще не случалось, и ему очень хотелось верить, что у Гонала просто разыгралось воображение. Но…

– Ты ее видел? Марту? Когда она ушла? Снял?

– Что?

На мгновение Гонал словно растерялся, а потом заулыбался:

– Так ты не в курсе, что ли? Да? На самолете летел?

– Что?

– Она померла. Утром в интернете читал.

Кайл плюхнулся на диван, прямо на мусор, и уставился на телепрограмму недельной давности, прилепленную на стену.

– Эй, осторожнее! Там мои пленки.

Кайл оглядел диван и бормотнул:

– Извини.

– Глянь, – Гонал подбежал к столу у окна, где мерцал экран ноутбука.

Он читал про Кайла в википедии. Скорее всего, начал искать информацию о нем сразу после первого звонка, но сейчас шустро свернул страницу. На рабочем столе красовалась его собственная фотография в обнимку с Тревором Брукингом на фоне стадиона «Болейн-Граунд».

– Беспроводной. Крадет сигнал у соседей. Только на пару минут, а то аккумулятор сядет. Я заряжал его в библиотеке. И телефон тоже. Тут ничего не пашет. Хозяин, сука такая, не меняет проводку. Говорит, что это все сквоттеры с нижнего виноваты. Ничего он не знает.

Он повернулся к ноутбуку, зашел в меню закладок и нажал на последнюю ссылку.

Кайл от потрясения все не мог отвести глаз от заголовков недельной давности и рекламы двуспальных кроватей. Марта умерла. Самоубийство? Как Бриджит Кловер? Он попытался сглотнуть, но рот так пересох, что ничего не получилось. Марта знала, что умрет, все время, пока разговаривала с ним. «Вовремя ты подсуетился», – сказал противный голосок в голове, чем-то похожий на Гонала. Может быть, интервью и подтолкнуло ее к краю.

– Глянь.

Кайл на неверных ногах подошел к ноутбуку. Заметался взглядом по экрану, пытаясь прочитать хоть что-нибудь. Сосредоточиться не получалось. Наконец он разглядел черно-белую фотографию Марты Лейк из аэропорта Феникса в семьдесят пятом. И заголовок: КОНЕЦ ЖЕРТВЫ СЕКТЫ ИЗ ПУСТЫНИ. Это оказался сайт газеты «Сиэтл Бьюгл».

– Жестоко убита неизвестным! Искалечена до неузнаваемости! Она стреляла! Прикинь! Стреляла! В них, конечно! У нее даже ножа не было. Она влезла в полное дерьмо, но черт ее знает. Вышибла себе мозги, наверное. Как та, другая, Бриджит. Чтобы они не добрались. Сам подумай!

Кайл прикрыл рот ладонью. Они с Дэном были последними, кто видел ее живой. Возможно, полиция изымет фильм как доказательство. Он тут же проклял себя за эгоизм и повернулся к Гоналу:

– Макс нас обоих использовал.

– Да уж, наверное.

– Ты был на Кларендон-роуд? На ферме?

– Неа. Только снимал дом в Холланд-парке снаружи. Макс не получил разрешения. И с Францией не вышло. Так что снимал Марту в Сиэтле. С медиумом.

– Медиумом? И что вы там делали? Столы вертели, что ли?

– Типа того. Макс хотел, чтобы я поговорил с одним старым говнюком, бывшим копом. Но после Марты мне захотелось чего-то… поострее, типа. Без медиума сейчас в телик не пробьешься.

– И что там нашлось «острого»?

Казалось, что сильнее побледнеть уже невозможно, но Гонал справился. Подбежал к дивану и принялся рыться в бумагах и дисках:

– Я еще раз это смотреть не буду. Я выйду. Все пошло наперекосяк. Знаешь, что случилось с моим медиумом, Маджентой? Она просто убежала в пустыню! Там было что-то! Увидишь на паре кадров. – Он посмотрел на Кайла. Губы у него дрожали, как будто он пытался сказать что-то. – Оно было в воздухе. Над нами.

– Оно прикоснулось к тебе? – У Кайла пересохло в горле.

– Че? – Гонал отступил на шаг, как будто Кайл был заразным, а своим вопросом только подтвердил диагноз. – Нет. Ко мне нет. А к тебе?

Кайл кивнул.

– Они тебя… трогали? – Его голос был еле слышен.

– Кажется. В Нормандии. В храме. Не уверен. Я думал, именно так они начинают тебя… преследовать.

Гонал вдруг принялся оглядываться, его посетила новая мысль:

– Ты ниче не находил в своих шмотках?

– Что?

– Когда я вернулся из Сиэтла, в кейсе с камерой лежала кость.

– Кость?

– Ага. Типа как палец. Черный, обгоревший. Маленький такой.

– И где он?

– Да выкинул конечно, дрянь такую. Но они, наверное, так следили за мной. Откуда им иначе знать? Как по-твоему?

– Небесные письма.

– Че?

– Так их называла Катерина. Артефакты. Полиция отдавала их экспертам в университет. Им пятьсот лет. Белиал сказал, что они от старых друзей. Как такое вообще возможно?

Гонал задрожал, и Кайл испугался, не заплачет ли он.

– Малькольм. Сны. Ты их видишь? Видения?

Гонал глумливо осклабился от вопроса, но лицо его вдруг обмякло. На губах показалась слюна. Он снял очки, вытер глаза засаленным рукавом халата. Шмыгнул носом и кивнул:

– Я больше не сплю. Не могу. – Он посмотрел на Кайла снизу вверх красными мокрыми глазами. – Вот откуда они берутся. Пробираются в башку.

Кайл отвернулся от Гонала и тут же споткнулся о пару грязных тапок, брошенных у столика. Подошел к окну, надеясь подышать свежим воздухом. В висках билась кровь. Он чувствовал себя почти невесомым, и ему было очень жарко.

Малькольм последовал за ним, шаркая маленькими ступнями в веселеньких носках.

– Я был в разных жутких местах. Они приводят меня туда. Все птицы мертвые. Все горит. Собаки воют. Люди плачут. Это ад. Они хотят забрать меня в ад за собой. Теперь я вижу их, даже когда не сплю. Все осталось в моей голове! – Его голос упал до шепота, и он в страхе посмотрел на потолок. – Я там был. Они вытащили меня из собственного тела.

Кайл снова рухнул на диван и уставился на свои ноги, не видя их. Доказательство. Вот оно, доказательство. Теперь никто не скажет, что он сошел с ума. Но скоро сойдет. Вот он, Малькольм Гонал, его будущее. Краем глаза Кайл заметил, что пол словно мерцает, дрожа. Это уже не просто усталость. Его охватило ощущение полной ирреальности, он едва не терял сознание.

– Спать, – выдавил он.

– Нет, нет, нет, – судорожно затряс головой Гонал, – ты не хочешь спать. Они приходят во сне. Подумай об этом. Они впервые увидели их в Нормандии. В трансе. В шахте под кислотой. В нашем мозгу есть такие зоны, которые их видят. Не спи! Оставайся в сознании! На свету! Не спи даже днем, а то они придут.

Гонал заколотил ручонками по воздуху и закричал. В углах рта показалась слюна:

– Они хотят войти! Но они ненавидят свет! Ненавидят!

Кайл встал, держа в руках диск. Мысли еле шевелились в голове. Если он не выберется из этой смердящей квартиры, от этого сумасшедшего, с ним тоже случится истерика. Но Гонал схватил его за руку трясущимися пальцами:

– Знаешь. Мы должны держаться вместе. Мы сможем их отогнать. Подумай. Один будет смотреть, другой спать. Когда они успокоятся, сходим за едой.

– А если не успокоятся? – Кайл высвободил руку.

– Тогда есть другой способ, – глаза Малькольма за очками расширились.

Кайл невольно прислушался.

– Им нужен Макс. Подумай об этом. Он все начал. Мы им зачем? Я даже больше не снимаю. Да и ты. Ты не можешь. Ты бросил. А если мы им поможем… – Он уже заговорщицки шептал, приблизил свое круглое лицо к уху Кайла, и тот отшатнулся: изо рта толстяка несло. – Мы отдадим им Макса. Подумай. Он нас в это втравил. Он нам врал. Он им нужен. Наверное.

– Нет, – Кайл двинулся к двери.

– Нам придется! Марта, Бриджит! Они выжили. И Макс тоже. Она хочет вернуть их. Не нас. Не меня. Не тебя.

– Но мы знаем. Ты разве не видишь? Мы знаем.

«Этого достаточно». Знание ее секретов само по себе было достаточным проступком и основанием для наказания. Кайл не понимал, почему так уверен в этом. В нем говорил чистый инстинкт, а не разум, но теперь ему приходилось воспринимать мир без помощи рациональных законов.

Гонал неожиданно заметил DVD-диск в руках Кайла. Его жирное лицо исказилось:

– Я понял! Сука! Ты хочешь украсть мой фильм! Тебя подослал Макс.

– Нет…

– На хрен! Ты знаешь, кто я? Кто я, а? Ты, вообще, кто такой? Ты ничто! Ничто! Я занимал первые строчки чартов!

Кайл бросил диск в лицо Гонала, как фрисби.

– Оставь себе это дерьмо, – он сгреб Гонала за грудки. Халат оказался мокрым и сальным на ощупь, – я приехал посмотреть, не сможем ли мы помочь друг другу. Но ты ни хрена не знаешь. Ты в дерьме. Прячешься в грязи и клеишь газеты на стены. Ждешь смерти. И все? Больше ты ни на что не способен? Ты помочь мне не можешь, – Кайл отпустил Малькольма. – И я тебе даже довериться не могу. Никто не может. Ты прогнил насквозь. Неудивительно, что они так хотят утащить тебя за собой.

Кайл пошел к двери.

Гонал побрел за ним, всхлипывая:

– Не уходи! Не надо, – а потом вдруг заорал: – Ты за все заплатишь!

– Уже, – ответил Кайл и пнул дверь с такой силой, что треснул большой мусорный пакет.

Двадцать три

Вуд-грин, Лондон.

23 июня 2011 года. 22.00

– Эй! Приехали!

Кайл не помнил, как сюда попал. Он уехал из Нью-Кросс на такси и прямо в машине провалился в беспокойный сон. Ему хотелось проспать здесь неделю. Интересно, на кредитке Макса хватит столько денег?

Расплачиваясь, Кайл скалился, как идиот. Надо было снять себя самого на камеру: нервного, издерганного, беспрерывно болтающего. Сделать о себе документальный фильм «Кэбмен», пока идею не свистнул Морган Сперлок [8]. Возможно, другого способа выжить не осталось: жизнь на улице, или в толпе аэропорта, или на заднем сиденье такси. Навсегда. Вода в бутылках, еда с заправок и из кафе, больной желудок, странные сны, постоянное перемещение, постоянный свет. «Они ненавидят свет!» Он слышал в голове крик Гонала.

Спал Кайл недолго, глубоко и не без сновидений.

В какую-то секунду в черной пустоте сверкнули жутким алым светом костяные твари. Он подскочил на секунду или две, отер подбородок от слюны. Спать хотелось так, что он безрассудно отрубился снова. Теперь ему явился Малькольм Гонал в деревянной короне, который в каком-то темном помещении сучил ногами в воздухе, паря над полом, и хитро улыбался, как будто делал что-то умное. И еще Марта смотрела в серое небо над шахтой и курила сигареты, ожидая чего-то. Остального Кайл, к счастью, не запомнил. Сон его освежил. Глаза жгло, болела шея, но по крайней мере он теперь соображал проворнее.

– Удачи. – Такси уехало, и Кайл остался один на темной холодной улице.

В квартире Гавриила горел свет. Кайл позвонил. Огромная негритянка приоткрыла дверь, накинув цепочку.

– Уже поздно, вы к кому?

Кайл объяснил, что он друг брата Гавриила. Она понятия не имела, о ком идет речь. «Он что, переехал? Он, вообще, еще жив?» Кайл замер в оцепенении. Но прежде чем женщина закрыла дверь, он услышал слабый голос Гавриила:

– Кто там?

– Гавриил! Это Кайл, – крикнул он, – срочно!

– Артур, кто такой Гавриил? – спросила женщина, обернувшись через плечо.

Повисла тишина, а потом сектант ответил:

– Впусти его!

Брат Гавриил вернулся к своему настоящему имени – старика звали Артур Смит. Женщина была его сиделкой. А может, и сиделкой его матери заодно. Теперь в присмотре нуждались оба. Ее прислал Макс.

То, что осталось от Гавриила, Кайл нашел в захламленной гостиной. Смит сидел в грязном кресле перед мерцающим газовым камином. К счастью, ноги калеки закрывал клетчатый плед. Во время съемки во Франции Кайл удивлялся, какой Гавриил худой. Но тогда он выглядел еще относительно здоровым, а сейчас от него остался лишь хрупкий скелет, съежившийся в кресле, слишком большом для тщедушного тела. Серая кожа, мутные глаза, безгубый слюнявый рот и безразличное выражение лица, как будто его накачали лекарствами. В комнате пахло больницей. Столик загромождали пачки таблеток и бутылочки воды, у стены стояла инвалидная коляска, а на диване лежали два костыля. Спрашивать, как Артур себя чувствует, было бессмысленно.

– Мне теперь наплевать, – прохрипел он, прежде чем Кайл успел извиниться за то, что не навестил его в больнице.

– Простите?

– На фильм. На все.

Кайл кивнул, попытался ободряюще улыбнуться, но не смог:

– Я… простите меня. Все вышло из-под контроля. Я вынужден был сюда прийти. Мне нужна ваша помощь.

Гавриил поднял маленькую костлявую руку, но тут же уронил ее. Безнадежность жеста, казалось, прекрасно подытожила всю ситуацию.

– Мы все в одной лодке. Все, кого использовал Макс. И я пытаюсь понять, как он это сделал и почему, – продолжил Кайл.

– Думаете, я знаю?

– Во Франции. На ферме…

– Я не хочу об этом думать, – Гавриил потряс косматой головой.

– Вы нам не все рассказали о сестре Катерине. И о том, что случилось на ферме в семидесятых.

– А сейчас какая разница? И я говорил, что во второй год меня там не было.

– Вы должны что-то знать. Я собираю информацию по крупицам, у людей, которые ничего не понимают так же, как и я. Женщина в Америке рассказала, что некто, кого она называла старыми друзьями, приходил в храм. В пустыне. И оставлял после себя кости, одежду, обрывки ткани. Но Катерина приехала в Америку уже с целой коллекцией таких предметов. Значит, она находила их и во Франции? На ферме? Древние вещи. Артефакты. Вы что-то о них знаете?

Гавриил раздраженно вздохнул:

– Мы находили их в храме. Когда начались видения. Когда и пришли они. Я никогда не видел сущности. Но они там были. Мы слышали их над головой, они двигались под стропилами. Поэтому я и убежал.

– Что вы видели? Какие видения?

Гавриил молча смотрел на свои колени, потом поднял голову:

– Как будто конец света. Огонь. Пожар. Лай собак. Я туда пришел не для такого.

– А наркотики были?

– Нет, у нас даже еды не было. Мы голодали. Слабые, больные, мы почти умирали. Я вам правду рассказал.

– Но не всю. Теперь оказывается, что были видения и еще предметы, остающиеся после них. Что это? Что появлялось на той ферме?

Гавриил пожал плечами и вздохнул:

– Не знаю. Какие-то кости, старая одежда. Я старался на них не смотреть. У Макса спросите, он знает. Я только ради денег согласился. Ну, на ваш фильм.

– Почему вы ничего не рассказали во Франции?

– Не смог. Они все еще были там. Я чувствовал их запах, ощущал их присутствие. Они злились. Как в

последнюю неделю перед моим побегом. Я испугался.

– Сущности? Они были там с нами?

Гавриил посмотрел на горящий камин. Кивнул. Казалось, он сейчас заплачет:

– Они оставили меня в покое. Надолго. Я забыл о них. А потом начались сны, и тут же появился Макс. Мне нужны были деньги. Но на ферме я осознал, какую ошибку сделал. Ну, что опять туда приехал. Я не хочу, чтобы они вернулись, чтобы пришли сюда.

– Боюсь, они все равно придут. Они, кажется, навещают старых знакомых по всему миру. Но как? Что они такое? Скажите мне, пожалуйста.

Гавриил шумно сглотнул:

– Вы ничего не сможете сделать. А мне уже все равно. Эта жизнь… – Он замолчал и возвел глаза к потолку.

Кайл опустился рядом с ним на колени и тронул его за руку – как будто флейту взял.

– Расскажите мне, что вам известно, Гавриил. Мне нужно знать все, прежде чем я пойду к Максу. Он мне ничего не говорит. Лжет.

Гавриил улыбнулся:

– А раньше вы бы и не поверили. Решили бы, что он бредит. А вот сейчас, возможно, вы готовы.

– К чему?

– К тому, что он обнаружил. Он и мне ничего не сказал. Я ему никогда не нравился. Макс просто хотел, чтобы я зачем-то поехал во Францию. Боюсь… – он сглотнул, – я был наживкой.

У Кайла закружилась голова:

– Боже!

– Думаю, он хотел, чтобы они попали на пленку. Решил, что мы с Исидой сможем их привлечь. Когда я ушел из Собора из-за того, что Катерина привела их, мне написал мой друг, Стюарт. Тогда его звали брат Авраам. Он остался на ферме и писал мне несколько раз. Тайком отправлял письма, когда ходил за водой. Уверял, что хочет уйти. Просил прислать денег на паром. Я был на мели, но занял у родителей и перевел ему. Еще он попросил встретить его на вокзале Виктория. Назвал день и время, но не приехал. И больше я ничего о нем не слышал. И о других тоже. Я искал брата Авраама, когда вернулся в Лондон, и не нашел никаких следов. Когда несколько месяцев назад на меня вышел Макс, я спросил, не знает ли он, где Авраам и другие. Он сказал, что искал. Что они пропали много лет назад.

– И велел ничего не говорить мне и Дэну.

Гавриил не ответил – только устало взглянул на Кайла.

– Вы обращались в полицию?

Старик покачал головой:

– Я знал только, что они остались во Франции. Или отправились с Катериной в Америку. Она умела быть очень убедительной.

– А вот сейчас, двадцать лет спустя, что о вас подумают?

– Мне плевать. Идите в полицию.

– Думаете, они мне поверят?

Гавриил улыбнулся еле заметно, но все же была в этой улыбке тень триумфа.

– Авраам хотел уйти, он говорил, что там небезопасно. Что Семеро попытались захватить власть, и только Геенна и Беллона сохранили верность Катерине. А она хотела сделать что-то ужасное. Из-за этого начался бунт. А еще он сказал, что сразу после бунта случилась ужасная гроза. Буря. И в ней пропали трое детей. Их так и не нашли. А еще пятерых отступников, которые пытались свергнуть Катерину. И собак. И куриц. Все пропали. В новостях об этом не упоминали, я проверял. Никакой бури в Нормандии. Брат Авраам сказал, что люди просто улетели в небо. Вверх! И не упали! – Он сглотнул. – Я решил, что он сошел с ума. Убедил себя в этом. Ну тогда… сейчас я в этом не так уверен. Но он писал что-то о «Нечестивой свинье и дожде из черных костей». Этого я никогда не забуду. Во время грозы на ферме что-то случилось. Думаю, поэтому они и уехали в Америку. Потому что на ферме продолжали пропадать люди. И дети. Я сохранил то последнее письмо.

– Отдайте его мне. Где оно?

– У Макса.

Двадцать четыре

Мэрилебон, Лондон.

23 июня 2011 года. 23.45

Макс не брал трубку с того момента, как Кайл с Дэном приземлились в Хитроу. Была почти полночь, и Лондон светился мириадами огней за грязными окнами такси, катящего в Мэрилебон. Из-за тряски Кайл опять задремал. Резко проснулся, снова позвонил Максу и вдруг понял, что волнуется за своего работодателя. Что, если они добрались до Макса? Если он не смог себя защитить, что будет с Кайлом? Гонал битву явно проиграл, а Гавриил, кажется, и вовсе ждал смерти.

«Несчастный доходяга». Симуляторы дневного света помогали плохо. «Как? Как это вообще возможно?» – спросил Кайл про себя и сунул телефон в карман.

Тот немедленно зазвонил. Чуть не сорвав молнию, Кайл вытащил его. Маус.

– Боже мой, Кайл, что это за дрянь?

– Материалы у тебя?

– Дэн принес. Выглядит он хреново, совсем ты его заездил. Или вы поссорились?

– Я не могу сейчас объяснить, но, если… – вдруг ему пришла в голову идея, – я сейчас отправлю тебе предварительный монтаж со всех съемок. Начинай сборку без меня. Без всяких выкрутасов, просто склей все в осмысленном порядке. Хорошо?

– Что за спешка?

– Не могу объяснить, но мне нужен хоть какой-то цельный материал.

– Какой длины?

– Все равно.

– Сделаю, только тебе в копейку влетит, потому что это мое личное время.

– Не проблема. И спасибо тебе. Просто скажи, сколько я должен. Нет, лучше пошли счет прямо «Ревелейшн Продакшнз».

Такси остановилось. Кайл сунул чек за поездку в карман, и тут из дома Макса вышел швейцар и

открыл дверь:

– Мистер Фриман?

Кайл кивнул, удивленный.

– Мистер Соломон ожидает вас, сэр, – улыбнулся швейцар.

Айрис провела Кайла по квартире, которая была освещена еще ярче, чем в прошлый раз.

– А где игровые автоматы? – поинтересовался он у Айрис, которая оставила вопрос без внимания.

Дверь в кабинет Макса была распахнута, но там никого не оказалось. Айрис даже не замедлила шаг, проходя мимо. Они миновали обширную кухню, отделанную синим и белым мрамором и заставленную посудой из нержавеющей стали. Кайл заглянул в ванную: сияло там как в операционной. На всех дверях в коридоре, кроме одной, висели новенькие замки. Мир света, которым Макс себя окружил, сжимался. Айрис провела Кайла в спальню.

– Мой дорогой Кайл, – сказал Макс, он сидел, обложившись подушками, в кровати размером с квартиру Фримана. – Айрис, благодарю, – горничная тут же закрыла за собой дверь.

Кайл воззрился на него. Оранжевый загар Макса выцвел до карамельного цвета. На изможденном лице застыла гримаса, как будто он постоянно выслушивал какие-то ужасные новости. Из-под тяжелого одеяла виднелись только худая шея, руки и голова. Помимо одеяла, тщедушное тело основателя Последнего Собора согревала красная шелковая пижама и халат с узором пейсли.

Перед кроватью стоял стул, приготовленный для посетителя. Для него. Обескураженный, Кайл не знал, что делать. В этом весь Макс. Кайла сжигала ярость с того момента, как он уехал из дома Марты Лейк в Сиэтле, он придумал кучу способов отомстить лживому старику-манипулятору. Но демонстрация слабости его обезоружила. «Это что, уловка?»

– Приношу свои извинения, Кайл. Боюсь, я сейчас не в лучшей форме.

– А кто в лучшей?

– Ну мало ли…

– Скажи это Марте.

Глаза Макса вспыхнули тревогой:

– Ты слышал?

– Мне рассказал Малькольм Гонал.

– Боже мой, зачем ты говорил с этим отвратительным человеком?

Кайл со вздохом плюхнулся на стул:

– Макс, это просто невероятно. Ты все еще продолжаешь вешать мне лапшу на уши.

– Прости? – Недоумение Макса казалось искренним.

– Боже мой, зачем ты нанял этого отвратительного человека для съемок фильма? – передразнил Кайл.

Макс вздрогнул и поднял маленькие руки, как будто голос Фримана причинил ему боль.

– Сейчас это не имеет значения.

– Для меня имеет. Он – ничтожество. А я помню, как ты соловьем заливался, расписывал, как

восхищаешься моей работой, когда нанимал меня. Зачем? Тебе же было совершенно наплевать на то, кто снимет этот фильм, если сначала ты выбрал этого дебила!

– Марта умерла вчера, а ты думаешь только об этом? Кайл, я удивлен.

– Нет. Не начинай. Хватит вилять. Я не это имел в виду.

– А что же? Если я тебя расстроил, сначала предложив работу ему, то приношу свои извинения. Проект нужно было начать срочно, и у меня не было времени на поиски людей. А про него все говорили, что он крайне настойчив.

– Настойчив! Да в твоем фильме и слова правды не было бы. Ты даже минуты из него никому не смог бы показать.

– Сейчас я это понимаю. К сожалению, я ошибся.

– Почему ты мне не сказал, кого нанял? А? Я знаю почему. Потому что никакого продолжения не планировалось. Ты не хотел показывать этот фильм, ты делал его для себя. Это не съемки – это расследование. Гавриил осознал это слишком поздно, когда уже попал в капкан. Мы – приманка. Мы все вызываем огонь на себя. Мы – пушечное мясо.

Закрытые веки Макса задрожали, дернулся тонкогубый рот. Но эта демонстрация слабости Кайла не остановила. Или Макс просто намекнул на его дурные манеры?

– Меня могли выпотрошить в номере американского мотеля. Какая-то тварь. Никто не знает, что это, кроме тебя. А ты крайне выборочно выдавал нам информацию. В результате Гавриил лишился ноги, а меня и Гонала уже сегодня ночью могут разорвать на куски. Сьюзан тоже убили они? Вот как она умерла? За ней пришли старые друзья?

– Не надо. Пожалуйста.

– У меня в Сиэтле чуть инсульт не случился вперемешку с инфарктом, – Кайл осекся. Макс плакал, отвернувшись к окну, как будто в комнате уже никого не было. Кайл сбавил обороты: – Макс. Кто они? Что происходит? Расскажи, пока не стало еще хуже. Макс?

Тот наконец посмотрел на него. Он говорил шепотом, и голос у него дрожал:

– Как бы невероятно это не казалось, Марте и Бриджит повезло. Сьюзан тоже, – Макс сглотнул, – но очень многих… забрали. В другое место.

Вряд ли Макс притворялся, что ему горько. Но его внезапная откровенность не принесла Кайлу облегчения. «Другое место». От этих загадочных слов у него во рту пересохло. В комнате стало душно. Он как будто держался за якорь, несущийся ко дну океана. В памяти всплыли обрывки собственных снов, рассказы Гонала и Гавриила, то, что показала ему Марта.

– Что? – Больше он ничего не смог из себя выдавить, голос срывался, как у Макса.

Соломон вытер глаза платком, который вытащил откуда-то из-под одеяла, как кролика из шляпы.

– Мне жаль. Правда, – он покосился на графин, стоящий на тумбочке. – Не откажешься?

Кайл встал, чтобы разлить бренди по бокалам.

– Только честно, Макс. Шутки кончились. Я никуда не уйду, пока не узнаю все.

Макс шмыгнул носом и сел поудобнее:

– Конечно. Но у меня были определенные причины не рассказывать тебе все. Для начала, ты бы мне не поверил, как не поверила бедная Сьюзан Уайт. Я пытался ей все объяснить. И ты правильно понял, что с

ней случилось, – Макс вздрогнул. – Я видел потолок над ее кроватью. Боже мой…

– О господи!

Макс прижал платок к глазам, как будто пытаясь стереть видение:

– Она умерла от одного вида ночного гостя. Ее бедная дочь решила, что это пятно от воды, трубы протекли. Представляешь, что она подумала бы обо мне, если бы я пытался объяснить, почему ее мать умерла от страха? Кто вообще может мне поверить? Любой посчитает сумасшедшим. Я не могу обратиться ни в полицию, ни даже в церковь. Ты видел достаточно, чтобы это понять.

– Ты все знал и подверг нас опасности…

– Кайл! Я не знал. Я сам понял только в процессе.

– Не ври мне.

– Думай как хочешь, – Кайлу вдруг показалось, что Макс устал не меньше него. Он потянулся к бренди, тяжело дыша. – Да, я не рассказал тебе о некоторых фактах, которые знал, но лишь потому что они были невероятными. Я не думал, что дойдет до такого. Что она… что она, в принципе, сможет все это сделать.

– Да кто? О чем ты?

– Нас убивают, потому что мы совершили самое страшное преступление против нее. Бросили ее. Это ее месть.

– Макс, ты говоришь о сестре Катерине? Она умерла в семьдесят пятом году.

Соломон не счел это замечание достойным внимания и продолжил говорить будто бы сам себе:

– Если ты совершил ужасное преступление, то постараешься уничтожить улики. Так поступают тираны. Всегда поступали.

– Да о чем ты?

Макс посмотрел на Кайла, как старый мудрец на молодого идиота:

– Это больше не должно тебя волновать.

– Что?

– Выслушай меня, пожалуйста. Я прошу об одном, последнем одолжении. Я могу только надеяться, что с тобой и Дэном все будет… хорошо. Я полагал, что только те, кто был связан с нею в Храме, могут погибнуть таким неприятным образом. Но когда я поручил тебе съемку фильма, то навел их и на тебя. Я должен был все понять раньше.

– Я думал, ты понимал, что делаешь.

Макс посмотрел на свои руки, которыми беспокойно водил по одеялу:

– Возможно… возможно, мое желание отыскать истину и уберечь себя было сильнее заботы о других. Я готов это признать, если тебе станет легче.

От этой жалости к себе Кайлу захотелось ударить Макса по голове стулом. Он глубоко вздохнул и сделал глоток бренди. Его тут же чуть не стошнило.

– Вот мы наконец говорим, Макс. Ты, кажется, в кои-то веки говоришь мне правду. Пожалуйста, продержись еще немного, пока я не пойму, что со мной случится, когда я вернусь в свою занюханную квартиру и ночью впаду в кому. От истощения из-за проклятой постановки. И в таком состоянии я не смогу защититься от твари, которая умеет проходить сквозь стены. Прямо сейчас речь идет о моей жизни, урод!

Макс устало закрыл глаза. Потом открыл, приподнял выщипанную бровь:

– Завтра я переведу тебе оговоренную сумму. Будь так любезен, раздели ее с Дэном. Считай это ранней компенсацией за то, во что я тебя втянул. И позволь тебе напомнить, что, даже если ты смонтируешь фильм, он остается собственностью «Ревелейшн Продакшнз», и ты ни при каких обстоятельствах не имеешь права кому-либо его демонстрировать. До тех пор пока я не решу начать распространение.

– Ты не в том положении, чтобы выдвигать мне требования.

Перспектива финансового краха отравила последние два года жизни Кайла. То, что крупная сумма должна была на него свалиться накануне смерти, казалось символичным, если не уместным совпадением. От столь злой иронии ему, казалось, стало еще хуже, если это вообще было возможно. Судя по всему, было.

– Нет, но с этим вполне справится мой адвокат. Я оставил инструкции относительно судьбы фильма после моей… после того как моя участь будет решена. А это произойдет скоро, – Макс почти выплюнул последнее слово. Кровь, которая еще оставалась в его высохшем теле, отхлынула от кожи. – Видит Бог, ты получишь свой фильм. Когда-нибудь. И эта история…

– Фильм? Макс, я могу не дожить до утра. Мне плевать на этот проклятый фильм. И, судя по тому, сколько комнат ты позапирал, довольно скоро старые друзья придут к тебе в постельку.

Макс сжал кулаки:

– Пожалуйста, не говори так!

– Ты ведешь себя как плохой политик. Столько слов, а, что происходит, ты мне так и не сказал. Макс, мы напрасно теряем время!

– Я как раз к этому подходил, – старик перевел дыхание, – завтра ты летишь в Антверпен. И…

– Стоп. Антверпен? А Голландия-то тут при чем?

– Бельгия.

– Да какая на хрен разница. Я никуда не поеду. Ты, вообще, слышал, о чем я тут говорил?

– В Антверпене есть частная галерея…

– Макс!

– Кайл! Захлопни пасть!

Ошеломленный, Кайл повиновался.

– Спасибо, – кивнул Макс, – итак, галерея. Там хранится триптих фламандского художника Никласа Ферхюльста. Вряд ли ты о нем слышал. Он был сыном богатого купца, и он выжил. Выжил после чего-то столь ужасного, что можно понять, лишь взглянув на его работы и осознав их. Это невозможно описать словами.

– Картины…

Макс повысил голос:

– Именно в его необыкновенных работах заключена история, которую ты ищешь. Последняя репродукция датируется двадцатыми годами, тогда сделали несколько фотографий картины и опубликовали в книге, которую давно не найти. Других следов этого триптиха не существует. О нем забыли. Те, кто знает о его существовании, полагают, что он был уничтожен во время Второй мировой. Считается,

что он… приносит несчастье. Но я могу организовать для тебя частную экскурсию. – Кайл попытался вмешаться, но Макс поднял руку и заговорил громче: – Семья, владеющая им, очень эксцентрична, как и их коллекция. Я подружился с ними во время своих изысканий по истории Храма Судных дней. И я обнаружил, что они знают о том, что мы сейчас испытываем. Это одна из основных причин, по которой они держат картину в тайне.

Макс отвернулся от Кайла и погрузился в неприятные воспоминания.

– На случай, если ошибки повторятся… В другие времена… И это случилось. Причем не раз со времени написания картин.

Кайл покачал головой:

– Макс. У меня нет времени разъезжать по Бельгиям и смотреть на картинки. Я имею в виду… Наши жизни в серьезной опасности. Прямо сейчас.

– Значит, наша совместная работа закончилась. Ты можешь идти.

Кайл упал на стул и закрыл лицо ладонями. Все бесполезно. Зря он надеялся, что придет сюда и Макс выложит ему правду. Опять ложь, опять загадки, еще одно путешествие. Доколе? Пока не найдут его труп с глазами и ртом, распахнутыми от ужаса? «Или ничего не найдут». Он поежился.

– Если я уйду прямо сейчас, со мной все будет в порядке? А с Дэном?

Макс поджал губы и как-то сжался, будто бы всем своим видом говоря: «А что я могу поделать?»

– Надеюсь… не уверен.

Кайл неприятно улыбнулся:

– Это шантаж.

– Предпочитаю термин «переговоры».

Кайл встал, дрожа от ярости, ему хотелось плакать. Соломон вздрогнул.

– Ты впутал меня в это. И думаешь, что я буду на тебя работать? Ты такой же, как она. Как Катерина. Из того же теста

– Не смей так говорить!

– А в чем разница? Ты используешь людей. Как будто все, на что мы годимся, – удовлетворение твоих потребностей.

Макс прищурился. Его улыбка больше напоминала гримасу.

– Дорогой Кайл. Ты получил возможность увидеть настоящие чудеса. И снять невероятный фильм. Я дал тебе цель в жизни. Лучшие начинания всегда связаны с риском, разве нет? Ты своими глазами видел то, что до сих пор бродит по дому на Кларендон-роуд. Ты мог бросить все задолго до того, как попал в Нормандию. Большинство бросили бы, и кто бы их осудил? Но ты так не сделал. Ты даже поехал в Америку – после того, что увидел в домике этой суки. Я впечатлен, Кайл. Уверен, бедного Дэна пришлось долго уговаривать.

– Ну ты и сволочь.

– Возможно, даже ужасы Судных дней лучше еще одной смены на складе.

– Откуда ты…

– Я ответил на твои молитвы. Тебе грозило банкротство, как я слышал. Ты до конца своих дней снимал бы свадьбы. А я дал тебе шанс. Шанс стать кем-то, кроме автора роликов на ютьюбе. Ты висел над

пропастью, а я протянул тебе руку.

– Я пошел, – Кайл направился к двери.

– Кайл!

Тот взялся за дверную ручку.

– Я знаю, о чем ты думаешь. У тебя есть деньги и отснятый материал, так что нужно просто убежать. Но есть места, где деньги не помогут. Царство дураков, изображенное Ферхюльстом. Так что либо ты полагаешься на меня и надеешься, что я преуспею в своем желании одолеть ее, либо бежишь. Но если я не преуспею, то тебе останется, как и всем нам, ждать смерти.

Кайл повернул ручку.

– Пожалуйста! Ты мне нужен.

Кайл остановился.

– Посмотри на триптих! И ты все поймешь! Обещаю!

Кайл открыл дверь и вышел.

– Подожди! Пожалуйста! История! Ты должен рассказать историю! Ты рожден для этого!

Он вдруг понял, что не хочет уходить, и возненавидел себя за это. Перед глазами пронеслись, как в быстрой перемотке, Сьюзан Уайт, Гавриил, Конвей, Суини, Эмилио, Марта Лейк; съемки в трех странах, ужасная тайна, на которую он наткнулся и в которую влез. Он знал, что всегда будет думать о шахте в Аризоне. О том, что же там случилось на самом деле. Всегда будет плохо спать. Бояться любого пятна на стене и шагов над головой. Будет возвращаться в мыслях, а то и во плоти в те места, чтобы посмотреть, ужаснуться, подумать. Он не мог вынести знания, но и незнание мучило с той же силой. Сколько раз за всю карьеру у него была такая возможность? Это же шанс стать тем, кто он есть. Показать всем, кто сомневался в нем и отвергал, что он собой представляет. Дело жизни. Возможно, последнее. Кайл сделал глубокий вдох.

– А если – *если* – я поеду и посмотрю на эту картину. Если доживу, конечно. Я узнаю все? Все, что ты знаешь?

– Даю слово. Когда ты вернешься – а ты должен вернуться, должен. Ты будешь знать то, что пришлось понять мне. Понять и принять. Подлинное наследство сестры Катерины – Кровавые друзья.

Двадцать пять

Антверпен.

24 июня 2011 года. 11.30

– Макс просил меня рассказать вам о Никласе Ферхюльсте и Кровавых друзьях, правильно?

Кайл пожал руку доктору Питеру Гимену:

– Он отправил меня изучать какие-то картины.

– Вовремя, – нахмурился Питер, – к таким вещам нельзя относиться легкомысленно. – Потом он расслабился и улыбнулся: – Может быть, кофе? Или пива? Пива, наверное.

– Еще рано.

Питер покачал головой:

– Пиво подойдет лучше всего. Поверьте.

Они встретились на вокзале. Специалист по эпохе Возрождения уже ждал его на платформе, куда прибыл экспресс из аэропорта. Кайл сомневался, видел ли он когда-нибудь раньше человека в галстуке-бабочке. Даже удивился тому, что любой человек, связанный с Максом, оказывался эксцентричным, так как доктор Питер Гимен напоминал типичного безумного ученого. Снежно-белые волосы стояли дыбом, а узкое лицо, казалось, состояло лишь из носа, маленьких очков и густых бровей, как у одного из персонажей «Маппет-шоу», имени которого Кайл не мог припомнить. Сразу захотелось поделиться этой мыслью с Дэном, без которого он чувствовал себя очень одиноким и уязвимым.

За время полета Дэн звонил ему пять раз. От одного его имени в списке пропущенных звонков Кайл чувствовал тепло и облегчение. После ночи вдали от лучшего друга ему очень захотелось все уладить и забыть о ссоре в Сиэтле. Дэн оставил два сообщения – голос у него был непривычно тихий и очень неуверенный.

«Ты где. Позвони мне. Блин. Ты не поверишь. Я тут кое-что нашел. Боже».

Потом послышалось затрудненное дыхание и какие-то звуки, как будто тащили что-то тяжелое. Камера? После чего истекло максимальное время сообщения. Звонили в пять утра, когда Кайл проходил контроль в Станстеде. Он встал с дивана в кабинете Макса в полчетвертого утра. Спокойно проспал три часа, а потом Айрис разбудила его и принесла тост и кофе, как раз перед тем, как приехало такси. Самолет в Антверпен отправлялся в шесть утра.

Второе сообщение пришло через двадцать минут после первого. «Блин. Это странно. Немедленно позвони мне! Да возьми ты трубку!» И еще три звонка от Дэна, через десять, двенадцать и шестнадцать минут после второго сообщения. Приехав в Антверпен, Кайл звонил ему дважды. Тот не отвечал, так что Кайл оставил голосовые сообщения, в которых пытался объяснить, где он и что делает. Наверное, Дэн вернулся к Маусу, и они всю ночь отсматривали материалы. Может, нашли что-то странное в видео или звуке.

А потом он вдруг подумал, что Дэну может грозить опасность, и он в этом виноват. Кайлу вдруг стало холодно, и он чуть не бросился обратно в самолет.

Нет. Он здесь, в одном шаге от разгадки того, за чем они охотились в темноте. Он должен узнать. Нужно потерпеть, пока Дэн не проявится сам. Скорее всего, он просто нашел странное изображение на записи, случайно попавшее в кадр. Еще одно.

– Вы в первый раз в Антверпене? – Питер нарушил тревожное молчание. Они вышли с вокзала и шли по улице Кайзерляй.

Доктор походил на старого танцора – модные кожаные туфли, дорогой костюм-тройка. Он улыбался, как будто ему очень нравилось быть гидом. Шел он быстро, легко пробираясь между пешеходами, велосипедистами и трамваями, а город разворачивался вокруг, еще больше утомляя и без того измученный разум Кайла. Он даже задумался, скоро ли усталый мозг достигнет максимальной активности и отключится.

– Не то, чего вы ожидали? – Питер улыбнулся и, кажется, слегка поклонился, от чего Кайл почувствовал себя важной персоной, как будто его спутник долго мечтал о встрече с ним.

Этот человек обладал профессиональной степенностью, автоматически притягивавшей внимание слушателя. Кайлу очень захотелось снять его и все вокруг. Город действительно не походил на то, что он ожидал: Кайл думал, что увидит копию унылого британского городка семидесятых, хотя и не мог сказать почему, – он ничего не знал об Антверпене.

Питер подвел Кайла к такси.

– Денек отличный, но у нас мало времени. Вы сегодня же летите обратно, так что мы поговорим, а потом кое-что посмотрим.

– У меня самолет в шесть.

Питер кивнул и, едва они сели в такси, сказал:

– Давайте я расскажу вам о городе. У меня есть друг, тоже англичанин, он тоже занимается искусством. Он прожил тут два года и каждую неделю рассказывал мне, что обнаружил новую площадь. Говорил, что этот город наполовину сказка, а наполовину готический кошмар. Хотел бы я так видеть, – грустно добавил он.

Смотря в окно машины, Кайл понимал, что Питер имеет в виду. Под ярким синим небом позднего утра город казался воплощением того, что он любил на континенте: роскошь и разруха, башенки и потемневшие стены, таинственность и притягательность.

– Мы приехали в Старый город. Я знаю тут одно местечко, где подают «Трипель кармелит», лучшее пиво в мире. Англичане любят пиво.

Кайл кивнул.

– Вам это нужно.

– Так плохо?

Питер понизил голос так, чтобы его не услышал таксист, и наклонился к плечу Кайла. От него пахло сигарами, чесноком и ополаскивателем для рта.

– Только подготовленный человек может понять эти работы. Понимаете, нужно увидеть за гротеском… образы, символы, которые содержат картины. В противном случае вы просто испугаетесь и ничего не поймете.

Они сели за деревянный стол у одного из баров на площади Гроте-Маркт, в тени собора Антверпенской Богоматери. Мощеные дорожки обвивали обширную площадь, целый лабиринт средневековых теней, темного стекла, чугунных балкончиков, башенок, стен, покрытых плющом и флагами. Собор вздымал к небу свои величественные башни, а переулки и кафе города у его подножия околдовывали своим немолчным шепотом. Кайл тут же принялся мечтать о панорамных съемках. Город был красив, но пугал.

Питер отхлебнул золотистого пива, которое принесли в бокалах в форме вазы. Кивнул в сторону площади:

– Сюда приходили фризы. Франки. Римляне. Викинги. Наполеон. Голландцы. Немцы. Приходили и уходили. Но они все оставляли что-то после себя. Что-то крайне любопытное. Антверпен притягивает странности. Коллекционирует их. – Питер посмотрел на Кайла поверх бокала. – А вы полагали, что это промышленный город? Ожидали краны и доки?

Кайл улыбнулся.

– Нет. Он – сама история. До такой степени, что его невозможно разгадать. Пока я говорил, город уже изменился. Это искусство. Вот почему сюда приехал Никлас Ферхюльст.

– Вы знаете о фильме, который я снимаю?

– Да. Макс мне рассказал. Я хотел бы его увидеть.

– Но вам известно, *что* мы нашли?

– Макс подтвердил кое-что, чего мы ожидали, да.

– Ожидали? – Он подавился пивом. – Кто «мы»?

Питер улыбнулся:

– Меценаты. И мои работодатели время от времени. Старая семья, которая не дает известным вещам попасть в плохие руки. То, что я вам покажу, однажды пыталась купить Катерина. Вы об этом знали? Не она первая, не она последняя.

– Любопытство меня убьет, Питер. Я не понимаю, как это связано с сюжетом, над которым я работаю.

Доктор посмотрел, как Кайл пьет пиво: сладкое, как вино, и освежающее, как холодный лагер.

– Осторожно, оно очень крепкое. По ногам дает.

– Отлично.

Питер открыл элегантный портсигар, вытащил сигарету и предложил собеседнику.

– Вы видели немало странного, – это было утверждение, а не вопрос. Питер зажег свою сигарету и поднес огонь Кайлу. – Все, кто ищет старых друзей, узнают такое, чего предпочли бы не знать, – он оставил эту мысль висеть в воздухе. Огляделся, почти не поворачивая головы. – Как Никлас Ферхюльст. Он видел разные вещи, которые не хотел видеть. И рисовал их. После того как убежал из одного местечка во Франции, о котором вы, думается, осведомлены.

– С фермы? – нахмурился Кайл.

– Более или менее. Тогда, в 1566 году, там был город.

Кайл вытер пиво с подбородка:

– 1566?

– Да. У сестры Катерины и ее последователей были предшественники.

Огромная древняя площадь как будто сжалась вокруг Кайла, загоняя его в холодную тень у подножия почерневшего собора. Он вздрогнул.

Питер медленно выдохнул дым, любуясь его завитками на ветру.

– Люди приезжают сюда посмотреть на Рубенса. Брейгеля. Прочих. Но мне кажется, что Никлас Ферхюльст впечатляет сильнее всех. Он писал нечто, известное под названием «Святые скверны». Туристы этого не видят. Я бы сказал, что вы счастливчик, поскольку я покажу вам забытый шедевр. Но я не могу так сказать. Потому что, раз вы приехали сюда, значит, вы уже тоже вовлечены в дело. Ничего хорошего в этом нет.

– Кем он был?

Питер внимательно посмотрел на Кайла:

– Не он является целью вашего визита. Подобно вам, он был всего лишь комментатором. Тем, кто все записал. Нам следует поговорить о Конраде Лорхе, немце из Кельна, – доктор сосредоточенно изучал свою сигарету. – Лорхе был печатником с большими идеями, а потом стал драматургом. Но успеха не добился. Тогда он стал странствующим актером. Говорят, что он был очень харизматичен и убедителен. Хорошо образован. Даже учился в университете. У его родителей водились деньги. И после Реформации Лорхе объявил себя пророком. Сказал, что ему является Господь. Он собрал вокруг себя многих недовольных из Германии, Нидерландов, Валлонии, английских протестантов в изгнании, французских гугенотов. Они постоянно переезжали с места на место, останавливались в деревнях и маленьких городках. Часто их

изгоняли. По большому счету, они следовали традициями таборитов и анабаптистов. Из 1530-х годов. Вы о них слышали?

Кайл покачал головой.

– Эти группы не подчинялись государству. Считали себя избранными. Презирали любую власть, правительство. Любую веру, лютеранскую или католическую. Они хотели избавиться от церкви и государства. Воинствующие радикалы. Они обращались к Богу напрямую через своих пророков, своих лидеров. Лорхе даже пережил осаду Мюнстера. Там он учился у пророка Матиса и Иоанна Лейденского. Анабаптистов, которые правили целым городом. Лорхе перенял их идеи. Его преследовали, как и анабаптистов. В Германии и Швейцарии. Но он обладал неограниченной властью над своими последователями. Мы не знаем, сколько их было. Вероятно, несколько сотен или даже тысяча.

В конце концов он развернул свою деятельность на юге – в Утрехте, Генте, затронул даже Лондон, в период до правления королевы Марии. Но мы должны обратить особое внимание на 1566 год. В Нижние земли пришел герцог Альба с десятью тысячами испанских солдат по приказу Филиппа II, короля Испанских Нидерландов. Он должен был уничтожить еретиков-протестантов. По решению Кровавого совета, Лорхе и его Кровавых друзей снова стали преследовать. Они отправились во Францию, где в те времена были сильны гугеноты, французские протестанты. Лорхе увел своих людей в маленький городок Сен-Майенн и сказал, что дальше они не пойдут. Объявил себя и своих людей Последним собором святых и сказал, что здесь они будут строить Новый Иерусалим.

Сен-Майенн – маленький городок среди полей, вы видели это место. Его окружала стена, как и Мюнстер. Это ему понравилось. Она позволяла удерживать людей не только снаружи, но и внутри. Там жили крестьяне – он полагал, что поведет их в свой Новый Иерусалим, даст им свое собственное спасение. Того города больше не существует, но в 1566 году Сен-Майенн переименовали в Новый Иерусалим. – Питер искоса посмотрел на Кайла и слегка кивнул, заметив, как сильно нервничает собеседник. Осмотревшись и убедившись, что никто не подслушивает, доктор откинулся на спинку стула и взмахнул в воздухе сигаретой. – Вы знаете это место как ферму. Но она появилась намного позже, в 1830-х годах. А когда-то там находился целый город. Я был там много лет назад и нашел камни городской стены.

Здесь в 1566 году у Лорхе были видения. Как и везде, куда он приходил. Он бегал по улицам нагишом, а изо рта у него шла пена. Разговаривал с Богом. Ангелы приходили к нему и объявляли его мессией. Крестьяне его полюбили. Он, хороший актер, убедил их. А потом случилось то же, что и всегда. Католиков изгнали, как и протестантов, которые не приняли веру Лорхе. Духовенство тоже. Ушли все, кто не повиновался пророку. Церковь разграбили. Он получил власть над всем городом. Его последователи много сражались в Нижних землях, так что к насилию были готовы.

Питер помолчал, закрыв глаза, как будто концентрируясь, и, наконец, нетерпеливо вздохнул:

– В своем Новом Иерусалиме Кровавые друзья Лорхе объявили частную собственность вне закона. Запрещено было владеть даже едой. Никакой купли-продажи. Никакой работы за деньги, займов, ростовщичества. Как будто коммунизм. Всю собственность контролировало хранилище, вроде банка. Во главе его стоял пророк Лорхе, с которым говорил Господь. Он присвоил все себе. Потом они все стали делать вместе. Есть, спать. Перестали закрывать двери. Духовные занятия и всю общественную жизнь контролировал Лорхе и его совет семерых старейшин.

Кайл заерзал на стуле. Питер внимательно посмотрел на него – правда, одним глазом, поверх очков.

– Понимаете, да? Знакомая схема.

Кайл проглотил остаток пива. Доктор, нахмурившись, смотрел в стол.

– Пророк Лорхе. Он спал целыми днями и восставал от сна, только чтобы объявить волю Бога, переданную ему ангелами. Первым законом Нового Иерусалима стало целомудрие. Прелюбодеяние каралось смертью. В Новом Иерусалиме было место только самым чистым последователям его писания. Мир был проклят, и только Лорхе мог их спасти. Это сказали ему ангелы. Когда возникала какая-то проблема или кто-то сопротивлялся ему, приходили ангелы. Некоторые говорили, что это демоны, но таких не просто изгоняли, а казнили. Это ужасное место они называли раем.

Первой серьезной проблемой стало большое количество вдов. Да, жизнь была тяжела, и их мужья гибли в войнах. Но в основном их изгонял или казнил пророк. Тогда он разрешил полигамию. Сам Лорхе женился на трех самых красивых девушках в городе. У него даже были дети. Он короновался как Царь Израилев и объявил весь мир своим. Сказал, что он и есть Мессия, предсказанный Ветхим Заветом. Носил великолепные пурпурные одежды. Все золото в городе пошло на перстни, достойные царя мира. Совету семерых также достались роскошные одежды. Старейшины сопровождали Лорхе повсюду. Он ввел новые священные праздники. Постоянно проходили фестивали и процессии. Все обязаны были ему кланяться. Ему это не надоедало. Скоро у него было пятнадцать жен, и всех Лорхе нарек королевами. Им построили прекрасные дома, они жили в роскоши. А горожане отдали все, даже одежду, и еду им выдавали по норме. Рыночная площадь превратилась в двор великого пророка. Солдаты охраняли его, держали стражу по периметру. Лорхе восседал на троне, украденном у епископа, и объявлял новые законы, услышанные от Бога. Он объявил себя Императором Черного Леса, который будет править тысячу лет.

«От бога ли пришла его власть? И от какого бога?» – спросим мы. Кто были те ангелы, которые снизошли к нему? Мы не знаем. Но его последователи ему верили, и этого было достаточно. Его грехи вышли из него в виде змей – изо рта, как вы знаете. Он умел ходить над землей. Находил спрятанное золото. Говорили, от него ничего невозможно утаить. Что он контролирует души. Что превращает тех, кто разочаровал его, в собак. Чтобы доказать свою силу, он позволил нескольким людям увидеть мир его глазами. Глазами бога, как говорил он. А других заставил смотреть глазами собак. Дети, говорил он, могут стать настоящими ангелами и спасутся от грехов своих отцов. Он держал их в особом амбаре вдали от родителей. Разделял семьи и расстраивал браки. Церковь считала его колдуном. Обвиняла в сношениях с дьяволом. Кто знает? Кто вообще сейчас думает в таких терминах?

Во Франции тогда бушевали религиозные войны. Герцоги Гизы прослышали о Лорхе, его вандализме, ереси и иконоборчестве. Но смертный приговор себе Лорхе подписал, когда убил местного епископа. Тогда он стал личным врагом Гизов. Обезглавил епископа прямо на рыночной площади, показал, что церковь над ним не властна. Скормил тело свиньям и назначил свинью новым епископом. Он объявил, что переместил в нее душу епископа. Такова была его сила. Люди города называли ее Нечестивой свиньей. Ее облачили в ризу и митру и даже сделали для нее особый скипетр.

Дом Гизов пришел в ярость. Небольшая армия фанатичных католиков отправилась на Сен-Майенн. Они впали в ужас от того, что там увидели. Люди голодали, поскольку Лорхе объявил со своего трона – рядом с ним сидела свинья-епископ, – что теперь никому нельзя работать. Люди должны были ждать Бога и, конечно, слушать пророка. Церковь превратили в конюшню.

Питер откинулся на стуле и сделал глоток пива. Вздохнул и взял сигарету:

– То, что случилось потом, было неизбежно.

У Кайла жгло глаза, и он вдруг понял, что не мигает. Ему казалось, что он уже не на площади. В очередной раз он понадеялся, что все это – отлично срежиссированная шутка, и его снимает скрытая камера. Доктор пристально взглянул на собеседника:

– А вы не смеетесь. Вам интересно. Потому что вы уже видите первые признаки ужаса, что неизбежно

повторится, как всегда бывает с ужасом, – он улыбнулся. – А теперь мы пойдем и посмотрим на «Святых скверны».

– Никлас Ферхюльст, художник, пережил резню. Все остальные, кто пришел с Лорхе из Нижних Земель, были зарезаны или сожжены. Папа Пий V лично отдал такое распоряжение. Он велел солдатам стереть Сен-Майенн с лица земли. Сжечь его. Чтобы там остались только поля. Но земля после Кровавых друзей сделалась дурной, – Питер остановился перед большой деревянной дверью на пустынной улице, куда привел Кайла.

Пока он говорил, они пересекли площадь и подошли к высокому узкому зданию с заостренной крышей, крытой красной черепицей. Вывески на доме не было, и он казался пустым. Огромная дверь располагалась между галереей, в окнах которой виднелись скульптуры из проволоки, и лавкой, где торговали старинными морскими вещицами. Все заведения, кажется, были закрыты. На пустой улице царила тишина. Высокие здания ограждали ее от городского шума и отбрасывали густую прохладную тень.

– В настоящий момент семья держит «Святых скверны» здесь, но картина часто переезжает, – доктор улыбнулся Кайлу и двумя руками взялся за старинные кованые дверные ручки, – правда, не самостоятельно.

Вслед за своим гидом Кайл вошел в узкий холл с голыми белыми стенами. Пустое чистое пространство освещали лампы дневного света. Пахло благовониями. Напротив двери виднелась лестница с чугунными перилами.

Оказавшись внутри, вдали от неба и оживленного Старого города, Кайл почувствовал себя странно. Закружилась голова. Он попытался списать это на недосып, а потом почувствовал, что желудок протестует, словно предчувствуя, что Кайлу предстоит увидеть.

– Боюсь, я вынужден вас обыскать, – серьезно сказал Питер.

– Простите?

– На этом настаивает семья. Сейчас появились очень маленькие камеры. Пожалуйста, не принимайте этого на свой счет.

– А кто они, эта семья?

Питер приложил к губам указательный палец.

– Стражи. Их долг… неприятен, скажем так. Но необходим. Даже если вы сюда вернетесь, картин тут уже не будет. И не стоит смотреть на них слишком долго. Многие пытались, но это кончалось плохо. Они сходили с ума. Когда семья осознала это много лет назад, то приняла меры. – Он заглянул Кайлу в глаза. – Вы позволите?

– Продолжайте, – Кайл не смог скрыть того, что оскорблен.

Питер осмотрел лацканы кожаной куртки Кайла, воротник, пряжку на ремне. Встал на колени и изучил ботинки.

– Оставьте рюкзак здесь.

Кайл послушно скинул его на пол.

– Хорошо. Полагаю, мы можем подняться, – Питер улыбнулся.

Они прошли два этажа, на каждом из которых увидели по две запертые двери. По ярко освещенной лестнице поднялись на самый верх, где на маленькой площадке с трудом помещались два человека. Питер

ввел код на металлической панели у двери. Посмотрел на Кайла через плечо, кивнул, и они вошли.

Окна закрывали стальные жалюзи. Мебели в комнате не было, стены и потолок покрывала белая краска, а пол – обыкновенные некрашеные доски. По углам стояли алюминиевые кронштейны с мощными лампами дневного света. Провода тянулись к розеткам в стене. Свет был направлен вверх – не на три деревянные стойки с тремя большими картинами. Их закрывала черная ткань. За полотнами стояли три открытых черных ящика, изнутри обитых бархатом.

– Входите, – улыбнулся Питер. Доски заскрипели под ногами. – Стойте, – он остановил Кайла примерно в пяти футах от картин. Сам встал перед ними. Посмотрел на часы.

– Смотрите на левую картину. На правую не смотрите, пока мы не будем готовы. Я скажу когда.

Кайл кивнул. Питер снял с картин черную ткань и встал рядом с собеседником.

– «Святые скверны».

Глаза Кайла метались между тремя картинами. Каждый холст имел не меньше четырех футов в ширину, столько же в высоту и был почти черен. На общем темном фоне он различил только ярко-алые огни на первых двух полотнах. Третье было намного светлее – цвета дыма.

– Первая часть. «Осада Иерусалима». Это начало конца Конрада Лорхе и его Кровавых друзей. По крайней мере временного конца.

Кайл посмотрел на Питера, который кивнул на картину:

– Расскажите, что вы видите.

Кайл посмотрел на верхнюю часть старой деревянной рамы и медленно опустил взгляд. Увидел тонкую полосу далекого неба, красного и черного, над иссохшей или выжженной равниной. Под воспаленными облаками щетинилась копьями и пиками армия. Блестели стальные шлемы, и солдаты плотным строем шли к почти разрушенной стене. За ней стояла горстка тощих людей, которые воздевали руки к небу или просто держали мечи и знамена. Судя по всему, это был конец.

– Я вижу армию. Это осада?

– Осаждающие. Семь сотен солдат. Двести наемников. Испанцы. Дисциплинированны, с большим опытом в деле уничтожения протестантов.

– Стена рухнула, и солдаты входят в город. Сен-Майенн, я полагаю.

Питер кивнул:

– Что делают люди в городе?

Ужасно тощие и несчастные женщины в длинных платьях и матерчатых капюшонах держали на поводках исхудавших собак. На всех лицах зияли пустые глазницы. В открытых ртах клубилась темнота. Из окон одного из домов за улицей наблюдали круглоголовые дети. На стенах виднелись еще несколько мужчин. Лишь у немногих были доспехи или оружие. Женщины безнадежно пытались залить пламя, бьющееся в трех окнах, грязной водой из ведер.

– Женщины тушат пожар.

– Да. А еще они чинили здания и стены по ночам. Католики стреляли в них из пушек. Осада продолжалась шесть недель.

– Шесть?

– Солдаты выкопали вокруг города ров и решили уморить Кровавых друзей голодом. Видите, как они все выглядят? Никлас Ферхюльст изобразил скелеты в лохмотьях. У них нет глаз, а челюсти отвалились, как у мертвых. При царском дворе хранились запасы пищи, но они быстро кончились. Шесть недель у людей не было хлеба. Собак есть запрещали, так что горожане жрали лошадей, крыс, траву. Нечестивая свинья осталась невредимой. Избранные пророка не голодали. Двор единственного истинного царя ел вдоволь, пока остальные умирали. Лорхе посылал за стены отряды, и они даже уничтожили пушки католиков. Но солдаты окружили город. Лорхе убил тех, кто пытался сдаться, – тем, кто отречется, католики обещали убежище. Видите рыночную площадь?

Кайл нашел ее. В грязи лежали восемь обезглавленных фигур в белом, а перед ними восседал на золотом троне человек в пурпурных одеждах. Он смотрел в небо. Кожа у него была зеленоватая, а улыбка – блаженная.

– Изменники, – сказал Питер, – обезглавленные. Их кровь он отдал ангелам, которым служил, с которыми заключил договор. Видите Лорхе? Он смотрит в небо, ожидая ангелов, что придут и спасут его, как он обещал своим последователям. Но у людей не было еды и почти не было воды. Началась эпидемия, и многие умерли. Так что в последние дни Лорхе велел им пить кровь Христову и есть плоть Христову. Свинья-епископ благословила тела больных и умирающих, а Лорхе приказал горожанам съесть их. Так они прожили еще недолго, питаясь своими мертвецами.

Кайл сглотнул горькую слюну.

– Посмотрите на стол, стоящий на рыночной площади. Видите пир?

Кайл видел, хотя предпочел бы не видеть. На камнях перед церковью лежали целые лошадиные скелеты, обглоданные дочиста. Перед дверями церкви стоял стол, уставленный чашами с красновато-бурой жидкостью и большими блюдами, на которых были навалены тощие ноги и руки. У пиршественного стола стояли пустые гробы.

– А теперь посмотрите на следующую картину. «Мученичество дураков».

На ней была во всех подробностях изображена рыночная площадь: грязная, заваленная мусором, плохо освещенная и мощенная мокрым камнем. Холст то ли потемнел от старости, то ли художник сам изобразил по всему полотну жирный черный дым. На булыжниках лежали мертвые и умирающие, вокруг которых стояли закованные в железо фигуры без лиц. Алые кресты на длинных щитах казались влажными. Но смысловым центром холста были несколько столбов с какими-то созданиями, привязанными к ним.

– Посередине, на самом высоком, вы видите Лорхе, Отца лжи, а вокруг него – Семеро. С них сорвали всю одежду и раздробили им руки и ноги, пока они еще были живы. Потом привязали к столбам и подняли. Внизу медленно горели горы нечистот, политые смолой.

Кайлу стало нехорошо, и он переступил с ноги на ногу. Пол немедленно заскрипел.

С девяти тонких черных столбов свисали с трудом различимые фигуры, окутанные дымом. Других людей приковали к стульям, под которыми разожгли огонь. Многих привязали к тележным колесам, поднимавшимся над землей на тонких подпорках. Агонию Кровавых друзей художник изобразил через гримасы побелевших лиц, задранных наверх, чтобы не дышать дымом. Все они кричали что-то в кипящее черное небо.

– Девять. Столбов девять.

Питер улыбнулся.

– Это царь, семеро старейшин и епископ, Нечестивая свинья. Видите, последняя справа. Свиные копытца. Картина грязная, но если вы присмотритесь, то увидите одежды. Ее сожгли в полном облачении и

в митре.

Кайл предпочел не приглядываться.

– Что случилось с остальными? С крестьянами, горожанами?

– Их убили в собственных домах. Выжили немногие. Солдаты обманули местных жителей. Сказали, что сохранят жизнь тем, кто не будет сопротивляться. Но потом солдаты увидели, что люди слишком преданы анабаптизму, что они кишат демонами, а потому зарезали их. Многих обезглавили. Сотни. Может быть, тысячу. Сейчас точно не скажешь. Тела засолили. Женщин и детей отправили в другие города епархии, а практически все остальные погибли в последний день осады. Ферхюльст был образованным человеком из небедной семьи. Он выжил, вероятно, потому, что сумел подкупить испанских наемников. А теперь посмотрите в небо и скажите мне, что там происходит.

Там бежали угольно-черные облака, среди которых иногда просвечивали бледные желтоватые пятна, как будто слабое больное солнце пыталось осветить землю. На горизонте пылал алый огонь. У Кайла вдруг пересохло горло, да так, что он едва мог говорить:

– Небо темное. Может быть, это дым от костров. Или гроза.

– Капитан солдат утверждал, что в последний день разразилась буря. Судный день. Когда они подняли еретиков на копья, сожгли дотла город и их тела, поднялся ужасный ветер и разбросал кости. Воздух, по его словам, заполнился дымом и углями, солдатам пришлось бежать. Останки Лорхе и его избранных хотели поместить в стальные клетки и провезти по соседним городам, а потом повесить на колокольнях в назидание. Но буря не позволила этому случиться. Когда в день лживого мученичества в Сен-Майенне подул ветер, небо наполнилось пеплом, а потом пошел дождь из черных костей. Так писал капеллан. Солдаты бежали. А теперь взгляните на стены, на участок между ними и черным небом. Что вы там видите?

– Птиц.

Питер кивнул. Над разрушенными стенами безжизненно парили черными стаями вороны.

– Они несколько недель прилетали пожирать освященных мертвецов. Но в тот день пропали, их унес ветер. Поднял в воздух вместе с останками Лорхе и других жителей. А теперь перейдем к третьей части триптиха Ферхюльста. «Царство дураков».

Внимание Кайла сразу привлекла фигура в верхней части картины, в обугленном сером небе. Нечестивая свинья. В одном копыте она держала скипетр – то казалось ужасно удобным для этой цели – а в другом книгу с золотым обрезом. Но сильнее всего его поразило то, как откровенно она ликовала, возносясь в воздух, левитируя на своем золотом троне. Она летела в кипящий водоворот небес, а воздух вокруг нее превратился в желтый сернистый туман.

Свинья на троне парила над почерневшим маленьким городом, коронованным дымом, расположенным в нижней части картины. В небо же поднимались искалеченные мученики: почти сотня тощих искореженных человеческих фигур.

Жуткое небо заполняло две трети картины. Гнилой воздух клубился, кружился, тянулся к земле. Птицы, которые все еще пожирали мертвечину прямо на лету, скалились, как будто обрадованные вознесением, и кувыркались в вышине. Тощие собаки с длинными мордами, вываленными языками и выступающими ребрами тоже поднимались над городом, как будто переступая задними лапами, и лаяли на облака.

– Видите Нечестивую свинью?

Кайл кивнул.

– У нее в руках книга. «Книга сотни глав». Это священная книга Лорхе, дарованная им Кровавым друзьям. Завет, в котором он назван бессмертным, а идущие за ним – святыми. Письменное свидетельство их божественности. Сестра Катерина написала то же самое, причем столь же плохо. Она утверждала, что была лишь проводником для текста, а не автором. Возможно, она хоть раз в своей жизни не солгала. А теперь посмотрите на лица. Те, кто ближе к свинье, прописаны подробнее.

Люди смотрели в небеса, и на их лицах застыла гримаса удивления и жестокой радости.

– Они полагают, что спаслись. Но на самом деле прокляты. Они попали к тем, кому служили через Лорхе. К тем ангелам. Кровавых друзей поглотило это место, их души сожрали, они слились со своими лживыми богами. Они передразнивают христианских святых и мучеников. А теперь посмотрите в верхнюю часть картины. На восхождение в ад. По небу.

В верхней трети картины виднелась длинная полоса чего-то вроде бледной грязи. Берег перед огромной массой мертвой воды. Место, находившееся за вихрем небес, именно туда летели мученики.

– Подойдите на два шага ближе.

Кайл сглотнул.

– Здесь, наверху. В аду. Кровавые друзья веселятся, как нечестивые ангелы, вознесенные над миром. Они скачут в компании свиньи и бешеных собак, стоящих на задних лапах. Языки у них вывалены, как у идиотов. А вот тут, видите?

Костлявые фигуры носили на голове грубо вырезанные деревянные короны.

– Здесь Ферхюльст изобразил Лорхе и Семерых как царей пустоты и зловония. Их подданные – это чума казненных и сожженных заживо грешников, мертвые птицы, жрущие падаль, и собаки, которые ели больных. Вы видите птиц у ног этих людей? Птицы тоже похожи на скелеты. Вот рай, который им обещали.

Кровавые друзья казались еще более худыми и измученными, чем во время осады или казни. Они больше не походили на людей. Но изображение казалось точным: Кайл понял, что уже видел их раньше.

– Вместо ангельских тел они заперты в телах искалеченных демонов, в трупах, измененных волей их хозяев. Они могут только притвориться ангелами. Они скалятся, как дураки, над тем разорением, которому подверглись их земные формы. Видите? У них в руках кости и тряпки. Они цепляются за останки и ценят их не меньше золота с драгоценными камнями. Посередине Лорхе. Он танцует со свиньей.

Он действительно танцевал. При виде жуткой пляски скелетоподобного человека в деревянной короне и свиньи с гротескными человеческими чертами лица под епископской митрой Кайлу стало жутко.

– Они уже не люди. Они прокляты. Поглощены. Но они так жаждут света, что сияет здесь, внизу, пусть он и обжигает их. Они живут в пустыне и ждут, пока их не призовут обратно, туда, где они некогда были столь сильны, пока не услышат голос тех, кто поклоняется им.

Кайл отвернулся. Картины впечатались ему в память, и он знал, что будет часто вспоминать о них. Он пошел к двери, сопровождаемый Питером, который задержался, чтобы торопливо накинуть на полотна черные занавеси. Кайл все еще видел искаженные лица Кровавых друзей в Царстве дураков. Их белые глаза горели безумием.

Двадцать шесть

Кэмден, Лондон.

24 июня 2011 года. 23.00

«Чувак. Я у твоего дома. Хватит уже», – Кайлу не хотелось оставлять еще одно сообщение Дэну, который так и не нашелся. Он так и не дал о себе знать после шквала звонков во время утреннего перелета в Антверпен. Маус не видел его с того момента, как он занес флешки с американскими материалами после приземления в Гатвике. Дэн тогда сказал, что собирается домой спать.

Они обычно встречались у Кайла в Вест-Хэмпстеде, поскольку нечастые визиты в дыру на окраине Кэмдена только усиливали отвращение Кайла к району, где Дэн не совсем законно снимал квартиру вместе с актером, чьей последней работой было потрясающе плохое и полностью провалившееся бурлеск-шоу, которое Кайлу пришлось снимать. Этого много о себе воображающего типа звали Раулем, и, к счастью, он большую часть времени жил в Мадриде.

Красный кирпичный дом казался пустым. Горело всего несколько окон. Впрочем, он всегда так выглядел. Кайл вошел через сломанную дверь и тут же ощутил застарелую вонь мочи на холодном цементе – лестницу часто использовали в качестве уборной. Как только муниципалитет чинил дверь, ее тут же выбивали ногами в стоптанных кроссовках, чтобы местной шпане было куда заходить по нужде. Ничего нового. Но то, чего Кайл теперь боялся до потери сознания, вообще пользовалось другими ходами.

На всех этажах стояли выкрашенные в странные цвета стальные двери с глазками. За ними в вечном страхе жили старухи, слишком бедные, чтобы переехать. Балконы были закрыты, сквозь мутные стекла виднелись призрачные силуэты цветов в горшках. На этот раз Кайл поднялся на пятый этаж без обычных приставаний со стороны существа с постоянно мокрым носом, торчащим между стеганым воротником и длинными сальными волосами. Кажется, оно обитало прямо на лестнице. Если уж его не было дома, значит, что-то случилось.

Кайл нашарил в кармане связку. Поскольку ему и Дэну приходилось постоянно, а главное, быстро забирать оборудование друг у друга, они уже давно обменялись комплектами ключей. Двойной замок не был заперт. Значит, Дэн ушел, просто захлопнув дверь. Это было странно, поскольку его квартиру грабили дважды, унесли все диски «Моторхед» и коллекционные издания Херцога, которые он брал у Кайла, заодно с двумя камерами и всем остальным, что включалось в розетку.

– Эй! – тихо крикнул Кайл в темную щель между дверью и стеной. Почувствовал запах невынесенного помойного ведра, старого ковра и краски. Никого нет дома.

Зайдя внутрь, он поискал выключатель. Щелкнул им. Грязную прихожую залил желтый свет. Хороший знак. Кайл пошел дальше. Протиснулся мимо велосипеда и закрыл за собой дверь. Прислушиваясь и готовясь убежать при любом звуке, он осторожно прошел к комнате Дэна в правом конце коридора.

– О черт! Черт!

Понадобилось несколько секунд, чтобы исчезли круги перед глазами. Дэн был патологически неряшлив: Кайл знал это, поскольку в колледже они два года жили вместе. Но поверх обычного слоя нестираной одежды, журналов, грязных тарелок и прочего мусора, скапливающегося в холостяцкой квартире, были раскиданы принадлежавшие его другу ценности, без слов рассказавшие о катастрофе.

Это было не ограбление, а приступ безумия.

Коллекционные фигурки из «Звездных войн» их владелец оплакивал бы сильнее, чем Александрийскую библиотеку. Однако «Тысячелетний сокол» закончил свой последний полет и был готов к списанию. Бронированный вездеход из лимитированной серии разрушило что-то, чего никогда не было в арсенале повстанцев. Кто-то скинул с полок из ИКЕА или разбил о стену все фигурки, модели и дорогую диораму.

Штурмовики и джедаи хрустели под ногами Кайла, пока он пробирался в комнату и изучал ущерб. Экран телевизора треснул. Стереосистема сломана. Кровать выпотрошена. Виднелись даже пружины, торчащие из матраса. Как в Сиэтле, только хуже. Тот, кто поработал здесь, злился сильнее, а может, дольше.

Спал ли Дэн в этой кровати? Кайл сел у останков звездного истребителя и задрожал.

«Но крови нет».

Это всколыхнуло в нем надежду. Но почему тогда Дэн с самого утра не отвечал на звонки? Он же что-то нашел, так по крайней мере говорил в сообщениях.

В несколько секунд Кайл выбрался обратно в прихожую.

Комната Рауля была закрыта, тот всегда запирал ее, уезжая из страны. Ванная выглядела так, как будто в ней установили взрывное устройство, но это было вполне нормально для Дэна: полотенца на полу, картонные втулки от туалетной бумаги валяются где попало, пахнет гнилой водой, а вокруг слива в ванне засохло бурое кольцо размером с кольцо Сатурна.

Но вот такого беспорядка, как в гостиной, Дэн и за десять жизней не оставил бы. Из-под изрезанной обивки кресла и дивана лезла белая пена. С журнального столика смели грязную посуду, стаканы, пачки из-под чипсов «Принглс» и пульт от телевизора. Камеру вытащили из чехла, но Кайл не стал проверять, цела ли она. Он выскочил из гостиной, бросился на кухню. И замер.

Он еще не увидел пятно, но сразу почувствовал вонь. Нечистоты, мокрый пепел, мертвечина. Застаревший запах, ставший таким знакомым за последние дни.

Оно прошло сквозь потолок над маленьким столиком. Рухнуло на него, принялось барахтаться. Разлило жидкость по пластику. Потолок когда-то был белым, теперь пожелтел, как слоновая кость, от миллионов сигарет, выкуренных Дэном, Раулем и их предшественниками, но по сравнению с жирным пятном диаметром в четыре фута казался довольно чистым. При виде черных разводов с влажными потеками вокруг непосвященному показалось бы, что прямо над кухней Дэна у кого-то прорвало унитаз. Но Кайл знал, куда смотреть, и увидел кости. Для его тренированного взгляда пятно походило на мутный рентгеновский снимок: лишенная плоти рука, лопатка, нижний ряд длинных зубов, отпечатавшихся на потолке.

Именно поэтому Малькольм Гонал заклеивал потолок старыми газетами. Гонал. Он удерживал их автомобильным аккумулятором и лампами дневного света, но как долго? Дэн же отказался верить, что они вообще существуют. Старые друзья. Он не подготовился. Скорее всего, быстро заснул под «Элис Ин Чейнз», ревущую про злобные стулья [9] в наушниках, пока мученики из Нового Иерусалима просачивались над тостером. Скорее всего, он выключил свет. Они нашли его в темноте, пока он спал.

– Господи. Дэн, – Кайл отступил на шаг. Зажал руками рот, увидев небесные письма на блюдце – возможно, на последней чистой тарелке в кухне Дэна.

Оно стояло отдельно. Вокруг него валялись пакет с хлебом, банка с мармитом и открытая упаковка масла «Оливио». Наверное, Дэн сдвинул все это, когда обнаружил послание… где?… Среди оборудования, которое распаковал в гостиной? Именно так они отметили Гонала. Малькольм сказал, что нашел косточку, черную косточку, в кейсе для камеры, когда вернулся из Америки. И Дэну тоже достался счастливый билет. Оказалось, что руны брошены, а они об этом даже не знают. Все обречены на Царство дураков, как предсказано в «Святых скверны». Никто не уйдет.

– Дружище, нет.

Дэн нашел зубы. Длинные крупные зубы. Коренные и резцы. Черные, как уголь, и потрескавшиеся,

как керамика из раскопок.

Полная горсть зубов. Они падали, как зерна из ладони сеятеля.

На улице, похожей на старую фотографию, скудно освещенной фонарями и редкими фарами, ему стало еще хуже. Силы уходили, как воздух из пробитой шины. В голове что-то сдвинулось. Кайл стал думать незаконченными предложениями, несвязными образами. Разум словно сжался в кулак, а в груди поселилось стойкое ощущение тревоги. А потом мысли рассыпались, как крупинки соли.

Он, как зомби, двинулся к центру Кэмдена. Шел на свет. Какое-то время следовал за компанией из двух парочек. Они вошли в дорогую бургерную, он хотел зайти с ними. Ему захотелось вернуться назад во времени, сделать что-нибудь обычное. Например, съесть бургер и выпить пива в беззаботной тишине.

Кайл вспоминал недавние события. Первая встреча с Максом в офисе компании, пустой дом в Холланд-парке, паром во Францию в компании Гавриила, пустыня, ранчо, дом детектива, унылая кухня в Сиэтле… Он помнил все: и это, и одновременно то, что случилось между этими событиями, – и очень хотел бы ничего не знать. Стереть каждую мелочь, касавшуюся фильма. Он чувствовал себя таким слабым и несчастным, что с трудом дышал. От отчаяния даже не мог зажечь сигарету.

Люди собирались ужинать. Девушка с кольцом в носу, мужчина, который читал книгу у окна паба, автобус, набитый усталыми пассажирами, – все они находились в каком-то параллельном измерении. В измерении, откуда он так глупо ушел и куда уже не мог вернуться, как бы ни просил. Все вокруг существовали в знакомом, безопасном и предсказуемом мире. Совершенно ему чужом. Возвратиться туда было не легче, чем пройти сквозь экран и попасть на телешоу. Он стал живым предостережением всем бесшабашным, амбициозным, наивным и безрассудным, почти как Гонал, прячущийся за баррикадой из газет. Вот почему застрелилась Бриджит Кловер: она попала в опасное место, из которого есть только один выход, и не смогла найти дорогу назад. Кайл дрожал. Наверное, от шока.

Он отошел от стены, к которой привалился. Мимо прошел человек с собакой. Он направлялся туда, куда Кайлу уже не будет хода ни в этой жизни, сколько бы ее ни осталось, ни в следующей.

У Кайла дрожали губы. Если бы он сейчас заговорил, то голос казался бы хриплым от горя. Он подумал о скелетах, танцующих со свиньей, держащей скипетр. «Дэн теперь там?» Орет и скачет среди собачьих трупов родом из шестнадцатого века?

Он, считай, убил собственного лучшего друга. Если бы он не убедил Дэна ехать в Америку, тот был бы жив. Господи…

В светлом оживленном мире, в котором Кайл стал чужаком, он замечал только темные места: неосвещенные окна, деревянные заборы, заклеенные афишами давно прошедших концертов, картонную коробку в подворотне, которая кому-то послужит сегодня постелью. Вокруг него все выцвело, бетон покрылся пятнами, а асфальт пылью, холодный ветер разносил мусор, и все было неприметным, темным, ненужным. Плечи опустились, как будто на них висел свинцовый груз. Так выглядит мир, когда понимаешь, что настал конец.

«Дэн погиб. Мертв».

Двадцать семь

Мэрилебон, Лондон.

25 июня 2011 года. 1.10

Водитель внимательно посмотрел на отражение пассажира в зеркале заднего вида, а потом отвел глаза. Грудь Кайла тяжело вздымалась – он невольно старался дышать как можно глубже, когда думал о том, что Дэна больше нет. К тому же не мог не представлять то, как именно он *ушел*. Накатывала истерика. Нужно справиться с ней. Нужно надавить на Макса, поскольку есть способ вытащить Дэна оттуда, где он теперь. «Есть. Так ли это?» Должен быть.

К шоку примешивалась ярость. Кайл рвался обратно к Максу тем сильнее, чем дольше тот не брал трубку. Кайл молча подгонял водителя ехать еще быстрее. Он хотел как можно скорее встретиться с Максом в последний раз – до того, как позвонит в полицию или убьет Соломона голыми руками. Снова и снова он воображал, как сожмет его тощую шею и будет смотреть в краснеющее лицо.

Но когда он прорвался мимо швейцара и взлетел по лестнице на этаж Макса, то увидел, что дверь в квартиру открыта. Макс предчувствовал его состояние и намерения и приготовился разоружить его. «Не удивил». Правда, некогда идеально ухоженный миллионер теперь выглядел гораздо хуже, чем Кайл вообще мог представить.

Полы пижамы исполнительного продюсера были заляпаны засохшей кровью, а на изумрудном халате виднелись длинные полосы цвета йода, как будто об него вытирали мокрые руки. В воздухе висел тяжелый запах лекарств. Макс, казалось, потерял половину веса и с трудом стоял на ногах.

Кайл вдруг представил, что Айрис неправильно сервировала ужин, после чего пала в отчаянном бою с взбешенным хозяином, и с трудом сдержал идиотский смех, испытывая какую-то омерзительную радость. Когда желание прошло, Кайл подумал, что, кажется, ему не хватает смирительной рубашки и транквилизаторов. Он с трудом мог представить, что можно чувствовать себя настолько странно и неуютно, ощущать собственную хрупкость. Горе поглотило его целиком.

Но больше всего он ужаснулся, когда увидел голову Макса, – жажда выбить из старика правду сразу поутихла – казалось, кто-то недавно уже сделал это. Череп Соломона с одной стороны покрывала густая сетка швов. От щеки ко лбу тянулись тщательно зашитые багровые полосы. Глаз рядом с ними воспалился. Одно ухо было забинтовано.

Губы Кайла онемели, рот наполнился слюной.

– Что…

Макс отошел в сторону:

– Быстро. Времени мало.

Но Кайл молчал и все смотрел на израненную голову. Макс гневно воззрился в ответ:

– Ты войдешь, наконец? Пожалуйста! Где ты был? Я тебя жду уже несколько часов. Самолет сел в шесть тридцать.

– А почему ты не брал трубку?

– Не мог. Телефон… в той комнате. Я его потерял.

– В какой комнате?

Макс повернулся на каблуках домашних туфель и похромал к стене, чтобы опереться на нее. Он опирался на трость с серебряным наконечником, царапавшим мраморный пол.

Кайлу стало еще страшнее. В холле не горел свет. Со вчерашнего утра на нескольких дверях появились новые замки: теперь были закрыты кухня и спальня. Остались только два прохода: в кабинет и ванную.

В дальнем конце коридора пыхтела и вибрировала приземистая черная машина размером с автомобильный двигатель. На боку у нее было напечатано *Pro4000E*. Из генератора торчали алые щупальца проводов, ведущих в кабинет. Коммутатор, созданный для больших фестивалей на открытом воздухе был совершенно не к месту в дорогом пентхаусе Вест-Энда и питал с десяток светильников на небольших подставках. Фальшивые лучи света били прямо в потолок холла.

– Как?

Макс остановился, он двигался так медленно, что скорее полз к кабинету, чем шел. Покосился на потолок, как испуганный ребенок.

– Они пришли. Сразу после твоего ухода. Я чуть не лишился уха.

– Боже мой.

– Я услышал, как один из них возится над потолком. Тварь добралась до проводов. После первого раза я их заменил, – Макс вдруг вздрогнул от внезапного приступа боли, гнездившейся где-то глубоко в теле, – выбрал те, что используются на железной дороге. Но это все равно был только вопрос времени, они опять отрубили электричество. Если они не могут перегрызть провода, то выдирают их с корнем. Когда я проснулся, во всем крыле не было света, – Соломон посмотрел на Кайла и попытался улыбнуться, но вышла жалкая гримаса, в глазах застыла жалость к самому себе. – Я уже прожил больше, чем должен был. Пришел час расплаты. Он ближе, чем ты можешь себе представить. Но я надеюсь, что расплачиваться будут они, а не мы.

– Мы?

Макс закрыл глаза:

– Извини. Впрочем, поздно извиняться. Мы должны действовать прямо сейчас.

– Дэн пропал.

– Боже мой, нет.

– Боже мой, да. Моего друга больше нет. Я только что был у него. Они оставили там полную тарелку зубов.

Макс задумался, уставившись куда-то в пустоту.

– Три нападения за ночь. Дэн. Я. И Гавриил. Я каждое утро проверял… проверял, пережил ли он ночь. Они пришли за тремя из нас ночью, когда ты уехал. А может, и за Гоналом, но про него я ничего не знаю. – Соломон покачал головой и вновь заковылял по коридору, гораздо быстрее, чем раньше.

– Макс!

Тот бубнил себе под нос:

– Это было спланированное нападение. Радуйся, что ты уехал. Полиция допросила сиделку Гавриила. Можешь в это поверить? Они хотят знать, как он истек кровью до смерти. Целый поток из культи, – Макс скривился, как будто вгрызся в гнилой фрукт. – Они его убили прямо в постели.

Кайл остановился и двумя руками взялся за голову. Он не знал, с чего начать и о чем вообще говорить. От ярости, непонимания, горя, замешательства и отвращения он будто онемел.

– Полиция.

Макс неприятно захохотал, настолько смехотворным показалось ему предложение.

– Безнадежна, я знаю.

Кайл двумя прыжками оказался рядом с ним. Прижал к стене. Старик взвизгнул от боли.

– Сволочь! – Изо рта Кайла полетели брызги слюны, Соломон даже заморгал. – Я говорю о Дэне. Дэне!

Макс попытался высвободиться из побелевших пальцев Кайла. Посмотрел на него с брезгливостью и удивлением. Как будто бы не ожидал взрыва ярости от того, кого поставил под удар ради собственных интересов.

– Мне нужен мой друг. Как его вернуть? – Кайл почти кричал, голос эхом отдавался под потолком. – Хватит врать, Макс. Никаких больше картин и намеков.

– Ты видел «Святых скверны». Поэтому я потратил столько времени, послав тебя в Антверпен. Теперь ты знаешь, с чем мы столкнулись. Сможешь понять.

– Я ничего не знаю. Я видел пару картин со средневековыми зверствами. Но то, о чем они говорят… это же невозможно. Пора звонить в полицию. Дэн…

– Невозможно? В полицию? – Макс усмехнулся. – И что ты им скажешь?

– Я могу сломать тебе шею. Отсижу срок. Оно того стоит.

– Кайл, ты умный парень. Может, не надо? Ты не можешь принять происходящее? Даже после всего, что видел? Гавриил. Марта. Сьюзан. Бедный Дэн. Мы с тобой, если не примем меры. Мой милый мальчик, пришла пора сделать невозможное.

– Что?

– Ты поймешь. Ты должен. Это единственная причина, по которой я здесь. Я ждал тебя, чтобы показать тебе все, как и обещал. Дать тебе шанс.

– Какой, к черту, шанс? О чем ты?

– Существует способ спастись.

В порыве инстинкта самосохранения, за который ему тут же стало стыдно, Кайл отпустил Макса. Только этот мерзкий сумасшедший старик знал, возможно ли сейчас хоть что-то сделать.

Макс разгладил лацканы своего грязного халата:

– Это тебе не обычная страшная история, мальчик мой. Не дом с привидениями, который можно показывать по кабельному. Не паранормальная фантазия, которую так весело снимать с друзьями для фестивалей и фанатов. Для фриков, – Макс ухмыльнулся, и Кайл с трудом удержался от того, чтобы не раздавить его голову, как спелый мандарин. – Это гораздо, гораздо больше. Это реальность и всегда было реальностью. Поэтому ты не смог бросить фильм. Почувствовал запах подлинной тайны! Так что вини только себя. И тебе лучше поверить в то, что ты видел, поскольку действовать придется целеустремленно и без сомнений.

– Ах ты сука…

Макс указал тростью на генератор.

– Давай, пока аккумулятор не сел, – он посмотрел на часы, – нам нужно уйти задолго до того, как он выключится.

В огромном кожаном кресле Кайл почувствовал, что у него кончились силы. В голове плавали обрывки мыслей. Он просто сидел, ждал и смотрел в пустой экран телевизора, стоящего на столе в кабинете. В одной руке держал графин с бренди, который он пил с Максом в лучшие времена… если

можно было так их назвать. К тому же бодрствование требовало от него нечеловеческого напряжения. Сколько часов он проспал после возвращения из Америки? Около пяти, считая сон урывками в такси и пару часов на диване Макса. От постоянных потрясений Кайл был как на иголках, но, стоило ему сесть, он все равно почувствовал, как тяжелеет голова, как вязкость сменяется вялостью, а потом и вовсе превращается в летаргию. Правда, его разум был настолько пропитан страхом, что сон в любом случае не был вариантом.

Если он просто приляжет, сколько времени пройдет, прежде чем появятся они? Он представил, как его кошка нюхает черную челюсть на полу кухни. И тут же выбросил эту мысль из головы, чтобы не кричать.

Макс склонился над ноутбуком:

– Смотри внимательнее, Кайл. Я уйду, как только закончу.

– Никуда ты не уйдешь, пока я не вытрясу из тебя всю правду.

– Уверяю, тебе все станет ясно, – старик смотрел на экран и оскалился так широко, что его избитому лицу стало больно. – Я подготовил вставку в наш фильм. Чтобы придать твоим открытиям направление.

Кайл выплюнул бренди обратно в стакан:

– Вставку?!

Хотя теперь-то какая разница? Казалось бы, он слишком устал и измучался, чтобы раздражаться из-за вмешательства в его работу, однако все равно разозлился. Интересно, с кем-нибудь в истории кинематографа обошлись хуже, чем обошелся с ним Максимилиан Соломон? «Скорее всего».

На экране появились фотографии, снятые десятки лет назад, зернистые, как сканы, некоторые – черно-белые. Макс откашлялся:

– Тридцать два человека. Все мертвы или пропали. Все были членами Последнего Собора в Лондоне и Франции. Смотри, – Макс указал на одну мутную картинку, изображавшую человека с узким лицом и длинными темными волосами: – Брат Гавриил.

Кайл наклонился вперед, прищурился и уловил смутное сходство.

– А вот сестра Исида, – Макс указал на миленькую миниатюрную блондинку, – остальных ты, понятно, не знаешь. Они умерли, прежде чем ты взошел на борт.

«На борт?» Кайл хотел возразить, но Макс отмахнулся и взял перьевую ручку, словно указку:

– Брат Маркиан умер от заражения крови. Воспалилась рана, вероятно укус. В 1973 году его нашли в коммуне Брайтона, – ручка передвинулась, – сестра Юнона, сепсис, 1973-й. Сестра Афина, передозировка кокаином, 1973-й. Брата Анно нашли мертвым в университете Бирмингема в 1974-м. Когда лед на канале растаял. Смертельно ранен неизвестным. Потерял много крови, прежде чем упал в воду. Полиция предположила, что произошла драка. Анно был алкоголиком, и дело закрыли. Сестра Селена, передозировка барбитуратами в Сен-Тропе, 1975 год. Сестра Девота, убита в Ливерпуле также в семьдесят пятом, дело так и не раскрыли. Тело брата Плацида выбросило на берег в Марокко в семьдесят пятом. Оно было в ужасном состоянии, причину смерти установить не удалось.

А теперь перенесемся в настоящее. Сестра Зита покончила с собой в 2003 году. Сестра Элинида, сердечная недостаточность, 2011-й. Брат Ефан, обширный инсульт, 2011-й. И последний, брат Херон: заражение крови от укуса неизвестного животного, 2011-й. Один из моих самых старых друзей.

– Ты говорил, что он умер от рака. Во время съемок в Лондоне. Опять соврал.

– Да. Но я не лгал, когда говорил, что оставшиеся восемнадцать человек исчезли. Их так и не нашли. Я потратил на поиски немало времени и денег. Серапис, Бел, Оркус, Аид и Азазель, бывшие избранники

Катерины, и бедный брат Авраам. Их никто больше не видел после раскола на ферме в Нормандии. Трое из них исчезли вместе с детьми. Катерина пыталась использовать их для чего-то отвратительного, и родители восстали. В Аризоне ее намерения были ничуть не лучше, но там она действовала куда искуснее, как ты сейчас увидишь. Остальные выжившие члены европейской секты за последние два года куда-то скрылись. Только я думаю, их забрали. Старики, куда они сами могли уйти?

– Значит, ты последний, кто остался в Европе?

Макс кивнул и поставил фильм на паузу. На экране возникли новые лица, в основном черно-белые.

– Семнадцать членов Храма Судных дней американского периода. Все они провели довольно много времени в Аризоне, – он пять раз ткнул в экран ручкой. – Про этих ты слышал: брат Адонис, брат Ариэль, сестра Урания, сестра Ханна и сестра Присцилла. Их тела так и не нашли. И у меня нет причин сомневаться в словах Марты Лейк: их убил новый избранник Катерины в семьдесят пятом.

Макс повел ручкой по экрану:

– В судьбе всех остальных видны признаки того, что я назвал бы убийствами Судных дней. Брат Самуил, заражение крови, Калифорния, 1974-й. Брата Ренуса нашли туристы в Колорадо в семьдесят пятом. Тело было съедено почти полностью. Сестра Изадора, заражение крови якобы из-за грязных игл, семьдесят пятый. Она сидела на героине, как и брат Люций, и сестра Цинния. Обоих нашли мертвыми в семьдесят пятом, причина смерти – сепсис. Их трупы частично объели крысы или собаки… так написано в полицейском отчете. Хотя тела, скорее всего, толком не обследовали. Еще шестерых, вот этих, в синих рамочках, так и не нашли. Четверо пропали в середине семидесятых, двое других – за последние двенадцать месяцев. И, конечно, Бриджит Кловер и Марта Лейк. Одно самоубийство и одно убийство из-за кражи со взломом, 2011 год.

Макс указал ручкой на парадную фотографию Ирвина Левина, которую Кайл видел на задней обложке «Судных дней».

– Пропал без вести в две тысячи десятом. Никаких следов. Ничего.

Кайл сглотнул.

– Наверное, на это ушла куча времени.

– Нет. Меньше двух лет. Я старался держаться как можно дальше от секты. Я не врал, Кайл. Ты скоро поймешь, почему я рассказывал тебе далеко не обо всем.

– Два года назад на меня вышел человек по имени Дон Перез. Ученый, он для исследования искал выживших членов сект. Он нашел брата Херона, а через него меня. Перез обнаружил, что многие члены Храма, бежавшие из шахты в Аризоне в семьдесят четвертом и семьдесят пятом, умерли при схожих обстоятельствах или пропали без вести. Среди них было много бродяг, наркоманов, алкоголиков, страдающих депрессией. Короче говоря, проблемы были у всех. Это подтвердило тезис Переза о влиянии, которое членство в секте оказывает на человека. Разумеется, многие, если не все, из тех, кто вышел из секты в мое время, были настолько искалечены жизнью в Соборе, что я захотел рассказать об их судьбах для исследования Переза. Но во время нашей короткой переписки он пропал. С февраля 2010 года его местонахождение неизвестно, – Макс устало вздохнул, – а потом я обнаружил, что с теми, кто жил на Кларендон-роуд и на ферме, случилось то же самое. Но только с теми, кто застал видения и появление того, что они называли сущностями. Кроме меня и Херона, из двух европейских храмов выжили только Исида и Гавриил. Затем я прикинул вероятность того, что со всеми, кто присутствовал при ключевых событиях истории секты, произошло одно и то же. Это не совпадение, Кайл. А потом Исиду, Херона,

Гавриила и меня стали посещать неприятные сны. В этом году. Теперь я понимаю, что это было предзнаменование. Известие о том, что грядет. Очевидно, Катерина по-прежнему любит медленные пытки. Вероятно, она возвращается. Идет за теми, кто остался.

– Так, минуту. Катерина?

Макс поднял руку, прервав его:

– Всему свое время. Изучая места, где располагались храмы, я обнаружил вот это, – Макс открыл фотографию дома на Кларендон-роуд. – Я сам выбрал этот дом. Остальные были против с самого начала, потому что он был очень дорогой. Но Катерине нравились красивые жесты и статусность, и она контролировала наши финансы задолго до того, как мы попали туда. Меня привлекла его репутация. Дурная слава, которая шла за ним с викторианских времен. Но на самом деле все началось много раньше.

Фотография на экране сменилась гравюрой – портретом человека с заостренной бородкой, в широкополой шляпе.

– Шарлатан, оккультист и гипнотизер Валентин Прауд. Он же Длинный Вэл. Англичанин, входивший в число Кровавых друзей Лорхе в тот краткий период, когда они бежали в Англию, чтобы избежать преследования в Нидерландах. Около года они жили в кибитках, как странствующие актеры, за пределами города. Тогда этот район был деревней. Где-то между современной Мраморной аркой и Шепердс-Буш. Полагаю, что Кровавые друзья жили в основном на земле Прауда, прежде чем вернулись на континент без него, поскольку ему явно было не свойственно то подобострастие, которого требовал Лорхе.

Истории, которые рассказывают о Прауде, всегда считались сказками. Однако он упоминается в работах многих историков и культурологов, которые часто пишут о его занятиях черной магией. Сам Джон Ди однажды спрашивал у него совета. Ходили слухи, что он научился у Лорхе способности повелевать разумом людей. Впрочем, он плохо кончил, как и Лорхе. Прауд отправился на виселицу в Тайберне за кражу ребенка.

Макс вывел на экран страницу из газеты викторианских времен.

– Посмотри на заголовок. «Дом крови». Это 1891 год. Холланд-парк был тогда богемными трущобами на окраине быстро растущей метрополии. Ферма Прауда давно исчезла с лица земли, погребенная под кирпичной кладкой, но в этой статье написано о том самом доме, который стал нашим храмом. Здание, возведенное на земле, которая когда-то принадлежала Прауду. – Макс сделал выразительную паузу. – Когда я выбрал этот дом, я кое-что о нем знал. Но понятия не имел, к чему это может привести. Мы хотели быть опасными. Прикоснуться к чему-то мистическому. Так же поступила мадам Блаватская. В 1890-х она жила неподалеку, как и многие известные члены ордена Золотой Зари. Артур Мейчен снимал комнаты в соседнем доме. Он написал роман «Холм грез». И для него этим самым холмом стал Ноттинг-Хилл. Здание Храма стоит у самого его подножия. В викторианские времена там часто проводили спиритические сеансы, бывало множество медиумов. Дом находился рядом с чем-то сверхъестественным, экстраординарным. Всегда есть люди, способные это почувствовать.

Статья отдает «желтизной», но посвящена она исчезновению Тадеуша Пиви. Вот он, на этом рисунке. Он тоже был месмеристом и медиумом-любителем. Современник Флоренс Фарр, Сэмюэля Мазерса и Уильяма Батлера Йейтса. Настоящий мерзавец. Алкоголик и актер, помимо всего прочего, а еще медиум. Члены Золотой Зари не приняли его в свои ряды, потому что сочли мошенником. Скорее всего, он таковым и был, за ним числились огромные долги. Он заключил пари, что в одиночку проведет ночь в доме на Кларендон-роуд и выстоит против живущего там зла.

На следующее утро его не нашли. Больше Тадеуша Пиви никто никогда не видел. Считается, что он подстроил свое исчезновение, желая скрыться от кредиторов. Теперь я думаю по-другому.

Владельцы и жильцы здания все время менялись с того самого дня, как на этой земле началось строительство. Я всегда полагал, что это мы были ответственны за психологическую атмосферу, царящую в доме. Да, но лишь отчасти. Как… проводники. Я пришел к выводу, что на всей территории остались какие-то следы. Некоторые мы воскресили сами, например Тадеуша Пиви. Что-то оставили Прауд и Лорхе, возможно, они даже пробудили сами себя. Существуют места, где при определенных условиях или в присутствии подходящих людей случаются всякие неприятные вещи. И я сейчас говорю об идеях, влияниях и сущностях.

Валентин Прауд и Тадеуш Пиви невероятно походили друг на друга, несмотря на четыреста лет разницы. Оба любили грандиозность. Были нарциссами. Маниакально желали власти и богатства. Так же, как и их духовная наследница Гермиона Тиррилл, она же сестра Катерина, которая мастерски подделывала чеки и некогда держала бордель в Фицровии, – Макс посмотрел на Кайла. – Думаешь, это только слухи? Но к таким выводам и невозможным событиям ты должен был привыкнуть за время своей карьеры.

– Осторожно, Макс. Ты сейчас рискуешь.

– Совпадение? Невезение? Да, так бы и сказали любители разоблачать и ниспровергать. Вот только приглядись повнимательнее к ферме в Нормандии. Она построена на неосвященной земле, где когда-то стоял Сен-Майенн. С историей этого города ты уже знаком. Там тоже остались следы, только куда более сильные. Это место притянуло к себе наш маленький Собор, мы получили видение в Лондоне, в доме крови. Как я теперь понимаю, Сен-Майенн влек к себе Катерину с самого начала. Место нашло своего нового избранника. Человека, восприимчивого к его лжи так же, как раньше Лорхе и Прауд. Я полагаю, оно прочно завладело Катериной к тому моменту, как остатки организации переехали в Калифорнию, чтобы насытить ее тягу к славе и роскоши, а заодно избежать слишком пристального внимания со стороны властей из-за уже исчезнувших людей. Трое детей и шестеро взрослых пропали без следа в 1972 году во время ужасного шторма на ферме в Нормандии.

– Письмо Гавриила. От брата Авраама.

Макс кивнул:

– И это привело меня к последним выжившим членам Храма Судных дней, финальной инкарнации того, что я невольно создал в Лондоне. Но я говорю не о Марте, или Бриджит, или о других, которые умерли или пропали без вести.

– А о ком тогда?

– О детях, Кайл. О пятерых детях из шахты.

– Они попали в детский дом.

– Да. Совершенно верно. Именно поэтому у меня ушло столько времени и ресурсов на их поиски. Я нашел их весной.

– Нашел? Я смотрел в «Гугле», и…

– В «Гугле»! – Макс закатил глаза, но быстро собрался и включил следующий кадр. – Пришлось прибегнуть к довольно нетривиальным способам, но именно то, что я обнаружил, стало причиной столь поспешной организации съемок документального фильма.

– Иллюзии фильма.

– У тебя все еще есть шанс рассказать поразительную историю, мальчик мой. Если ты, конечно, действительно честен и целеустремлен.

На экране появилась трясущаяся видеозапись, сделанная с большого расстояния. Два человека на

лужайке у богатого частного дома. Яркий свет, трава завалена собачьими игрушками: мячиками, жевательными костями, ободранными тапками. Двое мужчин около сорока одеты в одинаковые спортивные красные костюмы. Кайла поразило то, как они двигались. Стоя на четвереньках, они улыбались и нюхали друг лица, вывалив языки. Один из них издал звук, который мгновением позже уловил микрофон камеры. Лай. Хорошая имитация собачьего лая. Они притворялись собаками.

В кадре появилась пожилая женщина и кинула в их сторону белый мячик. Мужчины неуклюже побежали за ним.

– Катерина назвала их Сард и Папий, сразу же после того как отлучила от матерей в шахте. Они – сыновья сестер Реи и Лилии, которые были застрелены у забора при попытке побега в ночь Вознесения. Их детей, вот этих двух мальчиков, полиция Феникса забрала из шахты 10 июля 1975 года. Они попали в детский дом, а через полгода их усыновили. Ни Сард, ни Папий не произнесли ни единого разумного слова с того дня, как их спасли полицейские. Как видишь, они до сих пор предпочитают передвигаться на четырех ногах и чувствуют себя собаками, спасенными из приюта. Да они и есть собаки.

Кайл судорожно сглотнул три раза подряд и еле слышно спросил:

– Как ты их нашел?

– Воспользовался услугами очень дорогого и не совсем законно действующего частного детектива. – Макс перемотал фильм вперед, и Кайл подскочил в кресле.

– Это сделали дочь сестры Урании и сын сестры Ханны. После того как детей увезли из шахты, их личности и национальность установили благодаря показаниям Марты Лейк. Урания и Ханна были англичанками. Они были членами организации еще с Лондона и пожертвовали Катерине миллионы. Смотри, как она им отплатила.

В 1976 году детей репатриировали в Великобританию. Сначала их забрали родственники, но очень скоро они оказались в Бетлемской королевской больнице, в Бедламе – когда их психические расстройства стали очевидными. Там они и пребывают до сих пор, в тюремной камере. Ночь Вознесения неизлечимо их травмировала. Они стали психопатами в возрасте четырех лет. Это их рисунки, которые я сумел приобрести за значительную сумму денег. Если тебе нужны еще доказательства и если бы у нас было время, я мог бы организовать визит, – Макс, видимо, вздрогнул.

– Спасибо, не надо, – Кайл отвернулся от экрана. Он не мог больше смотреть на резкие лица, плешивые головы и худые конечности, нарисованные и раскрашенные очень грубо, но впечатляюще, – я понял.

– Правда? А ведь мы еще не закончили.

Содрогаясь от отвращения, Кайл снова посмотрел на экран. Он хотел знать все – ну так вот оно.

Но следующее изображение не показалось ему шокирующим. Более того, на него нахлынуло такое облегчение, что даже вернулась тень прежнего юмора:

– Кажется, ты слайдом ошибся.

«Ага, вставил картинку из своей коллекции порно». В лучшие времена он бы даже посмеялся.

Это был студийный снимок Чета Ригала. Когда-то он рекламировал плавки, а потом стал высокооплачиваемым голливудским актером. Настоящий плохой парень, плейбой, владелец студии «Последняя глава» и нынешний обитатель бывшего особняка Катерины в Сан-Диего.

Но Макс смотрел на Кайла победоносно, сейчас чем-то напоминая хорька.

– Чет Ригал. Давно исчез с экранов, по крайней мере по голливудским меркам. То есть около шести

лет назад. А дальше только два развода и несколько громких судебных дел: за хранение наркотиков, за вождение в нетрезвом виде и за побои – в основном своих девушек и журналистов. Он ненавидит красивых женщин и вообще является бисексуалом с садистскими наклонностями. Считается, что сейчас он медленно умирает от СПИДа и гепатита Б.

– Макс, я знаю, кто это.

– Тогда, как тебе известно, он живет вот здесь.

Кайл посмотрел на фотографию роскошного дворца в стиле ар-деко. Сестра Катерина жила там, пока ее последователи убивали друг друга в заброшенной медной шахте в соседнем штате. Фотография была та же самая, что и на вклейке в «Судных днях» Левина, черно-белая. Справа на экране появился цветной снимок.

– Ты… ты же не собирался это снимать.

– Да. По крайней мере пока. Чет Ригал – пятый ребенок, спасенный из шахты 10 июля 1975 года. Полицейские звали его «чистое дитя». Хотя он какой угодно, но не чистый.

Левое веко Кайла задрожало.

– Нет, – с трудом выдавил он.

– Боюсь, что да.

– Сын Присси? Чет Ригал?

– Да. Сестра Присси, которую Катерина убила вскоре после того, как отняла у нее сына и стала ему приемной матерью. Последние десять лет он живет в бывшем доме сестры Катерины, поскольку получил его в наследство. Как ты помнишь, в ночь Вознесения погибли только четверо из Семерых. Пятый, брат Белиал, был убит в тюрьме. Но две остальные, ее любимицы, все еще живы.

– Две из Семерых?

– Две женщины, которых отправили в Сан-Франциско под предлогом возведения нового храма в 1973 году. Верные служанки, сестра Геенна и сестра Беллона. На самом деле они должны были подыскать сочувствующих родителей, которые усыновили бы чистое дитя в нужный момент. У них получилось. Родители давно мертвы. Музыкальный продюсер и его бесполезная жена, попавшие под чары Катерины в веселом Голливуде. Ты, наверное, слышал о Бретте Пирсоне. Работал с «Мамас энд Папас» и «Бич бойз». Его яхту вынесло на берег Калифорнийского залива в девяносто втором. Пустую. Супругов так и не нашли. Как только они выполнили свою функцию, от них избавились. Когда Чету было девятнадцать, чистое дитя, готовое унаследовать землю, пришло к своим новым опекунам, сестрам Геенне и Беллоне.

Кайл покачал головой, улыбаясь сам не зная чему.

– Не забывай, именно в этом доме Чет провел часть детства. У него должно было остаться не так уж много воспоминаний о жизни с сестрой Катериной, но я уверен, что помнит он немало.

Кайл повернулся в кресле, чтобы посмотреть на Макса:

– О чем ты, вообще? Чет… ну… повторяет жизнь сестры Катерины? Это он возвращает… их?

– Я боюсь, что все несколько серьезнее, мой милый Кайл. Чет Регал и есть сестра Катерина.

Здание, казалось, повернулось вокруг своей оси.

После долгого молчания Кайл усмехнулся:

– Хватит, Макс. И давай обойдемся без таких тупых конспирологических теорий. Ради меня, ладно?

Макс не улыбался.

– Деньги, восхищение, полный контроль над всеми, кто рядом. Уничтожение любого противника. Этого ей не было достаточно. Нет, даже вечной памяти о себе сестре Катерине не хватило. Она хотела жить вечно.

Кайл попытался сглотнуть слюну, но у него не вышло.

– В это так сложно поверить? После всего, что мы пережили, Кайл? Разве сама история не научила нас тому, что склонным к саморазрушению параноикам необходимо возродиться? Наделить силой своих детей…

– Нет.

– Разве не они возводят статуи, дома, даже города, которые носят их имена?

– Хватит, Макс. Заткнись.

– В ночь Вознесения Катерина полностью переселилась в тело мальчика.

– Ты глухой? Хватит.

– Во второй раз она хотела стать мужчиной и выбрала для этого самого красивого мальчика в Храме. Она заставила самого красивого парня, печально известного брата Ваала, изнасиловать самую миленькую девушку, сестру Присциллу. Та родила ей наследника. Сама Катерина хранила целомудрие. Она ненавидела свое тело. Я полагаю, что годы проституции непоправимо ее искалечили. Однажды, еще в самом начале, она призналась брату Херону, что в момент экстаза думает только о собственной смерти. Но все то время, пока она правила Храмом во Франции и в Америке, она была обручена с *иными*. Ты разве сам не понимаешь?

– Бред. Ты сошел с ума, Макс.

Соломон посмотрел на ближайшую лампу дневного света. Говорил он скорее сам себе, чем Кайлу. Единственный здоровый глаз горел неприятным огнем.

– Она вела беззаботную и развратную жизнь. Пока тело Чета взрослело, она поверила в то, что неуязвима. Защищена богатством, славой, властью, своим мистическим происхождением, своими поклонниками. Но это неправда. Она заболела от излишеств. Ее сексуальная месть красивым мужчинам и женщинам имела свои последствия. А любовь к кровавым видам спорта… – Он повернулся к Кайлу, и глаза его торжествующе блеснули. – Сестре Катерине пришлось искать новую возможность для трансформации. Грядет ее третье пришествие. Ты знаешь, что Чет Ригал и его последняя жена усыновили мальчика и назвали его Аварития Луксурия [10]*?

– Не впутывай меня в это, Макс.

– Я боюсь, мальчик мой, что ты уже в деле по уши.

Кайл встал и покачнулся. Схватился за кресло.

– Мы еще не закончили, Кайл. Разве ты не видишь? Она переродилась. Уже давно. Она вселились в ребенка, которые стал Четом Ригалом. Она даже не его биологическая мать, но вся жизнь Чета несет на себе ее следы. Ее алчность. Садизм. Жестокость. Патологическая жажда власти. Это ли не доказательство?

– Он просто за ней повторяет. Это невозможно.

– Я бы хотел, чтобы все было так просто. Но дух убийства воплотился в сосуде, который она украла у двухлетнего мальчика, – Макс указал на экран. – Все недавние смерти и исчезновения – это месть. Продолжение того, что началось в семидесятых.

– Макс, пожалуйста.

– По ее воле старые друзья смогли добить самых уязвимых отступников сразу после ночи Вознесения. Даже после того, как они бежали из шахты, их жизни и сны были пыткой. Поверь мне. Они несли на себе печать. Запах. Их связь с сущностями оказалась нерасторжима. Поэтому эти несчастные не смогли жить нормально. Они травили свой разум алкоголем и наркотиками. Но наркоманов, бездомных и калек проще найти. Понимаешь? Их действительно преследовали призраки, – Макс вздохнул. – Нас использовали. В Лондоне, Франции, Штатах. Мы были заражены тем, что она наслала на нас. Тем, что сейчас ей нужно призвать снова, ведь только она знает, как это сделать. Катерина.

– Ты, Исида, Гавриил, Херон… почему вас не убили в семидесятые?

– Исиду, Херона и меня это коснулось меньше всех из европейской части секты Собора. Мы все ушли сразу после первого появления того, что звали сущностями.

– Но Гавриил…

– Гавриил прожил во Франции меньше года. Он не видел того, что предшествовало расколу. Я полагаю, что в семидесятых наша связь с ними была еле заметна на фоне множества возможных жертв. Но Катерина надеялась завершить свою месть и избавиться от всех, кто когда-то ее бросил. Всех, кто остался жив после семьдесят пятого года. Мы – жертвы для ее последнего призыва Кровавых друзей.

– А Марта? Бриджит Кловер?

– Марта Лейк и Бриджит Кловер после ночи Вознесения постоянно находились в бегах. Юные, хитрые, всегда окруженные яркими огнями вечеринок и людьми. Они скрылись от охотников, но это не могло продолжаться вечно.

Макс коснулся повязки на голове:

– Мы – плоть и кровь ее мести. Но наша смерть послужит и другой цели. Если она хочет снова вселиться в ребенка, то старые друзья хотят вселиться в нас. Катерина призвала их своим обещанием вернуть к жизни, как и много лет назад. Именно она связана с ними, и полагаю, этот союз никогда не был для нее простым. Она должна была предложить им большой куш. Это в лучшем случае опасная и ненадежная сделка с дьяволом, но именно так, наверное, она и получила возможность говорить с ними, как и Лорхе когда-то. Я думаю, что даже в теле Чета Ригала она не смогла от них освободиться. Их присутствие превратило ее жизнь в кошмар уже второй раз. И старые друзья снова хотят вернуться, через нас, прийти к свету, который они презирают, но которого жаждут.

– Я не…

– Те, кто в семидесятых годах выдержал бесчеловечное обращение и остался с Катериной до конца, были обещаны старым друзьям в качестве сосудов. Их единственное предназначение было стать вместилищами для тех, кого когда-то, после осады Сен-Майенна, назвали Кровавыми друзьями. Ангелы, которым служил Лорхе, стали известны под тем же именем, что и секта, которой они завладели. Ангелы, которые забрали с собой Лорхе и его последователей, четыре века продержали их там, где царят гнев, боль и отчаяние. Возможно, эти несчастные все еще верят в свое величие и избранность, существуя на той ужасной равнине, как верила Катерина на земле, когда находилась под их влиянием.

Кайл, пошатываясь, побрел к двери кабинета:

– Нет, Макс. Пожалуйста. Хватит.

Соломон пошел вслед за ним, его голос дрожал от волнения, а маленькие глазки горели.

– Кровавые друзья завладели Катериной с самого начала. Она была идеальна. Они почувствовали ее в

доме на Кларендон-роуд и были воскрешены в правильном месте и при правильных обстоятельствах.

Кайл остановился. Он не знал, что делать или куда идти. Сел на холодный пол.

– Убийства в шахте. В ночь Вознесения. Зачем, если им нужны были тела?

Макс со стоном уселся рядом с Кайлом. Голос у него стал хриплым, но говорил он все решительнее:

– Взрослые члены Храма не годились для Кровавых друзей. Однако Катерина все равно предложила им и тех, кто бежал, и тех, кто остался верен, и тех, кого держали в плену. Если они не годились в качестве тел, их можно было принести в жертву, дабы утолить ее гнев. Их горячую живую кровь она меняла на способности Кровавых друзей. Заручившись поддержкой тех, кого призвала, она, в свою очередь, хотела прожить вторую жизнь в теле ребенка. Из тех, кто оставался в шахте в ночь Вознесения, перерождение удалось только Катерине и тем двум Кровавым друзьям, которые сейчас содержатся в Бетлемской больнице в искалеченных телах, некогда принадлежавших детям из секты.

Думаю, к ночи Вознесения Катерина знала, что Кровавые друзья не смогут укорениться во взрослых. Их попытки вселиться в зрелых людей безуспешны. Когда же они не могут вернуться, им приходится есть, чтобы остаться на этой стороне. Во время осады Сен-Майенна они питались отступниками, которых Лорхе убил, чтобы дать своим «ангелам» телесное воплощение, и нечестивым причастием, благословленным свиньей. Так что в ночь Вознесения на шахте «Блю Оук» Кровавые друзья устроили пир.

Как сосуды взрослые бесполезны для них. К той ночи 1975 года Катерина уже все понимала, поскольку пыталась. Вспомни, что рассказывала Марта Лейк о тех, кого уводили в пустыню и кто либо не возвращался, либо пытался бежать. Думаю, ранние трансформации в шахте не удавались, и тех, кто сходил с ума, убивали и хоронили в пустыне. Урания, Ханна, Адонис, Ариэль, Присцилла. Катерина экспериментировала с ними и Кровавыми друзьями. Подопытные либо страшно пугались, либо сходили с ума, либо чужое сознание поглощало их лишь временно. Наверное, это была репетиция перед ночью Вознесения. После раскола во Франции Катерине самой требовалось подтверждение того, что слова старых друзей верны, а переход в другое тело возможен. Во взрослого человека можно было вселиться только на мгновение, но даже оно служило доказательством. Потом ее подопытных кроликов убивали Молох и Ваал. Закапывали улики. Она выполняла свою часть сделки, но, думаю, уже знала, что постоянное перемещение возможно только при наличии незрелого и восприимчивого сосуда вроде собаки, свиньи или ребенка.

– Нет. Я не хочу об этом слышать, Макс.

– Все убийства она распланировала заранее. Ночь Вознесения была ловушкой. Катерина пообещала Кровавым друзьям тела других членов Храма, но на самом деле принесла их в жертву, чтобы продлить пребывание друзей на земле и их влияние, благодаря которому она смогла переселиться в ребенка. Очень много крови понадобилось, чтобы те, кого не стоило призывать, осуществили ее замысел.

Макс не отрывал взгляд от экрана:.

– Как это отвратительно. Катерина уже давно предложила своим невидимым союзникам четырех наиболее преданных последователей, которые умерли в храме рядом с ней. Она обманула их, сказав, что они смогут жить снова в телах детей. Те должны были послужить сосудами для избранных, лучших из Семерых. Изящный трюк – они согласились принять смерть от руки брата Белиала, чтобы обрести новую жизнь.

– Не складывается. Зачем так ужасно обращаться с детьми, если их тела еще понадобятся?

– Бесчеловечное обращение упрощало путь для существ настолько жестоких, как Кровавые друзья. Потому что это им она пообещала детей, а вовсе не своим верным Семерым. Только ее сосуд растили отдельно, в особняке. Его содержали в чистоте. Обучали. Остальные дети жили в хлеву, как животные. Не

знаю, что хуже.

– Семеро были верны ей. Они убивали ради нее.

– Вот теперь ты начинаешь понимать истинную натуру Катерины. Брат Белиал стал ее сообщником. Она предала тех из Семерых, кто умер, стоя на коленях рядом с ней в храме, их смерть была страшнее, чем у тех, кто погиб у забора, пытаясь бежать. Она считала своих ближайших сторонников слишком амбициозными и убила за это, как уже бывало во Франции. Они стали кровавой жертвой, умаслили, смягчили ритуал, который позволил бы ей начать новую жизнь. Они больше не приносили пользы. Их отвратительные деяния, совершенные по ее воле, надо было стереть настоящей бойней. Белиал перерезал им глотки по приказу Катерины, но большая часть крови пролилась в грязные ядовитые пасти Кровавых друзей. Именно поэтому полиция ничего не нашла на месте преступления.

– Но в двоих детей вселились собаки. Это-то с какого перепугу?

– Я могу только предполагать. Но думаю, что во время пришествия Кровавых друзей, в этой буре, когда души оказались обнажены, а артерии вскрыты, две собаки влезли в это случайно. А двое Кровавых друзей вошли в детей, и те в результате превратились в безумных чудовищ. Такие ритуалы – это не точная наука. Черная магия сложна, и за нее всегда приходится платить. Возможно, среди Кровавых друзей разразилась настоящая драка, когда они пытались занять тела взрослых и детей во время краткого визита в изолированную общину.

Кайл заставил себя встать:

– Я слышал достаточно.

Макс сжал его руку:

– Тех, кто побежал к забору в ночь Вознесения, тоже предали и принесли в жертву. Они слишком поздно осознали свою судьбу. Должны были умереть во время жуткого обмена с Кровавыми друзьями, которые мечтали вернуться от старости к молодости, от вечного проклятия к благословенной смертности. Когда ничего не получилось, кровь сектантов все равно послужила пищей для старых друзей. Люди не смогли перелезть через забор и умерли, охваченные ужасом. Кровавые друзья с жадностью жрали их прямо у проволоки. Кровь поддерживает их телесность, как уже случалось во время осады Сен-Майенна. Ты разве не видишь? Им нужны огромные усилия, чтобы проникнуть на эту сторону реальности. Без живой крови они не могут остаться и исчезают, в чем ты убедился, сбежав от них в номере мотеля. Но они оставляют за собой следы. И полиция так и не нашла оружие, которым был нанесен смертельный удар, потому что его не было, – Макс вцепился в бицепс Кайла. – А теперь они пришли за нами. Ночью они пришли за мной. Снова. Я больше не могу сдерживать их. Кайл! Подожди!

Кайл снова вскочил.

– Я не желаю этого слышать.

– То, что называет себя Четом Ригалом, живет за счет старых друзей Катерины. Ты не можешь этого отрицать. Они выполняют желания друг друга. Ты знаешь, о ком я. Ты их видел. В Холланд-парке. В мотелях! Они оставляют следы. Отпечатки ног в шахте. Стены! Это они пришли в ночь Вознесения! И теперь они снова среди нас!

Кайл потянулся за бренди и отхлебнул прямо из графина. Сразу перехватило дыхание.

– Один человек не может вселиться в другого. Это невозможно.

– Это долгий процесс. И нужна помощь *друзей*, старых друзей, у которых есть такой опыт. Ты видел последствия. Сумасшествие. Неизлечимые психологические травмы. И детей, в которых вселились не

очень сильные существа. Во время ритуала. Разве ты не видишь? Вспомни о буре, которая разразилась в ту ночь. Только это была не буря, а врата. Проход. Там исчезал разум. В ужасной суете, во время резни, вместе с детьми и собаками… подумай о Лорхе, Кайл. Подумай! О его способностях. О епископе, которого он переселил в тело свиньи. Мы думаем, что Лорхе тоже хотел обменяться телами с одним из детей Сен-Майенна в 1566 году. С ребенком, которого держал отдельно от других, чтобы выжить самому. Другие же должны были отдать свои тела духам, которым он служил. Ангелам Лорхе, для которых у нас нет имени. Но его планам помешала осада. И первая попытка ритуала, проведенная Катериной во Франции, обернулась катастрофой, из-за которой ей пришлось бежать. Это опасная и дорогостоящая процедура, которая занимает годы. Вырастить сосуд. Привести сверхъестественное в наш мир. Какие тебе еще нужны доказательства?

– Нет. Нет. Просто нет, Макс. Хорошо?

Соломон заковылял за Кайлом, направившимся к двери.

– Нужно время, что изолировать кандидата и подготовить переход. Подумай. Что лучше подойдет для этого, чем заброшенная ферма или пустыня? Город-призрак? Пустоши? Что-нибудь такое. И в мире нет полицейского или представителя власти, который поверил бы тебе. Пока ты не представишь доказательства. Доказательства, Кайл. Наш фильм и есть такое доказательство.

– Я не могу, Макс. Я тебе не верю. Я не знаю, во что верю… я видел всякое… в том числе во сне. Но переселение сознания невозможно.

– Дети еще не сформировались, они были открыты и всему верили. Их забрали у родителей. А главное, они были юными. Юные подходят лучше всего. У Лорхе получалось с собаками и свиньями. А с детьми проще, чем со взрослыми. Как ты не понимаешь… Катерина усовершенствовала процесс, начатый Лорхе. Ее вели те же сущности, с которыми он заключил сделку.

Кайл не мог говорить, но попытался протиснуться мимо Макса. Единственное, чего он хотел, – уйти из этой полузаброшенной квартиры, освещенной фальшивым светом, который скоро погаснет. Соломон прошел за ним в холл.

– Вот почему Лорхе резал глотки четыреста лет назад. Это очень важно в определенный момент ритуала. «Дружбу» необходимо поддерживать горячей живой кровью. Жертвой. Кровь обеспечивает их присутствие на какое-то время. А присутствие Кровавых друзей изменяет правила, к которым мы привыкли, которые не разрещают перейти в другое тело. Много крови было пролито для перемещения Катерины в тело ребенка, запертого в хижине. В общей панике и бойне, когда присутствие Друзей чувствовалось даже в воздухе, она добилась успеха. И двое из Кровавых друзей тоже. Они перешли. Ты тоже чувствуешь их, ощущаешь, как они исследуют тебя, пока ты спишь, как и все мы. Я полагаю, что наши ночные видения должны служить предупреждением, а заодно своеобразным упражнением для них. Подготовкой.

Кайл шел по холлу. Трость Макса стучала у него за спиной, как маленький молоточек ювелира.

– У Катерины было преимущество. Она начала готовить сына Присси у себя в особняке. Она переместилась в другого человека с чужой помощью, силой крови, силой жертвы.

– А мальчик? Сын Присси. Что случилось с его… душой? Сознанием?

– Он умер в теле Катерины, как она и планировала. Белиал зарубил жирную тушу, в которой уже находилось сознание ребенка. Голову пришлось отсечь, чтобы во время ритуала он не смог прорваться обратно. А кровь из ее тела выпили.

– Ты действительно думаешь, что я тебе поверю?

– Наверное, Катерина и мальчик уже менялись телами на короткое время. В Калифорнии, в ее особняке. Вспомни, что сказала Марта. И лейтенант Конвей. Что иногда Катерина становилась похожей на ребенка. И это были не наркотики! Свидетели видели душу сына Присси в теле Катерины. Зачем эта женщина, гуру голливудских звезд, миллионерша, успешная манипуляторша, которой подчинялись сотни людей, добровольно отдала свою жизнь в какой-то заброшенной шахте? Подумай об этом. Зачем она приказала Белиалу убить себя? Да потому что ее больше не было в этом теле! Она его покинула. Чистое дитя, которое нашли полицейские, оказалось Катериной. Она перебралась в тело ребенка и готовилась расти. Я уверен, что дитя даже командовало в шахте.

– О боже. Нет.

– Она контролировала то, что мы едва можем понять. Она получила знания и опыт от тех, кто пришел из иного мира. Еще в шестьдесят девятом она знала, к чему все идет. Ее нарциссизм родился из отвращения к себе. Она нуждалась во всеобщем восхищении, но при этом ненавидела свое тело, старение, тюрьму смертности. Она бы отдала все, лишь бы этого больше не было.

Кайл повернулся к нему перед самой дверью.

– А зачем тогда фильм? Зачем было впутывать меня и Дэна, если ты уже обо всем знал?

Макс тяжело опирался на трость, и Кайлу очень хотелось сделать ему еще больнее.

– Когда подошло мое время, я решил собрать доказательства. Узнать, как она убивает из могилы. Как она смогла продолжить свое дело уже после смерти. И когда я узнал о судьбе детей… ну, все изменилось. Я захотел избавиться от Катерины. Фильм был моей контратакой. Я хотел предложить ей сделку. Сохранить жизнь тем, кто остался. Спасти себя самого, – лицо Макса исказилось и побелело от такого страха, какого Кайл еще никогда не видел. Голос старика упал до шепота. – Я не хотел попасть туда… ты видел это место в Антверпене. Я видел сны о нем. Они забрали туда бедных обманутых жителей Сен-Майенна и искалечили их души. Они даже пытались вырвать меня из моего собственного тела, пока я спал. Я не хотел, чтобы они попали внутрь меня. Чувствовал, как они жаждали обменяться с нами телами. Жить. А если у них не выйдет, они убьют нас, как скот, лишь бы остаться здесь, пусть и ненадолго. Полностью овладеть можно только ребенком, но, кажется, взрослых можно забрать в иной мир, чтобы они стали частью паствы.

Кайл прислонился к двери. Он же все это видел, чувствовал. Какие-то твари с грязными лапами уже несколько недель пытались влезть в его жизнь. В рассказе Макса был смысл. Ужасный смысл. Он видел во сне Царство дураков и видел Святых скверны, поднятых на ножи. Он просыпался в чужом черном пространстве. На некоторое время переносился в другое уродливое тело. Они прикоснулись к нему и теперь хотели то ли убить его на месте, то ли забрать с собой. В какое-то странное место, к странной вечной жизни. К мертвым птицам, воющим собакам, тощим грязным существам.

Голос Макса слышался как во сне.

– Они снова призвала их, чтобы по запаху выйти на наш след. Они хотят жить, занять живое тело, как и она, чье будущее зависит от их присутствия. Но, потерпев неудачу, будучи так близко от цели, они из-за ненависти и гнева утолят старую жажду. Ну или они схватят нас и унесут, как сокровище.

– Ты думал, что сумеешь напугать Катерину? Раскрыв ее тайну? Кажется, твой план не сработал, приятель.

Макс схватил Кайла за плечо:

– Нет. Не сработал. Я отправил ей часть материала, но ее жажда мести стала лишь сильнее. Как и желание скрыть все то, что я выяснил. Теперь у нее есть четкие цели. Боюсь, я лишь ускорил ход событий.

– И ты по-прежнему мне врешь. Гавриил был прав. Ты использовал его и Исиду как приманку, чтобы я

мог снять то, что охотилось за ними. Сам ты с камерой лезть в гущу не стал, слишком опасно, но доказательства были нужны. Так что ты послал меня, Дэна и этого несчастного урода Гонала добыть их, пока ты прятался тут, в мире света. Но нас тоже настигла эта зараза. Ты сволочь, Макс. И если ты прав, мы все в полном дерьме. Мы истечем кровью, как Гавриил прошлой ночью. Ну или нас схватят и утащат в Царство дураков. Или так, или в нас вселится собака. С удовольствием выслушаю твой план. Так что ты хочешь сделать?

Макс посмотрел Кайлу за спину, на лестничную площадку, и понизил голос. Он даже не стал оправдываться, ничего не сказал на обвинения Кайла в том, что использовал людей как приманки или что думал только о собственном выживании.

– Возможно, мы не совсем «в дерьме». Публичная демонстрация была только одним из двух методов защиты против нее и старых друзей. Но если она не отзовет своих псов, придется вспомнить про второй…

– Что? Какой?

– Убийство.

Кайл почувствовал, как у него расширяются глаза. После долгого молчания он промямлил:

– Убить Чета Ригала?

Соломон кивнул.

– Макс, ты меня удивляешь. Почему же ты до сих пор его не убил? Неужели это задело бы твою избирательную совесть?

– Ш-ш. Не ори. Говори тише.

– Нет!

– Ну это не так просто… понимаешь, я изучал этот вопрос… – Макс закашлялся.

– Короче, ты уже пытался.

– Ты станешь меня за это винить?

– О боже, – Кайл, понурившись, закрыл лицо руками, – как, как я в это все влез?

– У Чета есть вооруженная охрана. Круглосуточная прислуга. Преданные помощники. За все отвечают сестры Геенна и Беллона. Они стары, но не стоит их недооценивать.

– И как же ты до него доберешься?

– Чет разорен. Он стал банкротом после развода и выплат по судебным искам. От него уже ушли повар, тренер и врач, когда им перестали платить в начале года. В этом месяце надежный источник сообщил мне, что служба безопасности тоже не выходит на работу. Его телохранитель уволился неделю назад. Так что пришло время нанести удар. Чету недолго осталось. Не больше года. В этом году он дважды попадал в больницу с пневмонией. Его может убить любая инфекция. Пришла пора переселяться в новое тело, иначе у него не останется сил. Уверен, что последние два года Чет готовил усыновленного ребенка к переходу. Практиковался, пока его тело разрушалось. Именно поэтому он снова призвал Кровавых друзей. Ему пришлось ускориться; как только Чет узнал о том, что болен, он сразу избавился от жены, которая была необходима для усыновления. Ты, наверное, слышал про споры из-за опеки. Он выиграл, заплатив ей, к тому же заставил забрать иск, угрожая обнародовать видеосъемку с наркотиками. На которые именно Чет ее и подсадил. Он ни перед чем не остановится ради своих целей. Он хотел остаться один с ребенком.

– Значит, мы ворвемся в дом и убьем смертельно больного человека?

– Хотелось бы мне, чтобы все было так просто. Сестры Геенна и Беллона – куда более опасные враги,

чем наемные охранники. А еще тигр.

– Что?

– У него живет бенгальский тигр. Остался с сытых времен. И еще змеи, как мне говорили. Смертоносные твари, – Макс улыбнулся: – Как это символично! Наше предприятие не лишено риска.

– Опять это слово, Макс. «Наше». Я почти согласился, пока не услышал про тигра. Я выхожу из игры. Кстати, а где Айрис?

Казалось, Соломона совершенно ошеломил отказ Кайла.

– Айрис?

– Женщина, которая приносит тосты и пирожные. Утром она была здесь.

– Ты меня, вообще, понял?

– Я собираюсь найти своего друга. С полицией.

– Катерина пытается переселиться в новое тело, Кайл! Сейчас она еще способна на это! Пока ее нынешнее тело не умрет. У нее есть ребенок. Мы знаем, что с ней живет ребенок. Надо его спасти!

Кайл потянулся к замку:

– Пусть этим займутся социальные службы.

– Если ты мне не поможешь, ребенок умрет. Я умру. Ты умрешь. Кайл, ты даже до утра не доживешь, кретин! – Макс стукнул тростью об пол. – У нас есть доказательства. Пора снять финальную сцену. Ты что, не понимаешь? Фильм почти готов.

Кайл вышел и потянул дверь на себя:

– Нет, нет и нет.

– Ребенок, Кайл! Ребенок!

Кайл закрыл дверь.

Из-за нее послышался крик Макса:

– Ради всего святого, не выключай свет!

Двадцать восемь

Вест-Хэмпстед, Лондон.

25 июня 2011 года. 3.30

– Эй! Куда дальше?

Кайл проснулся, вырвался из сна, полного лающих детей с измазанными сажей лицами. «Только не меня», – молил он, а они бежали за ним, преследуя то, что у них забрали. Он сел. В голове таяли остатки образов: черные здания под желтым небом, крики с бойни. В панике огляделся. Такси. Он снова сидел в такси. Помотал головой, просыпаясь, и вытер подбородок.

– Здесь остановите.

С трудом вылез наружу. Кайл умирал от голода, устал, от резкой смены часовых поясов чувствовал себя так, словно его контузило, а все тело ломило, как при гриппе. Просыпающийся мир казался сюрреалистичным. Стоя на короткой дорожке, ведущей к двери дома, он посмотрел на свои темные окна. Он не закрыл занавески, когда уезжал. А когда это было? Утром того дня, когда они с Дэном улетели в

Америку. «Так давно». В другой жизни. Уже небезопасной, но все равно лучше нынешнего подкрадывающегося ужаса. Стоять было тяжело. Груз того, что он потерял, того, что мог потерять, и того, что узнал, давил на плечи, серпом изгибая позвоночник, и Кайл неподвижно стоял на пороге дома, куда не хотел заходить. Моросил дождь.

Нужно открыть дверь. У него есть дела. Написать новые указания для монтажера. И вставка: последний фрагмент документального фильма, до выхода которого он вряд ли доживет. Но кино попадет в главный кинотеатр новой эпохи: на нерегулируемый рынок, где толкутся миллионы нарциссов, на дикий запад лжи и мошенничества, в бесконечное море пиратства, на гигантские выборы, где миллиарды человек голосуют щелчком мышки. В Интернет. Туда, где свергают правительства и переписывают историю. Его фильму там самое место.

Даже если это будет последнее, на что у Кайла хватит времени, фильм окажется в сети. Сейчас он снимет постскриптум, быстренько сведет то, что уже есть, со вставками из видеодневника, и попросит Мауса смонтировать все это и загрузить в сеть в нужное время, когда его уже не будет. Посмертная премьера на всех сайтах, каких можно.

Он не вернулся в Кэмден искать Дэна, не пошел в полицию за помощью. Тщетность всех попыток дошла до него, как только он вышел из дома Макса.

Макс чуть не потерял ухо. Кайл присел, обхватив руками колени. Как Соломон победил их, как убежал? Во время рассказа старика у Кайла не было ни времени, ни хладнокровия спрашивать. Макс был стар. Кайл представил, как они лезут из стены спальни, сверкая белыми глазами. Как Макс бросает им Айрис в качестве приманки, чтобы спастись самому. «С него станется». Как и собственную близкую смерть, теперь Кайл с готовностью принял невозможную версию Макса и то, на что намекала история Храма Судных дней в фильме, который Кайл так и не смог бросить, который убил его лучшего друга.

Кайл снова посмотрел на окна. Провода в квартире были медные, в тонкой пластиковой изоляции. Не железнодорожная защита. Там хоть есть чем отбиться-то? Он перебрал в голове свои скудные пожитки. Молоток! В ящике с инструментами лежал молоток. Можно заткнуть его за пояс, как меч. Кайлу даже стало лучше, но тут он вспомнил тварь, ворвавшуюся в номер в Сиэтле, как она копошилась в кровати, разрывая белье костлявыми пальцами. …*заражение крови, частично съеден крысами, истек кровью*…

– О, господи, не надо, – Кайлу стало так плохо, что он сел на оградку из битых бетонных блоков, прикрытых мусорными мешками. То, что он считал своим разумом, своей душой, могут украсть, стереть или заменить на другое уже сегодня. Абсурдно. Но это так.

Может, позвонить домой? Родителям. Брату. Он посмотрел на часы. Нет, не надо. Они с ума сойдут от беспокойства. При этой мысли он чуть не рассмеялся. «Не думай об этом». Семье придется посмотреть его последний фильм в сети, вместе со всеми, включая полицию и родных Дэна. Интересно, заберут ли копы фильм в качестве доказательства? Кайл надеялся, что нет. Люди увидят их гибель, их шедевр настоящего партизанского кинематографа, и поймут, что случилось в Аризоне в 1975 году. Его мечта сбудется. Слезы жгли глаза, только плакал Кайл не от радости.

– Хорош ныть, чувак, – он улыбнулся и шмыгнул носом. Сколько раз он говорил это Дэну за минувшие годы? После чего вытер глаза рукавом и вошел в дом.

**** * ****

В квартире горел свет: он включил все лампы, в том числе присланные Максом. Дверь была распахнута настежь. Он оставил ее открытой на случай, если придется бежать вниз, и либо стучать в

квартиру Джейн, либо просто с криком лететь сломя голову на улицу.

Кайл сидел за ноутбуком, скрестив ноги, и как можно быстрее делал черновой монтаж: дом на Кларендон-роуд и старая добрая Сьюзан, несчастный ушлепок Гавриил на ферме в Нормандии, патрульный Конвей, Агилар, детектив Суини и последние часы жалкого существования Марты Лейк в грязной кухне. Лондон, Нормандия, Аризона, Сиэтл: и везде следы истории, охватывающей целых четыреста лет.

Они отсняли материала на несколько часов, но Кайл все прекрасно помнил. На съемки ушло две недели, а такое быстро не забывается. Каждый вечер, просматривая отснятое за день, Кайл сразу же представлял готовую смонтированную сцену и делал черновой монтаж в «Файнал Кат Про». Получался единый связный сюжет с несколькими перебивками, но Маус сумеет сделать что-нибудь поинтереснее и более подходящее для интернета. Переход от одной сцены и локации к другой необходимо оформить титрами.

Он быстро решил, куда вставить небольшие фрагменты, которые они с Дэном сняли во время споров о Максе в гостиничных номерах. Просматривая записи, Кайл замечал, как изменяется: усталое лицо, безумные глаза, дерганые торопливые движения. Чем дальше, тем больше он походил на развалину и явно не играл на камеру. «Хороший фильм». Он невольно улыбнулся, но тут же осекся – настолько это получилось неуместно. «Ты так ничему и не научился».

Звук не везде получился хорошим, а несколько фрагментов записи из Франции вышли слишком темными. Но это касалось содержания, а не качества. У Мауса уже есть все исходники, аудиодорожку он выправит. Этот фильм вряд ли получит премии, но были в нем сцены настолько захватывающие, что Кайл с трудом сумел пересмотреть их заново. Это кино даже людей с дефицитом внимания заставит усидеть на месте дольше четырех секунд.

И то хорошо. Пару раз он ронял голову на клавиатуру, а когда ему понадобилось в туалет, пошел в ванную как пьяный. Но с черновым монтажом справился быстро. Маус все сделает без помощников, пусть Кайл и не будет день за днем сидеть рядом с ним в его подвале, хотя сейчас Кайл отдал бы все, лишь бы оказаться там.

Закончив, Кайл принялся загружать полуготовый фильм на FTP-сайт Мауса со своего стационарного компьютера. Потом, устроившись на софе, с молотком и бутылкой «Джека Дэниэлса», он перепечатал свои заметки и тайм-коды из бумажного ежедневника в документ на ноутбке. Отправил текст Маусу, не перечитывая, надеясь, что не слишком напутал с цифрами. Проинструктировал монтажера выложить фильм не раньше, чем через три дня, на все известные ему сайты.

Возможно, такой способ распространения лучше всего подойдет и для проекта, и для самого Кайла, его роли вечного неудачника киноиндустрии. «Это вам, братья и сестры, не „Ведьма из Блэр“, мать ее за ногу. Не мистификация. Пусть фильм распространяется как вирус, как чума…» Он хотел, чтобы материал увидели три четверти населения Земли. На этой мысли он поборол манию величия и съел четыре ложки коричневого сахара, чтобы не заснуть. В полпятого утра включил камеру, которую использовал для съемки первого коммерческого фильма, «Кэнон XHA», поставил ее на небольшой штатив и сел перед ней, чтобы записать последнее свидетельство. Оно завершит фильм. Или лучше поставить его в начале? Кайл уже ничего не соображал и никак не мог решить. Но он посвятит последний фильм Дэну. «Которого бросили». Записав последнее интервью, он и его загрузит на FTP.

Черновой монтаж скоро окажется в онлайн-архиве Мауса. «Отлично». Он выглянул в окно. Солнце встанет через час, он почти пережил эту ночь. Может, они не придут. Может, слишком заняты Максом. Они ведь не приходят каждую ночь? Или приходят? А Маус? Видеозаписей хватит, чтобы привлечь их?

А потом раздался звук.

Крыса где-то за стеной.

Отдаленный скрежет. Тихий топот. Неритмичный. Потом на минуту все смолкло. Тишина показалась страшнее шума. Снова шорох, приглушенные удары. Где-то под полом, в бытовой зоне. Звуки шли не из квартиры, в этом Кайл был уверен, а с этажа ниже, из холла. Он забеспокоился, что Джейн проснется и откроет дверь. «О, боже, только не это». Его кошка, наверное, у нее. Впрочем, скоро она заберется под потолок. «Кошка знала».

Может, шумела как раз она, пытаясь попасть в квартиру Джейн и нетерпеливо скребясь в дверь, чтобы ее впустили. Свет в прихожей вдруг чуть потускнел, но настолько незначительно, что Кайлу вполне могло это почудиться.

У Кайла от напряжения затекла шея, он неловко наклонился вперед и посмотрел на входную дверь.

Ничего. Но вот свет на лестнице погас. А он его точно не гасил. Теперь он жалел, что не закрыл и не запер дверь. А ведь намеревался, если бы что-то зашевелилось на кухне или в ванной, броситься вниз, как будто за ним гонится сам дьявол.

– Блин. – Кайл чувствовал себя слабым, как котенок. Сжал резиновую рукоять молотка. Попытался вспомнить, когда дрался последний раз. С братом, когда им было около четырнадцати. Как быстро они двигаются, эти Кровавые друзья?

Удар. Внизу. Словно тяжелым инструментом по дереву. Полому дереву.

Он запаниковал. Встал, чтобы левую ногу не свело нервной судорогой. Принялся лихорадочно вспоминать, что находится внизу, под узкой лестницей, в захламленном общем холле: дверь в квартиру Джейн, ее велосипед, куча газет, которые нужно сдать в утилизацию, блок предохранителей в деревянном шкафчике на стене у входной двери.

Кайл похромал к окну и снял защелку. Распахнул его, борясь с непокорной рамой. Холод ворвался в квартиру и немного его освежил. Снаружи был небольшой подоконник, как и во всех домах на этой улице. Обычно на них ставили цветочные горшки, его же был завален окурками. А дальше царила тьма. Дом стоял как раз между двумя фонарями, а постричь разросшиеся живые изгороди Кайлу всегда было недосуг.

Может, спрыгнуть? Он представил, как лодыжки ломаются, словно стебли сельдерея. Как он задевает ногой кирпичную стену. Как бьется копчиком о водосточную трубу. «*Не вариант*».

Снова послышался удар. И еще какой-то звук, который Кайл не смог распознать. То ли свист, то ли жалобное хныканье, прерываемое участившимся грохотом по дереву. Голос? Может быть. Словно детский плач, вырывающийся изо рта взрослого человека. Кайл снова выглянул в окно и посмотрел в темноту.

Что, если они погасят свет? Предохранители для всего здания в том деревянном шкафчике внизу.

Как они догадались, что идти нужно именно туда? Почему вообще понимали, что такое электричество? «Как крысы, решительно настроенные добраться до еды, вот как». Кайл почувствовал слабость, но быстро пришел в себя. Посмотрел на молоток, зажатый в кулаке.

– Давай, давай. Давай, – начал говорить, словно напевая под нос. Нужно пойти посмотреть. Джейн может проснуться. «Только не Джейн». Хватит и того, что он впутал во все это Дэна. «Дэн».

Стиснув зубы, Кайл взял со стола фонарь. Прошел через гостиную и медленно направился к двери. Выглянул наружу, оглядел площадку второго этажа.

Пусто.

Едва дыша, он выбрался из квартиры. В свете фонаря виднелся один лестничный пролет, покрытый ковровой дорожкой, и небольшой участок пола на первом этаже. Если чуть-чуть спуститься вниз, то можно будет рассмотреть, что творится под блоком предохранителей. Кайл чувствовал, как все мышцы в теле стали жесткими и хрупкими, словно костяной фарфор. Если он увидит что-нибудь ужасное, то просто разобьется в пыль. Когда Кайл спустился на ступеньку и посмотрел вниз, то чуть не плакал.

Свет из квартиры слабо освещал верхнюю половину лестницы, выхватывая из темноты въевшиеся в ковер пятна. Кайл наклонился, направил фонарь вниз и прислушался. Включить свет не решился. «Не сейчас».

Внизу в темноте щелкнул сустав. Колено, лодыжка, может быть ступня. Кайл был не один. Пальцы дрожали на рукоятке фонаря, но он не мог заставить себя нажать на кнопку. Понимал, что может не пережить того, что увидит. Там, внизу.

Ногти скребли по пластику. Блок предохранителей. Наверное.

Оно сопело и повизгивало. Топало ногами. Рычало и клокотало горлом. А потом свет в его квартире погас. Наступила полная темнота.

Кайл всхлипнул и включил фонарь.

Из мира как будто исчезли все теплые цвета. На облезлых стенах больше не было красных и желтых оттенков, грязный ковер лишился бутылочно-зеленых пятен. В белом луче света, в котором плясали пылинки, стены и сам воздух стали серыми, с грязно-желтым оттенком. Сначала Кайл разглядел лишь ступни и голени, вскрикнул. Потом появился запах: сгоревший дом, мокрый от воды из пожарного шланга, мертвые голуби, лежащие под солнцем, отравленные крысы, ползущие по полу, отверстие сливной трубы. Существо услышало его и рванулось к лестнице на ногах, которым, судя по виду, было место в саркофаге. Кайл застыл на месте.

Потом встал, но недостаточно быстро. Он успел увидеть, как оно заслонило костлявыми пальцами иссохшее лицо, загораживаясь даже от самого слабого света. Но фонарь не удержал его на месте. Оно бросилось вперед, целя когтями в глаза, и за ту долю секунды, что Кайл поворачивался, он успел увидеть больше, чем хотел. Намного больше.

Сосульки волос, свисающие с мокрого черепа. Бурые колени, бьющиеся друг об друга, и покрытые темной кожей кривые ноги. Бедра закрывали какие-то лохмотья в коричневых пятнах.

Кайл, спотыкаясь, кинулся в квартиру. Он слышал, как оно движется по лестнице. Дергано, неловко натыкалось на стены, ощущая чудо материальности, встававшее перед мутными глазами. Мяуканье перешло в торжествующий визг. На четвереньках вскарабкавшись по последним ступеням, оно зарычало.

На второй этаж вело не больше дюжины узких ступенек, и, когда Кайл вбежал в квартиру, существо уже было на лестничной площадке.

«Остаться и сражаться? Слишком темно. И нет места, чтобы размахнуться».

Он попытался закрыть входную дверь, путаясь в руках, фонаре, молотке. Захлопнул ее локтем. Что-то закричало. Внизу. Он почти ничего не слышал, как будто опустил голову в воду. У ног что-то скреблось, а дверь не закрывалась как следует. Он посмотрел вниз, изогнув запястье так, чтобы посветить себе под ноги. Его чуть не вырвало прямо на ботинки.

«Откуда в такой тонкой лапе столько силы?»

Оно всем весом навалилось на дверь снаружи. Пыталось просунуть внутрь попавшую в щель руку. Кайл слышал, как скребут по ковру когти. Жуткая конечность внутри дергалась, как японский краб-паук в

какой-то темной океанской впадине. Длинные пальцы, обтянутые ветхой кожей, обхватили дверь и поползли наверх, оказавшись в опасной близости от его паха.

Каким-то образом Кайл умудрился накинуть цепочку, а потом побежал в глубь квартиры, обернувшейся ловушкой. Мысли рассыпались, как конфетти. Запереться в ванной и звать на помощь? Встретить тварь в гостиной и попытаться попасть молотком в мертвое лицо? Выпрыгнуть в окно?

Он ринулся через темную гостиную, луч фонаря освещал путь, в голове Кайла осталось лишь его собственное тяжелое, почти астматическое дыхание. Молоток заткнул за пояс, фонарик, добравшись до окна, сунул в задний карман.

Влез на подоконник. Наполовину высунулся наружу, когда услышал, как хлопнула входная дверь. Кайл вцепился в оконную раму. В слабом свете, идущем с улицы, заметил, как существо вбежало в комнату, оно держалось невысоко от пола, по росту напоминая собаку. И, оказавшись внутри, впало в безумие, которое он скорее слышал, чем видел. Водило вокруг себя длинными руками, разбрасывая все, что находило. Ноутбук и бутылка виски грохнулись на пол. Книги полетели в стену.

Кайл посмотрел вниз и понял, что не сможет. Не сможет прыгнуть.

За спиной обрушилась коллекция дисков. Кайл пополз вперед ногами. Обхватил обеими руками холодный каменный край, как будто хотел соскользнуть в бассейн.

Оно услышало его, и темный уродливый силуэт ненадолго замер. Потом побрело к окну, припадая к полу. Оно сопело. Было слишком темно, чтобы разглядеть существо, и за это Кайл поблагодарил Господа. А потом заставил себя упасть вниз.

Он не представлял, как они материализуются или сколько времени могут оставаться здесь. Макс упомянул, что им нужна еда, но в подробности не вдавался. Кайл полагал, что оно не задержалось в квартире надолго. Возможно, просто не могло, и вернулось в иной мир, где правило четыре века в царстве пыли и мертвых птиц.

Кайл приземлился на мусорные пакеты и порезал икру о единственный мешок, набитый садовым барахлом и простоявший так долго, что ветки почти окаменели и превратились в острые шипы.

Дохромал до улицы, подвывая, и побежал в сторону Финчли-роуд. Поначалу он слышал, как громят его квартиру, потом звуки стали слабее и наконец исчезли. Он пристроился у холодных стеклянных дверей магазина «Уэйтроуз», свернулся клубком на листе картона, обнимая молоток, и заснул, дрожа. Он не мог убежать дальше, даже стоять больше не мог. Побег из квартиры лишил его последних сил.

Странно, но его никто не тронул. Супермаркет был виден с дороги, и на протяжении двух часов, что он дрожал и дергался, лежа на улице, мимо, скорее всего, несколько раз проехала патрульная машина. Возможно, из-за экономического кризиса такое зрелище стало привычным.

Кайл проснулся около семи утра. Никто на него даже не смотрел. Он встал, чтобы утренняя смена смогла попасть в магазин, и несколько минут просто удивлялся тому, что еще жив.

Бумажник остался в квартире, но ключи были пристегнуты к ремню. Пока он отряхивал рукава кожаной куртки, индус в форме «Уэйтроуз» вынес из магазина мусорный мешок, набитый вчерашней выпечкой. Кайл дошел с ним до помойки и как следует поживился. Возвращаясь домой в благословенном сером свете восхода, сжевал четыре бублика и одну яблочную булочку. Ничего вкуснее он в жизни не ел.

Окно было широко открыто, как он его и оставил. Он долго смотрел вверх, но никто из квартиры не выглянул. Зайдя внутрь, Кайл проверил блок предохранителей. Мертвые руки выключили все, что могли, и раздавили пластиковые крепления. Дверца шкафчика валялась на полу. На лестнице воняло сточными

водами, подвалом и гнилью. Увидев пятно под потолком, Кайл зажал нос двумя пальцами и еле удержал бублики в желудке.

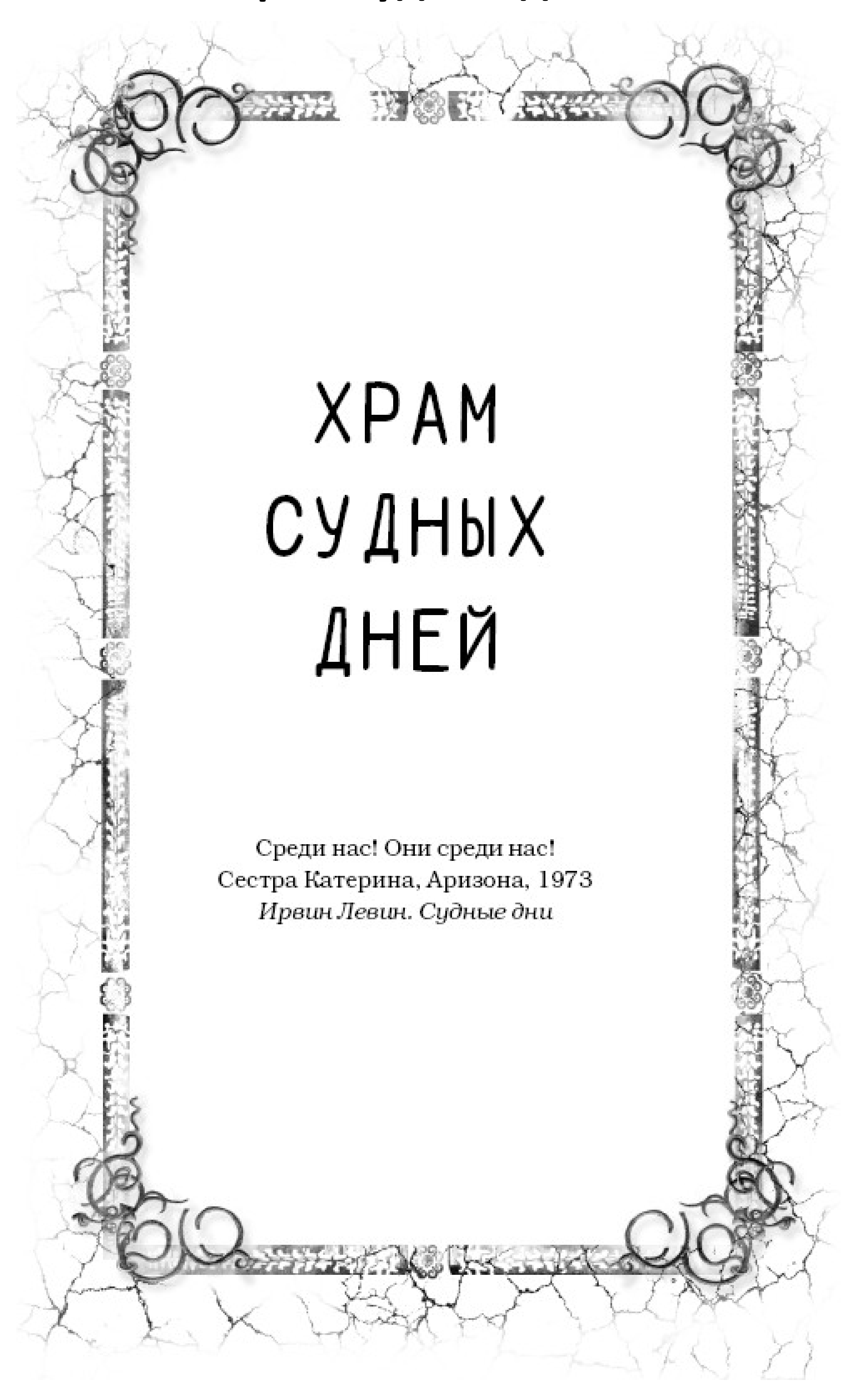
Дверь Джейн была закрыта. Он подумал, не стоит ли разбудить ее и посмотреть, как там кошка, но у дома остановился белый мини-вэн и отвлек его. Из кабины выпрыгнул курьер.

– Кайл Фриман? – спросил он. Кайл кивнул. – Вам посылка.

Кайл расписался и пошел наверх, держа под мышкой длинный тяжелый ящик. Сев посреди руин собственной жизни, открыл конверт, приклеенный к коробке.

Письмо было от Макса.

Храм судных дней

Двадцать девять

Мотель «Оазис», Сан-Диего.

25 июня 2011 года. 19.00

– Я хочу кое-что вам рассказать.

Лежа на кровати, Кайл застонал и прижал ладони к глазам.

Вместе с едой ему принесли бутылку «Джонни Уокер Ред Лейбл» и колу, такую холодную, что она обжигала язык. Он планировал съесть бургер, выпить как можно больше виски, а потом спать, пока Макс и Джед несут вахту. Завтра ему предстояло здорово рискнуть, а потому он нервничал, постоянно выходил из себя, раздражался, как и любой человек перед таким событием.

Маска для сна, которую Кайл забрал из самолета, тоже пригодилась: Макс привез с собой из Англии три портативных светильника, и те превратили номер в полуденную пустыню. Увидев три кровати, Кайл разозлился. Судя по всему, Макс был заранее уверен в его согласии. Хотя чего говорить, Кайл же все равно приехал: вымотанный, перепуганный, явно не в своей тарелке, по-прежнему в игре. Ничего не изменилось. Две другие кровати были завалены вещами, как будто их никто не собирался использовать по назначению. Этот номер был создан для семей, компаний молодых друзей или для агентов ФБР на задании. Макс и Джед оставили ему кровать у окна, на которую Кайл сразу плюхнулся.

Он еще раз исподтишка взглянул на Джеда. Уверенный в себе, крепкий, наряженный в безобидную униформу всех туристов на земле, тот встретил его в зале прилета и пожал руку так, что стало больно. Потом молча отвез в мотель, где Кайла встретил немного пришедший в себя Макс, сияя радостной улыбкой. Ухо исполнительного продюсера все еще закрывала повязка, а царапины на щеке были полностью залеплены пластырем и ватными дисками. Выглядел он как жертва пластической хирургии.

После неискреннего приветствия последовал второй раунд подробного знакомства с Джедом, который даже назвал себя «спецназом Максимилиана». После этого он и Макс уселись за маленький столик под настенным телевизором. «Мы тут дела решаем, а ты можешь обождать в сторонке», – всем своим видом говорили они.

Макс очень высоко ценил Джеда. Тот нашел детей из шахты. Три месяца держал под наблюдением особняк Чета. Следил за всеми, у кого Кайл и Дэн брали интервью в Штатах. Джед умел улаживать дела, и у него было оружие. Вот только от него Кайлу было сильно не по себе.

Пройдя в комнату, Кайл бросил лишь один взгляд на столик. Там лежали снятые с воздуха фотографии особняка Чета Ригала, чертеж, карта улицы и три кобуры, из которых торчали черные пластиковые рукояти. Все это он совершенно не хотел видеть в одном помещении с собой, тем более в своем будущем. По всем признакам тут отчетливо пахло преступлением, но Кайлу совершенно не хотелось думать об отчаянной вылазке, где ему придется помогать, участвовать и снимать, причем уже завтра и в ненадежной компании, состоящей из незнакомца и человека, которому Кайл совершенно не доверял. Не хотел он думать и о том, что забрало Дэна и чуть не убило его самого прошлой ночью. Бояться надо будет завтра, потому что, с чем бы он ни столкнулся в Лондоне, в особняке сестры Катерины будет гораздо хуже. Ничто не убедит его в обратном. Милосердный сон должен был унести его из этого номера и царящего в нем безжалостного света.

В аэропорту Сан-Диего Кайла разбудила стюардесса, старательно скрывая отвращение при виде пассажира, не бритого уже несколько недель, не мывшегося несколько дней, но скорчившегося на кресле в первом классе. Он проспал семь часов десятичасового перелета без всяких снов. Вынырнул из чего-то, больше напоминающего кому, с головной болью и оказался в Калифорнии – с одной сменой одежды в рюкзаке и новой камерой. Но как только Кайл лег на кровать, он снова захотел спать. Не вставать неделю. И, представив очередной монолог Макса, сказал:

– Не сейчас. Я просто хочу напиться и вырубиться.

Старик улыбнулся.

– Сегодня, друзья мои, по моему разумению, нам необходим контекст. Вполне естественно, что вы до сих пор не желаете думать о том, с чем мы столкнемся завтра. И если вы просто примете на веру мои слова касательно того, что именно обитает в теле Чета Ригала большую часть его жизни, то я серьезно за вас забеспокоюсь. Так что в канун сражения мне кажется, что конец сестры Катерины нуждается в некотором пояснении.

– Макс, я все. Прости, но с меня хватит, – Кайл закрыл лицо от резкого света лампы, стоящей на тумбочке между средней и крайней кроватями, – до рассвета всего несколько часов.

Его поражало, что ни один из его спутников не собирается вздремнуть.

– Давай, Макс, – сказал Джед и подмигнул Кайлу, – я буду слушать. Я могу слушать всю ночь. Спилберг пусть спит.

– Спилберг?

Джед рассмеялся, Кайл гневно воззрился на него.

Макс склонил голову и поднял ладони, требуя тишины.

– Я бы хотел перенести вас в Советский Союз, в 1 июля 1941 года. Тот день, когда Молотов и политическая элита Советской России дрожали, и отнюдь не от холода, направляясь к Сталину.

Думаете, это неподходящая история? Посмотрим. Советская элита шла на встречу, где речь должна была идти о немецком вторжении в Россию. Они верили, что этот день станет их концом. У их страны не было шансов справиться с германской военной машиной. А они, гонцы, могли и не пережить гнев Сталина.

Понимаете, Сталин совершил ужасную ошибку. Он доверял Гитлеру и в 1938 году подписал пакт о ненападении, чтобы избежать войны с Германией. И чтобы укрепить собственную власть.

Садистская тирания Сталина терзала страну уже двенадцать лет. К 22 июня 1941 года коллективизация уже погубила девять миллионов крестьян. Еще десять миллионов мужчин и женщин умерли в тюрьмах и трудовых лагерях, куда попали по политическим причинам. Когда Сталин умер в 1953 году, он был повинен в смерти примерно двадцати миллионов человек.

Невероятно. Такое количество даже представить нельзя. Оно ошеломляет. Попытайтесь только представить себе невероятные масштабы уничтожения людей. И их смерть не была легкой. Ни у одного человека из двадцати миллионов. Они страдали. Так что, когда Гитлер предал Россию, Сталин решил, что его элита явилась покарать его.

Ах, если бы это было так! Но Сталин недооценил ужас, который его патологическое поведение внушило всем русским. Он не понял намерений Молотова. Как дети, подвергающиеся жестокому обращению, они считали, что насилие – это нормально. Они не могли сопротивляться. Не могли.

Его власть над ними была абсолютной.

И вот что я тебе скажу, Джед. Они упустили один из самых важных шансов двадцатого века. Вместо этого они помогли ему собраться с мыслями и перегруппировать войска. Позволили ему возглавить их, повести, но в этот раз не в водоворот его жуткой паранойи и жестокости. Все это никуда не делось, конечно, но он не упустил такую возможность. Возможность уцелеть и прожить очень долго.

Как дьявол, он был совершенным. Совершенным дьяволом. А завтра мы столкнемся с волей сатанинской и непреклонной. И, в отличие от Молотова в сорок первом, мы должны избрать другой путь.

Мы должны, прежде всего, осознать последствия собственного бездействия.

Джед нахмурился, изучая собственные руки:

– А что насчет Гитлера, Макс? Если бы не сопротивление русских, Гитлер выиграл бы войну.

– Правда? – улыбнулся Макс. – Он же слишком растянул собственные войска. Даже Германия не смогла бы удержать такой фронт. Мания Гитлера – и его льстивых подручных – разрушала его самого и все, о чем он мечтал. Все его амбиции были фантазиями. День, когда он вторгся в Россию, стал его судным днем. Даже если бы Россия сдалась, его падение было бы просто ненадолго отсрочено – до того момента, как ему представилась бы другая возможность покончить с собой.

Но я рад, что ты упомянул этого, скажем так, проанализированного социопата. Потому что Гитлер был злым двойником Сталина. Как и в случае со Сталиным в 1941 году, существовало множество шансов убить Гитлера, но все они были упущены. История двадцатого века пошла бы по другому пути, если бы мы умели убивать своих тиранов. Два человека и их злая воля, а также воля их избранников уничтожила пятьдесят шесть миллионов человек за семь лет войны. И не забудем о тех, кому пришлось жить с наследием тиранов. Разве может кто-то в здравом уме сказать, что этих людей не следовало бы казнить раньше, случись такая возможность?

Джед подмигнул Кайлу, который смотрел на Макса сквозь пальцы правой руки. Старик увидел это, улыбнулся и рассмеялся:

– Я снова лицемерю, мальчики? Хитрю? Говорю банальности о Сталине и Гитлере?

Кайл слишком устал, вымотался, был перепуган тем, что происходило в его собственной жизни, чтобы рассуждать о сильных мира сего.

– Я пытаюсь сказать, – продолжил Макс, – что в человеческой натуре есть что-то демоническое, перед чем мы благоговеем и не можем остановиться. Чему не можем не служить. В этом наша величайшая трагедия. Универсальная и вневременная, как и все настоящие трагедии. Мы не учимся на своих ошибках и на ошибках предков. Сталин, Гитлер, Мао, Пол Пот составляют макрокосм. Добавьте сюда же Наполеона, возможно Цезаря, даже Александра. Этих великих исторических деятелей мы уважаем за их завоевания, амбиции, прогресс, который, как говорят, они несли. Но разве без них мы как вид не стали бы лучше?

Джед побарабанил пальцами по стакану виски:

– Были бы другие. Никакой разницы.

Макс всплеснул маленькими ладонями:

– И именно поэтому наша трагедия чудовищна – из-за своей неотвратимости. Нас могут вести за собой только монстры. Злобные нарциссы. И очень многие хотят занять место свергнутого тирана. А мы, все остальные, не представляем, как выбрать себе лидера, даже если бы у нас было какое-то подобие реального выбора. Мы не умеем управлять собой рационально, гуманно, честно, поэтому выбираем тех, кто более всего эгоистичен и неразборчив в средствах. Идем от одной войны к другой, от одной бойни к следующей. Вот почему я создал Последний Собор. Мне хотелось собрать общину, основанную на сотрудничестве и взаимном уважении, на человечности и вежливости. И посмотрите, что из этого вышло. У нас все украла психопатка, которая бы ни на мгновение не задумалась над возможностью стать Гитлером или Сталиным. И мы, друзья мои, должны исправить трагическую ошибку, которую я сделал в 1967 году.

Макс встал и прошел к кровати. Сел, откинулся на подушки. Неформальный жест, казавшийся неподходящим для босса. Тощие ноги с разноцветными носками – красным и коричневым – болтались над полом, покрытым дешевым ковром.

– Я – старый хиппи. Я верил в мир и любовь. В честность и сострадание. Я был юным дураком, а теперь я – старый дурак. Но когда-то я считал, что Последний Собор может стать надеждой для человечества. Примером лучшей жизни. Что с его помощью я пойму себя, других людей, что мы все поймем друг друга.

– Не вышло, – улыбнулся Джед.

– Вместо этого мы восславили дьявола, – вздохнул Макс, – попросили его стать нашим вождем. Манипулировать нами и разделять нас. Лишить нас средств к существованию, свободы, достоинства и даже жизни, заставив служить себе.

– Мы все совершаем ошибки, Макс. Но это была очень крупная ошибка. Хотя, конечно, не такая, как у Молотова в сорок первом, – Джед захохотал, пока совсем не выбился из сил. Казалось, он пьян.

Макс забормотал будто бы себе под нос:

– Я мог остановить ее в Лондоне. Многие из нас понимали, что происходит. Но мы ничего не делали, только надеялись. И наши тщетные надежды стали пищей для них, – старик закрыл лицо руками.

– Эй, Макс, – сказал Джед, – как насчет старого доброго «Джека Дэниэлса»?

– Думаю, не помешает, – Макс сел и грациозно взял бутылку из протянутой руки Джеда.

Тот улыбнулся Кайлу:

– Значит, Макс, мы имеем дело то ли с Гитлером, то ли со Сталиным. Одним из них. И нам совершенно не нужно, чтобы он тут слишком долго околачивался, да, Спилберг?

Макс вздрогнул от слишком большого глотка бурбона:

– Одним из них, совершенно верно. И то же самое я бы сказал о наших корпоративных лидерах. Прошу вас, взгляните на крупных бизнесменов, играющих на коммерческой арене в эту самую материалистичную из всех эпох в истории. Кто из них может отвечать хоть за что-то, не говоря уж о людях?

– Аминь, – заключил Джед, допивая виски, – я бы с удовольствием вывел из игры парочку своих прежних боссов. Но постой, разве эти ушлепки не выполняют свои обязанности?

– О, их успехи – лишь пиар.

Кайл улыбнулся против собственной воли. Джед осклабился.

– Джед, они нам продают эту идею с тех пор, как мы вышли из первичного бульона. Что они нам нужны. Что у них есть дар. Что они – прирожденные лидеры, а мы должны положиться на их управленческие качества. Что мы должны следовать за ними, иначе они уйдут. Да и скатертью дорожка!

– Я бы сам отвез их в аэропорт, Макс!

Старик усмехнулся:

– Джед, ты поднял крайне дальновидный вопрос. Мне кажется, что коварство и алчность корпораций слеплены из того же теста, что правление тиранов в мировой истории. Другой мир, другие средства, но цели те же. Власть, богатство, корыстолюбие – и все это за чужой счет. Их сила в отсутствии совести. Но есть ли другой путь? Вот какую проблему мы должны поставить перед собой. Я бы…

Кайл воткнул в уши прихваченные из самолета беруши и заснул.

И, всхлипнув, проснулся в полной темноте. Ото сна, в котором копошились жалкие тощие твари, а он лишь на мгновение видел их между стропил потолка, а потом от существ даже образа не оставалось. Он

попытался вспомнить, куда попал во сне, но его внимание сразу привлек шум в темном номере мотеля. Гортанный лай, перемежающийся птичьими криками, пробивался сквозь беруши. Такое Кайл уже слышал раньше. Резкие звуки то ли тревоги, то ли радости и тяжелое, с присвистом, дыхание.

Там был свет. Он повернул голову. Дверь в дальнем конце комнаты была приоткрыта. Ванная. Оттуда просачивалась полоска серебряного света, такого яркого, что у него заболели глаза. Сев в постели, Кайл позвал Макса, потом Джеда, но в горле пересохло, изо рта вырвался лишь еле слышный шепот.

Его напарники говорили на повышенных тонах, чтобы слышать друг друга в гвалте, стоявшим за дверью, окруженной белым светом.

Кайл потянулся к лампе дневного света на тумбочке. Она исчезла. Дернул за шнур, чтобы включить лампочку над кроватью. Без толку. Быстро встал и тут же рухнул на соседнюю кровать. Вскочил снова, но не смог удержать равновесие. Ни в ногах, ни в голове, казалось, не было крови, и он спотыкался, ударялся о стены. Толчком поднявшись, завалился на спину. Сел на кровати. Он чувствовал себя очень глупо, даже абсурдно от страха.

Внутри проснулся гнев. Он лягнул воздух, залепил себе пощечину, кое-как поднялся на ноги и побрел к столу. Порылся среди карт и фотографий, но пистолетов не нашел.

Из-за двери ванной слышался голос Макса. Тот говорил по-французски. Дважды послышалось имя, которое Кайл узнал, произнесенное с вопросительной интонацией.

– Катерина? Катерина? – Но голос старика потонул в скрежете.

– Макс! Макс! – крикнул Кайл, боясь войти в ванную.

Нет ответа. Кайл распахнул дверь. Из-за нее вырвался белый свет, в котором комната сразу стала серебристо-синей.

– О, господи, – сказал он. Смрад разложения горячей волной ударил в лицо. И, как будто дверь обещала передышку или даже спасение от источника мучений, поселившегося в ванной, скрежет и шипение последних вздохов усилились.

Несколько мгновений Кайл не понимал, что делают Джед и Макс. Широкую спину Джеда в голубой тенниске покрывали пятна пота – под мышками и между лопаток. Макс стоял чуть позади него, и повернутое в профиль лицо было искажено ужасом при виде того, что старик увидел в ванне. При виде существа, от которого он пытался добиться ответа.

Джед повернул голову и рявкнул:

– Закрой дверь, ради всего святого!

Макс посмотрел на Кайла, не узнавая. Нахмурился:

– Заходи! Быстро!

Кайл зашел в ванную и захлопнул дверь. Та не закрылась. Черный провод тянулся наружу, к коммутатору, к которому были подключены все три лампы. Значит, Макс унес их в ванную, пока Кайл спал. Бросил его снаружи, одного, беззащитного.

Соломон вдруг подхватил Кайла под руку, как ребенка, и вытащил из-за спины Джеда.

– Мы одного поймали! – заявил он с такой неуместной радостью, что Кайл снова осознал: старик сошел с ума.

Кайл закашлялся, пытаясь очистить легкие от гнили и канализационной вони. Его тошнило. Посмотрел в ванну и отвернулся. Прикрыл ладонью нос и рот.

– Господи! – Ему снова захотелось бежать из номера и не останавливаться, пока он не доберется до аэропорта. – Нет.

Бурый смрадный дым или пар исходил от тщедушного существа в ванне. Оно хныкало, сопело и, кажется, медленно умирало.

Казалось, здесь открылся портал в сверхъестественное.

Джед поймал тварь за горло, туго затянул на иссохшей шее металлическую петлю. Проволочная удавка крепилась к шесту, который Джед сжимал в мясистых ладонях. Все силы толстых волосатых рук уходили на то, чтобы удержать пленника в дальнем конце ванны, где он сгорал заживо под светом трех ламп.

Кайл на секунду потерял сознание. Перед глазами все задрожало, как будто его ударили по голове. Бургер и виски оказались на полу.

При виде его полумертвое лицо под кранами ванной вдруг преисполнилось какой-то дикой энергии и зарычало, заставив всех троих отступить. Худые ноги заколотили воздух. Казалось, существо опять собралось с силами. На покрасневшей коже Джеда, удерживавшего его на месте, выступили капли пота. Но детектив не дрогнул, просто сказал:

– Похоже, у него нет языка.

Говорить оно не могло. В безгубом рту, в черных деснах торчали под разными углами осколки зубов. Кайл вдруг понял, что бормочет: «Убей его, избавься от него, убей!»

Ультрафиолет продолжал свою медленную работу. На потолке осталось липкое черное пятно – там, где прошло существо. Рядом с раковиной почему-то стояла массивная серебряная солонка и серебряная же фляжка.

– Оно умирает, – скрежет когтей по эмали стал слабее.

Крики сменились плачем, разрывавшим Кайлу сердце. Грудь и выступающие ребра становились прозрачными. Видимые кости покрыла мембрана, немного напоминающая ту, что окружает головастиков или личинок. Черные глаза усохли, оставив только тонкие складки кожи в темных глазницах.

Макс взял фляжку дрожащими руками и осторожно перевернул ее над искаженным лицом существа. Тонкая струйка темной жидкости вылилась твари на голову. На белой эмали она выглядела густой и ярко-алой. Кровь.

Джед сильнее надавил на шест. Пот стекал по его подбородку мутными каплями. Кайл переводил взгляд с Макса на Джеда и обратно, ничего не понимая. Но потом его быстро отвлекла покрытая пятнами голова в ванне. Существо с силой колотилось о стенки, изворачивалось внутри проволочной петли и ловило губами алые капли. Казалось, оно пыталось облизать фарфор без языка. Бурые кости зашевелились с новой силой. Макс торопливо заговорил с тварью по-французски, но ту не занимало ничего, кроме крови и собственного страдания.

– Черт с ним, Макс, – сказал Джед, – кончай его.

Старик вздохнул разочарованно, но кивнул. Поставил фляжку на место и взял солонку.

– Быстро, Макс, – велел Джед, – щепотки хватит, – он осекся и крякнул, с усилием навалившись на шест, чтобы удержать ожившееся существо в ванне.

Макс открыл солонку и высыпал ее содержимое на грязное лицо. Кайлу показалось, что он услышал какой-то треск, словно от кристаллов льда, попавших в воду. А потом Макс осторожно пронес лампу над ванной и медленно опустил ее вниз.

Из-за зловонного облака темного пара все разом воскликнули от отвращения. На глаза навернулись слезы от кислотного ожога. Крики резали уши, но потом они перешли в обессиленное бульканье, затем вздохи, и наконец настала благословенная тишина.

Существо на глазах теряло угловатость и четкость, оно как будто впитывалось в пятна, оставшиеся от него на фарфоровых стенках. Кайл отвернулся. Прислонился к двери. Когда он снова взглянул на тварь, от нее осталась лишь горсть угольно-черных костей и узкий череп. Ванна была такой грязной, словно в ней разводили огонь. Он вышел в комнату, кашляя.

За спиной он услышал голос Джеда:

– Ты не сильно-то помог, Спилберг. Их не так просто поймать. Мог бы хоть снять все это.

– Вы вытащили все лампочки? – Кайл в ужасе огляделся, пока Джед невозмутимо ввинчивал их на место. Люстра наверху уставилась на пол пустыми патронами. – Чтобы их привлечь?

Не веря сам себе, он помотал головой. Максу, казалось, стало скучно, и он сидел у стола, изучая карту.

– Для разведки. Перед операцией необходимо, – объяснил очень довольный Джед. – Ты когда-нибудь слышал, что нападение – это лучшая защита?

Кайл был слишком зол, чтобы спорить. Он посмотрел на Джеда, на Макса, снова на Джеда. Взяв себя в руки, снова заговорил, но голос периодически срывался на заполошный визг, что было совершенно отвратительно:

– Почему вы меня не посвятили в свой дебильный план?! Я был приманкой?! Я спал в этой чертовой темноте!

– Ты бы не согласился, а у нас нет времени на длительные дебаты каждый раз, когда нужно что-то сделать, – Макс даже не посмотрел на него.

– Аминь, – сказал Джед.

– Зачем я здесь, Макс? Зачем?

– Я вот тоже пытаюсь это понять, – развеселился Джед.

Кайлу очень захотелось врезать по жирному красному лицу:

– Вы с Коломбо что-то не очень обо мне беспокоитесь. Или у вас есть еще какой-то план, а я не в курсе? План, из-за которого завтра я сыграю в ящик?

Макс вздохнул и потер глаза. Несмотря на все свои анекдоты и панибратство с Джедом, он был совершенно разбит. Под безжалостным светом стало заметно, как обвисла желтоватая кожа вокруг его рта и на шее. Тонкие руки висели плетьми в рукавах сшитой на заказ рубашки, а в дрожащих пальцах он постоянно вертел упаковку болеутоляющих.

По дороге в Калифорнию Кайл убеждал себя, что Макс лучше знает, что Макс должен знать, как поступить в такой невозможной ситуации. Но тут его снова накрыл страх. Он причастен к тому, что весь мир сочтет за убийство. Он не хотел думать об этом до утра, но засада в ванной несколько ускорила события. Они планировали казнить больного актера. Макс сошел с ума, теперь это было совершенно ясно. Старый безумный тиран. Если бы кто-то убил Макса в 1967 году, никакого Храма Судных дней не появилось бы. «Как тебе такая мысль, Геродот?»

Почему он сюда вернулся? В Америку, с камерой, в комнату, полную оружия, к двум людям, которых почти не знал, но с которыми планировал ворваться в частное владение и убить больного человека, чьим

телом якобы завладела мертвая основательница секты. Абсурдно. Короткий сон и попытка допроса Кровавого друга вернули ему разум. О чем он, вообще, думал?

Кайл вспомнил существо, громившее его темную квартиру, пока он висел на подоконнике. «Фильм. Фильм. Подумай о фильме». Он здесь ради него? Он уже не мог понять. Вспомнил, как раскопал камеру в руинах квартиры, быстро записал свой постскриптум и загрузил в интернет. Монитор треснул, но компьютер все еще работал. Черновая склейка ушла на FTP. Маус уже десять часов занимается монтажом. Но Максу не стоило говорить о финальной сцене. Идея о ней впечаталась в воспаленный мозг Кайла. Он хотел спасти себя.

И спасти ребенка. Отомстить за Дэна. Дэн. «Не нужно думать о Дэне». Но Кайл не мог отрицать, даже сейчас, что его привела сюда мысль о том, что он может упустить величайший финал в истории документалистики и кинематографа в целом.

Вот только после допроса в ванной эта мысль уже мало успокаивала. Закрутилось знакомое колесо сомнения, обвинений, чувства собственной вины и ужаса. В Лондоне он думал, что погибнет, просто оставшись дома. А откуда ему знать, куда они придут в следующий раз? Кровавые друзья будут появляться снова и снова, они найдут его везде, где бы он ни прятался, а потом он слишком устанет, чтобы бежать. Как Марта Лейк и Бриджит Кловер. Не это ли он говорил себе в такси до Хитроу и в кресле первого класса, пока не заснул? И вот он здесь. И сама идея разорвать связь человека с непознаваемым превращает его кости в желе.

– Боже мой, – Кайл рухнул на кровать, закрыл лицо руками. – Я больше не могу. С меня хватит.

Макс смерил его взглядом:

– И ты бросишь нас разбираться со всем в одиночку? Ну же, Кайл. Никого не осталось. Только ты, я и Джед. Вместе мы сильнее. Разве нет?

– Собери задницу в кулак, Спилберг. Будешь нас тормозить, я из-за тебя пальцем не пошевельну. Хочу, чтобы ты об этом помнил.

Комната постепенно перестала вращаться перед глазами.

– Макс, ты это слышишь? Да что за клоуна…

Он не успел сказать следующее слово и не успел заблокировать удар Джеда. Полетел на кровать спиной вперед, вывихнув большой палец и завыв от боли. Огромная потная лапа с мозолями на ладони вмяла его голову в матрас. Колено врезалось в солнечное сплетение, ребра затрещали.

Сквозь пелену боли он видел улыбку Джеда и глаза без тени смеха. За овальными очками горел садистский восторг.

– Слушай, Спилберг. Завтра я тебя не понесу.

– Джед. Пожалуйста, – это сказал Макс, который даже не позаботился встать из-за стола, пока Кайла пытали. Потому что это была настоящая пытка.

– Пора ускориться, Спилберг, слышишь? Будь мужиком, ты, визгливая сучка. А то ты только ноешь и ссышь себе в штаны. Завтра нам предстоит реально серьезное дельце, так что вливайся быстрее. Мы убьем эту дрянь, пока свет Господа нашего Иисуса Христа горит в наших глазах. Эти куски дерьма отправятся в ад, ясно? А ты возьмешь камеру и сделаешь то, что скажет Макс. Точка. Тебе даже не придется спускать курок. Но, если мне хоть на секунду покажется, что ты подвергаешь опасности меня, Макса или операцию, я тебя, лоха, шлепну без зазрения совести. Понял?

Кайл молчал.

Джед приблизил лицо к нему:

– Понял?

– Пошел на хер, – с трудом выдавил Кайл.

Хлынула новая боль, на этот раз в вывихнутом пальце, и он на секунду потерял сознание. Очнувшись, понял, что все еще лежит на кровати и его тошнит. Макс умолял Джеда:

– Хватит. Он тебя понял. Хватит, пожалуйста.

Давление на грудь и руку постепенно ослабло, но голову его все еще прижимала к матрасу рука, воняющая той тварью, которую они сожгли в ванной.

Макс подошел к кровати:

– Джед. Они унесли его друга. Он видел столько всего, что другой на его месте уже сошел бы с ума. Мы все устали. Мы на взводе. Просто успокойся. Мы должны доверять друг другу. Хватит ссориться.

«Ссориться?»

Джед отошел от кровати и улыбнулся Максу:

– Просто нужно было внести ясность. Разве не так, Спилберг?

Кайл выдержал его взгляд. Прижал больной палец к животу. Глаза жгло, а сердце ныло. «Вот, значит, оно как». И вместе с болью внезапно пришло озарение. Он понял, что завтра не выйдет из особняка. Его с самого начала отправили в разведку. Он – расходный материал. Как Дэн и Гавриил. Они все должны были погибнуть, чтобы жил Макс. Даны ли Джеду инструкции «шлепнуть» его, когда Чет будет мертв и связь между Кровавыми друзьями и этим миром оборвется? Или он – наживка и послужит обыкновенным куском мяса, отвлекающим голодных львов. Кайла чуть не вырвало прямо на белое одеяло.

Макс нахмурился. Казалось, он прочел его мысли.

– Милый мой мальчик, нам нужно снять финальную сцену. Камеры не лгут, тебе это известно лучше, чем кому-либо. Как еще мы сможем себя защитить? Умышленное убийство в Калифорнии карается пожизненным тюремным заключением. Если нас застанут на месте преступления, у нас должен быть способ объяснить свои действия и доказать это. Так что до ухода – а мы отправимся через несколько часов – я предлагаю тебе познакомиться с новым оборудованием и убедиться, что аккумуляторы заряжены. Бедного Дэна с нами нет, так что, боюсь, тебе придется взять все на себя.

Джед поставил на кровать рядом с Кайлом стакан «Джонни Уокера» и подмигнул ему:

– Я за тобой присматриваю, Спилберг.

Кайл сжал стакан здоровой рукой. Ему показалось, что вместе с виски он выпил свою собственную свободную волю.

** * **

Пять утра. Кайл сидел на опущенном сиденье унитаза, закрыв лицо руками. Дверь в ванную была заперта. Воняло гарью. Большая часть костей распалась в пыль. Кайл с трудом дышал, но не из-за запаха. Паника перехватила горло. Макс и Джед спорили в номере, глядя на чертежи и фотографии. Кайл думал о том, как сбежать из мотеля. Джед не станет стрелять в него на улице. Но он может прийти позже. Он сумасшедший, и у него есть оружие.

Болел палец. После нападения Джеда Кайл понимал, что теперь подчинится любому его приказу, и ненавидел себя за это. Его слово теперь не стоило ничего. Макс разрешит что угодно, лишь бы выжить

самому. Может, это он и имел в виду, говоря о Сталине.

«Полиция? Но что им сказать?»

Маус загрузил предыдущую ночь. Он прислал Кайлу сообщение о том, что сделал первую пригодную к просмотру сборку. Кайл заулыбался, как идиот. Если он не вернется и его не смогут найти, фильм только наберет веса, пока юристы Макса и полиция не заставят убрать его. Но он уже никогда не исчезнет навсегда. Он все рассказал на камеру: намерение убить смертельно больного Чета, перерождение Катерины в теле усыновленного ребенка. Этому поверят немногие, но фильм свяжет имя Макса с будущими преступлениями. И их, похоже, будет много. «Посмотрим, насколько хорошие у тебя пиарщики, Макс». Может, теперь устроить Соломону шантаж и пересмотреть условия участия в операции? Кайл зажег очередную сигарету и задумался.

– Надеюсь, ты там не куришь, Спилберг. Я уже говорил, что здесь не курят.

– Джед, хватит.

Кайл показал двери средний палец, потом опустил его, потому что почувствовал себя обидчивым подростком, закрывшимся в собственной спальне. Зазвонил телефон. Кайл вынул его из кармана кожаной куртки.

– Это его телефон. Он говорит по телефону, – голос Джеда, а потом звук отодвигаемого стула.

– Отстань от него, – Макс.

– С кем он говорит?

Макс подошел к двери ванной и участливо спросил:

– Кайл?

Кайл не смог ответить, поскольку на экране высветилось имя: ДЭН. Невозможно. Значит, родители Дэна ищут сына или один из его приятелей? Наверное. Звонят лучшему другу Дэна после обыска в разгромленной квартире. Но как они добрались до его телефона? Кайл нажал на кнопку.

– Да?

– Кайл? – Голос был женский.

– Да, – он сглотнул. Он знал, что Джед и Макс слушают. Дверь распахнется после одного неверного слова.

– Ой, как хорошо. Меня зовут Дженна. Я медсестра из Королевской клинической больницы в Белсайз-Парке. Я звоню от имени вашего друга, Дэниэла Харви.

Кайл закрыл глаза и задержал дыхание. Обнаружили его тело. Он не мог, просто не мог думать об этом.

– Ммм…

– Дэн просил меня позвонить вам.

– Дэн!

– Да, завтра его выписывают. На него напали, и он получил травму. Боюсь, пришлось наложить несколько швов и сделать уколы от столбняка, поскольку его искусали.

– Что? Он жив? Я имею в виду, все ли с ним в порядке?

– Да, но у него еще сломана челюсть, так что он не может с вами поговорить. Врачи полагают, что завтра его можно будет выписать. Вы сможете его забрать?

Кайл покосился на дверь.

– Нет. Я в Америке. Работаю. Над фильмом. Скажите ему, что я все еще занимаюсь фильмом.

– Хорошо. Он попросил меня прочитать вам записку и передать, что он в вас верит. Так сказано в записке. А еще там вопрос: «Они придут за мной снова?» Это не мое дело, но, возможно, Кайл, вам стоило бы сообщить об этом в полицию.

– Нет-нет, дело не в этом. Это касается фильма. Он спрашивает меня о фильме, над которым мы работаем.

Кто-то дернул дверную ручку. Потом послышался стук.

– Кай? – спросил Макс. – С кем ты разговариваешь?

Кайл прикрыл трубку рукой:

– С Дэном! Пошли все к черту!

На несколько секунд Макс замолчал, потом о чем-то спросил Джеда, хотя слов Кайл не расслышал.

– Извините, – сказал он в трубку, – передайте Дэну, что я в Америке, мы пытаемся все остановить. Скажите, что я приехал сюда с Максом. Я не могу объяснить. Скажите, чтобы он шел к Маусу, когда выйдет из больницы. Да, к Маусу, он знает, кто это. – Кайл заговорил шепотом: – Очень важно, чтобы он встретился с Маусом.

Кайл повесил трубку и открыл дверь.

Снаружи стояли Макс и Джед. Старик приподнял одну бровь – ту, которая еще шевелилась. Джед улыбался и держал в руке пистолет.

Тридцать

Сан-Диего.

26 июня 2011 года. 8.30

– Макс. Тут везде камеры.

– А за ними кто-нибудь следит? В любом случае, смотри себе под ноги, как я велел. Ты вообще способен выполнить простейшие инструкции?

Слишком поздно. Он попал в объектив минимум трех камер, пока они с Максом шли к воротам по боковой дорожке.

– Серьезно, Макс? Мы ломимся на штурм через главный вход!

Старика явно тяготили нелегкие мысли, о содержании которых Кайл мог только догадываться. Правда, навряд ли они сильно отличались от его собственных. Но вопросы здорово раздражали продюсера худшего дня в жизни Кайла. «Вот и отлично».

Они остановились у ворот, выкованных в виде павлиньего хвоста в стиле ар-деко: длинные перья из стальных полос и инициалы Р. Ф. посередине. Каменные колонны по сторонам были увенчаны такими же коронами, как на небоскребе Крайслер-билдинг. Длинные стальные флагштоки тянулись к синему безоблачному небу. Белая каменная стена, увитая плющом, окружала территорию.

Сам дом отсюда не был виден. Сквозь стальные павлиньи перья виднелась только дорожка из розового гравия, окаймленная клумбами полевых цветов и нестрижеными живыми изгородями. Время от времени маленькие черные камеры, закрепленные на стенах, высовывались из плюща и обводили

объективом улицу и пространство перед воротами.

Исполнительный продюсер крепко сжимал маленькой ручкой холщовую сумку. Кайл и Макс были одеты в синие комбинезоны и бейсболки с надписью «Четыре всадника: борьба с вредителями». Камеру и аккумуляторы Кайл спрятал в рюкзак. Джед не дал ему оружия. Перед уходом из мотеля Кайл попросил пистолет, но громила только рассмеялся и сказал: «Ага, конечно». В миле от особняка они заехали в пыльную расщелину и сменили автомобиль, пересев из черного автофургона Джеда в грузовичок, раскрашенный в те же цвета, что и их форма. Кайлу велели сесть в кузов и забросали его белыми канистрами, мотками шлангов и какими-то распылителями.

Макс и Джед устроились в кабине. Ему велено было не снимать, «пока Макс не даст тебе зеленый свет, Спилберг». Каждые несколько минут Джед посматривал на него в зеркало заднего вида и подмигивал, если Кайл ловил его взгляд.

Перед воротами руки у Макса затряслись так, что Кайл встал у него за спиной на случай, если продюсер достанет пистолет. Когда тот снова заговорил, Кайл даже не понял, насколько Макс очнулся от своих мрачных мыслей.

– Мы в этом ничего не понимаем, Кайл. Это дело Джеда. Ты должен ему доверять. Слушайся его. Это не шутка. От него зависят наши жизни.

– Я что, смеюсь? Но твоей уверенности что-то не разделяю. Он же псих. Не говоря уж об одном маленьком сюрпризе, который ты для меня приготовил. Я тут только для твоего самосохранения, Макс. Не надо врать мне хоть раз в жизни. Потому что твоя горилла тут же застрелит меня, стоит мне хоть что-нибудь сделать поперек вашего кретинического плана. Ты все время использовал меня в своих целях. С самого начала. Как тебе такое, а, Макс? Так что пошел ты в задницу. Да ты и сам все знаешь. Пошел в задницу.

Старик его проигнорировал.

– А соль? – добавил Кайл. – Оказывается, она тоже помогает. Знаешь, вообще-то она могла мне помочь.

Даже оскорбления Кайла больше не работали. Он не мог представить, что Джед когда-то служил в армии или в полиции. Тот не обладал аурой достоинства и некоторого лоска, которую на всю жизнь дает форма. Помощник Макса больше походил на сумасшедшего, который научился драться по боевикам и картинкам в интернете, живет в подвале у родителей и мастерит бомбы для взрыва правительственных зданий, так как уверен, что ООН снюхалась с зелеными человечками. Когда Кайл спросил у Макса, кто такой Джед, пока тот мочился в грязной ванной, старик сообщил только, что «у него отличные рекомендации», «он результативен» и «его услуги очень дорого стоят». Похоже, и для него прошлое Джеда было загадкой. Кайл снова подумал о первом выборе продюсера, Малькольме Гонале: Макс явно не имел ничего против нищих людей с дурной репутацией – таких легче ввести в заблуждение. Как Кайла, например.

– Откуда мне знать… – Кайл сглотнул, чтобы голос не дрогнул, – … что Джед меня не убьет?

Макс нахмурился. В явном изумлении затряс забинтованной головой, и Кайл сразу пожалел о том, что вслух сказал о своих страхах. Старик не сводил глаз с нижнего края ворот, как будто ожидая, что они откроются.

– Я снимаю фильмы, Макс. Ты издаешь всякие духовные книжки. Мы не коммандос. Ты не знаешь, кто этот парень. Его ведь даже зовут не Джедом. А ты тащишь с собой пистолет. Пистолет! Ты хорошо все продумал? Ты собираешься застрелить умирающего.

Макс повернул к Кайлу свое покрытое синяками, перебинтованное лицо. Улыбка у него была

неприятная.

– Ты так ничего и не понял? Это не человек, Кайл. И он никогда не был человеком. У него не больше прав оставаться в этом мире, чем у того, кого мы поймали прошлой ночью. Но, если тебя так напрягает казнь этих выродков, подумай о мальчике, чью жизнь мы спасем. Не говоря уже о нас самих.

– А что, если слишком поздно? Если Катерина уже переселилась? Убьешь ребенка?

Макс не ответил. Впрочем, ответ был очевиден. *Нет, а вот Джед убьет.*

– Макс!

Тот вздохнул.

– Тебе нужно всего лишь направить свою чертову камеру туда, куда я скажу. Если бы ты не спал и не запирался в ванной, то кое-что понял бы прошлой ночью. Нашу стратегию.

– Стратегию? Что-то это больше похоже на вооруженный грабеж. Его, блин, покажут в реалити-шоу «Самые тупые преступления Америки». Должен быть другой способ!

– Его нет. Мы неделями планировали эту операцию. Мы продумали все. А теперь, пожалуйста, помолчи. Мне нужно подумать.

Недели планирования Кайла ничуть не успокоили. Он снова посмотрел на часы: они торчали у ворот уже двадцать минут. Двадцать минут назад вылезли из грузовика, припаркованного за пределами обзора камер. Джед «выдвинулся на позицию» один.

– Нас всего трое, Макс. Ну как так? Ты не мог нанять какого-нибудь гопника для грязной работы?

– Придержи язык, Кайл. Я больше никогда не подвергну опасности невинного, как раньше.

– Да ты прям святой.

Главное, Дэн был жив, и полиция пока не приехала. Кайл попытался высмотреть в деле еще какие-то положительные стороны, но не нашел. Он нервничал, потел и не был уверен, что сможет вынести зрелище еще одного Кровавого друга. Перед глазами мелькали изображения Царства дураков, а еще существа в Холланд-парке, жутких стен амбара в Сен-Майенне, тощее создание, рыскающее вокруг его кровати в Сиэтле, еще одно, бегающее на четвереньках по квартире… Он чувствовал, что у него кончаются силы. Надо было поесть нормально, а не перебиваться сухими тостами в «Дэннис».

– Сколько времени это займет? Что там Джед говорил?

Макс промолчал.

Где-то в семь утра они выехали из мотеля (ванна в номере все еще была опалена и покрыта коркой из почерневших костей), и Макс сказал, что Джед откроет ворота из сторожки, стоящей у дома. Нужные коды безопасности они купили «за хорошие деньги» у обиженного охранника, которому Чет перестал платить. Джед проник в поместье несколько месяцев назад и наконец подкупил человека, обладавшего всей нужной информацией. Охранная фирма уже сняла камеры и датчики движения, а также забрала с собой собак. Сам особняк должны были продать с торгов в ближайшие шесть недель. «Разведка» Джеда показала, что в особняке не осталось никого, кроме больного Чета, которого никто из охранников никогда не видел, и двух старух, одетых как монашки в красных рясах. Иногда они выбирались из дома, чтобы посидеть и поговорить по телефону, но ненадолго.

Однако источник Джеда, как и его коллеги, никогда не видел ребенка. Бывшая жена-супермодель время от времени приезжала в особняк, наверное так реализуя свое право на посещение, и охранники полагали, что она навещает своего сына.

Макс полагал, что, когда Чет умрет, ребенок вернется к своей богатой матери в Санта-Барбару, долги отца к нему не перейдут, и он вырастет в роскоши. Хотя в глубине души Кайл все еще не верил в теорию Макса, но не мог не признать, что при таком варианте будущее Катерины в новом теле сложилось бы как нельзя лучше. Если уж начинать все сначала, есть варианты и похуже, чем жить в Санта-Барбаре с моделью. Тем более что можно довести ее до самоубийства и унаследовать тридцать миллионов долларов, которые она стрясла с Чета после развода. Возможно, Чет считал, что просто дал ей деньги в долг.

К счастью, тигр отправился в приют для животных в Монтане, а змеи в Лос-Анджелес: это была единственная хорошая новость с утра, которую он услышал, после того как вышел из ванной. Потом пришлось выслушать угрозы от Джеда, заряжавшего три пистолета. «Это „Глок“ двадцать пять. Военный образец. В свободной продаже такой не найдешь. Пятнадцать патронов в магазине. Смотри, чтобы не пришлось стрелять из него по тебе, Спилберг».

Кайлу пришло в голову немало вариантов ответа, но он оставил их при себе, предпочтя молча радоваться тому, что Дэн пережил нападение. Правда, то, с каким равнодушием Макс встретил столь потрясающую новость, вызвало у Кайла не отвращение, а настоящий ужас. Прежде чем они «выдвинулись», он выпил еще виски для храбрости, смешав его с колой ради дозы кофеина.

На первом этаже особняк защищали от дневного света светонепроницаемые шторы и рулонные решетки, а выше уже виднелись стальные жалюзи. Джед прикрутил к каждому пистолету маленький фонарик «Мэглайт» и тактический прицел, после чего сообщил Максу, что инфракрасная точка заметна только в очках ночного видения. И это очень хорошо, поскольку у него есть две штуки: одна для него самого и одна для Макса. Тут Кайл почувствовал, что должен вмешаться:

– А как же я? Мне тоже нужно видеть, что за хрень лезет из потолка.

– У тебя в камере есть режим ночной съемки, Спилберг. И лучше бы тебе не тормозить. Эти демоны очень быстро скачут.

Демоны. Из дискуссий между Джедом и его работодателем, в которых Кайлу слова не давали, он понял, что Джеду Макс объяснял всю «миссию» в иудео-христианских терминах с самого начала, а сам громила придерживался какой-то странной мстительной теологии, звучавшей по-библейски лишь отдаленно – в той части, где «Иисус направит мою руку».

Когда ворота с лязгом открылись, Кайл вытер пот, стекавший из-под бейсболки. Мгновением позже послышалось низкое электронное гудение и павлиний хвост начал складываться посередине. Кайл почувствовал неудержимое желание посетить туалет и избавиться от всего, кроме костей и мускулов.

Макс тронул его за руку. Он был бледен и сосредоточен и часто моргал маленькими глазками.

– Пойдем, – прошептал он.

Джед стоял у сторожки, прислонившись к стене, и противно улыбался. Особняк высился за ним, как одно из семи чудес света. Сторожка представляла собой современную пристройку для охранников: маленькое бунгало с затемненными окнами, увешанное изнутри мониторами. Если бы они работали, на них выводились бы изображения дома и участка.

Кайл с удивлением уставился на особняк: тот был огромен, фотографии совершенно не передавали подлинных размеров. Джед улыбнулся:

– Знаешь, Спилберг, я читал об этом месте. Его построил парень по имени Рубен Фишер. Слышал о нем?

Кайл помотал головой, не в силах говорить от нервов.

– Заработал состояние на малобюджетных фильмах. С цветом, звуком – в тридцатые годы. И дом свой сделал типа театра. Круто, а? Знаешь, кто сюда приходил на тусовки? Джин Харлоу. Скандинавский сфинкс собственной персоной, Грета Гарбо. Джон Уэйн. Веришь – нет? Кларк Гейбл. Джонни Вайсмюллер. Гэри Купер. И все приезжали из Голливуда.

– Джед, – сказал Макс, – дом. Пошли?

– Ах да. Мы войдем через задний двор. Попадем в старую столовую. Внутри, кажется, нет света. Все окна занавешены. Я только что проверил, – он заговорщицки улыбнулся, – думаю, внутри нас встретят.

Кайл кинул в рот еще одну пластинку жвачки, потому что Джед не разрешал ему курить: «На окурках остается ДНК». Заодно жвачка помогала не кричать от страха.

– Ты сказал, там есть датчики движения. Сигнализация.

– Пойдем, Спилберг. Не тормози. Я тебе не любитель какой-нибудь.

– Ты сам сказал.

Макс нахмурился, а Джед улыбнулся еще шире:

– Старину Чета все бросили. Камеры и датчики выключены, потому что он больше не может платить по счетам. Когда шоу начнется, Спилберг, мы увидим, у кого тут есть яйца. А чтобы ты мог снимать, а не писаться в штаны, скажу, что даже если датчики включены, то сигнал идет в охранную фирму. А контракт с ней истек. И никто сюда не придет подтереть тебе задницу.

– Что совершенно не значит, что внутри мы можем тянуть кота за яйца, – предупредил Макс.

– За что тянуть? – заржал Джед.

– Мы не могли бы просто начать?

– Хорошо, – Джед осклабился. – Понеслась! – Он вышел на дорожку, остановился и повернулся к ним: – Да расслабьтесь вы!

Фасад здания вздымался вверх метров на сорок. И еще пятьдесят насчитывал в ширину. Крыльца не было, зато под самой крышей красовался козырек. Стены были сделаны из камня цвета клубничного мороженого. Круглые окна трех этажей, отделанные в виде иллюминаторов, были закрыты изнутри. Особняк напоминал Кайлу одновременно все сразу, и не в последнюю очередь экстравагантный склеп.

– Все окна закрыты металлическими жалюзи, – сказал Макс таким тоном, словно очень надеялся ошибиться, потому что ему уже доводилось встречаться с Кровавыми друзьями в темноте. Продюсер задыхался, а они еще только подходили к дому. Кайл подумал, не стоит ли все-таки попросить у Джеда пистолет.

Наемник же был совершенно спокоен.

– На крышу мы не пойдем, но я слышал, что там есть металлическая терраса, выкрашенная в белый. Как на корабле. Они устраивали там вечеринки. Представь, какие телочки там собирались.

Макс промокнул лоб:

– Для Катерины этот дом был как магнит для богатых доноров. Состоятельных последователей. Она купила его на наши деньги.

Кайл смотрел вокруг, разинув рот. Сбоку здание походило на ацтекский храм, крыша вздымалась зиккуратом к площадке, огороженной перилами, на которых висели спасательные круги. Между иллюминаторами третьего этажа располагались полированные алюминиевые барельефы с изображениями изящных греческих женщин в длинных платьях и чем-то вроде шапочек для плавания.

Входную дверь окружал металлический геометрический орнамент. Стальная, украшенная павлинами и инициалами Р. Ф., она, казалось, была предназначена исключительно для высоких стройных людей, которые питаются исключительно розовым шампанским и сигаретами в лакированных мундштуках. Кайл вытащил камеру. Джед осклабился, а Макс кивнул:

– Если хочешь.

Задний двор тоже поражал воображение, хотя явно видал лучшие дни. Каменные террасы расходились от стены, как круги по воде, до то ли танцпола, то ли пустого катка, то ли самого большого в мире патио, выложенного плиткой. В центре стояла беседка, сделанная из металлических павлиньих перьев. За террасой виднелось поле для гольфа, сбегающее к белой стене, увитой плющом.

– Видишь вон тот птичник? – спросил Джед. – Там был бар. Тут было два уличных бара. Второй на крыше, в шлюпке.

– Он мог бы тут и бассейн устроить, – протянул Кайл.

– Бассейн внутри.

Шесть больших стеклянных дверей в задней части здания закрывали от солнца длинные траурные портьеры. Между ними и стеклом виднелись стальные решетки. Дом казался заброшенным, как будто запертым на зиму после летних вечеринок.

Джед вынул из рюкзака стеклорез и набор отмычек для решеток.

– Дайте-ка мне место.

Пока он вырезал огромную круглую дыру в одной из дверей, Макс непрерывно вытирал морщинистую оранжевую шею белым платком. Он попытался улыбнуться Кайлу, но у него дрожали губы. Глаза потемнели от страха.

– Внутри нет электричества. Чет уже должен был отключить всякое освещение. В комнатах в середине дома нет даже окон. И настало время Вознесения. Я уверен. Так что будь готов. Все закончится здесь. Кровавая связь прервется.

– Ты уверен?

– Чет умрет, и Катерина умрет вместе с ним, запертая в его теле. Другого способа нет. Катерина – единственный проводник для Кровавых друзей. Она призывает их и удерживает на земле. Нам нужно восстановить естественный порядок вещей. Имей в виду, мы собираемся совершить хороший поступок.

Кайл с трудом мог говорить – от страха у него перехватило дыхание.

– Она вернула в мир Лорхе или кому он там поклонялся, Макс. Значит, и кто-то другой сможет это сделать.

– А кто знает как? Кто еще остался? Процесс занимает годы. Годы настойчивости и веры, ритуалы в правильных местах, с умом выбранные жертвы. Мир изменился. Он стал прозрачнее. Сейчас почти невозможно повторить то, что она натворила в шестидесятые. История их появлений, начавшаяся в 1969 году, закончится сейчас. Антверпенская семья будет внимательно следить за этим, после того как мы закончим наше дело. И, когда придет время снимать, снимай. Сними их, Кайл, это наш единственный шанс.

Секунду Макс смотрел на небо, а потом снова повернулся к Кайлу, изобразив максимальное сожаление, хотя лицо у него постоянно дергалось.

– Но я боюсь, именно поэтому фильм нельзя будет показать ни одной живой душе. Мы не можем рисковать. Идиоты попробуют заговорить со старыми друзьями снова, как и она когда-то. Твоя работа

неоценима, но никто не должен испытывать того, что испытали мы, Кайл. – Макс кивнул на сумку. – Поэтому мы заберем камеру. И все копии съемочных материалов. – Старик пристально взглянул на Джеда. – Пожалуйста, не заставляй меня отнимать файлы у твоих коллег. Будет очень глупо выпускать такой фильм в эфир, Кайл. Это повлечет за собой серьезные последствия.

– Ах, как я удивлен! Никакого фильма никогда не было, Макс. Полагаю, ты и сюда-то меня притащил, чтобы не дать закончить монтаж или запустить его в сеть, – Кайл посмотрел на окна. – Только дай мне слово, что не собираешься бросить меня в доме.

– Конечно. Без вопросов. Как ты вообще мог такое подумать?

– Легко, Макс. Легко.

Джед осторожно вытащил кусок стекла, оставив отверстие, в которое они могли бы пролезть. Положил стекло на бетон дорожки. Отпер стальную решетку. Сдвинул ее в сторону, освобождая путь, и сообщил:

– Пора, ребятки.

Макс вытащил из сумки пистолет, серебряную солонку, очки ночного видения, фонарик и распихал их по карманам. При виде пистолета Кайл вздрогнул:

– Ты хотя бы умеешь им пользоваться?

– Надеюсь, что не придется. Впрочем, Джед преподал мне пару уроков.

Пистолет Джеда висел на черном брезентовом ремне вместе с болторезом и несколькими файерами. Он поймал взгляд Кайла и пояснил:

– Магний. На всякий случай. Если что, иллюминация будет как на четвертое июля. Ты видел, как они любят огонь. Он напоминает им о том, что осталось в аду.

Старик взглянул на Кайла:

– По возможности мы будем открывать занавески во всех комнатах, чтобы обезопасить область за собой. Мы должны осветить большую часть здания. Она там, – он посмотрел на стену, – где-то там.

– Ты не знаешь, в какой комнате?

– В той, где веселее всего, Спилберг, – усмехнулся Джед.

– Ну а если она или он прячется за стальной дверью?

– У меня в рюкзаке ацетиленовый резак. Положись на меня, Спилберг.

– А ребенок? Что мы с ним сделаем?

– Ребенок? – нахмурился Джед. – Я ничего не знаю о ребенке.

– Ребенок, которого Чет усыновил.

– Спилберг, а ты уверен, что это ребенок? Я вот нет.

Кайл окинул взглядом террасы и двор, мгновенно решив, что нужно бежать. Остановило его только то, что как раз в этот момент Джед решил проверить пистолет и взвести курок.

– Ждите здесь, – наемник опустил на глаза очки ночного видения и скользнул в дом.

Они вошли в столовую, достойную королевы Марии.

Золотой свет падал на мраморный пол, где в шахматном порядке чередовались белые и черные

плиты. Кайл изумленно огляделся, а потом вспомнил, что должен снимать. Макс срывал с окон занавески, но недостаточно быстро, чтобы солнце залило всю комнату. В поспешности, с которой он старался осветить столовую, было что-то унизительное.

С правой стороны стояла огромная барная стойка из клена, отделанная хромом, а за ней на стене выложен нержавеющей сталью очередной узор из павлиньих перьев. Белые бакелитовые столы были пустые и без стульев.

– А где стулья? – спросил Кайл.

– Ты что тут, для «Дома и сада» снимаешь? – Джед сдвинул очки на макушку и побежал к Максу, который вдруг сказал:

– А что дальше? Я не помню… Я…

Кайл встал у него за спиной и снял их разговор. Даже если этот фильм никогда не получит ни единой премии, он может попасть в руки властям. И Кайлу хотелось, чтобы все сразу поняли, кто стрелял. Тогда, возможно, он проведет за решеткой лишь большую часть жизни, а не всю.

– Дальше кухня, а за ней прачечная. С другой стороны гостиная и бильярдная, которые выходят во двор. Сначала надо впустить свет там – тогда, в случае чего, мы сможем туда убежать.

Кайл снял огромный камин, стоящий напротив бара и выложенный розовой и аквамариновой плиткой.

– Спилберг!

Он оглянулся через плечо.

– Держись подальше от дымоходов. Там темно. Мало ли что может оттуда вылезти.

Кайл отошел от камина и стал снимать элегантную арку, служившую выходом из столовой. Взял крупный план. За ней стояла кромешная тьма, казавшаяся концом привычного существования для любого, у кого хватит ума переступить порог. Сзади послышался голос Джеда:

– Впереди бассейн, библиотека, гостиная, малая столовая и обувная гардеробная. А, еще лифт, куда мы не полезем.

– Точно. Точно, – сказал Макс, глотая холодный воздух.

Кайл понял, что Джеду нужно отнять у старика пистолет.

– Макс. Меняю камеру на пушку. – Ему никто не ответил.

Они прошли в арку: Джед, за ним Кайл, Макс плелся позади, задыхаясь от страха. Не успели они включить фонарики на пистолетах, как им в ноздри ударил знакомый запах.

– Они здесь, – сказал Макс, кашляя от вони мертвых птиц, стоячей воды и старой одежды.

Казалось, смрад исходит прямо из огромного мавзолея, высящегося над ними. Они осторожно вышли в центр пустынного холла. Пол здесь также покрывала шахматная клетка. Справа уходила в темноту широкая мраморная лестница. Лучи фонарей и прожектор камеры осветили пространство вокруг, холл, выстроенный в виде огромного театрального вестибюля, и еле дотянулись до темных арок, ведущих в соседние комнаты. Массивные круглые окна, которые они видели снаружи, были закрыты и завешены черными шторами, огромными, как флаги. Все четыре стены покрывали длинные панели зеленого стекла, перемежающиеся с полосами потертого красного бархата, доходящими до сводчатого потолка. Здесь стоял автомат с конфетами и автомат с попкорном, и даже маленький почтовый ящик у главной двери. Его хромированная решетка блестела, как старый автомобиль. В углу прятался запертый гардероб для былых

гостей.

Джед перебежал ко входной двери, постоянно поглядывая на лестницу. Макс побрел за ним. Они стали срывать тяжелые шуршащие драпировки, и столбы пыльного света осветили холл. Но, несмотря на солнечный свет, другого выхода из здания, кроме дыры в стекле, так и не было. Кайл хотел предложить продумать другие пути отхода, когда Джед прошипел:

– Выходим. За мной! – и побежал обратно через холл к дверям у столовой. Кайл с облегчением увидел, как он входит в огромную кухню, выставив вперед пистолет и придерживая левой рукой кисть правой.

– В кухне чисто!

И так они шли через арки и витражные двери из одной комнаты первого этажа в другую, как будто исследовали забытый «Титаник», сохранившийся нетронутым в черной воде большую часть века. В каждом новом помещении несколько первых и ужасных секунд желтоватые лучи их фонарей порхали вокруг со скоростью мечущихся от страха глаз. Джед всегда шел первым.

Лампы в стиле ар-деко и странная мебель иногда внезапно влезали в кадр под аккомпанемент возгласов Кайла «Что это за хрень» и тяжелых вздохов Макса. Алюминий, нержавеющая сталь, лак и бакелит отблескивали в темноте. Узоры-елочки, зиккураты, хромовые фонтаны и зеркальные плитки выскакивали из темноты. На всех стенах распускали хвосты павлины.

В комнатах побольше темнота была такой плотной, что создавала ощутимое давление, сжимая их со всех сторон. Ужас не давал дышать, пока они не раздвигали занавески или даже грубо не срывали их с карнизов, если те открывались не слишком быстро.

Они залили весь дом калифорнийским солнцем. Открыли его спрятанные сокровища. Впустили свет во французские двери лаундж-бара, распахнули те окна, за которыми прятались великолепные виды, вернули миру изящные изгибы мебели. Ступенчатая пирамида поднималась к прямоугольному камину. На экранах в бронзовых рамах красовались русалочки, элегантные кресла из полированного клена, обитые атласом или мехом, стояли у лакированных кофейных столиков. В доме было пусто и уныло.

Когда лучи фонарей осветили гостиную, подвески на люстрах замерцали голубоватым светом. Живительные лучи солнца заиграли на дубовых шкафах библиотеки. Кресла в малой столовой – ясень, клен и розовое дерево – засияли в лучах солнца. Отделанная тиком гардеробная приобрела совершенно очаровательный вид, стоило сдернуть занавески. Стены бильярдной – белый мрамор и золотые павлины – снова заблистали. И во всех комнатах, сохранившихся с лучших времен, было совершенно пусто. Кайл даже начал надеяться, что того, за чем они сюда пришли, в особняке тоже нет. Что Кровавые друзья исчезли, оставив за собой лишь смрад и несколько пятен, как часто делали. Но если так, то что делать дальше? Просто ждать, пока однажды ночью в горло не вопьются грязные зубы?

В лишенном окон зале с бассейном – тихая вода казалась черной по сравнению со стенами теплицы, сделанными из белой стали и зеленого стекла, – Джед напился из солдатской фляги и сказал:

– Если наверху станет жарко, отступаем в холл. В безопасную зону. Но только если я скажу. Никто не двигается с места, пока я не велю всем сваливать, – он подмигнул Кайлу и добавил: – Ура!

Макс и Кайл подошли к лестнице вслед за ним. Хромированные балясины украшал узор в стиле Чарльза Ренни Макинтоша. Площадка второго этажа еле виднелась сквозь арку, обрамленную белым павлиньим хвостом со знакомыми инициалами Р. Ф.

– Готовы? – прошептал Джед. Ни Макс, ни Кайл ему не ответили. – Окна наверху закрыты и заперты. У нас не будет времени их открывать, так что включаем фонари. Ночное видение и файеры оставляем на

крайний случай. Пойдем от комнаты к комнате, как и здесь. Пока не найдем матку этого роя. Ясно?

При слове «рой» у Кайла подкосились ноги. У Макса, кажется, дела обстояли не многим лучше. Но Джед сохранял уверенность в себе и бесстрашие, свойственное профессионалам или психопатам. Он сделал первый шаг.

Они миновали арку и вошли в длинный коридор, идущий через весь дом с севера на юг. В тонких лучах фонарей казалось, что все комнаты закрыты белыми дверями.

– Гостевые спальни, – сказал Джед, – как думаешь, Спилберг, кто тут живет? Не хочешь взять пару интервью?

– Джед! – прошипел Макс.

Из холла просачивалось немного света, как будто где-то на огромной подводной лодке открывали люки. В этих сумерках команда различала разве что собственные ноги на красном ковре. Пятно света проникало в глубь этажа максимум футов на десять. В обоих концах коридора красовались огромные иллюминаторы, закрытые жалюзи. Заслонки установили недавно. Подготовились. «Чет». Казалось, он хочет изгнать из собственного дома малейший намек на свет. От главного коридора кое-где отходили боковые.

Кайл включил прожектор камеры. Джед повернул ручку ближайшей двери.

– Закрыто.

– Нужно проверять все? – спросил Макс.

И тут они услышали. Примерно в десяти футах по коридору, над ними. С лестницы шел свист. Его издавали губы, которые никому не захотелось бы увидеть открытыми. А потом долгий птичий вскрик, переходящий в гнусавый вой. Кайл хорошо знал этот звук: что-то подобное преследовало его на Кларендон-роуд.

В ответ раздался другой визг, скорее собачий, чем птичий, и источник его находился намного дальше от них – скорее всего, скрывался где-то в далеких закоулках темного дома.

Джед и Макс посмотрели на лестницу, которая вела наверх, подняв оружие. Рука старика тряслась, как у паралитика. Стоило им отвести фонари от того места, где они стояли, как на Кайла обрушилась темнота. Он тут же включил прожектор камеры и направил его в противоположную сторону.

Где-то на границе досягаемости луча что-то пронеслось. Промелькнуло существо, стоящее на четвереньках, худое, как борзая, но облаченное в длинные белые одежды.

– Эй!

Оно обратило на него непрозрачные, слепые глаза. С темного черепа свисали пряди бесцветных волос. Джед и Макс тут же повернулись и направили фонари туда, куда уже светила камера. Озарили пустой коридор.

– Ч-ч-что там? – Макс начал заикаться.

Кайл отлепил присохший язык от нёба:

– Одно из них. В… в… не знаю. В белом.

– Убежал, – сказал Джед, – теперь они знают, где мы. Куда он пошел?

– Налево, – выдавил Кайл, – к заднему двору.

– Эти этажи выстроены как палубы. Коридоры окружают здание по внешней стене. Если эти двери заперты, у него не так-то много вариантов. В плане этаж представляет собой квадрат. Так что, двигаясь вперед, мы их выкурим. Пошли.

Джед быстро двинулся по коридору, заставляя их идти следом.

– Макс, охраняй тыл! Так они не зайдут сзади!

Кайл подумал, что Джед только что описал планировку, идеальную для ловушек, но сил говорить уже не было, и тут его вдруг обогнал Макс.

– Эй, спину мне прикрывай!

Но старик оттолкнул его, чтобы быть поближе к Джеду, оставив Кайла беззащитным перед тьмой сзади и всеми крадущимися там созданиями, которых он тут же вообразил.

– Держи строй, Макс, – велел Джед, но тихо.

– Да-да, – Макс повиновался, но явно слегка утратил связь с реальностью.

В конце коридора Джед быстро оглянулся по сторонам. Повернулся и побежал налево, быстро пропав из виду. Оставив их позади. Топот ног удалялся, а свет его фонарика уже растворился во мраке.

– Джед! – пронзительно крикнул Макс. – Быстро, за ним!

Но, видимо, не все замки гостевых спален были заперты. От скрипа открывающейся двери за спиной Макса Кайл чуть не потерял сознание. Они повернулись одновременно. Слабые белые лучи осветили темный коридор.

– Господи, – сказал Кайл.

Макс трижды выпалил, не целясь. Со стены сорвался кусок штукатурки. Ковер сбился складками. Но встающее на ноги существо даже не дрогнуло. Открыло черную сухую пасть, лишенную зубов. Секунду никто не говорил ни слова, не слышались выстрелы, и даже земля, казалось, прекратила вращение, пока они смотрели на то, во что облачилось существо.

Белый парик. Криво сидящий над сморщенным лицом, черным, как старая кожа, с мелкими обезьяньими чертами. Жалкие останки маленького человечка, который, казалось, изрядно поживился в гардеробной. На мгновение это их даже зачаровало. Они не могли отвести глаз от атласной ночнушки, испятнанной старой кровью, пока оно не заверещало, как шимпанзе, и не метнулось вперед на тонких, как бамбук, ногах.

– Стреляй! – закричал Кайл.

Макс выстрелил дважды. Но промахнулся, всадив обе пули в деревянную обшивку стен в четырех футах над уродливой головой. После этого Макс закрыл лицо руками и закричал. Кайл споткнулся и упал на пол.

Оно почти дотянулось до старика, когда вдруг отлетело назад, как будто его оттащили веревкой. Костистые ноги оторвались от ковра. Оно зависло в воздухе, потом рухнуло и стало дергаться на полу.

– А я думал, Спилберг первым рехнется. Черт побери, Макс. Эти пять пуль ушли к югу футов на пятнадцать.

Джед обошел Кайла, который все еще сидел на полу в шоке, и прошел мимо Макса к существу, которое лежало на спине. Почувствовав свет фонаря, оно подняло таз, как будто решило соблазнить врага. Джед ударил его в горло, потом выстрелил в упор, прямо в лицо. Конечности перестали дергаться.

– В платье вырядился. И дурацкий парик, как на педике. Выглядит как сучка. Хотя хрен тут поймешь, я

в трусы к нему точно не полезу.

Макс, вне себя от страха, прислонился к стене. Потом наклонился, и его вырвало. Джед покачал головой:

– Эй, Спилберг, можно доверить тебе пушку? А то Макс только на разведку годится.

– Конечно.

– Посвети на него.

Кайл на деревянных ногах двинулся к телу. Джед открыл рюкзак и выудил из него третий «глок». Кайл навел камеру на лицо существа, похожее сейчас на треснувшую кожуру какого-то фрукта. Прямо у него на глазах – и в объективе – лицо заметно усохло и сморщилось.

– Готово?

– Да, – кивнул Кайл.

– Распадется в пыль где-то за двадцать секунд. Макс, ты способен взять себя в руки и посолить этот кусок дерьма?

– А как насчет второго? – спросил Кайл.

Джед уже водил вокруг себя фонариком:

– Убежал. Впрочем, далеко ему не уйти. Пошли дальше.

– Они одеваются, – сказал Кайл, подходя к нему. «Глок», снятый с предохранителя, лежал в кармане штанов, придавая уверенности.

Макс шел за ними, вытирая рот платком:

– Они подражают живым. Пробыли здесь достаточно долго, начинают вспоминать, кем были когда-то. Значит, их подпитывают.

– Чем, Макс? – спросил Джед. – Темнотой?

– Не знаю. Но мрака недостаточно, чтобы они оставались в этом мире. Их визиты не длятся долго. В моей квартире они приходили и исчезали за несколько минут.

– За это время они легко могут нас пришить. За ними глаз да глаз нужен. По ходу, этот корабль полон крыс.

Они чуть не прошли прямо под еще одним старым другом, не заметив, что он ждет в засаде: прицепился к потолку за богато украшенной лампой на повороте коридора.

Джед выстрелил три раза, прежде чем Кайл успел руку поднести к пистолету за поясом. Тварь заорала так, что от таких воплей, по ощущениям, могла лопнуть барабанная перепонка. Когда существо с глухим стуком рухнуло на ковер, Кайл с Максом зажали уши. Джед усмехнулся – зрачки у него расширились, как у пьяного или безумца.

– Совсем близко подобрался.

Это существо тоже нарядилось в длинные одежды. Что-то вроде ночной рубашки без рукавов или длинной комбинации с кружевным воротником, обвисшим на мумифицированных ключицах, на шее толщиной с гитарный гриф. Как и у предыдущего старого друга, одежда была заляпана кровью.

– Эти сволочи кем-то кормятся, Макс.

– Боже мой, – прошептал исполнительный продюсер стремительно гибнущего фильма. Кадык у него

ходил вверх и вниз.

Звуки выстрелов и агонии, судя по всему, разнеслись достаточно далеко, чтобы достичь других иссохших ушей. На следующем повороте коридора послышались – то ли этажом выше, то ли на этом же – мерные удары и визгливые крики. Хлопнули минимум две двери.

Кайл от страха лишился дара речи. Джед вскинул вверх руку, и взрыв света на мгновение ослепил их, одновременно озарив весь коридор.

– Сука, – сказал Джед.

Примерно в тридцати футах от них припала к полу, закрыв лицо руками, тощая обнаженная тварь, похожая на забальзамированное тело египетского жреца, которое Кайл однажды видел в Британском музее. За ним пятились от файера другие изможденные фигуры, которые совершенно невозможно было пересчитать в смыкающейся темноте.

Коридор наполнили дикие крики.

– Вперед, – сказал Джед и двинулся по коридору, держа файер перед собой. Впереди застучали по полу когти – существа то ли прятались в комнатах, откуда вылезли, то ли забегали за следующий поворот, чтобы залечь там в засаде.

Джед остановился. В помещении по левую руку что-то колотилось в стены, а потом принялось шлепать ладонями по двери.

– Отходим, отходим. Спилберг, если только в твоей камере нет пушки, то отложи игрушку и займись делом.

– Сзади! – Макс водил фонарем по стенам, ковру и потолку за ними и увидел на дальней стене какие-то размытые тени. – Я что-то вижу!

– Их слишком много. Кажется, мы вляпались в засаду. Они могут вылезти из любой комнаты. Нам нужны люди. Автоматы, – они отступили к предыдущему повороту коридора. В свете файера тот оказался пустым. – Черт, какие они быстрые.

На мгновение Кайл с радостью ощутил прежнюю ярость:

– Их слишком много для нас троих, Макс. Ты идиот.

Потное лицо старика придвинулось к свету в руке Джеда:

– Мы должны закончить. Она здесь. Пришло время. Они ее охраняют.

Джед казался не столь уверенным.

– Лови еще обойму, Спилберг, – он отцепил магазин от ремня и быстро показал, как заряжать пистолет, – смотри, чтобы щелкнуло.

– Ясно, – Кайл пытался унять дрожь в руках. Убрал камеру в рюкзак и думал теперь, успел ли он ее отключить.

Джед утер пот с лица:

– Хорошо. План меняется. Поиск и уничтожение снимается с повестки дня, их слишком много, и это рискованно. Идем к следующей лестнице. Я свечу. Если наткнемся еще на одну толпу, то сразу отступаем на первый этаж. Операция закончена. Макс, ты стреляешь ужасно, и я не поручусь, что Спилберг лучше. Я буду стрелять издали. Если кто-то из них сумеет пройти мимо меня, подпустите их поближе. Цельтесь в голову и в грудь. Мозги и сердце.

– Хорошо, – согласился Кайл, с трудом слыша собственный голос.

– Макс идет посередине. Спилберг, ты замыкаешь. Ори, если что-то увидишь. И следите за дверьми и потолками – эти черти куда угодно залезут.

– Боже мой, – захныкал Макс в темноте, смотря на них сквозь расставленные пальцы.

– Блин, – сказал Джед.

Кайл тихо вытащил камеру: она все еще работала. Снял стены и потолок холла на третьем этаже: тот походил на миниатюрный вестибюль старого театра, куда обычно выходила царская ложа. Они только поднялись сюда и тут же замерли: в нос ударил запах разложения и стоячей воды, заставляя двигаться быстрее. Грязь говорила о том, что тут произошло великое рождение.

В свете трех фонарей виднелись точки входа на почерневших обоях: отпечатки, которые оставляли Кровавые друзья после появления. На потолке остался с десяток застывших силуэтов – тех, кто упал на мраморный пол, хныча и моля о жизни. Отвратительным плодом. Постнатальным кощунством.

Когда Кайл во всех деталях разглядел пятна в видоискателе, то чуть не потерял сознание. Собравшись с мыслями, он обнаружил, что успокоился, часть тела словно онемела, правда, теперь он не мог двинуть ни языком, ни руками. Когда вернулась подвижность, под ногами захлюпали следы массового воплощения.

Приходя в этот мир, они походили на новорожденных телят: липкие, полупрозрачные, неуклюжие, слепые, мокрые от околоплодных вод, лягающие полусформировавшимися ногами стену, за которой были заперты столько времени. По ночам он слышал звуки схваток, шум беременности и созревания. Слышал, как они открывают рты, прося еды и первый раз вдыхая воздух этого мира, прежде чем охота за кормом начиналась всерьез.

Очередной файер в руках Джеда осветил эти фрески, эту неолитическую пещеру, украшенную окаменевшими останками тех, кто был давно похоронен, но восстал снова. Казалось, сатанинские граффити выцвели мгновенно, как фотографии, которые слишком рано выставили на свет. А еще Кайл заметил какое-то движение.

Из холла вели две арки. На краю освещенного пятна он различил тонкие ноги, поспешно скрывающиеся в темноте. Этажом ниже, у лестницы, слышались стоны, визги и вой, сливающиеся в адское крещендо. Двери открывались и закрывались, открывались и закрывались, как будто в знак протеста или радости.

– Макс, мы должны найти ее как можно быстрее, – Джед больше не улыбался. Ситуация наконец показалась ему достаточно серьезной. – Это пентхаус. Чет должен быть в одной из больших комнат. Их тут двенадцать. Слева или справа?

– Не знаю! – завопил Макс.

– Дай мне один файер, – сказал Кайл, засовывая камеру обратно в рюкзак, – ищи комнату. Макс пойдет в середине, а я сзади.

Джед бросил файер Кайлу.

– Как он, черт побери, включается?

– Да подожги ты запал, кретин. Как спичку.

– Они поднимаются! – взвизгнул Макс и два раза вслепую выстрелил в темноту, откуда только что пришел.

Джед швырнул вниз файер, и тени шарахнулись от магниевой вспышки на мраморе.

– Пошли, – он выбрал арку слева. Припал к полу, дважды выстрелил в потолок. Существо плюхнулось на пол.

– За мной, – Джед пошел вперед, Макс последовал за ним, чуть ли не вжимаясь ему в спину.

Кайл посмотрел на тварь, упавшую с потолка. На ней была комбинация, такая древняя и грязная, что ткань присохла к выступающим ребрам. Он отвернулся.

Они шли по коридору так быстро, как только могли. Двери были грандиозны: на каждой распускал хвост позолоченный павлин, а вокруг ручек обвивались стройные женщины, выложенные из лакированного дерева.

Джед повернул ручку первой комнаты. Отступил на шаг и распахнул пинком. Луч фонаря заметался по стенам, а потом Джед осторожно вошел, готовый стрелять. Макс последовал за ним.

– Бог ты мой, – протянул Джед.

Кайл остался в коридоре, у самой двери, держа капающий файер в вытянутой руке. Он освещал весь коридор до конца. Из следующего доносились редкие визги и лай.

В арке, сквозь которую они прошли, он видел часть холла. Одно из существ на четвереньках бегало вдоль границы химического света. Конечности были не толще, чем у собаки. Оно смотрело в другую сторону, демонстрируя бледный затылок с прядями темных волос. Кайл покрепче перехватил рукоять пистолета.

За его спиной Макс что-то лихорадочно бормотал то ли Джеду, то ли самому себе. Похоже, он совсем обезумел:

– Кровь пьют быстро. Она держит их здесь. Во Франции ангелы Лорхе даже специально приучали горожан к новой пище во время осады. Превратили их в каннибалов. Их страдания были столь ужасны, что оставили следы в небе, в воздухе, в мире…

Кайл посмотрел через плечо и увидел контейнеры с плазмой, свисающие с длинной стальной вешалки на колесах, какие обычно показывают в телешоу о моде. Плоские, в пятнах, пакеты из банка крови уже опустели. Из них по пластиковым трубкам в корыто, как будто для корма поросят, стекали последние капли. За вешалкой сидели на белых стульях две старухи с остекленевшими глазами.

– Сестра Геенна и сестра Беллона, – сказал Макс. – Последние из Семерых. Фанатичные любимицы Катерины. Они пожертвовали собой. Даже после… – Голос старика оборвался сиплым, астматическим вздохом безнадежности.

Два тела были одеты в монашеские рясы. Алая форма Семерых из Храма Судных дней. Когда пакеты с плазмой опустели, женщин осушили до костей, волокон и сухожилий, сотни обломанных зубов вонзились в тощие старые ноги, руки и, наконец, в шеи. Казалось, сестры сами вскрыли себе запястья, как матери, кормящие своих адских детей, но это лишь подстегнуло столкновение между живыми и мертвыми. Ржавый запах несвежей крови привел существ в бешенство, при виде последствий которого у Макса подкосились ноги. Джед поддержал его, не дав упасть, и вытащил из комнаты.

Молча, в ужасе и шоке, они, сохраняя строй, двинулись дальше. Кайл шел сзади, размышляя о том, что станет делать, если одно из них выскочит на него из темного коридора: застынет на месте или все-таки выстрелит. В комнате они увидели свое будущее, стоило им совершить здесь, в темноте, хотя бы одну ошибку. Громкое, тяжелое пыхтение оглушало. Всем приходилось дышать, широко открыв рот, чтобы не чувствовать тошнотворного запаха.

– Она их коллекционировала, – сказал Макс в следующей большой комнате, куда они вломились. Выстрелов не было, так что комната, судя по всему, оказалась пустой.

– О черт, Макс, нам нужно больше людей. Их же тут могут быть сотни.

При этих словах Кайл повернул голову посмотреть на то, чего предпочел бы не видеть. Правда, поначалу ничего необычного не заметил, а потому, прищурившись, взглянул вокруг еще раз. Комната напоминала музейный зал. Вдоль трех стен стояли стеклянные витрины, где лежали какие-то трудно различимые обрывки и бурые останки.

– Знаки, – сказал Макс, – артефакты с начала времен. Еще те, которые ангелы Лорхе собрали в Сен-Майенне.

Кайл сунул голову в комнату. Осмотрел ближайшую витрину и увидел жуткий башмачок – маленький, черный, с заостренным носом. Рядом с ним лежала сорочка, маленькая, как будто для младенца, покрытая бурыми пятнами. А еще дальше на белой подставке – как будто в знак почтения – красовалась грубо вырезанная деревянная корона. Возможно, когда-то она принадлежала самому Лорхе, Отцу лжи. Ее окружали черные кости, прикрепленные к пурпурному сукну стальными скобами. «Небесные письма. Дождь из черных костей».

Он оглянулся в коридор, освещенный гаснущим файером. То ли яростный, то ли истерический вопль пронзил темноту, доносясь из дальнего прохода по правую руку. Костлявые руки и ноги барабанили по одной из запертых дверей. От этих звуков Кайла затошнило, он представил, как такая бешеная тварь воет ему прямо в лицо. Он прицелился в темноту. Луч фонаря выхватил из нее существо, худое, как умирающий от голода, и голое, как новорожденный. Прежде чем Кайл успел сделать первый в своей жизни выстрел, оно шлепнуло себя по лицу и ускакало прочь на кривых ногах, покрытых пятнами.

– Они там, – сказал Кайл Джеду, вышедшему из выставочного зала.

– Они везде. Пошли. Тут еще десять комнат, судя по плану. Осталось три файера, потом будут только фонари. Придется пострелять.

У следующей комнаты они остановились. Внутри как будто плакал от боли ребенок.

– Мальчик! Здесь! – закричал Макс. – Открывай!

Джед попытался перехватить Макса свободной рукой, но промахнулся.

– Осторожно! – Джед выхватил из бокового кармана фотографию. – Макс, убедись, что это тот парень. Спилберг, оставайся тут, прикрывай коридор!

– Ты не убьешь ребенка! Нет! Не надо!

– Стой тут!

– Сука!

Потыкавшись в дверь, Макс открыл ее. Джед приготовился стрелять.

«Ребенок. Ребенок. Они не убьют ребенка». Не думая, движимый странным притоком энергии, не понимая, что делает, Кайл всем весом бросился на спину Джеду. Валясь на колени, он увидел, как наемник, охнув, растянулся на полу роскошной комнаты, освещенной фонариком Макса. Все отделано в пурпурных тонах, гигантская кровать. Огромные зеркала на стенах отразили их беспорядочное появление и вытянули лучи фонарей.

Крики ребенка перешли в собачье рычание. Макс в ужасе хватанул ртом воздух, а потом заорал, когда нечто одним прыжком выскочило из-под кровати и бросилось на Джеда. Жадный рот и острые пальцы

твари, ее рычание были страшнее, чем трясущийся череп. Джед не смог встать. Он закричал. Покрытые пятнами ноги били его в живот – так голодные кошки вскрывают брюхо своей добыче. На лицо Джеда плеснула темная жидкость, и существо ростом не больше десятилетнего ребенка принялось шумно, булькая, сглатывать.

В ужасе, почти парализованный, Кайл услышал топот костяных ног по коридору, как будто вся толпа бежала к этой комнате. Джед в упор выстрелил в голову твари, рвущей зубами его шею. Перевернулся на живот. Встал с открытым ртом, рукой зажимая рану на горле. Их глаза встретились, и во взгляде Джеда были только страх и боль. Макс снова закричал, когда в дверь ворвались худые тела Кровавых друзей.

Кайл прижался к стене у изголовья кровати. Вспомнил, что у него есть пистолет. Поднял руку. Фонарик на стволе осветил Джеда. Два оборванных существа проскочили через тонкий дрожащий луч белого света и с рычанием бросились на еду. Послышался один выстрел, а потом Джед перестал двигаться.

Макс заорал и принялся палить в толпу на полу. Промахнулся. Кровавые друзья, цепляясь когтями за ковер, уволокли безжизненное тело Джеда из комнаты в темноту.

Кайл светил им вслед, но не смог ни прицелиться, ни спустить курок. Эти существа были размером с детей, но взрослого мужчину тащили, как игрушку по детской. Он потянулся к ремню за файером и понял, что они остались у Джеда.

– Нам нужно выбраться! – Бледное лицо Макса дрожало. С нижней губы свисала нитка слюны.

Он выбежал из комнаты, а Кайл еще больше вжался в стену, неподвижный, как светильник в стиле ар-деко. С трудом обрел голос, попытался позвать Макса, но изо рта вырвался лишь скулеж.

Старик протопал по коридору, двигаясь в сторону холла. Прямо в птичий хор. Послышались выстрелы, а потом серия глухих ударов.

Кайл подобрался к двери и повел пистолетом направо. В свете фонаря на стволе увидел лихорадочно бьющиеся конечности, влажные руки, с чавканьем рвущие в темноте поверженную жертву: Джед. Существо подняло испещренное пятнами лицо, сверкнув белыми глазами, в луче фонаря мелькнул лоб, словно из смятой, иссушенной бумаги. Тварь зашипела, а потом вновь занялось окровавленным телом на мокром ковре.

Кайл посмотрел налево вслед за тонким лучом фонарика и задержал дыхание. Холл походил на запись с камеры наблюдения, установленной в аду. Темные фигуры на стенах, полу, потолке, грязные зубы, закатившиеся глаза, белые, как бильярдные шары, и сверкающий пистолет Макса, который все еще отстреливался. Кайл опустил руку, и холл погрузился во тьму.

«Бежать!» – вопил его мозг. Нужно выбраться отсюда. Но как? Кайл присел у двери в темноте и изо всех сил пытался не кричать и не броситься в самоубийственное бегство, прямо в объятия костяных юрких рук во тьме. Вынул камеру и включил режим ночной съемки, вырубив прожектор. «Куда идти?» Посмотрел через видоискатель на останки Джеда.

Мир казался темным, как под водой, черно-зеленым, с молочно-белыми светящимися пятнами. Он увидел, как по коридору идет на четвереньках еще один Кровавый друг, одетый в какой-то жуткий саван и, видимо, тряпки Чета. В частности, оно влезло в дорогую рубашку. Прыгнуло, как леопард, впивающийся в бедро газели, и бросилось к цели, начало рвать, бить уже мягкое тело Джеда. Кайл заплакал.

Но трое Кровавых друзей были слишком заняты трупом, а потому и не заметили человека поблизости. Только по этой причине он еще был жив. Пытаясь не расстаться с содержимым желудка, Кайл побрел в холл, смотря в камеру, чтобы найти путь к лестнице.

Не сделав и четырех шагов, он застыл на месте. Макс не далеко ушел и не расчистил дорогу.

Поначалу Кайл не понял, кто стонал и кричал: то ли сам старик, то ли бледная туша неясных очертаний, которая то ли только что появилась, то ли пряталась здесь и сбила Макса с ног, пока тот бежал к ступеням. Размером существо было с медведя и стояло на задних лапах, держа тельце исполнительного продюсера в воздухе. Подальше от тех, кого Кайл, к счастью, видел плохо и кто скакал у ног создания, мечтая присоединиться к пиру. Истощенные фигурки стонали, визжали и хрипели, в дополнение к влажному треску рвущейся кожи старика и хлюпанью костей, вывернутых из суставов.

Режим ночной съемки камеры не позволял видеть дальше лестницы, но Кайл различил рыло громадного существа, жирный черный живот и истекающие мерзкой жижей соски.

На пол перед тварью что-то влажно шлепнулось, и она с с нечеловеческим сопением и хрустом принялась подбирать куски, выпавшие изо рта… В слабом свете Кайл разглядел маленькие черные глазки за густой щетиной и мокрые клыки. Существо стояло на задних ногах. Оно было закутано в лохмотья, напоминающие облачение епископа, на четыре сотни лет лишенного своей паствы. И пока Нечестивая свинья, богохульный пастырь Сен-Майенна, пировала, покачиваясь на задних копытах, толпа чучел бесновалась у ее ног, воздевая тонкие ручки и преисполняясь новых сил от объедков, падающих сверху.

Тощая нога Макса дернулась или даже ударила свинью, и через визг пробился последний крик вскрытого заживо человека. Агония и ужас Макса, казалось, лишь усилили паучьи кривляния существ, все больше их карабкалось по лестнице в холл или выходило из темной арки напротив. Максимилиан Соломон погиб, нашел свой конец, пытаясь уничтожить то, что так необдуманно создал в 1967 году.

Через холл и лестницу не пройти. Живым оттуда не выбраться. Еле мерцающая искра разума, все еще теплившаяся среди тошноты и ужаса, велела Кайлу бежать другим путем, мимо Джеда и тех, кто его поедал. От этой мысли он задрожал, а глаза наполнились слезами, но времени плакать не было. Паника придала ему сил. Он знал, что надо бежать, куда-нибудь в глубь здания, но с трудом мог побороть неудержимое желание просто сесть и ждать, пока они не придут за ним.

Конец. Это конец. Он останется здесь. Катерина победила. Она переселится в ребенка. Ребенок. Еще один ребенок. Кайл всхлипнул. А потом вдруг ему пришла в голову идея.

Держа камеру одной рукой, он поднял пистолет и навел его на визжащую толпу в холле. Прицелился в свинью и громко заговорил. Он не понимал, к кому обращается и что пытается сказать. Его вел какой-то инстинкт. Он встал, широко расставив ноги, и пять раз выстрелил в то, что так жадно и торопливо жрало в темноте.

Послышался влажный удар, как будто что-то большое грохнулось на колени. От дикого крика Кайл чуть не оглох, заложило уши. В дрожащем видоискателе покрытые черной щетиной бока свиньи тряслись в бледном свете, а стены вокруг них вздрагивали, как будто стреляли в них. Но мокрая туша, которая так увлеченно пожирала тело Макса, тяжело перевалилась на брюхо и встала на все четыре дрожащие ноги, по-прежнему прижимая труп старика к себе.

В мгновение ока в раненую свинью впились десятки тонких когтистых рук, которые до этого могли лишь тянуться за объедками. Кайл отвернулся, когда бывшие прихожане вырвали первый кусок мяса из бока Нечестивой свиньи.

Он вернулся в комнату, где умер Джед. Из ловушки он пока не выбрался. В холле творилась оргия боли и расчленения, а у него за спиной старые друзья все еще разделывали тело Джеда. Но, как и надеялся Кайл, звуки пира отвлекли убийц в коридоре от быстро уменьшающейся добычи. В видоискатель он увидел, как они подняли свои темные головы, словно гиены в африканской саванне, оторвавшиеся от падали. По их лицам стекала кровь, но в белых глазах горело желание утолить дикую жажду где-то еще,

впиться в новую добычу грязными пальцами и черными зубами, которые еще остались во рту. Когда они пронеслись по коридору, едва не задев его ногу Кайла, тот подумал, не стоит ли пустить себе пулю в рот. Но они побежали дальше, в холл, где хрюкала, барахталась и визжала поверженная свинья.

Отчаяние и горе вдруг сменились безумной надеждой, и, не успев даже понять, что делает, он побрел прочь от холла, где сейчас сгорбилось, чавкая, так много этих сухих и костистых существ.

Кайо остановился за несколько футов до того, что осталось от Джеда. Посмотрел на него сквозь видоискатель, стараясь не замечать, как единственный уцелевший глаз все еще глядит в потолок. Один из файеров сломался, два промокли, но остались целы, так и висели на ремне. Кайл взял их и вытер о джинсы. Для этого ему пришлось стиснуть зубы, чтобы не зарыдать.

Камеру он повесил на плечо. Покрепче ухватился за пистолет и как можно быстрее зажег один из файеров, зажав его между коленями. Поднял над головой и сразу увидел троих существ, ползущих по потолку прямо к нему. Челюсти у них были черны от крови.

Кайл двинулся к концу коридора, то и дело оглядываясь на тварей, замерших на месте и закрывших руками обожженные лица. Повернул направо. Вспомнил, что здесь должно быть двенадцать комнат. Сколько они проверили? «Одну, две, три? Черт!» Нужно осмотреть остальные девять, пока не сгорят два файера. Патронов осталось десять. Кажется. Возможно, стоит вернуться и подобрать пистолет Джеда и запасные обоймы? Он не заметил их рядом с телом. Пушка может лежать где угодно в коридоре, или даже в последней комнате, там, где наемник упал. Без очков ночного видения Кайлу придется, когда погаснут файеры, держать одной рукой камеру и смотреть в видоискатель, одновременно целясь по мелким быстро движущимся мишеням. Его убьют за пару секунд. Стреляет он не слишком хорошо, так что этот вариант не подойдет. Кайл пошел дальше.

В длинном коридоре, идущем вдоль задней стены особняка, он увидел три двери. Еще три будут дальше, другие три – вдоль передней стены, с другой стороны от холла. Он подумал о том, что ждет его там, и ему стало плохо. Где может быть Чет? Где, где, где? Макс сказал, что с ним надо покончить. С другой стороны здания, оттуда, где еще хрипела полумертвая свинья, послышались крики. Он дернулся. Огляделся.

– Черт!

«Попробую открыть дверь. Любую. Какую угодно». Первая оказалась заперта. Файер затухал. Кайл подбежал к следующей двери, дернул за ручку: закрыто. «Черт!» Третья была открыта. Он пнул дверь. Посмотрел в коридор. Скоро стены, потолок и пол превратятся в настоящее шоссе с оживленным движением. Он уже слышал, как они подкрадываются с обеих сторон. Банкет в холле скоро закончится. Он не сможет драться. Ему некуда идти. Вдруг ему очень захотелось зареветь и позвать маму.

Вместо этого Кайл швырнул в комнату гаснущий файер и разглядел, что она очень велика. В ней стояли бесконечные ряды стульев, обращенные к стене. На них, кажется, кто-то сидел. Кайл всхлипнул. Файер погас. С третьей попытки он зажег второй. Тот зашипел и загорелся прекрасным белым светом. Топот в коридоре прекратился, а потом существа временно отступили.

Вытянув руку с пистолетом и высоко подняв файер, Кайл вошел в комнату и ногой захлопнул за собой дверь. Прошел между стульев. И остановился при виде того, что сидело и улыбалось в комнате, в которой он сам себя запер.

****

Он даже не знал, что кричать сначала, – поводов было слишком много. И поэтому просто стоял, без

сил, онемев, глотая воздух.

Сидящие фигуры не двигались, Кайл понял это лишь через несколько секунд. Зрители, усаженные на белые стулья или даже привязанные к ним шелковыми шарфами, были давно мертвы. От большинства остались одни кости. У некоторых сохранились зубы, крупные лошадиные желтые зубы, торчащие из хрящеватых ртов. Та плоть, что еще осталась на скелете, высохла до твердости, как бывает в лишенных воздуха помещениях. Глазницы были пусты, носы давно провалились. Зачем их принесли сюда? Зачем усадили на стулья, утащенные из столовой, – не зря столы внизу пустовали?

Безмолвные, благоуханные мертвецы сидели и смотрели на две кровати в дальней части комнаты. Кайл еле дышал, двигаясь вдоль стен, обитых пурпурной тканью, – в ледяном свете файера та атласно блестела. Может, он все еще задыхался из-за бойни, творящегося снаружи и за его спиной, из-за постоянного ужаса, который преследовал его с первого дня съемок в Лондоне и привел на верхний этаж особняка в Сан-Диего. Пустые глазницы трупов, казалось, смотрели куда-то за спину Кайла. Он проследил за их вглядом и подошел к двум кроватям.

– Господи, нет, – сказал он сам себе и миру, который не должен видеть такие вещи. Никто, ни один человек на Земле, даже в самых далеких, заброшенных и позабытых Богом местах.

Кайл живо вспомнил свои собственные ночные видения, когда он просыпался от кошмара, а тело было как будто занято кем-то другим, кто заменил его ноги и руки своими. Вот этими. В большой кровати, окруженной прозрачным пластиковым тентом, защищающим ее и белые приборы от воздуха этой комнаты и от тех, кто мумиями сидел на белых стульях, Кайл разглядел иссохшее тело.

Он не должен был видеть эти бледные ступни, ягодицы, сморщенные, как инжир, длинные ноги, испятнанные карциномой, бессильные руки. И безволосую голову с пожелтевшей кожей, облепившей кости черепа. Он не должен был увидеть ничего, но тело поднялось над кроватью минимум на три фута, удерживаемое невидимыми нитями, как растянутая по горизонтали марионетка. Поэтому жуткие человеческие останки предстали Кайлу во всей красе.

Снаружи по дереву барабанили костистые руки и ноги.

Кайл повернулся. Дверь распахнулась, и вопящая толпа забегала по коридору. Уродливые головы просовывались внутрь и отдергивались от ненавистного света гаснущего файера. Как только тот погаснет, они окажутся внутри и набросятся на Кайла. Среди стульев, на которых сидят мертвецы, умрет и он. И никто этого не снимет, не запишет и никому не расскажет.

Он вдруг понял, что высохшие тела были когда-то ее последователями. Теми, у кого хватило смелости и безрассудства бросить ее. Отринуть. Возможно, эти безмолвные мертвецы были эксгумированными жертвами с фермы и шахты; беглецы, без вести пропавшие, которые выследили и привезли сюда, а может, и выкопали из безымянных могил, где Катерина их бросила. Еще одна выставка, настолько ценная, что ее держали прямо в королевской опочивальне. Мертвые, безглазые, высохшие, даже в смерти эти заблудшие люди вынуждены были сидеть вокруг нее и внимать ее воле. Свидетели. Месть. Чтобы существо, лежащее в огромной кровати, могло злорадствовать над ними. Даже после ужасной смерти они снова были призваны на службу своей королеве, дабы засвидетельствовать ее святотатственные чудеса и чудовищное тщеславие, так как все должны были служить ей. Вечно.

Когда-то она была пышной бандершей, аферисткой, психопаткой, воспитанной на саентологии, когда-то она была женщиной, но короновала сама себя, став вечной повелительницей тлена и мучений, разрушительницей чистоты. Ее жуткий дух переселился в ребенка, который превратился в этого измученного болезнью человека. В оболочку, ставшую хрупким скелетом по вине бесконечных желаний паразита, угнездившегося внутри.

После всего, что Кайл видел, он хотел убить Ригала. Пока оно не попадет каким-то страшным, неведомым образом *в другого человека*. Маленькое тельце лежало на белых шелковых простынях в соседней кровати. Темная детская головка покоилась на высоких подушках.

Ребенок двигался, но вряд ли был в сознании. Судорожными рывками он будто отбивался от чего-то, бормоча. Казалось, он дерется. Возможно, мальчик сопротивлялся чудовищному гостю, желающему вновь воскреснуть.

Кайл попытался разорвать пластиковый тент, но тот был запечатан. Он отошел назад, встав у стенки пластикового куба так, чтобы видеть тощее, висящее в воздухе тело, и прицелился. А потом выстрелил, еще раз, и еще, и еще в левитирующие останки Чета Ригала. Стрелял, видя, как дергается тело. Потом оно рухнуло в кровать даже не с грохотом, а стуком, и из него потекла черная кровь.

Кайл рвал руками и зубами прорванный пулями пластик, пока не оказался внутри и не встал у изножья кровати, на которой дергалась и хрипела расстрелянная тварь. Заверещала тревога на мониторе, установленном в изголовье кровати. Кайл посмотрел на мальчика. Тот дрожал и бормотал что-то, лицо его покрыли бисеринки пота. Неужели она перешла?

Он взглянул на умирающее тело, лежащее на большой кровати. Ярко-синие глаза были открыты, и Кайл различил в них бледную тень красивого актера Чета Ригала, усыновленного ребенка. Вместилище сестры Катерины с 1975 года, со второй ночи Вознесения после осады Сен-Майена в 1566 году. Он смотрел в глаза того, что бедный Ирвин Левин называл «матерью мерзости».

Оно открыло рот и попыталось заговорить. Махнуло рукой, больше похожей на лапу. Голова упала на потемневшие простыни. Кровь полилась на подбородок. Тварь выдавила из себя звук столь жалкий и отвратительный, что Кайл захотел отвернуться. Она забулькала. А потом, осознав нечто ужасное, оно испустило тихий яростный крик, быстро сменившийся горем.

– Император… править… тысячами…

Чтобы такого точно не произошло, Кайл с расстояния трех дюймов разрядил пистолет Катерине прямо в голову, так что никакого лица там не осталось.

Файер зашипел, и он повернулся увидеть тех, кто его убьет.

** * **

Три ряда трупов на белых креслах продолжали смотреть на Кайла пустыми глазницами. Рты у них были открыты, и Кайл представил, что они его приветствуют. А вот за ними, в дверном проеме, освещенном фонарем, больше не бушевали Кровавые друзья.

Огромный дом был тих и пуст.

Ребенок в кровати бредил с закрытым глазами. Кайл заплакал. Он не знал почему, но вслух извинился перед мальчиком. Возможно, потому, что, проснувшись, он увидит мертвого отца, или суррогатную мать, или что там лежало рядом. Лучше вызвать скорую. Может, она уже едет. И полиция тоже: в доме много стреляли. Он осмотрел комнату. Что делать?

Потом сел на пол, скрестив ноги, и принялся наводить фонарик, сияющий под дулом разряженного пистолета, на лица мертвых зрителей.

Интересно, поверят ли ему хотя бы они? Всему, что он видел и сделал? Он подумал о смерти Макса. О финальной сцене фильма. Сможет ли кто-нибудь ему поверить? Поверить, что он несколько раз стрелял в Чета Ригала, пока тот переселялся в тело усыновленного сына. Что Ригал был не актером, а женщиной,

которая звала себя сестрой Катериной, главой Храма Судных дней, и несла родословную, берущую начало еще с Кровавых друзей во Франции шестнадцатого века.

– Господи.

Кайл вдруг с потрясающей ясностью осознал, что случилось. Ему стало холодно. Полиция найдет последних из Семерых, сестер Геенну и Беллону, чья кровь выпита существами, которых никто никогда не видел и которых невозможно привлечь к суду. Которые вообще не могут существовать по закону природы. Макса больше нет, и Кайла никто не поддержит. Джед тоже мертв. Их тела лежат в доме. Возможно, кости старика разбросаны среди останков древней свиньи, облаченной в старинную рясу, – если от нее что-то осталось.

– Вашу мать, – сообщил Кайл безглазым зрителям, восседающим на белых стульях в стиле ар-деко. Хорошая публика. Терпеливая. Кайл расхохотался. Нет больше ни Сьюзан, ни Гавриила, ни Марты, которые встали бы на его сторону. Он посмотрел на дверь.

Зажег сигарету и вытер глаза. В документальной книге об этой бойне, наверное, расскажут, как за несколько дней до события в особняке звезды лаяли собаки и визжали свиньи, а потом случилась перестрелка, после которой нашли несколько тел. В пустом доме в живых обнаружат только Кайла и мальчика. Все время, пока происходили убийства, ребенок был без сознания и мучился кошмарами. «Мило». Полиция и ФБР посмотрят на отснятые материалы, допросят Дэна. Станут задавать вопросы Кайлу, устраивать ему очные ставки в тюрьме, и продлится это долгие годы. «Десятилетия». Он станет известен так же, как убийца из шахты «Блю Оук», брат Белиал. Как точно и как ужасно повторилась вся история. Все следы ведут к нему. Сумасшедший сломленный режиссер, без денег, но с большими обидами, расследовал дело Храма Судных дней. К концу явно свихнулся, о чем свидетельствует его монолог на камеру о связи Чета Ригала с сестрой Катериной. Хорошие надежные парни Конвей и Суини подтвердят его патологический интерес к теме.

Макс использовал Кайла, а на Макса и остальных выживших членов Храма охотился Чет, в которого вселилась Катерина. Кармическое колесо не успело даже толком провернуться и сразу покатилось назад.

Кайл смирился, как осужденный, услышавший свой приговор, и вспомнил про картины в Антверпене, задумался об истории, которую они поведали. Не помогут ли ему они? «Святые скверны». Триптих считался утраченным, а теперь принадлежит некой бельгийской семье стражей, чья фамилия ему неизвестна.

Он в полном дерьме. Закончит свою жизнь в Сен-Квентине вместе с Чарльзом Мэнсоном. Тот все еще жив. Они смогут встретиться в столовой, одетые в оранжевые робы и наручники, и обсудить «Белый альбом». Кстати, стоит ли излагать суду эту историю? Увидят ли его фильм во всем мире? Полиция изучит кадры с Кларендон-роуд из Нормандии и Аризоны, прослушает странные интервью, посмотрит на мутные записи с непонятными существами, которые примут за спецэффекты, и отправит материалы в хранилище вещдоков. Безумное шоу ужасов, снятое от первого лица. Когда-нибудь кто-нибудь снимет фильм о том, как он снимал фильм, о его мании и бредовой идее, которая стала причиной массового убийства. Кровавой бойни, где пострадали кинозвезда и все его домашние. Все это промелькнуло перед глазами, как кино в быстрой перемотке.

Представив будущее, Кайл снова подумал, не стоит ли засунуть дуло в рот и спустить курок. Но у него кончились патроны.

– Черт, – он затушил окурок и спрятал его в карман.

Наконец, он поднялся на ноги, закурил еще сигарету и сделал то, что у него получалось лучше всего: включил камеру и стал снимать комнату в режиме ночной съемки. Встав над мертвым телом Чета, этим фараоном без саркофага, он произнес несколько слов, которые никогда не войдут в финальную сцену

фильма:

– Возможно, Макс был прав. Мы преклоняемся перед нарциссами. Возможно, крупнейшие звезды – это те, кто проливают океаны крови ради собственного бессмертия. Уроды, которые считают себя вечными. Полагают себя богами. Они, безусловно, тираны. Но никак не боги.

Кровавые друзья исчезли, но их следы и запах никуда не делись. От тех, кто пал в битве с ними, остались только кости. Но Кайл снял все, сам не зная зачем. Может, не мог избавиться от мысли, что это заключительная сцена его последнего фильма. Его шедевра. Его главной работы. Режиссерская версия, которая обречена на просмотр лишь в зале суда.

Найдя тело бедного Джеда, он начисто вытер рукоять своего «глока» и положил его рядом с уцелевшей рукой мертвеца. Когда набрел на останки того, что счел Максом, там не было никакой Нечестивой свиньи. Кайл молча переступил через гору костей, праха и тряпок и пошел вниз по лестнице.

На первом этаже выключил режим ночной съемки и стал ходить из комнаты в комнату. Он должен снять как можно больше, прежде чем услышит вдалеке рев сирены.

Когда аккумуляторы сели, он вылез наружу через дыру в стекле и сел во дворе, на солнце. Выпил последнюю бутылку воды. В висках билась кровь, глаза жгло. Волосы слиплись от засохшего пота. Его чуть не вырвало.

Сирен не было.

Никто не пришел.

Кайл прошел по дорожке и перелез через ворота с павлинами. Подождал на улице. По-прежнему ничего. Никто не явился по его душу с наручниками. Стрекотали цикады и сверчки, но он не слышал ни сирен, ни машин. На синем небе виднелись следы трех самолетов. Он подумал, что надо бы вызвать скорую к ребенку в пентхаусе – ему явно понадобится помощь. Возможно, до конца его дней. Вытащил из рюкзака телефон.

И тут ему пришла в голову такая идея, что от волнения он чуть не поперхнулся.

Кайл улыбнулся, словно первый раз в жизни. Если никто не слышал криков и выстрелов в большом закрытом доме, возможно, никто не собирается его арестовывать. Он посмотрел на ворота. Вся сигнализация отключена. Видеонаблюдение тоже. Спасатели приедут, если он вызовет их к ребенку, но если сделать анонимный звонок, предварительно отъехав на порядочное расстояние, то, конечно, скорая все сообщит полиции, только ему не придется объяснять, что тут произошло.

Кайл глубоко затянулся и выпустил клуб дыма, обдумывая ситуацию. Вполне вероятно, что никто даже не свяжет его имя с резней. От Макса осталось не слишком много материала для анализа, и в Америке нет образцов его ДНК и стоматологической карты. К тому же старик, скорее всего, уничтожил или искусно скрыл все, что могло бы указать на его причастность к убийству Чета Ригала. Связать Кайла с Джедом вообще невозможно. Конвей и Суини не знали, что Чет Ригал и есть чистое дитя. А кто еще остался в живых из тех, кто хоть что-то знал об этом проекте? Дэн, Маус… только его друзья в Англии.

– Боже!

Кайл лихорадочно набрал последний номер из памяти телефона. Когда ему ответил сонный голос, он крикнул:

– Маус! Слава богу! Скажи мне, что ты еще не закачал фильм в сеть! Пожалуйста!

** * **

Примечания

1

Форма независимого кинематографа, характеризующаяся низким бюджетом, компактной съемочной группой и простым набором съемочной аппаратуры с использованием подручных средств. Часто сцены снимаются быстро, в реальных локациях, без предупреждений и без получения разрешения собственников локаций (*прим. пер*.).

2

Чарльз Форт – американский исследователь непознанного, предтеча современной уфологии. Прилагательное «fortean» в английском языке служит собирательным термином для необычного, необъяснимого и аномального (*прим. пер.*).

3

Аннотация (*прим. пер*).

4

Смысл жизни (*фр.*).

5

Чарльз Мэнсон – серийный убийца и лидер коммуны «Семья», члены которой совершили ряд жестоких убийств в 1969 году (*прим. пер*).

6

Имеется в виду программа Консервативной партии 2010 года, в которой предусматривается пересмотр роли государства с целью развития духа предпринимательства, а также большая поддержка гражданского общества. Идея состояла в том, чтобы простые люди и общины строили «большое общество», которое бы взяло на себя часть обязанностей государства (*прим. ред.*).

7

Сесиль Джон Родс (5 июля 1853 – 26 марта 1902) – английский и южноафриканский политический деятель, бизнесмен, инициатор английской колониальной экспансии в Южной Африке.

8

Американский документалист, юморист и продюсер.

9

Имеется в виду песня «Angry Chair» группы «Alice In Chains» с альбома «Dirt».

10

Avaritia – алчность, *Luxuria* – похоть (*лат.*).